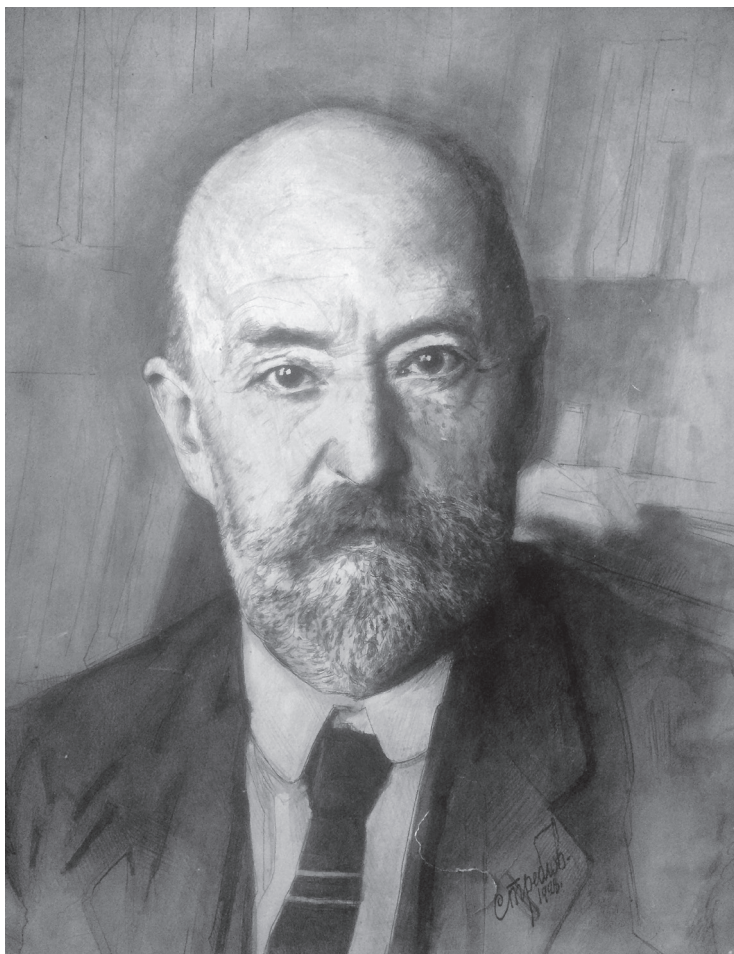

Российская академия наук
Санкт-Петербургский институт истории

А. Е. Пресняков

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

Северо-Восточная Русь
и Московское государство

Подготовил к изданию Б. А. Романов (1940 г.)

Нестор-История
Санкт-Петербург
2020

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
П73

Публикацию по корректуре Б. А. Романова
подготовил А. В. Карпов

Под ред. Б.С. Кагановича и В.Г. Вовиной-Лебедевой

П73 Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Северо-Восточная Русь и Московское государство / подг. к изд. Б. А. Романова (1940); подг. к публ. А. В. Карпова (2020) по коррект. Б. А. Романова ; под ред. Б. С. Кагановича и В. Г. Вовиной-Лебедевой. — СПб. : Нестор-История, 2020. — 356 с. — ISBN 978-5-4469-1726-6.

В книге впервые публикуются лекции выдающегося русского историка А. Е. Преснякова (1870–1929), прочитанные в Санкт-Петербургском университете в 1910/1911 и 1911/1912 учебных годах. Они посвящены истории Северо-Восточной Руси и Московского государства. Книга важна как с исторической, так и с историографической точки зрения, поскольку освещает существенный этап в научной эволюции автора и развитии российской исторической науки. Предназначена для специалистов по истории Древней Руси и всех интересующихся отечественной историей.

**УДК 93/94
ББК 63.3(2)**

ISBN 978-5-4469-1726-6

© Нестор-История, оформление, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	5
Б. С. Каганович. К истории издания 3-го тома «Лекций по русской истории» А. Е. Преснякова	9

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

Лекции по русской истории. Северо-Восточная Русь и Московское государство

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ	15
ГЛАВА I. Политическое раздробление Киевской Руси	15
ГЛАВА II. Ростово-Суздальская земля до татарского нашествия	24
ГЛАВА III. Северо-Восточная Русь и великое княжество Владимирское в XIII в. (после Батыева погрома)	46
ГЛАВА IV. Областные великие княжения удельного периода	59
ГЛАВА V. Московское княжество с половины XIII в. до Дмитрия Донского	87
ГЛАВА VI. Борьба за объединение Великороссии (1341–1377 гг.)	115
ГЛАВА VII. Борьба за объединение Великороссии (1377–1462 гг.)	133
МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО XV–XVI вв.	179
ГЛАВА I. Образование Московского государства	179
ГЛАВА II. Иван III. Усиление власти великого князя московского.	192
ГЛАВА III. Усложнение внешнего положения Москвы с 60-х гг. XV в. (Татары, Литва и Польша)	207
ГЛАВА IV. Присоединение Новгородской земли	213
ГЛАВА V. Дальнейшее объединение территории и власти	236
ГЛАВА VI. Боярство	248
ГЛАВА VII. Боярское землевладение	258
ГЛАВА VIII. Боярство как орудие великокняжеской власти	278
ГЛАВА IX. Отношения между боярством и московскими государями XVI в.	292
ГЛАВА X. Московское государство и церковь	308
Указатель имен	342

ОТ РЕДАКЦИИ

Выдающийся русский историк Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) начиная с 1907 г. в течение ряда лет читал в Санкт-Петербургском — Петроградском университете лекции по русской истории в качестве специальных курсов, параллельных общему курсу С. Ф. Платонова. Таких курсов было три: первый был посвящен Киевской Руси (повторялся дважды), второй — Западной Руси и Русско-Литовскому государству, третий — Северо-Восточной Руси и Московскому государству. В личном фонде А. Е. Преснякова, находящемся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, сохранились авторские тексты его курсов¹.

Историографическое значение этих лекций А. Е. Преснякова, выдающегося историка-мыслителя, научное творчество которого можно считать завершающим этапом развития петербургской исторической школы в дореволюционный период², было понято уже давно. На этих лекциях в значительной мере базируется его известная научно-популярная книга «Московское царство» (1918), материал их был использован и в его классической монографии «Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий» (1918).

Если собрать все работы А. Е. Преснякова, посвященные Северо-Восточной Руси, можно сказать, что в них он предложил новый взгляд на историю этой части бывшей Древнерусской державы после Батыя. Прежде всего, он стремился отказаться от свойственного государственной школе и все еще авторитетного в исторической науке его времени представления

¹ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 193. Оп. 1. Д. 1–11.

² Из новых работ, дающих общую характеристику научного творчества А. Е. Преснякова, укажем наиболее, на наш взгляд, содержательные: *Чирков С. В.* Проникновенный источниковед: Александр Евгеньевич Пресняков // *Историки России. XVIII – начало XX в. М., 1996. С. 553–576*; см. также: *Список трудов А. Е. Преснякова / сост. С. В. Чирков // Археографический ежегодник за 1970 г. М., 1971. С. 323–330*; *Свердлов М. Б.* А. Е. Пресняков (1870–1929). Жизнь и творчество // *Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 506–554*; *Цамутали А. Н., Жуковская Т. Н.* Александр Евгеньевич Пресняков и его наследие // *Пресняков А. Е. Письма и дневники 1889–1927. СПб., 2005. С. 3–23.*

о том, что история России есть прежде всего история формирования государственных институтов и верховной власти: от родового строя к вотчинному, а от него к государству. Пресняков, анализируя усиление в XIV–XV вв. княжеской администрации и правительственных сил в целом, придавал большое значение развитию крестьянской волости и ее самоуправлению, полагая, что общинная жизнь существовала еще в догосударственные времена. Что касается государства, по мнению историка, оно развивалось не из родового строя, а из «удельно-вотчинного владения» (в котором князь уже изначально был и правителем, и собственником, владельцем) к «вотчинному самодержавию» (а от последнего уже в петровское время — к полицейскому государству). Территория «вотчинного государства» московского периода продолжала быть наследственным владением великого князя, в пределах которого он распоряжался жизнями и собственностью всего населения.

В рамках этого общего понимания А. Е. Пресняков сосредоточился на исследовании отношений между князьями и на великокняжеской политике. До него В. О. Ключевский писал об определяющем значении колонизации незаселенных земель для складывания удельных порядков в Северо-Восточной Руси. Пресняков же пришел к выводу, что великие князья собирали не земли, а власть, строили великое княжение — т. е. были движимы не просто желанием увеличить свою собственность, а определенными политическими целями, ради которых даже ломали старые семейные традиции. И этот процесс происходил не только на завершающем этапе — в правление Ивана III, но в той или иной мере отличал действия всех великих князей на протяжении XIV–XV вв. Более того, во многих отношениях северо-восточные князья были здесь продолжателями действий более ранних правителей, еще домонгольского периода, в том числе южнорусских, а не только севернорусских. Так же как некоторые князья домонгольского времени, они вынуждены были жертвовать вотчинным правом ради поддержания единства земли и своей семьи.

А. Е. Пресняков пришел к этим выводам, тщательно изучив источники (особенно актовый материал) об отношениях московских князей с Ордой, с тверскими и литовскими князьями, а также с Великим Новгородом и с церковью. В публикуемых лекциях некоторые из важных линий будущих книг лишь намечены, другие обоснованы и развиты лучше, как, например, линия боярства и боярского землевладения.

Через несколько лет после смерти А. Е. Преснякова, в середине 1930-х гг. было решено опубликовать курсы его лекций. Подготовка их к печати

была поручена одному из ближайших учеников Преснякова Б. А. Романову, незадолго до того вернувшемуся в Ленинград из сталинских лагерей, куда он попал по сфабрикованному «Академическому делу». Первые два тома издания вышли в свет в 1938–1939 гг.³, выходу 3-го тома, полностью подготовленному Б. А. Романовым, помешала война. Не удалось его издать и впоследствии, несмотря на усилия, предпринятые Б. А. Романовым и его учениками⁴.

В архиве Санкт-Петербургского института истории РАН сохранилась корректура 3-го тома «Лекций по русской истории» А. Е. Преснякова, в которой, к сожалению, отсутствует несколько последних страниц⁵. 3-й том включает два курса, прочитанных в Петербургском университете в 1910/1911 и 1911/1912 учебных годах, посвященных соответственно Северо-Восточной Руси и Московскому государству. Авторские записи этих курсов содержатся в четырех записных книжках⁶.

Мы исходили из того, что работа столь выдающегося и близкого автору ученого, как Б. А. Романов, хорошо осведомленного во всех нюансах мысли Преснякова (он являлся в свое время и слушателем этих лекций), должна быть представлена читателю в целостном виде, как она была осуществлена, тем более что публикуемая книга завершает издание, начатое более 80 лет тому назад.

Принципы, положенные в основу своей текстологической и комментаторской работы, Б. А. Романов изложил в написанной им археографической части предисловия к 1-му тому «Лекций», которое было опубликовано за подписью редактора Н. Л. Рубинштейна.

«В целях сохранения за настоящим изданием *историографического* значения, авторский текст сохранен, по возможности, в полной неприкосновенности. Необходимо подчеркнуть, что он не предназначался

³ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938–1939: Т. 1. Киевская Русь. М.: Соцэкгиз, 1938. VI+282 с.; Т. 2. Вып. 1. Западная Русь и Русско-Литовское государство. М.: Соцэкгиз, 1939. 248 с. Том 1 был переиздан М. Б. Свердловым с четким разделением авторских редакций и уточнением справочного аппарата: Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 255–505.

⁴ Перипетиям, связанным с изданием этого тома, посвящена специальная заметка Б. С. Кагановича «К истории издания 3-го тома “Лекций по русской истории” А. Е. Преснякова», см. настоящее издание. С. 9–12.

⁵ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 276 (Издательский архив). Оп. 2. Д. 124. 288 с.

⁶ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 193. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–257; Д. 7. Л. 1–30; Д. 10. Л. 247–309; Д. 11. Л. 1–247.

автором для печати, — писал Б. А. Романов. — Что касается техники издания, то указанная комбинация текстов⁷ воспроизводится здесь с возможной точностью, за исключением раскрытия многочисленных словесных сокращений и нескольких поправок явных описок, как в цитатах, так и в собственном изложении автора, отметка которых каждый раз внесла бы только ненужную внешнюю пестроту. В примечаниях по возможности оформлены и дополнены все ссылки на литературу и источники, которые, зачастую кратко и суммарно, помечал себе А. Е. в тексте в скобках»⁸. Стоит отметить, что большинство постраничных сносок к тексту лекций, публикуемых в настоящем издании, было добавлено самим Б. А. Романовым и отсутствовало в записных книжках А. Е. Преснякова. Названия глав (как и само разделение текста лекций на главы) даны Б. А. Романовым.

Корректурa подготовлена к публикации А. В. Карповым (в случае необходимости сверена с авторской рукописью лекций, также были исправлены явные опечатки и осуществлена необходимая техническая редактурa) при участии В. Г. Вовиной-Лебедевой. Справочно-библиографический аппарат приведен в соответствие с современными нормами А. В. Карповым под наблюдением Б. С. Кагановича; в ряде случаев были уточнены как сами ссылки на источники и литературу, так и приводимые в основном тексте цитаты. Последние страницы текста, отсутствующие в корректуре, подготовлены к печати Б. С. Кагановичем, при участии Л. Б. Вольфцун, по авторской рукописи в записных книжках А. Е. Преснякова⁹ в соответствии с вышеприведенными установками Б. А. Романова. Указатель имен составлен Л. Б. Вольфцун. Возможностью воспроизвести портрет А. Е. Преснякова работы художника И. Б. Стреблова мы обязаны П. Г. Рогозному, за что выражаем ему искреннюю благодарность. Большую организационную помощь в работе по подготовке издания оказали директор Санкт-Петербургского института истории РАН А. В. Силенов и заместитель директора И. В. Лукоянов.

⁷ Имеется в виду том 1, текст которого сохранился в двух редакциях, 1907/8 и 1915/16 гг. Для последующих томов ввиду отсутствия вариантов эта проблема не стояла. — *Ред.*

⁸ От редакции // Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М., 1938. С. VI.

⁹ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 193. Оп. 1. Д. 10. С. 289–309.

Б. С. Каганович

К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ 3-го ТОМА

А. Е. ПРЕСНЯКОВА

«Лекции по русской истории» А. Е. Преснякова

Работа Б. А. Романова над подготовкой к изданию «Лекций по русской истории» А. Е. Преснякова в общих чертах освещена в монографии В. М. Панеяха. По его данным, в сентябре 1934 г., незадолго до того, 15 августа 1933 г., освобожденный из лагеря и вернувшийся в Ленинград Б. А. Романов подписал «договор, предусматривавший подготовку к печати 1-го тома лекционного курса А. Е. Преснякова, читавшегося в дореволюционном университете»¹. Этот курс «сохранился в двух редакциях в виде нескольких записных книжек, заполненных мелким почерком. Потребовалось провести чрезвычайно кропотливую работу по воспроизводству текста, его редактированию и написанию примечаний»². Менее чем за год эта работа была выполнена. 3 мая 1935 г. Романов писал П. Г. Любомирову: «Первый том курса А. Е., текстуально совсем готовый к печати, лежит без движения»³.

«В конце 1937 г. наконец сдвинулось дело с подготовленным им и лежавшим без движения первым томом курса лекций А. Е. Преснякова. Им заинтересовался Соцэргиз, где плодотворно работал Н. Л. Рубинштейн. С Б. А. Романовым был заключен договор, согласно которому он должен был подготовить к изданию все три тома лекций своего учителя и аппарат к ним. Работа велась в тесном дружеском контакте с Н. Л. Рубинштейном и завершилась выходом в свет в 1938 г. первого⁴, а в 1939 г. второго тома⁵ лекций. Третий том также был подготовлен Б. А. Романовым, но дошел только до корректуры, и его изданию помешала начавшаяся война»⁶.

¹ Панеях В. М. Творчество и судьба историка. Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 149.

² Там же. С. 150.

³ Там же. С. 151–152.

⁴ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М.: Соцэргиз, 1938. VI+282 с.

⁵ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. Западная Русь и Русско-Литовское государство. М.: Соцэргиз, 1939. 248 с.

⁶ Панеях В. М. Творчество и судьба историка. С. 172.

Московский историк Н. Л. Рубинштейн являлся издательским редактором обоих томов «Лекций» Преснякова, и его именем было подписано предисловие «От редакции» в 1-м томе, археографическую часть которого написал, очевидно, Б. А. Романов. Участие Романова в 1-м томе вообще не было упомянуто, однако в редакционном предисловии ко 2-му тому сообщалось: «Текст лекций (I и II тома) на основе рукописных тетрадей автора подготовлен к печати Б. А. Романовым, которым составлены также примечания»⁷.

Третий, заключительный том «Лекций по русской истории» Преснякова⁸ «Северо-Восточная Русь и Московское государство» был подготовлен к изданию Б. А. Романовым к началу 1941 г. 10 января 1941 г. он писал Н. Л. Рубинштейну: «Мне доставили машинопись III т. "Лекций" Александра Евгеньевича. Очень рад, что дело не кануло и, разумеется, рад тому, чтобы провести корректуру»⁹. Вскоре была готова верстка. 31 мая 1941 г. Романов писал Рубинштейну: «Совершенно согласен с Вами по вопросу об указателе <...> Я был вчера у Юлии Петровны [вдова Преснякова. — Б. К.] и предупредил ее, что на очень быстрое разрешение ее финансовых затруднений рассчитывать нельзя, но и не очень обезнадеживая, — в уверенности, что Вы наблюдаете за этим делом»¹⁰.

Очевидно, что подготовка тома вступила в последнюю стадию, но война перечеркнула все планы. Из адресованных жене писем Б. А. Романова, находившегося в 1942–1944 гг. в эвакуации в Ташкенте, видно, что он в эти годы неоднократно обращался к Н. Л. Рубинштейну и в издательство с запросами о судьбе и перспективах выхода книги (сообщение Н. И. Ананьич автору настоящей заметки).

12 ноября 1945 г. вдова А. Е. Преснякова Юлия Петровна, поздравляя хорошего знакомого их семьи академика Е. В. Тарле с 70-летием, просила его содействовать изданию 3-го тома «Лекций по русской истории»¹¹. В первые послевоенные годы планы его выпуска не были вполне оставлены, но последующие события: ожесточенная борьба с «буржуазной

⁷ От редакции // Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. С. 3.

⁸ Вероятно, первоначально предполагалось издать его в качестве 2-й части 2-го тома, как можно заключить из нумерации предыдущего тома.

⁹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 521. Карт. 26. Д. 39. Л. 15.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 99. Л. 1.

исторической наукой» и «Ленинградское дело» — сделали издание невозможным. Во всяком случае, 23 ноября 1947 г. Б. А. Романов писал Н. Л. Рубинштейну: «Хорошо, что 3-й том А. Е. отошел на 48 год!»¹² По всей вероятности, корректура вскоре была возвращена Романову.

Новая попытка издать 3-й том «Лекций» А. Е. Преснякова была принята после смерти Б. А. Романова его учениками. Материалы об этом имеются в фонде Романова, хранящемся в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.

Приводим письмо заведующего соответствующей редакцией Соцэкгиза вдове Б. А. Романова от 17 декабря 1958 г.:

Уважаемая Елена Павловна!

Редакция литературы по истории СССР получила переданную Вами через т. Носова Н. Е. корректуру книги Преснякова А. Е. «Курс русской истории. Т. 2. Ч. 2». Договор, заключенный Госполитиздатом с составителем книги проф. Б. А. Романовым, будет нами восстановлен. Текст книги будет сохранен в таком виде, как его подготовил к печати Б. А. Романов.

*Зав. редакцией литературы по истории СССР Г. А. Конюхов*¹³

Через два с лишним года, не видя никакого движения в прохождении дела, Е. П. Романова обратилась с запросом в редакцию (которую перед этим с целью выяснения обстановки посетил В. М. Панеях). На запрос последовал следующий ответ, датированный 10 июня 1961 г.:

Уважаемая т. Романова!

Убедительно просим извинить за задержку ответа на Ваш запрос о судьбе Лекций А. Е. Преснякова. В связи с длительной болезнью, а затем отпуском зав. редакцией не удалось выяснить его вовремя.

Редакция не отказалась от своего намерения издать эти лекции, однако из-за перегрузки портфеля в 1960–61 гг. не представилось возможности осуществить этот замысел.

В настоящее время Главная редакция изд-ва решает вопрос об издании всего курса лекций А. Е. Преснякова. О том, к какому выводу придет Главная редакция, мы сообщим Вам дополнительно.

¹² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 521. Карт. 26. Д. 39. Л. 29.

¹³ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 298. Оп. 1. Д. 347. Л. 1.

Прошу Вас передать мои извинения т. Панеяху, который принял в этом деле активное участие. Своевременно ответить ему не смогла в связи с длительным отпуском т. Конюхова.

Зам. зав. редакции литературы по истории СССР И. Бачило¹⁴

В архиве сохранился черновик ответного письма Е. П. Романовой в редакцию:

Уважаемая т. Бачило!

Из Вашего письма от 10.VI не ясно, когда редакция примет решение об издании лекций А. Е. Преснякова? Вместе с тем т. Панеях из беседы с Вами вынес определенное представление, что редакция не намерена печатать эту работу в 61–62 гг. <...> Поэтому прошу Вас вернуть мне данную корректуру лекций А. Е. Преснякова т. 2. ч. 2. В случае благоприятного разрешения вопроса работа будет прислана немедленно в редакцию¹⁵.

Финалом стало письмо издательства Е. П. Романовой от 19.VI.1961:

Глубокоуважаемая т. Романова!

Главная редакция Соцэкгиза рассмотрела вопрос о лекциях А. Е. Преснякова по русской истории и считает целесообразным их издать.

Учитывая, однако, что в прошлом году закончено издание истории России В. О. Ключевского, а в настоящее время изд-во работает над выпуском «Истории России» С. М. Соловьева (в 1962–64 гг. выйдут VII–XV книги), мы не сможем приступить к изданию трудов А. Е. Преснякова в ближайшее время. Как только закончим издание Соловьева, будет реальная возможность осуществить наше желание относительно лекций по русской истории А. Е. Преснякова. Об этом мы сообщим Вам дополнительно. По Вашей просьбе высылаем корректуру II тома и надеемся на Ваше содействие в предстоящей работе по изданию лекций Преснякова.

Зав. реакцией литературы по истории СССР Г. Конюхов¹⁶

Корректурa 3-го тома «Лекций по русской истории» А. Е. Преснякова была передана в Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ныне это Санкт-Петербургский институт истории РАН)¹⁷.

¹⁴ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 298. Оп. 1. Д. 347. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ В начале 1980-х гг. существовали планы издания этого тома силами сотрудников института, но, к сожалению, до осуществления их дело не дошло.

А. Е. Пресняков

**ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.
СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ
И МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО**

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ

Глава I

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗДРОБЛЕНИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

Раньше, чем изучать те или иные местные условия жизни Северо-Восточной Руси, обусловившие в ней сперва господство «удельного» строя, а затем развитие государственного объединения, надо дать себе ответ на вопрос, что в этом смысле получила Северо-Восточная Русь в наследство от предыдущего исторического периода, — и только если окажется, что ничего не получила, мы можем спокойно замкнуться в пределах изучения ее местного исторического процесса, в уверенности, что найдем тут *все* данные, необходимые для разрешения поставленных вопросов.

Как ни различны исторические построения, поясняющие возникновение так называемого удельного дробления Руси в средневековую эпоху ее жизни, можно назвать общепринятым элементарное историческое наблюдение, что корень этой дробности территории имеется налицо в основных условиях возникновения древнейших форм политической организации восточно-го славянства. Так называемая Киевская Русь состояла из конгломерата земель-княжений, из которых каждая объединялась вокруг одного городско-го центра, имела свою законченную организацию власти и управления, была замкнутым районом действия местного права, из которого в чужую землю «своду» правового нет¹. Происхождение этой обособленности земель объяснялось этнографически (Костомаров), экономически (Ключевский), но по существу остается невыясненным и мало исследованным вопросом².

Упомянутая особенность земель служила базой и сама поддерживалась и перестраивалась в первые века русской истории особым укладом междукняжеских отношений того владетельного рода, который господствовал

¹ Правда Русская. Учебное пособие / отв. ред. Б. Д. Греков. М.; Л., 1940. С. 22–23, ст. 39. В 39-й статье Пространной Правды («О своде же») регламентируется прекращение действий правовых норм одного региона при переносе решения юридических вопросов в другой регион. — *Ред.*

² См.: Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале в древней Руси. [СПб., 1861]; Ключевский В. О. Курс русской истории. 2-е изд. М., 1906. Ч. I. Лекция IX.

над Киевской Русью. Как только известия старой летописи становятся сколько-нибудь обстоятельны, перед нами в этих отношениях выступают факты раздела русских земель отцом между сыновьями (Святослав, Владимир). Практика разделов обусловлена воззрением на княжое владение как на наследственное право членов княжой семьи и развивает все дальше и глубже идею княжой «вотчины» — княжения, составляющего наследственное владение данной княжеской семьи. Это понятие, столь характерное для так называемого «удельного» периода, — исконное на Руси со времени утверждения княжеской власти. В политической действительности, при размножении княжеского рода, оно вело к борьбе за сохранение единства Ярославова наследства против обособления отдельных его частей в вотчину отдельных семей княжого рода, борьбе, постепенно ослабевавшей с ослаблением силы и значения киевского центра.

Выделение особых владений из общего комплекса древнерусских земель началось с XI в., когда Владимир Святославович «воздвиг отчину» Рогнеде с сыном своим Изяславом, по-видимому, заново определив территорию полоцких владений: он построил город Изяславль и «да има» область, видимо, более обширную, чем прежние владения Рогволода Полоцкого. Полоцкое княжество является, таким образом, во-первых, образованием, возникшим в ядре своем независимо от деятельности киевских князей, во-вторых, определившимся территориально путем выдела из влад[ений] киевского князя, которыми было поглощено. И эта земля остается затем особым владением Рогволожих внуков, перейдя, вероятно, еще при жизни Владимира к Изяславичу Брячеславу и его потомкам. По смерти Всеслава Брячеславича (1101 г.) оно делится между его потомками, сохраняя, однако, относительное единство, поддержанное особенно борьбой с киевскими Ярославичами, с князем Смоленским и Новгородом.

К 90-м гг. XI в. относится также определение Черниговской отчины Святославичей. Созданная как владение определенной линии в борьбе сыновей и внуков Ярослава, она сразу поделилась на три отчины — Давыдовичей, Ольговичей и Ярославичей — и зажила своей внутренней политической жизнью.

Одновременно с Черниговщиной определяется территориально-политическая особенность западной «украины» южной Руси, будущей Галицкой земли, в линии Ростиславичей, Володаря и Василька. XII в. видит обособление других земель в отраслях Мономахова потомства. В первую половину века этот процесс сильно парализовался стремлением киевского центра сохранять возможно большее единство власти и распоряжения

силами Русской земли. По отношению к Киеву и Новгороду это стремление одержало верх, поддержанное местным политическим развитием Новгорода и особым, междукняжеским, положением киевского стола. Но усиление организации княжеского владения и властвования на северо-востоке подняло, по-видимому, еще при жизни Мономаха, сплочение ростово-суздальских владений, порученных со второго десятилетия XII в. Мономашичу Юрию под руководством мономахова тысяцкого (варяга Георгия). Юрий княжил на северо-востоке до смерти своей (в 1157 г.) около 40 лет. Перейдя под конец на юг, «Юрий предасть область Суздальскую» тысяцкому Георгию Шимоновичу, проча ее своим младшим сыновьям Михалку и Всеволоду, которых по крестоцелованию приняли себе в князья ростовцы и суздальцы еще при жизни Юрия. Старшего, Андрея, он предполагал утвердить на юге, чтобы закрепить за своей линией преобладание во всей системе русских княжений. Известно, что Андрей самовольно разрушил отцовские планы, уйдя от него на север, который и сделал опорой всей своей политики. В этом смысле можно считать Андрея основателем суздальской особиности, хотя его политика только закрепила результаты местной деятельности его отца.

В ту же эпоху — в конце 40-х гг. XII в. — Волынская земля стала семейной вотчиной старших Мономашичей — Изяслава Мстиславича и его потомков, а земля Смоленская — после сорокалетнего княжения Мстиславича Ростислава — обособляется как вотчина его потомства³.

Таковы главные внешние факты в истории политического дробления Киевской Руси. Отмечу, что обобщение их под понятием «дробления», «распада» имеет лишь весьма относительное и неточное значение. Оно как бы предполагает наличность древнего предыдущего момента — единства территориально-политического. Такая предпосылка имеет, конечно, некоторую поддержку в таких моментах, как те, когда, по объединении восточнославянских земель под киевской властью Старым Святославом, Владимир, Ярослав, Всеволод жилали, «едини владея в Русской земле». Но эти моменты оказывались в ходе событий настолько неустойчивыми, что процессы политического объединения и областного дробления Киевской Руси приходится рассматривать не как последовательные, а как параллельные, развивавшиеся во взаимной борьбе, с постепенным нарастанием напряженности и успеха децентрализующих всю киевскую систему сил.

³ См.: Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. 90). СПб., 1909. С. 136 и след.

Присмотримся ближе к внутренним формам и условиям работы этих сил. Под этим разумею: с одной стороны, формы междукняжеских отношений, дававшие организацию дробности политического властвования в русских землях, а с другой — обусловленность их развития складом, направлением и влиянием местных интересов отдельных земель, все более замыкавших княжью деятельность в пределах отдельных областей. Из вступительных замечаний моих должно быть понятно, почему это рассмотрение я не замыкаю в пределах одной Суздальской земли, как подсказывалось бы ближайшей темой моего курса. Нам ведь надо выяснить себе, по мере сил и возможности, что в местном развитии северо-восточной исторической жизни действительно свое, местное, а что — следствие участия Северо-Восточной Руси в прежнем общерусском историческом процессе.

Исходным пунктом процесса децентрализации политического быта Руси, с формальной стороны, признаем практику разделов и вотчинные тенденции княжого владения. Это вотчинное княжое право пережило в древней Руси довольно сложную эволюцию. Первый момент — полный раздел владений отца на ряд отдельных владений сыновей-вотчичей. Раздел, как это отлично определил Ключевский, вел к разрыву всяких политических связей между ними, к полному распаду отчего владения. При наличности сил и интересов, не допускавших осуществления такого результата раздела, возникала борьба, кровавая и братоубийственная, вплоть до восстановления былого единства владения всей Русью. При сыновьях Ярослава впервые вырабатывается более сложное построение междукняжеских отношений, [с]формулированное печерским книжником в так называемом «Ярославовом ряде». Это построение имеет дальнейшее развитие в идее «старейшинства» киевского князя как руководителя общей деятельности всей «братии» князей русских и княжеского единачества на пользу Русской земли.

Эти идеи и их реальные воплощения в деятельности княжих съездов и в политике таких князей киевских, как Мономах, Мстислав Великий или Всеволод Ольгович, — не владельческого, а политического порядка — служили выражением тенденций, направленных к ограничению значения «вотчинных прав» отдельных князей на отдельные земли-княжения. Необходимо, однако, отметить, что история киевского старейшинства, как и само понятие о нем, свидетельствует о стремлении его носителей, князей киевских, утвердить свое преобладание в среде других князей до действительного положения власти, поставленной «в отца место». Власть

киевского князя-отца имела вполне реальное значение единства владения и распоряжения. Сыновья, сидевшие по городам под его рукою — по отношению к нему — подручные посадники; распределение между ними столов — в его воле, с полной возможностью перераспределения: он их «выводит» из одних городов, «сажает» в другие, которые «дает» им. В усобицах киевского периода постоянно встречаем (при старших Ярославичах, Всеволоде, Мономахе, Мстиславе) проявления тенденции носителей киевского «старейшинства» довести его до тождества с отцовской властью по отношению к младшим князьям — племянникам, близким и дальним. Но со времен Всеволода Ярославича все решительнее выступает неизбежность для этого «старейшины» признавать неприкосновенность «вотчин» отдельных князей, ограничиваясь, по мере возможности, лишь общей политической гегемонией над ними в форме руководства их силами в общих предприятиях по борьбе с внешними врагами, да в авторитетном посредничестве при внутренних столкновениях. Междукняжеские обычаи установили в XII в. даже санкцию требованиям старейшины в общем деле: нарушивший их князь теряет власть, причем все остальные должны подняться на него, нарушителя, общими силами. Эта наметившаяся система отношений, плохо осуществлявшаяся на деле, важна для нас тем, что намечала отделение вотчинного владения княжого в отдельной земле (при полной внутренней самостоятельности) от вопроса о связи данного княжения с политическим целым — Русской землей в наиболее широком значении термина. От идеи старейшинства в том виде, как ее, таким образом, выработала Киевская Русь, идет, как увидим, ценная традиция русской политической мысли, замиравшая, не умирая вполне, после падения Киева, и развитая дальше и глубже Московским государством, но уже на иных реальных основаниях⁴.

Это отступление в сторону идеи старейшинства казалось мне неизбежным, чтобы перейти к характеристике судеб вотчинного княжеского права в XII–XIII вв. В общей их картине прежде всего привлекает внимание крайне своеобразное положение Киевской земли в тесном смысле слова. Ей, как известно, не привелось стать вотчинно-семейным владением какой-либо линии княжого рода. Попытка Мономаха утвердить право на киевское старейшинство, вместе с обладанием киевским столом, за нисходящей от него линией не удалась, разбитая раздорами среди самих Мономашичей и слабостью материальной основы — киевской силы, на которую

⁴ Там же.

она только и опиралась. С тех пор Киев, как говорится, переходит из рук в руки, все более теряя свое централизующее русские отношения влияние и значение. Но любопытно отметить, что в связи с этим общим положением Киевщины она сохранила свое территориально-политическое единство, не дробясь на отдельные более мелкие княжения-вотчины, что, однако, не мешало частому, хотя и мало устойчивому возникновению таких явлений, как княжение особых князей на отдельных «волостях киевских», как Вышгород, Белгород, Торческ, Канев, Овруч и др. — до 15–16 городков киевских. Сидели ли тут князья, у которых только и было владения, или братья, или сыновья князей, по семейной связи с которыми они были «вотчиками» других областей и орудиями политики Смоленска или Владимира Суздальского и т. п., эти княжения не выделялись в особую «вотчину», не приобретали особенности, а рассматривались как «часть» в Русской земле, т. е. в узком смысле слова — в земле Киевской. Отмечаю это незначительное само по себе явление как особую разновидность древнерусского княжого владения: «наделение» (таков технический термин) старшим князем младшего из своих владений «частью» — по соображениям родственных отношений, союзности или иных моментов междукняжеской политики.

Что до отдельных земель, обособившихся во владении особых линий княжого рода, то сложившиеся в них отношения в общем мало нам известны, отчасти по скудости данных, отчасти потому, что и имеющиеся-то данные мало изучены. Очерк этих отношений в моем «Княжом праве» — только беглый набросок, не более⁵. Эти отношения довольно разнообразны и складывались под сложными влияниями местных обстоятельств в каждой области, более или менее на свой лад. Отмечу некоторые из этих особенностей, более ясно выступающие в рассказах летописных. Но прежде всего будем иметь в виду, что в развитии форм княжого владения отдельных земель-областей мы наблюдаем те же общие черты, какие выступают в истории Киевской Руси как целого: борьба двух тенденций — сохранения единства сил всей земли под «старейшинством» большего стола или по крайней мере в форме одиначества всех ее князей, и дробления ее сил и интересов по вотчинам, частям земли, все более обособляющимся. Преобладание той или другой из этих тенденций обуславливалось, насколько видим, преимущественно внешними условиями: силой или слабостью внешней боевой опасности для данной земли

⁵ См.: Там же. С. 117 и след.

или данной группы князей-родичей от иноземного врага или от князей-противников.

Так, в отрывочных известиях о Полоцкой земле до 20-х гг. XII в. ее князья выступают в союзе против киевских Мономашичей, пока в 1129 г. не постигла их общая ссылка в Грецию. После смерти Мстислава Великого (1132 г.) в Полоцкой земле намечается раздел на три линии и три вотчины (Глебовичей, Васильковичей и Борисовичей) — Минск, Витебск, Друцк — при центральном значении Полоцка, из-за которого идет борьба, сплачивающая каждую княжескую линию. Но ранние осложнения внешних отношений не дали полоцкой истории довести внутренний строй земли-княжения до законченной определенности.

Своими усложненными путями идет история юга — Волыни и Галича, хотя и тут видим раздел Галицкой земли на вотчины внуков Ростислава, пока Володимерко их не объединяет, а на Волыни образование особых княжений Владимирского и Луцкого, с дальнейшим дроблением на более мелкие княжения-вотчины. Но для нас важнее те явления, какие можно наблюдать в землях Черниговской, Смоленской и Суздальской.

И в Черниговщине, подобно Полоцкой земле, внутренний распад на вотчины долго задерживался интересами общечерниговской политики, особенно в отношениях к мономахову потомству, владения которого охватили широким кольцом черниговские волости. Впрочем, уже первая четверть XII в. закончилась отделением Муромо-Рязанских волостей в особое княжение Ярослава Святославича, в вотчину его потомства, окончательно оформленным в 1127 г. Собственно Черниговская земля (вместе с Северщиной и «вятичами») осталась в обладании двух линий — Давыдовичей и Ольговичей, и вся первая половина XII в. наполнена то их борьбой за Чернигов, то за господство над всеми волостями черниговскими, то их участием в общерусских делах, в борьбе за Киев, против господства Мономашичей. В 60-х гг. XII в. сошли со сцены постепенно захудавшие Давыдовичи — старшая линия черниговских вотчичей, и судьбы земли остались в руках двух линий Ольговичей, потомков Всеволода и Святослава. Долгие годы борьбы с черниговской родней, а еще больше с Мономаховым племенем, сплотили Ольговичей. Их интересы далеки еще от того, чтобы замкнуться в границах семейной вотчины.

Напряженные отношения к степному врагу, все упорнее наступавшему на южную Русь, поддерживали в черниговских князьях традицию киевского единства, стремление возродить в свою пользу киевское старейшинство, овладеть Киевом. Черниговщина в тяжелую годину второй

половины XII — начала XIII в. переживает самостоятельно эпилог первого периода русской истории в большом и безнадежном напряжении сил. Это сказалось и в деятельности черниговских князей на киевском столе — Всеволода и Святослава Ольговичей, в таких памятниках черниговских настроений, как «Слово о князьях» и «Слово о полку Игореве», в преобладающем значении черниговской письменности для развития общерусского летописания за этот период. С этими общими чертами черниговской истории второй половины XII в. представляются связанными любопытные особенности ее внутреннего строя. Вовне Ольговичи выступают как «Ольговичи вси», во главе с черниговским старейшим князем, который «княжаше в большем княжении, понеже бо старей братьи своей». Таким старейшиной, по-видимому, бывал «старей леты» во всей группе черниговских князей, принадлежавший то к одной, то к другой линии Давыдовичей. Одиначество Ольговичей носит характер союза двух линий, разрешавших рядом соглашений спорные вопросы о судьбе черниговского и других княжих «столов» Черниговской земли, о которой князья в летописи говорят как о единой «волоости своей».

Значение черниговского старейшины сохранялось и за теми, кто достигал киевского стола, передавая Чернигов другому князю. Так держались Ольговичи против Мономахова племени, спаянные этим соперничеством. И во внутренних распорядках в данную эпоху не можем разглядеть образования внутри Черниговской земли обособленных княжений-вотчин. Столы княжие перераспределяются по соглашениям между князьями и «старейшим в братьи», причем речь идет не о «вотчинах», а о «наделении вправду» младших князей, без пристрастия к ближней родне, сыновьям или братьям. Связь частей с целым брала верх над тенденциями вотчинного раздела, пока сильны были общие интересы Черниговщины, вотчины Ольговичей, как целого. По-видимому, только буря татарского погрома разрушила эти устои черниговского одиначества, и лишь накануне ее — под 1226 г. — слышим о первой усобице в Ольговичах — Олега Игоревича, князя курского, с Михаилом Всеволодовичем. Татарский погром на черниговской почве сделал то дело, что повсюду подорвал в конец упавшее и без того значение крупных городских центров, разбил остатки более значительных политических систем. В жизни Черниговщины этот крутой перелом привел к быстрому измельчанию местных отношений и сдвигу населения и деятельности с юга на север. Не заменив захудалого Чернигова, возвышается Брянск, где во второй половине XIII в. княжит сын св. Михаила Черниговского Михаил и живет

черниговский епископ. Но Брянск скоро втягивается в сферу влияния Смоленска и в XIV в. переходит под литовскую власть. С упадком общего центра разрастается дробление на княжения-вотчины, как Брянское, Стародубское, Трубчское (Трубецкое), Новгород-Северское, Рыльское, Путивльское, Глуховское, Новосильское, Воротынское, Карачевское, Кромское, Козельское, Мосальское, Перемышльское, Елецкое, Хотетовское, Торусское, Мезецкое, Говдыревское, Болховское, Одоевское, Борятинское и т. д. Это дробление нарастало постепенно. Земля распадалась на вотчины «больших» князей, а внутри их слагались владения меньших, им «послушных», но и эти второстепенные группировки были неустойчивы и непрочны, тем более что с XIII в. в Чернигово-Северской земле стали возникать «уделы» литовских князей и вообще князей пришлых (в XV в. — московских выходцев), разбивавших традиции старого владения и ставших над мелким местным князем как носители иных связей, иной политики (вотчинность, отъезды с отчиной, служба на две стороны, измелечение, потеря политической самостоятельности, иногда и титулов, княжата-землевладельцы). Черниговщина в татарскую эпоху и под литовским владычеством поистине страна классическая для вотчинного дробления земли и торжества вотчинного характера княжеского владения.

Смоленская земля обособилась в XII в. в семейное владение Ростиславичей (Ростислава Мстиславича). Ростислав Мстиславич положил начало своеобразным отношениям тем, что, княжа в Киеве, Смоленск держал через старшего сына, а младшими держал города Киевской земли (Овруч, Вышгород, Белгород). Киевская политика — с приемом держания «части» в ней — продолжалась и после Ростислава. Отдельные князья смоленского гнезда получали «волости» в Смоленской земле, но не выделяли их этим в особые вотчины-княжения, а только жили с них, как с обеспеч[ения] доходом. И до конца XII в. не видим дробления Смоленской земли на отдельные политические единицы, самостоятельные вотчины. Только в XIII в., когда Смоленская земля все больше чувствует ломку старых отношений и засорение торговых путей с падением Киева, движением Литвы, напором татарской силы, определяются особые вотчины князей Вяземских и Торопецких, два сравнительно крупных княжения, и мелкие «отчины», как кн[яжество] Березуйска, как Глинки, Козлово, Хлепень и т. п. «Волость» Бельская с городом Белым выделилась только как пожалование Ягайлы родоначальнику князей Бельских. Вяземский князь и торопецкий в XIII в. под рукой Смоленских князей и вместе с ними подчиняется Литве.

Глава II

РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ ДО ТАТАРСКОГО НАШЕСТВИЯ

Ростовская земля занимает совсем особое место в представлениях русской историографии. Она выступает в общей схеме русской истории как новообразование XII–XIII вв. Продолжая построение, данное еще С. М. Соловьевым, Ключевский говорит о ней, что это «край, который лежал вне старой коренной Руси, и в XII в. был более инородческим, чем русским краем». Объясняя «образование великорусского племени», он выводит его «не из продолжавшегося развития этих старых областных особенностей», а из новых условий, возникших, «когда население центральной среднеднепровской полосы, служившее основой первоначальной русской народности, разошлось в противоположные стороны», говорит о «разрыве народности» как моменте перелома в XII–XIII вв. Поток переселенцев из Днепровского бассейна в эту пору встретился в междуречье Оки — Волги с финскими племенами. «В области Оки и верхней Волги в XI–XII вв. жили три финских племени: мурома, меря и весь». Смешение с ними русских переселенцев создает великорусскую народность как новообразование XII и следующих столетий. Условия колонизации северо-восточного финского захолустья сказываются в ничтожном значении торговли, малом числе городов, решительном перевесе сельских поселений над городскими, гораздо большей разбросанности населения, подвижном характере землепашества, развитии лесных и рыболовных промыслов. В этих условиях возникает и новый уклад социально-политических отношений; в них вырастает «новый владетельный тип» — князя-вотчинника; новый общественный тип — боярина, военно-служилого землевладельца (первоначальный тип боярина-землевладельца сложился на юге, но «вероятно» заслонялся другими интересами дружины). «Изучая историю Суздальской земли с половины XII в. до смерти Всеволода III, мы на каждом шагу встречали все новые и неожиданные факты»; изучая разнообразные последствия русской колонизации верхнего Поволжья, «мы изучаем самые ранние и глубокие основы государственного порядка, который предстанет перед нами в следующем периоде», московском, для которого «удельный порядок стал переходной политической формой, посредством

которой Русская земля от единства национального перешла к единству политическому»¹.

Картина ясная и яркая. Разрыв с жизнью днепровской Руси полный. Иная обстановка, иной строй, иная народность. В Суздальщине и в Москве — «корень развития северной истории», как говорил москвич Забелин, «от Москвы начался прогрессивный ход самой русской истории», а «корень южной истории» — в Киеве. И ему вторит украинец Грушевский: «перед нами, несомненно, две народности, две истории».

Конечно, многое в этой антитезе севера и юга верно. Но ведь существенно не это, а цельность всей стройной противоположности, характеристика двух противоположных систем быта и отношений, так сильно влияющая на постановку и разрешение важнейших исторических проблем, на все, можно сказать, историческое воззрение русского историка.

Некоторые черты северного быта, как его строит Ключевский, между тем явно принадлежат и югу: разбросанность населения, подвижный характер землепашества, промысловый характер народного хозяйства... Начальные условия жизни народной массы одни и те же. А общие географические условия? «Непроходимые леса и болота покрывали обширные пространства земли, и новым поселенцам предстоял тяжелый труд расчистки и разработки почвы для того, чтобы сделать ее удобною для устройства своих селений и для землепашества». Это не Ключевский говорит о севере, а Грот о расселении славян в Венгрии и Трансильвании². Ту же картину дают историки для поляков, для наших древлян, дреговичей, кривичей, вятичей... В чем же дело? Быть может, в том, что днепровская Русь пережила ранее — на века! — ту стадию развития своего быта, которую северо-восточная переживает в XI–XII вв.? Но выводы из сравнения северо-востока с юго-западом и западом были бы иные, если бы историки сравнивали не XII–XIII вв. в одном случае с XI в. в другом, а брали бы свои данные синхронистически. В этом хронологический грех всей антитезы. Особенности северо-востока считается то, что отличает его от юго-западной старины (князь-вотчинник, боярин — служилый землевладелец, преобладание сельской жизни над городской и т. п.). Но при таком сопоставлении даже не ставится вопрос, что перед нами: два типа или две стадии

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. 2-е изд. М., 1906. Ч. I. Лекции XVII–XX.

² Грот К. Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. 9). СПб., 1881. С. 60.

развития? Открытым остается вопрос: не представляет ли собой то состояние, в котором находим Северо-Восточную Русь XIII–XIV вв., сумму явлений, которые сменили прежний быт того же типа, какой мы видим ранее в Поднепровье, под влиянием новых условий не местного, а общего характера, понятно, с вариантами, обусловленными местными условиями народной жизни в отдельных землях.

Попробуем уяснить себе этот вопрос на почве северно-русской. К сожалению, об этом северо-востоке до XII в. мы знаем отчаянно мало. Но то, что знаем, требует тем большего внимания.

Встреча русских поселенцев с восточно-финскими племенами в верхнем Поволжье и в междуречье Ока — Волга — дело давнее, для нас — доисторическое. Начало колонизационного движения восточного славянства в Волжский бассейн старше первых исторических сведений о нем. И оно идет непрерывным потоком в первые — еще темные для историка — века русской исторической жизни. Первоначальная волна, по всей вероятности, шла с запада, по течению рек — от кривичей, а первые известия об организованном наступлении указывают на Новгород, как его исходный и опорный пункт. Ростов летописные сказания знают с первых страниц своих; он упомянут в пересказе договора Олега с греками в числе городов, где сидят князья, под «Олгом суще». При Владимире и Ярославе он один из опорных пунктов их политической системы, а из Новгорода князья в первой половине XI в. ходят с новгородцами на финские племена. Остановка юго-восточного направления славянской колонизации при занятии степи печенегами, потом половцами, затем отступление славян с юго-востока перед кочевниками должны были усилить значение северного колонизационного района. Шахматов предполагает движение вятичей к северу с середины XI в. и этим движением объясняет «ряд событий, поражающих как будто неожиданностью исследователя XII в. нашей истории». Приток населения в приокскую область выясняется в трудах лингвистов и археологов как явление старшее, чем момент «перелома», строяемый историками. В «Историко-археологических разысканиях» А. А. Спицын становится в ряды «решительных противников» теории заселения Ростовской области из Приднепровья и без труда устраняет аргументы, которыми историки пробовали ее обосновать³. Это, конечно, не случайность. В вопросах, для которых нет прямых

³ Спицын А. А. Историко-археологические разыскания // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. Кн. 1. С. 90–98.

документальных или летописных данных, историку приходится оперировать материалом, требующим иных методов, [в] чем ему приходится из ученого исследователя подчас превращаться в дилетанта чужой специальности. Пример — теория Ключевского о происхождении великорусских диалектических особенностей под финским влиянием или самоквасовские археологические построения. С другой стороны, историки слишком естественно и часто поддаются соблазну считать начало известий об изучаемых исторических явлениях в своих источниках за момент возникновения самих явлений, а отсутствие известий — за отсутствие исторической жизни.

Не углубляясь в эти протоисторические вопросы ростово-суздальского прошлого, попробуем собрать данные о состоянии этой земли ко временам Юрия Долгорукого, к моменту возникновения особой политической жизни на северо-востоке. Отмечу прежде всего одно общее соображение для оправдания дальнейших исканий. Мыслим ли тот образ северно-русского князя, который завещан нам С. М. Соловьевым и так художественно разработан Ключевским? Этот князь — сам создает общество, землю, над которыми княжит; создает его на сыром корню, в краю более инородческом, чем русском, поднимает не только культурно-историческую, но и колонизационную новину! Не достаточно ли задуматься над этим образом, чтобы заподозрить, что само утверждение в данной местности прочной и преемственной княжеской власти должно бы служить для историка симптомом крупных успехов предыдущей колонизации и организации местного быта, что общество — не только в Киевской Руси, но везде и всюду старше своего князя.

Мне кажется, что даже скудные и отрывочные сведения о Ростовской земле до Юрия и при Юрии с достаточной силой и определенностью подтверждают такое сомнение.

Если бы Ключевский захотел применить свою теорию значения внешней торговли для развития в племенной жизни восточного славянства быстрого усложнения быта и социально-политического строя к Северо-Восточной Руси, — недостатка в данных терпеть бы не пришлось. Обилие монет и вещей, шедших с Востока, в VIII–XI вв., известия арабов о значительной русской торговле в Бóлгарах, в Хазарском царстве, на Каспии и за Каспием до Багдада, богатые находки западных монет X–XI вв., известия о сборе хазарами дани с вятичей «шлягами», т. е. западными шиллингами (столь странное для конкретного осмысления), раннее знакомство скандинавов с далеким северо-востоком Европы — все это дает представление

о значительности волжского торгового пути — и более раннее и более конкретное, чем то, что имеем для пресловутого пути «из варяг в греки» по Днепру. Ранний интерес князей к далекому Ростову не говорит о чуждом зажиточности и доходов захолустье. Политические отношения этого Поволжья при сыновьях и внуках Ярослава не совсем ясны. По сказаниям киевской летописи, при Владимире Святославиче в Ростове сидел Борис, в Муроме — Глеб. Не вижу убедительных оснований для вполне отрицательного отношения к этой записи старого свода у А. А. Шахматова⁴. Держать крайние боевые пункты сыновьями — устойчивая черта политики старших киевских князей. При сыновьях Ярослава наряду с правобережными (по отношению к Днепру) владениями Изяслава и левобережными черниговского Святослава (Муром — Тмутаракань) видим Ростов, Суздаль, Поволжье в руках Всеволода вместе с южным Переяславлем. Это сочетание — географически искусственное — создает традицию всеволодовой вотчины, притязания северных князей на Переяславль, поддержанные политикой держанья «части» в Русской (Киевской) земле, чтобы не терять влияния на центр всей системы традиционных междукняжеских отношений. Традиция эта сильно осложнена киевскими отношениями и связями Мономаха. Но, поглощенный борьбой с половцами, главным делом его жизни, и южной политикой, он не упускает из виду Ростова. По временам он ездит туда для своего княжого дела, упорно с сыновьями защищает эту «волость отца своего» — Ростов и Суздаль — от захвата Олегом Святославичем черниговским (1094 г.). Мономаху принадлежит и построение города Владимира на Клязьме (1116 г.). По вокняжении своем в Киеве, а может быть, и раньше, Мономах послал в Суздальскую землю своего тысяцкого, варяга Георгия Симоновича, дав ему «на руки» сына Юрия. Этот момент усиленной организации княжого владения и властвования на северо-востоке был уже мной отмечен. Юрий 40 лет непрерывно владеет севером. При нем уже яснее выступают особенности положения этой земли и ее внутреннего строя, получившие в дальнейшем большое, определяющее значение.

В этой области, когда мы ее лучше знаем, выступают два крупных городских центра — Ростов и Суздаль. Процесс, сходный с тем, когда Владимир стал возвышаться за счет старших городов, по-видимому, раз уже произошел в Ростовской земле, хотя и не вполне. Мы не знаем времени

⁴ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 89 и след.

возникновения Суздаля, но политически он моложе Ростова, а между тем со времен Юрия он стоит рядом с Ростовом, и земля чаще зовется Суздальской, чем Ростовской. Стольный «отень» город Андрея Юрьевича — Ростов (Лаврентьевская летопись, 1157 г.), но, как отметил Сергеевич, живет Юрий «чаще в Суздале, чем в Ростове», с юга уходит в «свой Суздаль», а в Киеве окружен не ростовцами, а суздальцами, и им раздает дома и села Изяславовой дружины. Однако Суздаль, о «возникающем преобладании» которого говорит Сергеевич, не оттеснил Ростова на второй план, не вполне одолел его. Любопытна терминология летописей, говорящих о северных событиях, когда им приходится указывать политический центр Северо-Восточной Руси в эту эпоху: владимирский летописец в знаменитом рассуждении о взаимном отношении старших городов и пригородов говорит: «а зде город старый Ростов и Суздаль...», вызывая замечание В. И. Сергеевича: «Выходит, что Ростов и Суздаль составляют как бы один старший город»⁵. Или: «Ростовци и Суждальци посадиша Андрея в Ростове на отни столе и Суждали». Но Сергеевич, кажется мне, не использовал всего, что дают привлечшие его внимание тексты для пояснения этой своеобразной двуглавости Ростово-Суздальской волости. И это потому, что над ним тяготела предпосылка: значение города есть значение вечевой общины, «результат энергии его жителей». Впрочем, сам же он дал и ключ к пониманию дела: «В старом Ростове было немало сильных людей, бояр, которые, естественно, стремились заправлять всеми делами волости; от них-то, надо думать, ушел Юрий в Суздаль; но, по всей вероятности, бояре успели развестись и в Суздале, и вот сын Юрия, Андрей, уходит во Владимир, к “мезинним” людям, “владимирцам”». Итак, из-за отношений времен Юрия, как и позднее, выступает значение сильного боярства. Это не гипотеза — на то есть прямые указания летописных рассказов, повествующих о дальнейших судьбах политики Юрия и Андрея.

Вопрос о выделении Ростово-Суздальской земли в особую вотчину был поставлен Юрием по соглашению с «ростовцами и суздальцами». В 1149 г., заняв Киев, Юрий посадил в Суздале Василька, позднее предназначал его Михалку и Всеволоду, оставив их на севере под опекой их матери и тысяцкого Георгия варяга. Это — группа сыновей Юрия от второй жены, гречанки. На них целовали Юрию крест «ростовци

⁵ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. 2-е изд. СПб., 1902. Т. I. С. 18–19.

и суждальци». А старших сыновей — от половчанки, дочери хана Аепы — Ростислава, Андрея, Глеба, Бориса (Мстислава Экземплярский относит ко второй семье⁶) Юрий предназначил для юга и сажал в Переяславле, Турове, Пересопнице, Вышгороде, Каневе.

Известно, как Андрей разрушил отцовские планы, уйдя из Вышгорода на север, «в свою волость Володимерю». Некоторые летописные тексты намекают на связь Андрея с какой-то боярской партией: его «подъяша Кучковичи», те самые, с которыми ему потом пришлось так кроваво столкнуться. И по смерти Юрия «Ростовци и Суждальци... вси — пояша Андрея... и посадиша и на отни столе Ростове и Суждали». 20 лет владел Андрей Суздальщиной, но этого он достиг только разгромом противников: на третий год по смерти отца он «братью свою погна Мьстислава и Василка и два Ростиславича, сыновца своя» и «мужи отца своего переднии» вместе с епископом Леоном. На юге братья завязывают новые связи; Михалко приступил к смоленским Ростиславичам и «лишися Аньдреи брата своего»⁷.

В этих известиях вижу взаимодействие княжеских притязаний и раздоров с политикой боярских партий. В книге «Княжое право» я подробно разобрал терминологию летописи, повествующей о событиях по убийении Андрея, — и пришел к выводу, что мудрено в текстах о действиях «ростовцев и суздальцев» видеть указание на выступления веча двух старших городов Ростово-Суздальской земли. Эти термины, иногда с добавлением переяславцев, тесно слиты с терминами «боляре», «вся дружина» и т. д., до того, что суздальцы-горожане заявляют о суздальцах, действовавших в борьбе из-за князей: нас там не было, то были наши «боляре», — а владимирцев летописец за [их] борьбу против ростовцев хвалит, что не убоились они бояр. Та же терминология применяется иногда для Киева и выдержана в Галицко-Волынской летописи: галичане — галицкие бояре.

Большое влияние боярства и всей дружины на дела Суздальской земли второй половины XII в. не могу признать явлением новым, неожиданным свидетельством возникновения тут этого сильного земского класса. Сергеевич прав, объясняя силу Ростова, рядом с княжим Суздаlem при Юрии, значением тамошнего боярства. Думаю, что совокупное

⁶ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. II. С. 14.

⁷ Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. II. 2-е изд. Стб. 490, 520, 570–571.

старейшинство Ростова и Суздаля не объяснимо иначе, как солидарностью действий боярства и всей дружины, несмотря на то, что их организация имела тут два центра. И весь вопрос о подчиненности «Ростову и Суздалью» Владимира хорошо освещают слова «мизинного» человека-владимирца: «Ростов и Суздаль, и вси боляре, хотяще свою правду поставити... “как нам любо” рекоша, “такоже створим”»⁸. Если мы эту и другие сходные формулы поймем как действия веча с боярами во главе, то такое понимание немного что изменит — вече всюду входило в политическую силу, когда боярство становилось во главе его и в нем искало опоры для самостоятельной политики по отношению к князьям.

Совокупность этих наблюдений над ростово-суздальской жизнью XII в. приводит меня к заключению, что в течение всего столетия в Ростово-Суздальской земле имеется налицо крепкая боярская сила. Она стоит во главе «всей дружины» (гридей и пасынков) и во главе судеб земли. Что же такое эти бояре? То же, что везде, — «старейшая дружина», как их зовет летописец, сильная административным влиянием, общественным положением и земельным богатством. А наличность такого класса заставляет думать, что первые князья Ростово-Суздальской земли, Юрий и Андрей, строили здание своего вотчинного владения не на зыбкой, колонизирующей почве, а на основе сложившегося общественного быта, сложного по внутреннему строю, в среде того же уклада, какой наблюдается в ту же пору в Киеве или на Волыни, в Галиче или Чернигове. Всюду на Руси XII в. есть время нарастания и усиления боярских прав, боярского землевладения и боярского влияния.

Обратимся теперь к другому вопросу: о степени развития городской жизни в Суздальщине XII в. и о характере и значении княжого строительства. Первые князья-устроители Ростово-Суздальской земли — Юрий, Андрей, Всеволод — много строили. В 1108 г. «свершен бысть град Владимир... Володимером Маномахом и созда в нем церковь камену св. Спаса» (1116 г. по Карамзину). В 1134 г. — Юрий «заложил град на усть Нерли... и нарече ему имя Константин». В 1152 г. Юрий «во свое имя град Юрьев заложил, нарицаемый Полский». В 1157 г. «сущу князю Георгию Суждальскому... на реце на Яхrome и съ княгинию, и... родися ему сынъ Дмитрий (Всеволод)... и постави на том месте в имя его град, и нарече его Дмитров»⁹.

⁸ *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. 2-е изд. Т. I. С. 19.

⁹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. XX. 1-я пол. С. 103; СПб., 1862. Т. IX. С. 158, 196; Петроград, 1915; Т. IV. 2-е изд. Ч. 1. Вып. 1. С. 153; СПб., 1851. Т. V. С. 160–161; СПб., 1863. Т. XV. Стб. 221.

Ростов и Суздаль, Ярославль и Владимир, Переяславль, а также Угличе-Поле, Молога, вероятно, и Белозерский городок старше Юрия. Три города — вот все «неутомимое градостроительство» Юрия, по Соловьеву. Андрею градостроительства летопись вовсе не приписывает. Но во вторую половину XII и начале XIII в. начинают упоминаться впервые многие города Суздальской земли без указания [ни] на время их основания, ни того, чтобы они были созданием «военно-княжеской» колонизации.

Как бы мы ни относились осторожно к этим данным (ведь первое упоминание города означает, что возник он раньше, но насколько — определить невозможно; обычная предпосылка, «незадолго», может вызывать сомнение ввиду случайности указания на тот или иной пункт в ходе летописного рассказа), все-таки трудно отказаться от представления, что в эту пору возникает ряд новых городов или достигает большего значения ряд населенных пунктов, может быть, и старых, но более мелких. Если зачислять это явление в инвентарь княжого строительства, то разве в виде построения «города» — укрепления, развития «городового дела» в Суздальщине.

И тем не менее северные князья, действительно, много строили. Они соорудили много замечательных храмов. Еще Мономах построил церковь св. Спаса во Владимире. Юрию принадлежат св. Спас в Переяславле Залесском, собор Юрьева Польского, Спас-Ефимьевский монастырь в Суздале, церковь Бориса и Глеба на Нерли, [собор] св. Богородицы в Ростове (расписан в 1187 г.). Андрею — владимирский Успенский собор, церковь Иоакима и Анны во Владимире, Золотые ворота Владимирские. Строительство продолжалось и после них: в 1192–1196 гг. Всеволод построил церковь Рождества Богородицы во Владимире, обновил в 1194 г. соборы Владимира и Суздаля. В Ростове после пожара в 1211 г. Константин Всеволодович соорудил на месте упомянутого собора церковь Успения Богородицы, в 1215/16 г. церковь Успения и Спаса Преображения в Ярославле и т. д. В 1194 г. создан Всеволодом Дмитровский собор во Владимире. Все это строительство — огромной ценности. В истории русского (и не только русского) искусства оно составляет важную и весьма содержательную страницу. Сооружения эти — каменные, причем белый камень привозился, по крайней мере иногда, водой из Булгар[ии Волжской]. Среди них есть памятники высокого художества. Архитектурный склад храмов, особенно их скульптурная декорация на наружных стенах, богат не только оригинальностью форм и композиции, но и подчинением этой последней общей религиозной идее, рассчитанной на поучение зрителя. Это та страница

творчества, первая, которая позволяет Н. П. Кондакову говорить, что «русское искусство есть оригинальный художественный тип, крупное историческое явление, сложившееся работою великорусского племени при содействии целого ряда иноплемennых и восточных народностей»¹⁰. В данном случае перед нами крупный художественный стиль, созданный путем самостоятельной переработки целого ряда восточных мотивов в фантастической и символической декорации, примененной к украшению храмов, коих архитектурные формы представляют своеобразную переработку византийского типа. В этой Суздальской архитектуре есть родство, и притом близкое, с так называемой романской архитектурой Запада. Близкое родство, но не тождество. Родство, объясняемое единством восточных источников для орн[аментирующих] мотивов, отчасти (хотя меньше) — архитектурных форм. Таких форм романской скульптуры, как во Владимире и Юрьеве-Польском, не существует нигде на Западе. Суздальская Русь создала их самостоятельно, перерабатывая восточные мотивы, шедшие к ней из [Волжской] Болгарии и вообще Поволжья. Отсюда привозился не только материал — белый камень, отсюда шли восточные изделия, знакомившие с мотивами зооморфического и иного украшения, которые в христианской среде получали таинственное мистическое осмысление и давали толчок своеобразному развитию стилистического чувства. Отсюда должны были прийти каменотесы и резчики, учителя суздальских ремесленных мастерских, каменщиков-владимирцев.

Значительное развитие каменного церковного строительства, а тем более выработка оригинального и художественно-содержательного стиля — возможно только в стране зажиточной, с развитым ремеслом и своей местной культурой. Кондаков подчеркивает, что храмы романского стиля с их скульптурной декорацией наружных стен всюду возникали в связи с развитием городского быта. Храмы этого типа вырастали с подъемом значения города и его внутренней жизни. Они стояли на площадях, украшенные назидательной скульптурной символикой, в расчете на внимание и понимание толпы, толкущейся на площади в день торга или праздничного отдыха. Одних этих храмов достаточно, чтобы отказаться от представления о Северо-Восточной Руси как темном захолустье, где и культура,

¹⁰ Кондаков Н. П. О научных задачах истории древнерусского искусства. СПб., 1899. С. 2; см. также: Русские древности в памятниках искусства, изд. гр. И. Толстым и Н. Кондаковым. Вып. VI: Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. СПб., 1899.

и богатство, и городская жизнь [будто бы] были ничтожны и стояли много ниже, чем на киевском юге, который, питаясь византийщиной, значительно менее создал художественно-оригинального.

Собственная физиономия суздальского искусства XII в. выражает в одном из проявлений местной жизни особенность этой русской области. Эта особенность во всех ее отношениях представляет и особую цену для моего курса. Но сосредоточивая на ней внимание, необходимо помнить и другую сторону ростово-суздальской жизни этой эпохи: ее связи с югом и с западом. Северные князья дорожили этими связями. Политика Юрия в делах южных сводилась к стремлению сохранить там влияние и силу. За его борьбой из-за Киева историки обычно недооценивают его усилий сохранить за собой Всеволодову и Мономахью левобережную отчину: Переяславль Южный, Городец-Русский, Посемье, Курск — линию связи Суздальщины с югом. Андрей отказался от Киева, но не от властного влияния на судьбы юга, как и брат его Всеволод. Помимо политических соображений — держать под своей рукой традиционный центр всей политической системы русских междукняжеских отношений, чтобы не дать там окрепнуть соперникам — старшим Мономашичам, опасным для Суздальщины (особенно по влиянию на Новгород, отчасти и на Смоленск и Черниговщину) — эта тяга на юг объясняется вполне реальными торговыми и культурными интересами. С юга шли ценные и любимые товары — паволоки, драгоценности, вино, перец. Эта торговля идет через Смоленск и Новгород, как и торговля западная. В Суздале знали и немецких купцов (из Риги), через Суздальщину шла торговля Востока и Запада, шел, например, болгарский воск, с одной, и немецкие сукна, с другой стороны. Великий волжский путь — налаженный с VIII в., видимо, не замирал в следующие столетия.

В историко-географическом отношении Ростово-Суздальская земля расположена в узле транзитных [взаимо]отношений, которые и объясняют, в числе иных условий, возникновение тут завязи крупной исторической жизни.

Обратимся теперь к чертам ее особенности и к ее обособлению из системы киевской.

Топографическая отдельность Ростово-Суздальской земли начертана на карте Восточно-Европейской равнины обширной полосой леса. Это район приблизительно междуречья Ока — Волга (бассейн Клязьмы,

Москвы, Средней Волги от Тверцы до Оки). Ветлужский лес на востоке, леса по водоразделу между бассейном Волги и Северной Двины — на севере (где за ними начинались новгородские волости), Оковский лес, леса и болота между Мологой и Шексней с запада, лесные пространства, связанные с Брынскими и Муромскими лесами на юге, очерчивали ее территорию. При первом князе, прочно осевшем в Ростовской земле, Юрии Владимировиче, определился круг интересов суздальской политики, основанной, скажу словами Б. А. Романова, «на экономическом значении этой территории, лежащей на пути из Поволжья в Новгород»¹¹. Юрий правит тут, замкнутый в местных интересах, при отце и старшем брате Мстиславе, и позднее — при киевском княжении Всеволода Ольговича, владевшего Киевом 8 лет, до 1146 г. Первое известие о Юрии на севере — его поход на [волжских] болгар 1120 г. Наступление на Новгород — характерная черта его действий. Не раз сажает он там сыновей, дважды захватывает Новый Торг, запирая артерию восточной торговли Новгорода. Но стремления Юрия идут дальше: он начинает наступление на Заволоцкие владения новгородцев, отнимает их дани и пути торговые. В книге своей я сделал попытку очертить реальные мотивы политики Юрия в противовес «родовой» идеологии, какой объясняли ее обычно¹². Наряду со стремлением удержать линию связи с югом и влияние на киевский центр, и в борьбе со старшими Мономашичами, большую роль играли новгородские интересы, за которые стал Изяслав Мстиславич, дорожа своим влиянием в Новгороде. Их борьба началась наступлением Изяслава, мотивом которого было, что «стрый мой Гюргий из Ростова обидить мой Новгород, и дани от них отоимал, и на путех им пакости дееть»¹³. Только испытав эту опасность, Юрий втягивается в пресловутую борьбу за Киев, чтобы разбить в центре опору враждебных ему, Юрию, сил. В переговорах с Изяславом (при посредстве поляков и венгров) дело разошлось из-за требования Изяслава и его союзников, чтобы Юрий возвратил к Новгороду «дани их вси»; Юрий же «не да дании», а Изяслав «не отступи». И только вооруженное посредничество Владимирка галицкого довело до мира: «Изяслав съступи Дюргеви Киева, а Дюрги възъврати все дани Новгородскыи»¹⁴.

¹¹ Русская Энциклопедия. СПб., 1911. Т. I. С. 362.

¹² Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. 90). СПб., 1909. С. 94–107.

¹³ Там же. С. 100.

¹⁴ Полное собрание русских летописей. Т. II. 2-е изд. Стб. 388–393.

Можно сказать, что Киев был важен Юрию не столько сам по себе или ради отвлеченного «старейшинства», а как пункт влияния на все русские отношения, откуда легко парализовать помощь Новгороду и усилить свое влияние на Смоленск и князей черниговских. Суздальская ориентировка политики Юрия подготовила деятельность Андрея Боголюбского. Андрей, по словам Ключевского, «отделил старейшинство от места», потому что понял, насколько «Киев уже не опора главенству среди князей»¹⁵, и, подобно брату Всеволоду, мешал возрождению киевской силы издали, сосредоточив свою деятельность на севере. Главная энергия его направлена на Новгород: Андрей силой водворяет там послушных князей — сыновей, племянника или подручного Ростислава Смоленского, смиряет новгородцев «экономической отсидкой», прекращая туда подвоз хлеба из Суздальщины, и совершает два похода на [волжских] болгар — в 1164 и 1172 гг. Сам знаменитый поход 11 князей на Киев 1169 г. вызван столкновением Андрея с Мстиславом Изяславичем из-за господства в Новгороде. Та же политика на два фронта характерна и для Всеволода Большое Гнездо. Новгородским ее интересам и вообще стремлению увеличить силы для боевого положения следует приписать стремление суздальских князей к подчинению себе других русских князей, чтобы, с одной стороны, парализовать противодействие суздальской политике, а с другой — пользоваться их силами в своих интересах.

Последнее особенно ясно выступает в отношении Андрея и Всеволода к Муромо-Рязанскому княжеству и Смоленску. Суздальские князья посылают их войска со своими в походы, заставляют их по возможности служить своей политике. Кроме своей реальной силы, они опираются в этом на традиционную идею старейшинства, осуществляя ее распоряжениями о волостях (однако уже в пределах вотчинного владения, т. е. главным образом относительно не вошедшей в такое владение Киевщины) и требуя, при случае, «езды у стремени своего» младших князей с военной силой. Однако эта тенденция не могла получить широкого развития. Там, на юге, киевское старейшинство оправдывалось и питалось общерусским интересом борьбы с половцами, а старейшинство суздальское для поднепровских княжений было лишь силой, разлагавшей их связи, топтавшей их реальные интересы. В Новгороде эти интересы были противоположны суздальским, а восточная политика Андрея или Всеволода

¹⁵ Русская Энциклопедия. Т. I. С. 362.

была им вовсе чужда. Однако Ростиславичи смоленские служат Андрею и Всеволоду против Новгорода и князей черниговских. В земле Муромской [внутренние] смуты дают еще повод Юрию вмешаться, а после 1162 г. происходит распад на две отчины — Муром Святославичей и Рязань Ростиславичей. Последние десятилетия XII в. наполнены борьбой среди многоголового муромо-рязанского княжья, которую Всеволод суздальский пробует уладить в 1180 г., «поряд сотворив всей братьи» и раздав им волости по старшинству; но не уладил, и в 1207 г. повелел «изымать» всех рязанских князей, а рязанцы выдали ему «остаток князей и с княгинями». Всеволод в Рязани посадил сына Ярослава. Только сын его Юрий Всеволодович возвратил рязанским князьям их отчину. А Муром Всеволод отдал пронскому Андрею. Так проявления суздальского старейшинства не выводили политики северо-восточных князей за грань местной, суздальской, политики. И южный поэт горько корит Всеволода: «Не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти? <...> Аже бы ты был, то была бы чага по ногате, а кощей по резане»¹⁶.

Но Всеволоду было не до юга.

Только теперь я могу обратиться к внутреннему строю Суздальщины, к судьбам ее княжого владения и земского строя.

Андрей Юрьевич остался на севере по необходимости. Он занял княжение вопреки «ряду» отца, вопреки братьям и стоявшей за них партии «передних мужей» ростовцев и суздальцев. Удержаться он мог, только лично укрепляя тут свою власть. Андрей овладел всей вотчиной, всеми ѳтными волостями, не делясь ни с братьями, ни с племянниками. Он, как и смоленские князья, предоставлял младшим сидеть где-нибудь на юге (в Переяславле, Торческе или Городце) или искать стола новгородского под своим старейшинством. По его убиении (1175 г.) Суздальщина осталась вотчиной потомков Юрия Долгорукого. Мы ничего не знаем о каких-либо планах Андрея по части преемства в суздальском княжении, и этим объясняется представление о бесплодности его пресловутого «самовластия», выразившегося в том, что никаких князей-родичей он не допускал владеть частями «отней» волости и сурово расправлялся с непокорными элементами боярства или дружины. Сопоставляя эти черты его деяний с неудавшейся попыткой 1162 г. учредить для своего княжения независимую от Киева митрополию, историки склонны видеть в нем

¹⁶ «Слово о полку Игореве».

предшественника московской политики территориально-государственной. Но Ключевский готов свести дело к «инстинктам самодурства», следствию «исключительного темперамента», воспитанного беспринципной средой «нового» города, промышленного и не стеснявшегося стариной Владимира. Историографически любопытно сопоставить этот отзыв об Андрее с характеристикой этого князя у Забелина как представителя великорусского типа «посадского домодержца, самодержца и самовластца»¹⁷. Но все это больше литература, чем история, хотя несомненно, что деятельность Андрея ничего не дала для направления дальнейшей исторической жизни Северо-Восточной Руси. Его, Андрея, пережил только один сын, Юрий, который в годину смерти отца (1175 г.) находился в Новгороде на княжении, но тотчас выведен оттуда, и Мстислав Ростиславич посадил там сына своего Святослава. Одинокое поставил себя Андрей среди суздальского княжья, одиноким оставил и сына, который скоро исчезает с русской сцены, чтобы пережить романтическую судьбу на чуждом юге, в Грузии, где Юрий стал мужем знаменитой царицы Тамары.

В дальнейших событиях в Суздальщине ярко выступили многозначительные особенности ее земского строя. Ведь ее нельзя уже назвать «городской областью», с определенным стольным городом во главе. Как Суздаль не уничтожил значения Ростова, так и Владимир не свел «старших» городов до роли пригородов при стольном княжьем граде. Основу этой «эксцентричности» Суздальской области (в буквальном этимологическом значении слова — не имеющей определенного центра) можно связать с некоторыми чертами быта киевского: вспомним княжой город Вышгород под Киевом, где князья были больше «дома», чем в Киеве, вспомним село Берестовое, где Ярославичи, Святослав и Всеволод «седоста на столе», а Мономах собирал дружину — тысяцких и мужей своих на совет, установивший новые «уставы». Но там эти черты княжого быта не умаляли стольного значения Киева. Иное видим в Суздальщине. Юрий жил в Суздале, а Ростов держал тысяцким варягом Георгием, Андрей жил во Владимире, а в Суздале посадничал сын его Мстислав. Но центром боярско-дружинных сил оставались «старые» города, а во Владимире и Боголюбове князь жил с личным своим двором. Эту важную и крайне

¹⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. 2-е изд. М., 1906. Ч. I. С. 400; Забелин И. Е. Взгляд на развитие московского единодержавия // Исторический вестник: историко-литературный журнал. 1881. Т. 4. № 2. С. 245–248.

любопытную черту суздальского строя мы, однако, не в состоянии рассмотреть подробнее. Но по убиении Андрея она определяет ход событий. Один его завет остался: единство волости Ростовской. Но забота о нем не в княжеских руках, а в боярских.

В типичном старом киевском строе признание князей — дело веча стольного города. В земле Ростово-Суздальской некому взять эту роль на себя — ни Ростову, ни Суздалю, ни Владимиру. Не отдельного города это дело, а всей волости, точнее, ее руководящих сил, того боярства, которое держало в руках управление во время междукняжия, как и при князе, «боярства и всей дружины». Его-то, по центрам управления — Ростову и Суздалю, — и разумеет северная летопись под «ростовцами» и «суздальцами» вместе, может быть, с шедшими за ними элементами городского общества «старых» городов. Припомним прежде всего формы выступления местных сил в смутные годы, последовавшие за убиением князя Андрея, и при «единовласти» Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо). «Уведевше смерть княжу», не на веча по городам собрались они, а спешно съехались к Володимерю «ростовцы и суздальцы и переяславци и вся дружина» — старшая и младшая (от мала и до велика). Переговоры этого съезда с князьями — «речь дружиння». Эта дружина порешила призвать Ростиславичей, племянников Андреевых, Мстислава и Ярополка, под влиянием Глеба Рязанского и бывших на съезде его послов (Дедильца и Бориса). Но на зов приехали с Ростиславичами и два Юрьевича — Михалко, которому князья «дали старейшинство» между собой, и Всеволод. Дружина вся стояла в Переяславле, в том числе и владимирская, которая в [количестве] 1,5 тысяч выступила «по повелению ростовцев». И вся она приняла Ростиславичей. А Юрьевичи захватили Владимир, т. к. их дружина принимать не желала. И хотя «владимирцев в городе не было», но Михалко затворился в городе и владимирцы (не те, которых не было, а горожане) стали было биться за него, но не выдержали и покорились. И ростовцы (так они тут названы) посадили у себя «на столе отни и дедни» Мстислава (видно, отец его Ростислав когда-то сидел под рукой отца в Ростове), а Ярополка приняли на стол владимирцы, «весь поряд положыше». Их цель была достигнута (вероятно, с помощью владимирской дружины) — они получили особого князя, а не посадника из Ростова. Правление Ростиславичей — правление бояр: «сама князя молода бяста, слушающая бояр, а бояре учаху я на многое имание». Князья вели управление через своих слуг, «русским (т. е. южным) детьцким» раздавали посадничества, а те «много тяготу творили людям продажами и вирами», да еще

сокровища св. Богородицы владимирской расхитили. Владимирцы послали с жалобой на обиды к ростовцам и суздальцам, нашли в городских общинах этих некоторое сочувствие на словах, но от дела те были «далече», потому что «боляре того князю держажутся крепко». Тогда владимирцы поднялись, призвав Юрьевичей (Михалка и Всеволода). Тем удалось победить соперников, Мстислав бежал в Новгород, Ярополк в Рязань. Приняли их и суздальцы, отрекаясь от своих бояр, за ними и Ростов, по утверждении с ними «всего наряда» крестным целованием. Эти князья сели — один во Владимире, другой в Переяславле, а Ростов и Суздаль, очевидно, держали посадниками. Смирился с ними и Глеб, которому за помощь Ростиславичи надавали богатств, ограбив для него и Богородицу владимирскую. Теперь ему все вернуть пришлось. В 1177 г. Михалко умер. Владимирцы целовали крест Всеволоду «и на детях его». Но еще при жизни Михалка «ростовци и бояре» сделали попытку иметь князя по своей воле. Приехал к ним Ростиславич Мстислав, и тотчас кругом него собрались «ростовци и бояре, и гридьба и пасынки и вся дружина». У Всеволода остались только немногие бояре, да своя дружина и помощь Переяславля, где он посадил племянника, Мстиславича Ярослава. Попытку князей помириться расстроили бояре — Добрыня Долгий, Матвей Шибутович, Иванко Степанкович и др. Битва на Юрьевском поле порешила спор и утвердила власть Всеволода. Вожди боярства погибли, остальные взяты в плен; их села и кони, и скот разграблены победителями. Погром у Юрьева поля надолго сломил ростово-суздальское боярство. Объединив все силы волости, Всеволод победил и Глеба рязанского, забрав в плен и его, и обоих Ростиславичей, его шурьев, и их дружину — думцев и вельмож. Владимирцы принудили его к жестокой расправе — ослепили многих врагов¹⁸.

Смысл всей этой борьбы сложен. Тут явно выступают и вопрос о единстве волости-земли, которое поддерживает боярство, и столкновение с влиянием бояр власти княжеской, и соперничество городских центров, и борьба рядовых людей городского общества с боярскими верхами. Всеволоду удалось использовать традицию единства волости-земли, опираясь на общественные элементы, враждебные ростово-суздальской боярской олигархии, чем он мог — предположение, впрочем, вполне гипотетическое — объединить с собой разные группы: часть боярства (враждебную рязанскому засилью), младшую дружину, горожан, притом едва ли

¹⁸ Летопись по Лаврентиевскому списку. 3-е изд. СПб., 1897. С. 352–366.

одного Владимира. Не городской, а земский характер единства Ростово-Суздальской земли выступает наглядно в событиях конца Всеволодова княжения, хотя известия эти вызывают историков на крайне осторожное отношение к их данным. Продолжительное — 35 лет (1177–1212 гг.) — властвование Всеволода значительно подняло силу Суздальщины. Люди того времени говорили о «сильной земле Суздальской», черниговский поэт славил Всеволода, который может Волгу веслами раскропить, Дон шеломами вычерпать. Рязань и Муром, Великий Новгород и Смоленск, черниговский и киевский юг чувствовали на себе эту силу Всеволода. Внутри своей отчины Всеволод правил «не обинуясь лица сильных своих бояр». Сыновей и племянников он держал подручниками, исполнителями своей воли. Впервые в обращении к «старейшине в князях русских» встречается слово «господине». Не при нем ли сложилось значение Владимира — не как резиденции княжеской, а как стольного великокняжеского города? Есть повод поставить такой вопрос и разобрать данные для ответа на него.

При жизни Всеволода вопрос этот сам по себе не мог ни возникнуть, ни выясниться. Но летопись его постановку связывает с изложением вопроса об определении преемства после себя Всеволодом. Эта часть летописного рассказа — с 1206 г. — носит, однако, печать осмысления событий и отношений с точки зрения позднейших событий, той борьбы между Всеволодичами, какая разыгралась по смерти их отца. В ней любопытны черты теории политической, работы мысли, возбужденной борьбой разных притязаний и попытками партийного их обоснования. Характерна северная теория, впервые пытающаяся связать понятие старейшинства в земле Русской с Великим Новгородом («а Новгород Великий старейшинство имать княженью во всей Русской земли») — идея книжника, строившего старейшинство-главенство, по-видимому, на историко-хронологической давности, хронологическом примате, вероятно, в связи с книжным преданием о первоначальнике русского княжения — Рюрике новгородском. Под 1206 г. летописец совсем неожиданно вставляет это указание в риторический рассказ о посылке Всеволодом старшего сына Константина на княженье в Новгород: при этом Всеволод будто бы заявил, что по рождении Константина Бог положил на нем старейшинство во всей братии его, а теперь он, Всеволод, давая сыну Новгород, свидетельствует этим, что Бог положил на Константине не только старейшинство в братии, но и во всей Русской земле. И торжественно-де проводили Константина «вся братия его» — Георгий, Владимир, Иоанн — и все

бояре отца его, и все купцы, и все послы братья его (?)¹⁹ и притом «поклонишася ему братья его, и вси людье, и все мужи отца его, и вси послы братья его»²⁰. Видеть ли под этой риторикой похвального слова реальные черты людного собрания, имевшего целью закрепить публичной торжественностью политический акт номинации князя старейшиной в братья и земле, и закрепления этой номинации согласием братьев и общества? Понимаю сам, насколько утвердительный ответ был бы тут смел, тем более что в том виде, как имеем его, весь рассказ проникнут слишком определенной тенденцией возвеличения Константина (восхваляется тут и равноапостольное имя его!), навеянной соперничеством братьев, какое разыгралось позднее. Но можно ли не поставить вопроса ввиду подчеркнутой многозначительности деталей рассказа. А многозначительность эта особенно приковывает внимание, ввиду хода дальнейших событий. Положение Константина при отце рисуется, действительно, исключительным. Через год Всеволод заменил его в Новгороде Святославом, а его «остави у собе» и «да ему Ростов и инех 5 городов да ему к Ростову»²¹ (по Экземплярскому: Кснятин, Углич, Мологу, Ярославль и Белоозеро). Других взрослых сыновей Всеволод, как и до того самого Константина, держал больше на княжениях вне Суздальщины — на Новгородском, Рязанском, Переяславля Южного. А затем позднейшие своды сохранили нам следующее известие под 1211 г.: «Того же лета, — читаем в Воскресенском своде, — посла князь великий Всеволод по сына своего Костянтина в Ростов, дая ему по своем животе Володимерь, а Ростов Юрью дая; он же не еха ко отцю в Володимерь, хотя взяти Володимерь к Ростову; он же посла по него, вторицею зва к себе, и тако паки не иде ко отцю своему, но хотяше Володимеря к Ростову»²². Известие это, встречающееся и в других сводах (Ростовском), подверглось толкованию еще в XVI в. Никоновская летопись развернула его в речь Константина на тему:

¹⁹ Не вполне ясное сообщение Лаврентьевской летописи отмечено Пресняковым знаком вопроса. В своей книге 1918 г. он предложил следующую интерпретацию данной летописной записи: «Вероятно, братья провожали Константина часть пути (до реки Шедакши?), а их “послы” и далее?» (Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Петроград, 1918. С. 42). — *Ред.*

²⁰ Летопись по Лаврентьевскому списку. 3-е изд. С. 401.

²¹ Там же. С. 412; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья... Т. II. С. 66; ср.: *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. С. 43.

²² Полное собрание русских летописей. СПб., 1856. Т. VII. С. 117.

«аще... старейшину мя хощеша устроити, то даждь ми старый и начальный град Ростов и к нему Володимерь; аще ли не хоцеть твоя честность тако сотворити, то даждь ми Володимерь и к нему Ростов»²³. Благодаря этому толкованию книжника XVI в., чье влияние на нашу историографию вообще еще недостаточно оценено, внимание исследователей сосредоточилось на антитезе Владимира и Ростова. Соловьев мотив Константина видит в «спорности старшинства обоих городов» и опасении ростовских притязаний. Сергеевич — в попытке восстановить преобладание Ростова над Владимиром²⁴. Верно одно, что Константин хотел получить оба города, т. е. стоял за единство Ростово-Владимирской волости. Всеволод тогда «созва всех бояр своих с городов и с волостей, и епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрю Володимерь по себе и води всех ко кресту, и целоваша вси людие на Юрии; приказа же ему и братью свою»²⁵.

Происходит съезд, похожий на тот, что был во Владимире по убиении князя Андрея Боголюбского, и [похожий] на сцену 1206 г., если будем искать в ней действительно исторические черты. Два вопроса: что такое этот съезд, и что же получил Юрий? Забелин признал, что в 1211 г. был созван земский собор, первый по времени. Ключевский, следуя пересказу Никоновского свода, видит тут решение князя по совету с думцами, которое потом оповещено большому собранию, чтобы «заставить» всех тут же присягнуть Юрию²⁶. И понимание дела книжником Никоновского свода можно, кажется, признать верным. Составив решение в пользу Юрия, по совету с боярами и епископом, Всеволод, чтобы упрочить его осуществление, нуждался в «укреплении с людьми». Но в Ростово-Суздальской земле это не могло уже вылиться в форму ряда и укрепления крестным целованием князя с вечем стольного города. Князь созывает бояр и дружину с городов и волостей, духовенство, купцов-горожан; и с ними, «со всеми бояры и со всеми людьми» дает Юрию Владимир, укрепляя их к нему крестным целованием. Явление такое же, как, например, в Киеве при Всеволоде Ольговиче, когда он стол передавал Игорю брату. Но характерно соглашение не с вечем города, а со всей землей. Всей

²³ Там же. СПб., 1885. Т. X. С. 63.

²⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 3-е изд. М., 1862. Т. II. С. 334-335; Сергеевич В. И. Русские юридические древности. 2-е изд. Т. I. С. 31.

²⁵ Полное собрание русских летописей. Т. VII. С. 117.

²⁶ Забелин И. Е. Взгляд на развитие московского единодержавия. С. 256-257; Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. 4-е изд. М., 1909. С. 46.

ли? Участвовали ли ростовцы? Прямого указания нет, но нет и повода их исключать, как и стоять на том, что из «приказания» Юрию всей братии исключен Константин. Юрию, видимо, дано старейшинство во всей братии. Впрочем, тут остается неясность, мало разъясняемая и дальнейшим ходом дела. А момент важный. Ведь к нему и Сергеевич, и Ключевский приурочивают начало дробления Суздальщины. Сергеевич опирается на показание так называемого «летописца Переяславля Суздальского», что Всеволод «в животе своем розда волости детям своим, большему Костянтиноу Ростов, а потом Гюргю Володимирь, а Ярославю Переяславль, Володимиру Гюргев, а меньшею, Святослава и Иоанна, вда Гюргю на роуце, река: ты им буди в отца место, и имеи я, яко же аз имех я, и не мозете ратитися сами между собою, но аще на вас встанеть кто иных князии, то вы вси съвокупившесе на них боудите»²⁷. Текст этот не сходится с показаниями других сводов, не говорящих о таком разделе; один он утверждает, что только двое младших, оставшихся без наделения, поручены Юрию, но рядом дает наставление одиначества всем братьям. Ни Ключевский, ни Экземплярский не приемлют этого раздела. И принять его нельзя: до татарского нашествия не разбивалось единство Ростово-Суздальской земли, не распадалось на княжие вотчины. Ее положение в первые годы колеблется соперничеством Константина и Юрия, которое улажено договорами 1212, 1213 и 1217 гг. Соглашения этих князей всецело определяют положение младших князей. После 1212 г. Владимир Всеволодович в Москве, но в 1213 г. его, по соглашению с Константином, выводит оттуда Юрий и посылает на юг, в Русский Переяславль, в свою отчину. Юрий владеет Владимиром и Суздаlem, Константин — Ростовом, Ярославем. Ярослав с 1216 г. в Новгороде. В 1217 г. Константин занял Владимир, Юрию пришлось удовлетворяться Суздаlem. Владимиру, который не удержался на юге против половцев, князья дали Стародуб и «ину властцу». Константин перед кончиной дает Ростов Васильку, Всеволоду — Ярославль. При вести о его смерти все братья съехались во Владимир. Юрий занял Владимир. Князь Юрий крепко держит старейшинство в земле, посылая племянников и сыновей в походы, на княжение в Русский Переяславль и т. п. В 1229 г. «Ярослав усумнесь брата своего Юргя, слушая неких лъсти, и отлучи от Юргя Костянтиновичи 3, Василка, Всеволода,

²⁷ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. 2-е изд. Т. I. С. 31; Летописец Переяславля-Суздальского // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 9. Отд. II. С. 110.

Володимера, и мысляшеть противитися Юргю брату своему». Но на съезде в Суздале они «исправивше все нелюбие межю собою, и поклонилися Юрью вси, имуще его отцем собе и господином»²⁸.

Одиначество князей Ростово-Суздальской земли под старейшинством Юрия выступает очень ясно. Нет возможности установить до татарского разгрома выделение частей Ростово-Суздальской земли в вотчинное, опричное владение каких-либо князей. Правда, в эту пору сложились, видимо, представления о Константиновичах как отчичах Ростовских, Ярославе как князе Переяславском и др. Но реализации вотчинная тенденция еще не получила. Сильны были еще общие интересы Суздальщины. Укрепляется ее влияние в Новгороде. Разгорается борьба с финскими племенами: походы Ярослава из Новгорода, совместные действия Юрия с братьей против Мордвы, проявившей на время большую оборонительную и даже наступательную энергию. Происходит ряд походов на волжских болгар, с которыми связано построение Юрием Нижнего Новгорода. Поддерживается с энергией господство суздальских князей в южном Переяславле и над землей Рязанской. Сильно влияние их, закрепленное свойством княжеских семей, в Черниговщине. Кругозор суздальской политики еще слишком широк, необходимость одиначества, по напряженности всего положения, слишком значительна, чтобы возможен был вотчинный распад земли.

Этот обзор истории Ростово-Суздальской земли до нашествия Батыева показывает, насколько мало историк киевского юго-запада встречает новых явлений, переходя на северо-восток. Тут, конечно, яснее, чем где-либо, выступает опора земского единства в боярстве и сплоченных им общественных силах. И это хорошо выдвинуто Сергеевичем. Но ни борьба князей с боярством, ни сохранение единства при многокняжии, ни зачатки вотчинного раздела, позднее, чем на юге, выросшие в господствующее явление земской жизни, — ничто не дает достаточного основания развивать резкую антитезу юга и севера для XII и начала XIII в.

²⁸ Летопись по Лаврентиевскому списку. С. 429.

Глава III

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ И ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ВЛАДИМИРСКОЕ В XIII в. (ПОСЛЕ БАТЫЕВА ПОГРОМА)

Относительное единство и в Ростово-Суздальской земле, как, например, и в Черниговщине, смертельный удар получило от нашествия татар с его многообразными последствиями. Образование Золотоордынского царства убило болгарские отношения Суздальщины, если не парализовало, то изменило размеры и характер поволжской торговли. Сколько-нибудь последовательная экономическая политика князей стала вовсе невозможной. Боевое наступление и колонизационное расширение на восток остановилось на два столетия.

В то же время ослабели средствами, силами, авторитетом великие князья Суздальской земли. Наступление суздальской силы к северо-востоку и северу должно было ослабеть на время в значении политического фактора. Если движение колонизации в этих направлениях и не остановилось, а, вероятно, стало усиливаться в связи с засорением восточных и юго-восточных путей, то княжая организующая сила не скоро смогла им овладеть. На западе крепнет независимость Новгорода, хотя суздальские князья не теряют его из вида и поддерживают при каждой возможности силу своего влияния на него. С Поднепровьем связи вовсе порваны. Переяславль Русский сошел вообще с исторической сцены, Черниговщина, в широком смысле слова, быстро мельчает и стоит до поры до времени вне суздальских интересов. Общее сужение кругозора, понижение пульса исторической жизни и деятельности — необходимые условия внутреннего распада и измельчания внутренней жизни русского северо-востока в связи с засорением восточных и юго-восточных путей.

Мы почти вовсе лишены возможности учесть реальные последствия Батыева погрома. Его удары направлены были преимущественно на города. Сельское население, поскольку не успевало сгинуť в лесах, шло в полон, теряло скот и имущество, гибло от избиений, теряло кров в пожарах: «несть места, ни вси, ни сел тацех редко, идеже не воеваша на Суждальской земли»¹. Городов, взятых татарами, летописец насчитал 14, кроме слобод и погостов.

¹ Летопись по Лаврентиевскому списку. 3-е изд. СПб., 1897. С. 441.

Погибли в грабеже и пламени Рязань, Коломна, Москва, Владимир, Ростов, Ярославль, Городец Волжский, Переяславль, Юрьев, Волок, Тверь, Галич, Торжок. Разорение было огромно.

Этот одновременный удар загладился бы скоро, сам по себе. Но в 40-х гг. XIII в. установилась власть ордынская. Она была значительно тяжелее и ближе к Руси, чем ее часто — в общих характеристиках эпохи — представляют. У хана были свои органы, ведавшие Русь. По стольным городам водворились баскаки с военными отрядами, чтобы держать князей и народ в подчинении и обеспечить сбор дани. В Орде княжения русские ведались даругами, которые от времени до времени наезжали на Русь, как и иные послы ханские. Пришли писцы татарские, положили [т. е. переписали. — *Ред.*] все население в «число», и по нему установилась дань татарская, которую ханы отдавали на откуп, то купцам «бесерменским», то самим баскакам. Тяжелый и разорительный произвол чужой и чуждой власти навис над Северо-Восточной Русью. Попытки сопротивления в 50-х и 60-х гг. XIII в. вызывали суровые репрессии. Князьям пришлось признать верховную власть хана. Пережившие погром вернулись после бури на пожарища своих городов.

Ярослав Всеволодович занял Владимир, сохранив и Переяславль. Ростов и Суздаль дал он брату Святославу, Стародуб — Ивану. Я уже упоминал о том, что определились, видимо, вотчинные связи отдельных князей Всеволодовичей с теми или иными городами по смерти Всеволода Юрьевича, хотя и не в такой форме, чтобы вотчинный раздел сколько-нибудь сильно разбивал единство всей Ростово-Суздальской волости. Переяславль Ярослав получил впервые от отца в 1206 г., когда вынужден был покинуть юг. Ярослав — летописи это подчеркивают — был уроженцем Переяславля, хотя и случайным: отец его в тот год был тут в полюдье «и с княгинею». Ярослав княжил и в Новгороде, и в Рязани, но летопись если называет его по княжению, то переяславским. «Летописец Переяславля Суздальского» за рассказом о Всеволодовом ряде поместил сцену прихода Ярослава в Переяславль по смерти отца с заявлением, что отец переяславцев «оудал» ему, а его им «вдал... на руце», и те все ему крест целовали². Относится ли это, действительно, к 1213 г. или к 1206 г., или это позднейшая комбинация, — [но] традиция, что Переяславль Ярославу «свой» город, видимо, сложилась довольно рано. Сохраняет он его и заняв

² Летописец Переяславля-Суздальского // *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских*. М., 1851. Кн. 9. Отд. II. С. 110.

Владимир, как великий князь в братьи своей, а при нем тут княжит [сын] Александр; остался Переяславль за ним и при его великом княжении, перешел к его сыну Дмитрию, от него к Ивану Дмитриевичу. В годину смерти этого последнего (1302 г.) не было отчичей на Переяславль. Оба брата умерли раньше его, и он «чад не имея и дасть отчину свою Переяславль князю Даниилу Александровичу Московскому, того болши всех любяше». Было ли это «завещание» или передача княжения перед смертью по ряду с переяславцами, мы не знаем. Даниил, как и [его сын] Иван Калита, [уже] по смерти [отцовского] брата (1304) и при Юрии в Москве, «сажаются на княжение в Переяславле», который затем держат через наместников: это не простое «присоединение к Москве». Троицкая летопись говорит: «благослови в свое место», а не благослови князя Даниила Переяславлем³. Во время этой передачи великим князем был Андрей Александрович. Он сделал попытку захватить Переяславль и послал туда своих наместников, но «князь же Данило посла наместники своя в Переяславль, а князь Андреевы наместники сбежаша». Ивану Калите пришлось защищать Переяславль от союзника Андреева, тверского князя. Дело закончилось осенью 1303 г. на съезде в Переяславле, где были великий князь Андрей с послами царевыми, Михайло тверской, Юрий и Иван Даниловичи, и все князи с митрополитом Максимом. «И ту чли грамоты, царевы ярлыки, и князь Юрьи Даниловичь приат любовь и взял себе Переяславль»⁴. Дело было много сложнее, чем вотчинная передача княжения по завещанию. На участие населения указывает известие, что по смерти Даниила «переславци яшася за сына его за князя Юрья и не пустиша его на погребение отне»⁵. Перед нами столкновение притязаний великого князя, который претендует распорядиться «в отца место» выморочным княжением с номинацией князя предшественником по ряду с населением. Это большее, что мы можем сказать по данным летописных записей. И вся обстановка дела едва ли удивила бы любого южного князя XII в. Но уже Никоновский свод легким изменением редакции создал теорию, столь чреватую последствиями: Иван Дмитриевич «благослови же в себе место вотчиною своею Переславлем...»⁶. Оставалось только выбросить слова «в себе место».

³ Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 85; СПб., 1885. Т. X. С. 174; ср.: Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Петроград, 1918. С. 89.

⁴ Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. С. 86.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Т. X. С. 174.

Ростов — отчина Константиновичей. Василько получил его от отца, перед смертью последнего, и сидел тут при Юрии, послушным участником его походов. После трагической гибели Василька в татарское лихолетье 1238 г. остались двое малолетков — Борис (6,5 лет) и Глеб (1–2 лет); передача Ростова их дяде Святославу Всеволодичу, видимо, не означала нарушения их отчинных прав. Оба княжича с матерью живут в Ростове, а Святослав, ведая и Ростов, и Суздаль, держится своего Юрьева Польского. Впрочем, есть и такой вариант: Ярослав Святославу «да Суздаль, а в Ростове седоста Василковичи Борис да Глеб на княжение»⁷. Но дело в том, что и Суздаль не стал отчиной для Святославичей, так что тут, может быть, и нет противоречия. В 1244 г. Васильковичи (13 и 8–9 лет) ходили с дядей Владимиром «про свою отчину и пожалова их Батый»⁸. Княжением Глеба было Белоозеро; водворяется он тут с 1251 г., постоянно, однако, участвуя в делах и жизни Ростова. Смерть брата застала его в 1277 г. в Орде (где и скончался Борис): князья мечом служили хану в походе на ясов. И Глеб вернулся на Русь князем ростовским, соединив Ростов с Белоозером. Только по его смерти в 1278 г. «седоша» два князя в Ростове [братья] «Дмитрей и Костянтин»⁹, а Белоозеро занял Михаил Глебович. Но Дмитрий Борисович пытался удержать единство волости Ростовской — и «отымал» у него волости (1279 г.)¹⁰. Норовил Дмитрий и от брата отделаться: в 1281 г. тот бежал от него к великому князю во Владимир, а Дмитрий «нача наряжати ратные полкы в Ростове, блюдяся братьи»¹¹. Великий князь Дмитрий Александрович приехал в Ростов по зову владыки Игнатия Ростовского и помирил братью. По-видимому, князья решили не делиться: когда в 1285 г. им достался выморочный Углич (неведомо как), Константин сел в Ростове, Дмитрий на Угличе («разделиста отчину свою» — не комментарий ли Воскресенского свода?). Никоновский свод не мог, конечно, помириться с этим и переставил князей, водворив старшего на место, в старшем городе, и тем облегчил задачу С. М. Соловьева. А под 1289 г. записано: Дмитрий Борисович сел в Ростове, а Константин пошел в Орду по делу избиения татар в Ростове. Судьбы Углича и Ростовского

⁷ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 495; Полное собрание русских летописей. СПб., 1848. Т. IV. С. 34.

⁸ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 496.

⁹ Там же. С. 498; ср.: Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. С. 59.

¹⁰ Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. С. 77.

¹¹ Там же. С. 78.

княжения за это время сильно запутаны в летописных известиях, и восстановить их историю с достаточной точностью вовсе невозможно. Дмитрий умер бездетным, и княжение Ростовское перешло к Константину Борисовичу, а в Углич Константин послал сына Александра; этот умер раньше отца, и Ростовское княжение перешло к Василию Константиновичу в 1307 г.¹² Ни года его смерти, ни истории Ростова за второе и третье десятилетия XIV в. мы не знаем. Но знаем, что между сыновьями Василия Константиновича Ростовское княжество поделилось с разделом Ростова на две половины (Федор и Константин). Обе линии довольно многоголовой. От Андрея Федоровича и двух Константиновичей пошло ростовское княжье, быстро мельчая и дробясь по мелким вотчинам. Растущая Москва держит их в подчинении; ее князья скупают села в Ростовском княжении. По [сведениям] родословцев Иван Андреевич продал великому князю Василию Дмитриевичу свою половину Ростова; этой половиной [князь] Василий Васильевич распоряжается, как своей, отдавая ее (по духовной) жене, по смерти которой она перешла к Юрию Васильевичу. А в 1472 г. с уделом Юрия половина Ростова перешла к Ивану III; через два года — в 1474 г. — Иван III заставил ростовских князей продать себе их отчину — половину Ростова — совсем, и куплю эту дал великой княжне Марье, матери своей.

Мы не знаем внутренних отношений ростовских князей эпохи вотчинного распада, но совладение их городом Ростовом до конца их владельческого бытия заставляет предполагать своеобразно новый уклад их княжого владения, сочетавший вотчинный раздел с чертами семейно-вотчинного совладения; какого типа — нет источников.

Кроме Углича, недолговечной отчины Константиновича Владимира и его сыновей (Андрея и Владимира), перешедшей затем к ростовским князьям, отчиной Константиновичей, внуков Всеволода Большое Гнездо, был и *Ярославль*. Всеволод Константинович получил его от отца перед его смертью и княжил до гибели в татарской беде 1238 г. Ярославль перешел к его сыну Василию, утвержденному Батыем в 1239 г. и умершему в 1249 г. Дальнейшая судьба Ярославля своеобразна: у Василия осталась только дочь Мария. Князья-родичи выдали ее замуж за выходца из смоленских князей, Федора Ростиславича, и дали ему Ярославль. По-видимому, этот факт связан с политикой старших князей Андрея и Александра Ярославичей и создан соглашением Василия Всеволодича с ними, а также князьями

¹² *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. II. С. 24–34.

ростовскими и белозерскими. Решили сохранить за юной княжной Ярославль, а потом выдали ее замуж. И Ярославское княжение после Федора быстро дробится на ряд мелких вотчин-княжений (Моложское, Прозоровское, Новленское, Заозерское, Курбское, Сицкое, Кубенское и др.). При этом дроблении Ярославль сохранял некоторое значение общего центра, т. к., видимо, не выделился сам в особую вотчину, а доставался старшему в князьях ярославских (потому иногда от брата к брату); но были ли тут элементы совладения и каков был строй внутренних отношений Ярославского княжения, не знаем: летописные известия отрывочны, а документов нет. В 1463 г. ярославские князья потеряли владельческое значение. Всем гнездом подчинились они Москве. Это событие совпало с обретением мощей святых князей Федора Ростиславича с детьми, Константином и Давидом, ярославских чудотворцев, что дало повод к ироническим записям летописцев: «а князем Ярославским прощение же доспелось со всеми вотчинами, отдавали их великому князю Ивану Васильевичю, а печалованием из старины Олексеевым Полуехтовича, диака великаго князя», или: «сии бо чудотворци явишася не на добро всем князем Ярославским: простилися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичю, а князь велики против их отчины подавал им волости и села»¹³.

Белоозеро наметилось, как мы видели, в качестве особого княжения при ростовских Васильковичах — Константиновичах, но не сразу стало обособившейся княжой отчиной, т. к. Глеб Василькович держался за Ростовское целое, княжил в Ростове, а Михаил Глебович не удержался на Белоозере против [сына] дяди, Дмитрия Борисовича, восстановившего снова единство Ростовской волости. Только в 1286 г. Михаил получил обратно свою Белоозерскую вотчину и владел ею до смерти — до 1293 г. Но и он еще погребен в Ростове, как один из ростовских князей. Борисовичи зато получили Углич. При Михайловичах Белоозерское княжество уже втянуто в новые московские отношения. Дмитрий Донской в духовной называет Белоозеро «куплею деда своего» (Ивана Калиты) и благословляет сына Андрея «Белым озером со всеми волостми»¹⁴. В чем состояла эта «купля», мы не знаем. В духовной Калиты она еще не упомянута: сделка состоялась позднее или заключала условие, что Белоозеро пожизненно сохраняет

¹³ Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. С. 60–61; Полное собрание русских летописей. Т. IV. С. 148–149; СПб., 1910. Т. XXIII. С. 157–158.

¹⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. С. 59.

князь Роман Михайлович. А когда умер Роман — неизвестно. Если принять поправку князя Долгорукова и Экземплярского к летописному рассказу 1375 г. о походе Дмитрия Донского на Тверь и видеть в участнике похода Романа Михайловича — князя белозерского, а не брянского, то Роман Михайлович умер при Донском¹⁵. Но там упомянут и без того Федор Романович белозерский. Он вместе с сыном погиб на Куликовом поле. И больше белозерских князей летописи не знают. Родословцы еще называют Юрия Васильевича, которого Экземплярский и ставит последним князем белозерским¹⁶. Но это построение не нужно, ибо «белозерский» для родословца не значит непременно владеющий столом белозерским. Вотчины Юрьевичей — Белоселье, Андога, Вадбола. Белоозеро становится вотчиной московских Андреевичей. Но волости Белозерские рассыпались на вотчины мелкого белозерского княжья, вырождаясь в объект землевладения вотчинников-княжат. Эти вотчины Константиновичей — Всеволодовичей определились как особое владельческое целое накануне татарского нашествия и после некоторых попыток сохранить их единство вокруг Ростова и Ярославля (ушедшего в руки Федоровичей Ростиславовых) быстро пошли по пути дальнейшего вотчинного дробления.

Та же судьба постигла, например, *Стародубское* княжество младшего из потомков Всеволода Большое Гнездо — Ивана. Он получил его от брата Ярослава Всеволодовича, великого князя. История же Юрьево-Польского княжения, которое Святослав Всеволодович получил еще от Юрия, была лишь непродолжительным эпизодом: по смерти Святослава в 1253 г. Юрьев остается вотчиной его потомков, но линия их оборвалась на его правнуке Иване Ярославиче, князе Юрьевском, а затем Юрьев — в руках великого князя. И Стародубское княжество вполне под московской властью со времен Дмитрия Донского, когда в 1365 г. согнан со Стародуба московской силой князь Иван Федорович. Но его сын Андрей и внук Федор еще княжат на Стародубе подручными Москве князьями. От них пошли мелкие владельцы вотчин-частей Стародубской волости, князья Пожарские, Ряполовские, Палецкие, Пестрые, Ковровы, Ромодановские, Гагарины и т. п.

Перечисленные княжества, отделившиеся как особые вотчины отдельных линий княжого дома от комплекса Ростово-Суздальских волостей, пережили судьбу, всего более близкую к истории распада на княжеские

¹⁵ *Экземплярский* А. В. Великие и удельные князья... Т. II. С. 162. Прим. 483.

¹⁶ Там же. С. 165.

вотчины земли Черниговской. Если в некоторых из них, как в княжестве Ростовском, вероятно, и Ярославском, замечаем какие-то усилия сохранить, при раздельности вотчинного владения частями, некоторое единство всей волости с особым положением в ней стольного града — то, с одной стороны, эти попытки не привели ни к каким крупным результатам, т. к. не возникло местных великих княжений, а с другой, они оставили так мало следов в наших источниках, что нет возможности изучить это явление сколько-нибудь детально.

Теперь вернемся к великому княжению Владимирскому и тем волостям, которые остались под властью Ярослава Всеволодовича, ставшего великим князем после ухода татар. Передав свою отчину Переяславль сыну Александру, Ярослав сам сел во Владимире. За выделом Константиновичей и младших Всеволодовичей остальные волости Владимирские стали вотчиной потомков Ярослава Всеволодовича. Спорить с ними могли только их дяди Святослав и Иван. Но Иван умер раньше старшего брата¹⁷ (1247 г.), не много пережив Ярослава (ум. в 1246 г.). А Святослав, действительно, не сразу примирился с превращением Владимира в вотчину Ярославичей, своих племянников. Однако при брате он все-таки князь юрьевский, и только под его рукой ведает Ростов за время малолетства ростовских Константиновичей, да Суздаль все время, не сумев, однако, закрепить его за собой по смерти Ярослава.

Время Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича — сложный период заката суздальской силы и славы, распада Суздальщины на самостоятельные части. Ярослав, вернувшись в разоренный Владимир, не только восстанавливает город, очищая его от трупов и отстраивая церкви, но стремится вернуть и установившееся до него значение своего стола. В следующем (1239) году он обороняет Смоленск от Литвы и водворяет там Мстиславича Всеволода. Теснимый Орденом Новгород находит в нем опору. Там княжит Александр, победитель шведов и рыцарей. Но в 1239 г. татары напомнили о себе новым набегом и большим полоном. В 1243 г. пришлось ехать в Сарай, а сына Константина отпустить к великому хану, а в 1245 г. самому отправиться на берега Амура к хану Угедю. По дороге Ярослав скончался; летопись сохранила темные слухи о большом «истомлении» его в Орде из-за доносов на него хану какого-то Федора Яруновича и о «нужной» его смерти. Ярослав оставил распоряжение на случай смерти, по-видимому, «приказав» сыновей своих брату Святославу.

¹⁷ Имеется в виду князь Святослав (1196–1252). — *Ред.*

«Святослав, — говорят летописи, — сын Всеволожь, седе в Володимери на столе отца своего, а сыновци свои посади по городом, якоже бе им отец урядил Ярослав»¹⁸.

Восстановить это наделение Ярославичей не представляется возможным, т. к. отношения не замедлили запутаться. Ярославичи не примирились с переходом старейшинства и [города] Владимира к Святославу. Старшие, Александр и Андрей, поехали в Орду, оттуда посланы в 1247 г. к «Кановичам» — наследникам великого ханства — и вернулись только через год с лишним. А пока четвертый Ярославич, Михаил, прозвищем Хоробрит, которого некоторые [летописные] тексты в известии о его смерти называют Московским (Новг[ородская] IV и Тверская), согнал дядю с Владимира, но погиб в том же году в битве с Литвой на Протве¹⁹. А в Орде тем временем состоялось решение хана: Александр получает «Киев и всю русскую землю», а Андрей княжение Владимирское. Князьям, видимо, пришлось снова сгонять дядю Святослава с Владимира. Приехали они, видимо, вместе, и на погребении двух князей, скончавшихся во Владимире (Владимира Константиновича углицкого и Василия Всеволодовича ярославского) первую роль, по летописным текстам, играет Александр. Тут был, видимо, съезд князей, на котором решены передача Углича князьям ростовским и сохранение Ярославля за Марьей Васильевной, которую потом выдали замуж за смоленского князя Федора Ростиславича. Александр затем уехал в Новгород, Андрей сел во Владимире. Дяде их Святославу пришлось удовольствоваться Юрьевом-Польским.

По всей видимости, перед нами любопытный момент политики Александра, может быть, связанный и с политикой ханской — иметь великого князя подручника для всей Руси. Но прошло года два — Андрея постигает ханская опала. Известия так отрывочны, что трудно их связать в одно понятное целое. В 1250 г. Андрей женился на дочери Даниила Романовича галицкого. Это годы, когда Даниил «держаше рать с Куремсою». С юга перед тем приехал митрополит Кирилл и от Андрея поехал к Александру в Новгород. Описывая момент, когда Андрею пришлось бежать от татар, летописи передают, что он «здума... с своими бояры бегати, нежели цесарем служити»²⁰. Позволяют ли эти намеки предположить, что шли в начале 50-х гг. XIII в. сношения с югом, подготовка попытки подняться

¹⁸ Летопись по Лаврентиевскому списку. С. 448. 1247 г.

¹⁹ Полное собрание русских летописей. Петроград, 1915. Т. IV. 2-е изд. Ч. 1. Вып. 1. С. 230; СПб., 1863. Т. XV. Стб. 395.

²⁰ Летопись по Лаврентиевскому списку. С. 449.

против татар? Если да, то Александр к ней не пристал. В 1252 г. он был в Орде, когда хан послал Неврюя на Андрея (ср.: в 1253 г. Куремса начинает наступление на Даниила, завершнное Бурундаем). Это нашествие Никоновский свод, а затем историки XVIII и XIX вв. поставили на счет Александру. Домысел возможный в том смысле, что Александр поехал в Орду, видимо, для предотвращения чужой грозы и отделился от брата перед ханом, — но только домысел. Андрей бежал в Колывань и за море, к шведам; на Руси пошли даже слухи, что там он и погиб. Великое княжение и старейшинство во всей братии получил Александр и занял Владимир.

Как вассал ордынский, Александр стал проводником установления татарского владычества в Северо-Восточной Руси. Волнения только начинались бегством Андрея. В 1254 г. бежал другой брат, Ярослав тверской, в Новгородскую землю: новгородцы держали его в Ладоге и Пскове. В самый Новгород Александр посадил сына Василия; в 1255 г. новгородцы его согнали и посадили Ярослава, но Александр восстановил сына и продолжал защиту северо-западной окраины от шведов и финнов. Однако и Василий Александрович пристал к противникам отцовской татарской политики. В 1257 г., когда Александр прибыл в Новгород с татарскими послами проводить перепись и установление дани, «Василий побеже» от отца в Псков. Но Александр «выгна сына своего» из Пскова и «посла в Низ», а «дружину его казни: овому носа урезаша, а иному очи выимаша, кто Василья на зло повел», а в Новгород посадил сына Дмитрия²¹. Все эти отношения Александра к Андрею, Ярославу, Василию не борьба междукняжеская, владельческая, а черта его татарской политики. Такое заключение представляется мне более соответствующим текстам летописных известий и, главное, подтверждается дальнейшими отношениями к братьям. Андрей вернулся на Русь в 1256 г., получил от брата Нижний Новгород и Городец, а потом, когда удалось дарами примирить с ним хана, и Суздаль, где он умер и погребен (1264 г.). Ярослав вернулся в Тверь и далее действует всюду вместе с Александром, ходит от него в походы. Брат Василий сидит в своей Костроме, Константин — в Галиче Мерянском. Вероятно, такое распределение сыновей по волостям — дело ряда Ярослава Всеволодича, исполненного в 1247 г. Святославом.

²¹ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888. С. 278, 280.

Сам Александр (ум. в 1263 г.) оставил четырех сыновей: Василия, Дмитрия, Андрея и Даниила. О судьбе опального Василия мы ничего не знаем: только Воскресенский свод отметил его кончину под 1271 г. Дмитрий при отце княжил в Новгороде, но изгнан оттуда при первой вести о кончине последнего и возвращается в отчинный свой Переяславль. Андрей и Даниил были малолетними, и вопрос об их княжом наделении возник позднее. О Переяславле речь уже была: его вотчинная принадлежность определилась еще при Ярославе и Александре, сохранявших его как свой княжой город и на великом княжении: явление, характерное и для киевских князей последнего периода киевского старейшинства.

В этом месте моего изложения естественно бы поставить вопрос о княжествах Суздальском и Тверском как выделившихся в вотчинное владение особых линий при и после Александра. Но предпочитаю сперва закончить с великим княжеством Владимирским, чтобы не дробить вопроса о местных великокняжествах Северо-Восточной Руси.

Александровичи были слишком юны, чтобы стать за признание Владимира своей отчиной против таких дядей, как Ярослав тверской и Василий костромской. Старший из них, Василий, вероятно, устранен отцовской опалой: иначе не знаю, как объяснить его исчезновение с поля действий княжеских; вероятно, он и княжения не имел никакого. А при известии об удалении Дмитрия со стола новгородского летописи отмечают: «зане князь еще мал бяше»²². Ярослав отправился в Орду и вывез себе ярлык на великое княжение. Существенно отметить одну черту этого великого княжения Владимирского. Александр Невский, укрепив власть свою в Новгороде, по отношению к которому он выступил, как и в Суздальщине, органом ханской власти, установил связь стола новгородского с великокняжеским и держал в своих руках новгородскую политику через сыновей. Старший втянут в местную жизнь новгородскую и понес кару с думцами своими. Это усиление княжеской власти в Новгороде, опиравшееся, по-видимому, на интересы значительной партии «больших» бояр новгородских, вызывало ропот свободолубивой общины. Ярославу удалось сесть на столе новгородском только в 1266 г. (а сына Святослава посадить в Пскове) после долгих переговоров с новгородцами. Они требовали обещания отступить от того насилия, что деял в Новгороде князь Александр, а держать Новгород по старине, как было при их отце и деде. По существу Ярослав принял условия в несколько измененной редакции.

²² Там же. С. 283.

Своими силами и татарской помощью защищал он Новгород, но стремление править по-своему вызвало новый разрыв в 1270 г. Этот разрыв кончился миром снова «на всей воле Новгородской», и то при посредничестве митрополита Кирилла. Ярослав снова, в присутствии татарских послов, сел на столе новгородском. Через год, в 1271 г., он умер и похоронен в Твери. Тверь перешла к его потомкам-вотчикам, а великое княжение Владимирское занял Василий костромской, брат его. Но в Новгороде ему не сразу удалось утвердиться. Соперником выступил Дмитрий Александрович — «и сташа обои послы на Ярославли дворе», новгородцы же «яшася по Дмитрия»²³. Василий при Ярославе выступал защитником новгородцев, хлопотал за них в Орде, отклонил от брата татарскую помощь и тем помог новгородцам заключить с Ярославом договор на всей их воле. Став великим князем, он меняет тон, идет по следам других князей владимирских в наступление на новгородские вольности, а новгородцы ищут опоры в племяннике его, Дмитрии переяславском. Захват Торжка и волостей новгородских (Волок, Бежецк, Вологда), голод и дороговизна заставили новгородцев смириться.

В 1276 г. Дмитрий беспрепятственно занял и Владимирское, и Новгородское княжения, деятельно продолжал работу предшественников по защите и укреплению западной окраины, построил город Корелу. Но к 1281 г. опять назрел разрыв с крепнущей властью князя. Поднялось против него и движение младших князей, сплотившихся вокруг его брата Андрея, который сумел добыть на Дмитрия и ярлык ханский, ему, Андрею, отдававший великое княжение. Началась разорительная и суетливая борьба, в которую Андрей ввел ордынцев, а Дмитрий ногайцев, младшие князья держали сторону Андрея, а Новгород был бы главной опорой для победителя, если бы мог сойти на роль орудия княжеской политики. Самостоятельность Новгорода и грабеж татар, не щадивших своих же союзников, заставили князей помириться. Дмитрий, вернув себе великое княжение, продолжает, однако, попытки держать князей под рукою своею, претендует на действительность разлагавшегося великокняжеского старейшинства. Михаил тверской «не восхоте поклониться великому князю Дмитрию», — но был принужден к миру. Но в 90-х гг. XIII в. князья с Андреем снова поднялись на Дмитрия, который потерял великое княжение, скитался беглецом и умер в 1294 г., пробираясь из Пскова в свой сожженный противниками Переяславль.

²³ Там же. С. 295. 1272 г.

Это — агония Суздальщины, агония великого княжения Владимирского как реальной политической силы. Она вызвана упадком интересов, питавших потребность объединения, усилением татарской власти, с одной — и новгородской вольности, с другой стороны. Оба эти явления вырывали из-под ног у владимирских князей почву для усиления своей власти и ее оправдания широкой политикой, которая была бы делом всей Северной Руси. По смерти Дмитрия Андрей занял великокняжеский стол владимирский. На следующий год против него — Тверь, Москва и Переяславль. Пскову и Новгороду он помогать не в силах. Они сами ведут свою оборону. Вопрос о Переяславле решен по смерти Ивана Дмитриевича на княжеском съезде при участии Андрея, но против него. Великое княжение Андрея (ум. в 1304 г.) — тень, и очень бледная, того, что было и ушло в прошлое. Начиналась борьба Москвы и Твери за владимирское наследство. Единственный сын Дмитрия — скромный вотчич переяславский. А территория, оставшаяся при стольном великокняжеском Владимире, не став ничьей сепаратной вотчиной, урезанная и незначительная, как *res nullius*, — предмет вотчинных захватов и примыслов, судьба которого, впрочем, [находится] в тесной связи со спорами о выдохшемся, но еще идейно ценном титуле великого князя владимирского.

Глава IV

ОБЛАСТНЫЕ ВЕЛИКИЕ КНЯЖЕНИЯ УДЕЛЬНОГО ПЕРИОДА

Борьба центростремительных и центробежных сил и интересов одинакова по всей Руси и дает сходные результаты, хотя и с решительными отличиями по условиям. Борьба старейшинства (единства распоряжения силами и средствами страны) и вотчинной «опричины» (стремление к независимости и полноте местной власти в формах землевладельческо-вотчинного владения) и их синтез — в территориальной власти патримониальной монархии — наполняет политическую историю и киевской, и удельной Руси, но, по мере «распада», арена ее развития быстро сужается. С падением Киева идет возвышение силы и влияния окраинных областей, живущих местными интересами. На юге Галицко-Волынское княжество, потеряв связи с северо-востоком, изнемогает в борьбе за объединение юго-запада. На северо-западе белорусские области постепенно сплавиваются с землями литовскими в Великое княжество Литовское. Черниговщина рассыпается в XIII в. на вотчинные атомы, частью стянутые к Брянску, затем к Смоленску, чтобы войти, наконец, в политическую систему Литовскую. В этих областях исторический процесс быстро мельчает, и более широкие отношения возрождаются лишь в постепенном внутреннем росте народной культурной общности, слагающейся в культурно-исторические типы украинской и белорусской народностей.

Иначе сложились судьбы севера. Тут также идет процесс распада, дробления, но развивается он позднее, чем на юге. До татарского нашествия политический быт северной Руси держит форму строя двух систем: системы Новгородской и Ростово-Суздальской. Господин Великий Новгород с обширными волостями и великое княжение Владимирское во главе Суздальщины тесно связаны между собой. Раскинувшись на транзитных путях из Северной Европы в Азию, от Балтики в Поволжье и к Уралу, они тесно сплетены историческими судьбами и в пору дотатарскую, и позднее, в XIII в., когда и высший политический титул севера отливается летописными текстами в формулу великого княжения Владимирского и Великого Новгорода, а занятие стола новгородского так тесно связано с положением великого княжения Владимирского, что приобретение одного без другого расшатывает, а утверждение на обоих укрепляет всю его позицию.

Несмотря на сильные внутренние раздоры, Ростово-Суздальская система сохраняет единство до гибели Юрия Всеволодовича на [р.] Сити. Падение Киева, замкнутость Галицко-Волынского княжества в делах южных обеспечивают князьям владимирским свободу от соперников в Новгороде, сильное влияние на Смоленск, покорность князей муромских и рязанских. Во внутреннем строе Суздальщина хранит старые формы — братство князей под старейшинством одного из них, их одиначество в делах внешних, в борьбе с финнами и болгарами или в поддержке преобладания над Новгородом. Сильное развитие боярства в духе отношений, какие в ту же пору наблюдаем, например, в Галиче, сломлено Всеволодом Юрьевичем, чтобы снова сказаться позднее, в ходе событий XIV–XV вв. В сущности, только хмара татарской силы, нависшая над русским северо-востоком, окончательно сломила эту старую жизнь Суздальщины, усилив и ускорив процесс ее внутреннего распада. Засорились пути поволжского торгового движения, остановилось на столетие колонизационное движение и боевое наступление великорусской народности на восток.

В этом процессе вотчинного распада характерно вырождение княжого владения до уровня привилегированного землевладения, если только те или другие княжества (как Переяславль, Углич, Юрьев-Польский) не перейдут рано в руки более сильные, великокняжеские. Так, и Стародубье, и Белозерье быстро рассыпались на вотчинные атомы, приближая свое княжое владение к типу землевладения так называемых княжат позднейшего времени. Обычно-правовая основа этого вотчинного дробления столь же стара, как сама история князей Рюрикова рода: это крайнее развитие тех начал семейно-вотчинного княжого владения, с которыми встречаемся на первых же страницах русской истории, освобожденных от ограничения политической потребностью объединения сил, создавшей на время реальное значение «одиначества» и «старейшинства». Чистый, если можно так выразиться, тип вотчинного княжения, не входящего в большие политические комплексы или, по меньшей мере, слабо и внешне с ними связанного, можно искать, прежде всего, среди этих княжений в те недолгие промежутки, когда распались уже [более крупные] княжения, коих они часть составляли, но не совершилось еще их подчинение растущей Москве. Для большинства [из них] такого промежутка вовсе нет, для многих — нет источников со сведениями об их судьбе и состоянии. А вотчинные княжения под московской властью — уже осложненное новыми условиями явление, черта скорее социального, чем политического быта Северо-Восточной Руси. Это положение вопроса крайне затрудняет

точную оценку того утвердившегося в нашей историографии мнения, что для «вотчинных княжений» характерно так называемое «смешение государственного права с частным, гражданским» и что на них распространяются основные формы частно-правового распоряжения имуществом: продажа, передача по завещанию, отдача в приданое. Роль некоторых актов такого типа в технике московских «примыслов» может, скорее, представиться новообразованием, искусственно созданным московской силой, а древнейшие примеры, как передача Переяславля Москве или Ярославля Федору Ростиславичу (вместе с рукой ярославской княжны), имеют форму «дачи» города князю великим князем на съезде князей, притом в Переяславле не без участия жителей; т. е. формы [эти] старые, известные и из киевского периода.

Все это лишает меня возможности настаивать на «частно-правовом» характере княжого владения XIII–XIV вв. как сколько-нибудь сложившегося явления истории русского права, если только не видеть «частноправности» во всяком династическо-владельческом праве и тем более в самом принципе раздела отчины между князьями-наследниками. В этом смысле, конечно, все династическое право княжого дома в древней Руси построено на аналогии с семейно-наследственным правом населения. Но центр вопроса не тут: к землевладельческому (частно-правовому) все больше приближалось княжое право не столько в междукняжеских отношениях, сколько во внутреннем укладе отношений князя-вотчика к территории и населению его вотчинного княжения, о чем речь еще будет впереди.

Любопытнейший для историка продукт вотчинного распада Северо-Восточной Руси — великие княжения Суздальско-Нижегородское, Тверское и Московское, рядом с которыми стоит великое княжение Рязанское. Тут перед нами новообразования, историко-политические образования особого типа. В то время как другие отчины быстро мельчали, рассыпаясь чем дальше, тем больше на мелкие владельческие единицы, быстро терявшие значение сил политических, великие княжения Северо-Восточной Руси пошли по пути попыток сохранения цельности относительно крупных владельческих комплексов, с сохранением за ними известного единства и политической силы. Этот тип *местного, или областного, великого княжения* требует внимания не только потому, что стал колыбелью Московского государства, но и потому, что его организация и есть подлинная представительница удельного порядка в собственном смысле термина.

Общая историческая черта Твери, Нижнего и Рязани в том, что они — каждый город по-своему — явились естественными преемниками тех или иных задач владими́ро-суздальской политики прежнего времени.

Отношения западные — к Швеции, Ливонскому ордену и Литве, восточные — к восточно-финским племенам и Поволжью, южные — к беспокойной степи не только не заглохли от ослабления Суздальщины как целого, а должны были скорее обостриться. Враждебные силы стали смелее, вызвали нужду в самообороне, не давая по крайней мере окраинным областям Северо-Восточной Руси покоя в ее распаде, вынуждая к напряжению сил, их организации на борьбу. Сильнее была опасность на западе, ярче сказались тут и последствия ее требований. Тверь Ярослава Ярославича и его потомков растет и зреет в сравнительно крупных задачах своей внешней политики — защите Новгорода и Пскова, все учащавшихся столкновениях с Литвой, сложных политических и торговых отношениях к Новгороду, Пскову, Смоленску. Собственные интересы Тверской земли делали Тверь естественным центром этой западной политики русского северо-востока. В конце XIII — начале XIV в., при Михаиле Ярославиче, складывается сознание необходимости расширения территориальной и политической базы, на которую опирались силы, потребные для этой политики. Тверской князь делает ряд покушений на волости Новгородские, на Москву, на Нижний. Неудача этих попыток предредила, что не Твери быть преемницей старых князей Владимирских и Александра Невского. Она расплачивается тяжелой борьбой за независимость и самое существование. Пришлось отступить от большой политики, создавшей великое княжение Тверское, замкнуться в более узких, чисто местных интересах.

Суздальское княжество, переродившись в великое княжество *Нижегородское*, просуществовало слишком недолго, всего каких-нибудь лет 40, и притом это краткое бытие его было слишком бурным, чтобы успел сложиться в нем определенный строй внутренних отношений. Исторический интерес этого княжения лежит в другой стороне его судьбы и положения. Территория Суздальско-Нижегородской вотчины потомков Андрея Ярославича сложилась не без колебаний. Волость Андрея сложилась из Суздаля, Нижнего Новгорода и Городца-Волжского, когда Андрей примирился с братом Александром в конце 50-х гг. XIII в. Сыновья Андрея считали эти города своей отчиной, хотя Городец отошел — не ясно когда, при великом князе Андрее, или по его смерти — к сыну Невского, Андрею Александровичу, которой в Городце и умер в 1304 г. Есть указания, что он овладел и Нижним Новгородом, но поздние, и трудно их проверить. По смерти его, Андреевичи Михаил и Василий владеют Суздалем и Городцом, вероятно, и Нижним, хотя последнее их владение не было, судя по крайне сбивчивым летописным известиям, спокойным обладанием. В борьбе между Москвой и Тверью Андреевичам приходилось терпеть похмелье

на чужом пиру. Определеннее и значительнее становится история этой Суздальско-Нижегородской волости при Константине Васильевиче.

К середине XIV в. этот край начинает возрождаться. Прошли наиболее тяжкие времена татарщины, и жизнеспособность Северо-Восточной Руси переживает нарастающий подъем. Недавно проф. Любавский высказал гипотезу о том, что тяжкие удары татарских нападений после Батыева погрома вызвали «заметное захирение» средней и восточной частей Низовской земли и сдвиг ее населения к западу, обусловивший быстрый рост Твери и Москвы¹. Гипотеза эта — не хуже (хотя и обоснована немногим, кроме общего рассуждения по поводу перехода преобладающей силы от Ростова, Суздаля, Переяславля к Твери и Москве), чем ходячая теория о массовом приливе на северо-восток населения с юго-запада. Она, несомненно, проще и естественнее объясняет явления, чем эта последняя, построенная на крайне искусственных и произвольных соображениях. М. К. Любавский мог бы и еще полнее обрисовать тяжкое положение восточной и северо-восточной полосы данной области, если бы указания на татарские опустошения и разорения связал с усилением, накануне Батыева прихода, опасности от объединившихся мордовских племен, с которыми князьям XIII и XIV вв. пришлось вести почти непрерывную борьбу. Эта борьба не меньше, чем столкновения с поволжскими татарами, придавала Нижнему Новгороду исключительное стратегическое значение, а его пограничное положение на рубеже русского и инородческого мира рано развило его значение торгового центра.

В середине XIV в. это значение Нижнего Новгорода выступает уже явно, несмотря на отрывочность дошедших до нас известий. Сюда, в Нижний, переходит князь суздальский Константин Васильевич, и с его времени в летописях идет речь о великом княжении Нижегородском. Ему суждено было начать возрождение великорусского движения на восток, остановленного условиями предыдущей эпохи. Летописное предание, сохраненное «Нижегородским летописцем», приписывает ему роль колонизатора Нижегородской области: «и повелел Русским людям селиться по Оке и Волге и по Кудме рекам, на Мордовских селищах, где кто хочет»². Его волость — с Нижним, Суздалем, Городцом, Бережцом на усть-Клязьме, Юрьевцем-Поволжским и Шуей — стала опорным пунктом

¹ Любавский М. К. Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1909. Вып. I. С. 70–71.

² Нижегородский летописец / работа А. С. Гациского. Нижний Новгород, 1886. С. 2–3.

для дальнейшего движения и обороной для внутренних областей Велikorossии. При смерти [князя] Симеона Московского (1353 г.) Константин Васильевич чувствовал себя настолько окрепшим, что даже «сперся о великом княжении» с Иваном Ивановичем, нашел даже поддержку новгородцев, но хан отдал великое княжение Москве. Через два года соперники помирились: «князь велики Иван Ивановичъ взя любовь со князем Константином Васильевичем суздальским»³. Значение Константина Васильевича подчеркивается и тем, что Ольгерд, великий князь Литовский, выдал дочь за его сына Бориса. Княжение [впоследствии] перешло к его [другому] сыну — Андрею, который признал Ивана московского старшим братом и выполнил, по-видимому, ряд отца, допустив вокняжение братьев — Дмитрия в Суздале, Бориса в Городец. Но это не повело еще к вотчинному распаду: Андрей до конца жизни остается князем суздальским и Новгорода Нижнего, и городецким. В 1359 г. татары сделали попытку противопоставить его московскому князю, но, по не очень, впрочем, надежному рассказу, он «про то не ялся»; борьбу с Дмитрием московским начал, вооружившись ханским ярлыком, брат его Дмитрий Константинович суздальский. Борьба эта, несмотря на сочувствие Великого Новгорода, принявшего Дмитриевых посадников, кончилась миром, союзом с Москвой и покорностью ей. В 1364 г. Дмитрий Константинович сам отказался в пользу Москвы от ярлыка ханского. За то, по смерти Андрея, московская сила поддержала его при попытке брата Бориса перехватить у него Нижний.

Дмитрий Константинович стал великим князем Нижегородским, передав Суздаль сыну (Василию Кирдяпе), а Борис остался при своем Городец. Этот Дмитрий усилил Нижний построением каменного Кремля. При нем ярко выступает значение Нижегородского княжества как восточного форпоста Руси. Нижегородские князья отбивают набег Булат-Темира (1367 г.), терпят, отбиваясь по силе, набеги татар Мамаевых, нападение царевича Арапши, принесшее сильное разорение Нижегородской области. В 1378 г. Нижний сожжен татарами, и трудность положения заставляет князей отсутствовать на Куликовом поле (послав туда только полки свои), смиряться перед Тохтамышем. Зато суздальско-нижегородские князья, отчасти опираясь на Москву, успешно наступают на камских болгар и на мордву. В 1375 г. Дмитрий Константинович поднял поход на болгарских князей вместе с московскими полками, — и князи болгарские «добили челом» великому князю и тестю его князю Дмитрию Констан-

³ Полное собрание русских летописей. СПб., 1885. Т. X. С. 228, 6863 г.

тиновичу «двема тысяча рублев, а ратем их тремя тысяча рублев», и приняли к себе таможенника и даругу великокняжеского. Упоминание о таможеннике связывает это известие с указаниями на развитие торгового нижегородского, за который Нижний Новгород расплачивался набегами ушкуйников, грабивших купцов, нападая на Нижний и по Волге до самой подчас Астрахани. За набеги мордвы князь мстил походами, которыми «всю землю их пусту створиша», и прочищали все дальше колонизационные и промысловые пути.

Все эти черты несколько освещают, что подняло на время силу и значение великого княжества Нижегородского. Напряженность всего положения поясняет и то, почему после первых раздоров братья Константиновичи далее действуют вместе. Бориса видим в походах вместе с сыновьями Дмитрия; он в 1372 г. строит крепкий городок Курмыш на берегу Суры и т. п. По смерти брата в 1383 г. Борис получил ярлык на великое княжение Нижегородское и сел, урядившись с племянниками («в мире и в любви») «на отчине и дедине своей в Суздале и в Нижнем Новгороде и на Городец»⁴. Но «братаничи» его недолго мирились с его старейшинством. Когда (1387 г.) Василий Кирдяпа вернулся из Орды, где его долго держали заложником, он получил ярлык на Нижний и вместе с братом Семеном Суздальским согнал с помощью московского Дмитрия дядю на Городец. По смерти Донского Борис вернул себе Нижний, но ненадолго. Великий князь Василий Дмитриевич решил покончить с нижегородскими смутами. Судьба Нижнего предreshалась его важным значением и ролью передового поста великорусской силы и великорусских интересов, для которых Москва уже определилась как руководящий центр. В 1392 г. Василий Дмитриевич получил себе от хана Нижний и Городец, заточив Бориса с женой, детьми и думцами. На другой год великий князь пошел на Дмитриевичей суздальских, и те побежали от него в Орду к царю Тохтамышу. Кирдяпа через девять лет умер в Городце, видимо, смирившись подручником. А Семен пробовал раза два наводить на Нижний казанских татар; скрывался в «Мордве» и кончил жизнь в Вятке, смирившись перед Москвой. Потомки Кирдяпы сидели смирно на Суздале и его волостях подручными князьями, и от них пошло многоголовое княжье суздальского происхождения, игравшее видную роль в рядах московского боярства. Вспышки старой памяти о былой владельческой самостоятельности в их среде встретятся нам позднее.

⁴ Полное собрание русских летописей. СПб., 1897. Т. XI. С. 84.

Что же такое великое княжение Нижегородское? По-видимому, простой исторический рецидив от вотчинного распада — к временному одиначеству князей этой земли под старейшинством великого князя Нижегородского. Оно держалось, потрясаясь от времени до времени раздорами, вырвавшимися на почве борьбы за старейшинство, к которому Дмитриевичи, например, пытаются применить вотчинный принцип; держалось до тех пор, пока его питали напряжение самообороны и попытки колониционного творчества, и пало, оставив после себя развалины мелкого вотчинного княжого владения, когда его центр и его задачи перешли в другие, более сильные руки. Нового компромисса между тенденциями политического единства великого княжения и вотчинного владения его частями (для младших князей) тут так и не выработалось, не успело выработаться.

Временно и ненадолго поднялось значение великого княжества Нижегородского на востоке старой Ростово-Суздальской области в XIV в. Причина тому в притоке сюда русской силы на возобновление колониционного движения, наступательной борьбы с финскими племенами, с мордвой, новое постепенное оживление торговли с Прикамьем, средним и нижним Поволжьем. В этом историческом значении своем великое княжество Нижегородское является носителем традиции восточной политики Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, Всеволода III и прокладывает заново пути [для] ее возрождения в деятельности московских государей XV и XVI вв. Но оно было слишком окраинным, слишком подверженным ударам татарского мира, чтобы из форпоста восточно-русской силы стать ее организационным центром. Покушения нижегородских великих князей на великое княжение Владимирское были слишком ничтожны и безнадежны. Быть может, в них надо видеть верное сознание необходимости для большого дела иметь опору в центральных областях Северо-Восточной Руси. Как бы то ни было, эта необходимость не замедлила отдать и задачи, какие преследовало нижегородское великое княжение, и его самого в те руки, которые постепенно сосредоточили силы великорусского центра, — в руки Москвы.

Аналогичное значение для западной политики и западных отношений Северо-Восточной Руси имело в ту же пору великое княжество *Тверское*. Его рост и расцвет, как и раннее падение, также обусловлены трудностями и выгодами окраинного положения на данной исторической территории.

Времени основания Твери не знаем. Первое упоминание о ней находим в рассказе о событиях 1209 г. Ее первоначальное значение — укрепленного пункта при слиянии Тверцы и Волги — наводило некоторых исследователей (Беляев, Борзаковский)⁵ на мысль, что Тверь основана новгородцами в связи с положением на Тверце Торжка. Они указывали, что еще в [уставной] грамоте князя Всеволода Мстиславича церкви св. Иоанна на Опоках, в 30-х гг. XII в., упомянут среди купцов Новгородской области «тверской гость»⁶. Если бы признать это упоминание принадлежностью первоначальной редакции Всеволодова устава, то древность Твери значительно увеличилась бы. Но оно может быть и прибавкой того времени, когда торг между Новгородской и Тверской землями был по договорам «без рубежа». С XIII в. Тверь — пограничное укрепление Суздальской земли, опорный пункт действий суздальских князей против Торжка и новгородцев.

Особого князя Тверь получила в 1247 г., когда великий князь владимирский Святослав Всеволодович посадил племянников своих Ярославичей по городам, «якоже бе им отец урядил Ярослав»⁷. Тверь стала вотчиной Ярослава Ярославича и его потомков. После смуты в братьях Ярославичах, вызванной их разногласиями по вопросу об отношении к татарам, Ярослав с 1258 г. утвержден ханом и княжит на Твери под рукою великого князя Александра Ярославича, ходит в походы по его «посылке», а по его смерти получил ярлык на великое княжение Владимирское, занял с 1266 г. и стол новгородский, ведя до кончины своей в 1271 г. великокняжескую политику в духе Александра. Примирение с ханской властью дало ему возможность пользоваться татарской военной силой в защите Новгорода и Пскова от западных соседей, великокняжеское достоинство — объединять князей Северо-Восточной Руси и для этих походов, и для смирения Великого Новгорода. Все участвовавшие столкновения с Литвой, торговые и политические связи с Новгородом, Псковом и Смоленском выдвигали Тверь как естественный центр этой западной политики великорусского северо-востока. Она совпадала с собственными интересами Тверской земли. Ярослав — глава северного улуса ханского и на стол новгородский

⁵ Беляев И. Д. Русская земля перед прибытием князя Рюрика в Новгород // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 8. Отд. I. С. 87. Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 14-19.

⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. 3-е изд. Киев, 1885. Вып. I. С. 236.

⁷ Летопись по Лаврентьевскому списку. 3-е изд. СПб., 1897. С. 448.

сидится по договору с Новгородом, но опираясь на низовские силы и в присутствии ханских послов.

Однако властное положение это не закрепилось за его потомством. Из двух его сыновей старший, Святослав, был местным тверским князем, с трудом лавируя между Василием Ярославичем и потомками Александра Невского в их борьбе за Владимирское великое княжение и Новгород. Умер Святослав в 80-х гг. XIII в. без потомства. Тверским князем стал второй Ярославич, Михаил. Задачи западной политики с неизбежностью толкают его на более широкую историческую сцену. Их разрешение требует объединения все более значительных сил, а бессилие владимирского центра выступает все очевиднее. Характерен, например, набег Литвы 1286 г. На отражение его поднялись не только тверичи с зубчанами и ржевичами, но и новоторжцы, и волочане, и москвичи с дмитровцами. Точно так же и дела новгородские, и защита западных окраин от шведов или немцев — дело всей Низовской земли. Вопрос о том, кто объединит руководство всеми этими отношениями и нужные для того силы, создал при Михаиле соперничество Твери с Москвой. На первых порах — пока великим князем владимирским был Андрей Александрович — младшие князья-вотчици иногда объединяются против него, иногда служат ему друг против друга. Михаил тяготился великокняжеской гегемонией, еще в 1288 г. не хотел «поклониться великому князю Дмитрию»⁸. Но по смерти Андрея (1304 г.) Михаил, поддержанный не только своими, но и боярами умершего великого князя со знаменитым Акинфом во главе, сам стал на великое княжение. Его деятельность как великого князя интересна в том отношении, что он первый стремится стать против развившегося распада Суздальщины, притом пытаясь построить ее единство на ломке вотчинной самостоятельности ее частей-княжений. Эти попытки Михаила, хоть и неудавшиеся, свидетельствуют о нарастающем сознании, [того] что для большой политической силы необходимо широкое территориальное основание.

Насколько почин такой политики принадлежал самому Михаилу, а насколько его сотрудникам-боярам, решить, конечно, трудно. Но вероятнее второе, т. к. агрессивные шаги против Москвы и волостей Новгородских начаты боярами без Михаила, пока он был в Орде, добывая ярлык; сквозь отрывочные и сбитые редакциями московских сводов известия выступает деятельная роль боярина Акинфа, погибшего при попытке отнять

⁸ Полное собрание русских летописей. СПб., 1863. Т. XV. С. 406.

у московских князей Переяславль. Два нападения Михаила на Москву, 1305 и 1308 гг., были также отбиты, и в 1311 г. Михаил пытается захватить Нижний, в явном расчете на овладение обоими концами всей великорусской системы. На этот раз его замыслы были разбиты мечом духовным. Митрополит Петр недаром получил славу святого патрона города Москвы. Митрополит остановил поход своим неблагословением; Михаилу пришлось распустить рать и в трехнедельных переговорах с владыкой бить челом о разрешении от духовной кары. Эта своеобразная Каносса тверского князя разрушила его широкие планы. Теперь его положение заколебалось по всей линии. Во время поездки в Орду (к новому хану Узбеку) отложился Новгород, изгнавший наместников Михаила, чтобы призвать к себе Юрия Даниловича московского. И хотя Михаил получил ярлык на великое княжение Владимирское, стало быть, возможность подкрепить свои тверские войска силами «Низовския земли», и татарскую помощь, [а затем] смирил Новгород, захватил Юрьева брата Афанасия и наместника князя Федора Ржевского, — новгородцы продолжали борьбу поддержкой Юрия в Орде. По-видимому, этой поддержкой многое объясняется в успехах Москвы у хана, а наши обычные рассуждения о богатстве московских князей должны быть несколько исправлены указанием на крупную денежную помощь от богатого торгового города. Юрий, породнившись с ханом женитьбой на сестре его Кончаке и опираясь на поддержку влиятельного Кавгадыя, приобрел и ярлык на великое княжение, и татарское войско. Известно, как сгубила Михаила победа над врагом, плен и смерть Кончаки. Тверской князь казнен в Орде в ноябре 1318 г.

Михаил оставил четверых сыновей: Дмитрия, Александра, Константина и Василия. К сожалению, до нас не дошла его духовная, о которой в его житии есть прямое известие: прощаясь с сыновьями во Владимире перед последней поездкой в Орду, Михаил «отпусти их во свое отчство, дав им ряд, написав грамоту, разделив им отчину свою»⁹. Вотчинами внуков Михаила были: Александровичей — Холм и Микулин; Константиновичей — Дорогобуж; Васильевичей — Кашин. Видимо, таков и был Михайлов «ряд». Но при сыновьях его этот раздел еще мало отразился на единстве великого княжества Тверского. Им только намечалось разложение тверской силы, но тяжкое внешнее давление растущей Москвы еще поддерживало на некоторое время его единство.

⁹ Там же. СПб., 1856. Т. VII. С. 192.

С великим княжением Владимирским руководство общерусскими отношениями перешло к Юрию московскому, ему принадлежит первая роль в отношении к Орде, в Новгороде, в его обороне от шведского соседа. Тверские князья чувствуют потребность в какой-либо новой опоре, и в 1320 г. состоялся брак Дмитрия Грозные Очи с Марьей Гедиминовной, наметивший дальнейшее тяготение Твери к Литве. Впрочем, при Гедимине дела еще исторически молодого Великого княжества Литовского не настолько сложились сами в себе, чтобы это свойство сразу повлияло на дела между Москвой и Тверью. Зато в том же году Константин Михайлович женился на московской княжне Софье Юрьевне. По-видимому, брак этот послужил поводом для Юрия добиваться признания за собой реального старейшинства от князей Тверской земли, особенно от кашинского князя. Через год тесть идет на зятин Кашин и заставляет тверских князей выдать себе 2 тысячи рублей «выхода» татарского, судя по размеру суммы, со всей земли тверской. Эта попытка Юрия взять в свои руки «знание Орды» [т. е. контакты с ханом. — *Ред.*] за тверское княжество встревожила Дмитрия, и он воспользовался тем, что Юрий с полученным серебром отправился в Новгород, избегая встречи с ханским послом и, вероятно, чтобы увеличить свой сбор «выходом» новгородским, а затем явиться в Орду с большой данью хану, помимо его послов. По крайней мере из Новгорода Юрий поехал в Орду, везя «серебро», но по дороге был ограблен Александром тверским, а Дмитрий тем временем уже явился в Орду с жалобой хану, что его (хана) «выход» отнят у Твери Юрием. Гнев хана лишь отчасти был рассеян Иваном Калитой, который также был в Орде. Юрию пришлось ехать к хану для ответа, а Дмитрий получил ярлык на великое княжение и снова поспешил в Орду поддерживать свои обвинения, но, не дождавшись суда ханского, убил Юрия и сам погиб (1325 г.) жертвой такого самоуправства, казненный по ханскому приказу.

Однако ярлык на великое княжение достался его брату Александру, а не князьям московским. Дмитрий Михайлович умер бездетным, и его место занял брат Александр как великий князь владимирский и тверской, и новгородский. Заплатив за ярлык тяжелой данью, Александр через два года потерпел полное крушение, когда в 1327 г. тверичи избили татар, прибывших с Шевкалом, убили и его самого, двоюродного брата ханского. Это событие целиком использовал Калита, поспешив в Орду (конюхи татарские бежали в Москву от погрома). Характерны московские редакции рассказов о Шевкаловой гибели. Тут, с одной стороны, дело изображается так, будто Александр руководил избиением татар, а с другой —

будто Иван Данилович поехал в Орду не сам, а только по зову хана¹⁰. Вернулся он с большим татарским войском для наказания Твери. Дело это было поручено ему вместе с князем Александром Васильевичем суздальским. Между ними, по свидетельству источника, вошедшего в состав списков Новгородской I летописи («А се князи русьстии»), хан разделил великое княжение, притом так, что Ивану Калите назначил Новгород и Кострому, «половина княжения», а Александру суздальскому дал город Владимир и Поволжье¹¹. Летописные своды к этому 1327/28 г. относят посажение Ивана Калиты на великом княжении, но упомянутый источник к 1332 г., году смерти Александра суздальского, относит пожалование Ивана великим княжением «надо всею Русьскою землею, якоже и праотец его великий Всеволод Дмитрий Юрьевич»¹², т. е. восстановление единства великого княжения Владимирского и связанного с ним старейшинства. Передача Владимира суздальскому князю не может быть понята на основании этих известий как пожалование его великим княжением. Скорее, это любопытный по своей исключительности пример отделения «старейшинства от места» или места от старейшинства, раздробленного, а фактически оставшегося в руках Калиты. Александр Михайлович ушел в Псков, его братья с матерью бежали в Ладогу. Тверское княжество подверглось страшному разорению, не меньшему, чем Батыев погром.

По уходе татар вернулся на Тверь Константин Михайлович и «начаша помалу збирати люди и утешати от великиа печали и скорби»¹³. Брат Александр потом называл его «наставником и собирателем отчины, о нем же утврдишася людие по рати сей». Видимо, с трудом удалось Константину уладить отношения, примирив с собой хана, к которому он ездил в 1328 г. вместе с Калитой (вероятно, получившим в эту поездку великокняжеское старейшинство), и успокоить анархию в Твери; но по его возвращении «бояре и слугы в Твери и люди, избывшие от безбожных татар, утврдишася о нем», и стал он «княжити тогды тихо и мирно»¹⁴.

Эти годы — критические в истории великого княжества Тверского, и историк его Борзаковский справедливо отмечает, что с этой поры «Тверь должна была поневоле ограничиваться интересами более узкими, только

¹⁰ Там же. СПб., 1851. Т. V. С. 217; Т. VII. С. 200; Т. X. С. 194.

¹¹ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888. С. 437.

¹² Там же.

¹³ Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 195.

¹⁴ Там же. С. 209; Т. XV. Стб. 417.

своими собственными»¹⁵. Большая политика окончательно перешла в московские руки, хотя традиции прежнего значения долго еще волновали тверскую правящую и книжную среду, находя свое отражение и в действиях князей, и в местной тверской письменности XIV и XV вв. «Наста насилдование много, сиречь княжение великое Московское досталось князю великому Ивану Даниловичю», по выражению Жития св. Сергия Радонежского¹⁶. Константин Михайлович покорно служит хану и Калите в преследовании брата Александра, но в 1337 г. Александр сумел получить и прощение ханское, и стол тверской, беспрепятственно уступленный ему братом. Но есть известие, что с его возвращением связан отъезд многих бояр с Твери на Москву. Боярские силы, потянувшиеся было к Твери в дни Михаила Ярославича, теперь ищут более сильного центра в Москве. Александр, однако, сделал попытку вернуться на прежние пути, не «доканчивал» с Калитой, тягался с ним в Орде и погиб жертвой ханского гнева и московской интриги, убитый в Орде в октябре 1339 г. вместе с сыном Федором¹⁷.

С его кончиной вошли в силу новые условия тверской исторической жизни: нарастают признаки внутреннего распада и вотчинного измельчания. Основные мотивы всей дальнейшей внутренней истории великого княжества Тверского — вражда кашинской и холмской линий, все большее обособление Кашина с подчинением его московскому влиянию, и измельчание остального княжья до уровня княжат служебных. Начало раздоров возникло, по-видимому, на почве вопроса о внутренней самостоятельности удельных княжений и, стало быть, о степени непосредственной власти великого князя над всей территорией великого княжества. По крайней мере, первое столкновение произошло при Константине Михайловиче между ним и его племянником Всеволодом Александровичем холмским (и его матерью, вдовствующей княгиней Настасьей) из-за непосильного сбора «серебра», очевидно, «выходного», на дань татарскую. «И нача — великий князь — имати бояре их и слуги в серебре за волости, чрез людскую силу», — так говорит об этом летописное известие, разумея, по-видимому, какой-то вид правежа с бояр-наместников и слуг-волостелей по недоборам серебра «с волостей».¹⁸ Это произошло в последний год

¹⁵ Борзаковский В. С. История Тверского княжества. С. 126.

¹⁶ Полное собрание русских летописей. Т. XI. С. 128.

¹⁷ Ср.: Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Петроград, 1918. С. 157. Прим. 4: указан 1338 г.

¹⁸ Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 217.

жизни Константина — 1345 г.; нелюбие между князьями привело к бегству Всеволода холмского в Москву к Семену Ивановичу, а затем дядя и племянник поехали судиться к хану, но Константин тут, в Орде, неожиданно скончался.

Его сыновей Семена и Еремея видим потом незначительными князьями дорогобужскими, а великое княжение Тверское по вестям о смерти брата занял Василий Михайлович кашинский. Собравшись за ярлыком в Орду к Джанибеку, он начал с того, что «ис Кашина присла данщиков своих во удел князя Всеволода Александровича в Холм, и взяша дань на людех в Холму»¹⁹. Но Всеволод, бывший в Орде, сумел получить себе ярлык на великое княжение и, едучи домой с ханским послом, встретил дядю и ограбил его. «И сътворися межи ими нелюбие, а людем Тверским тягость, и мнози люди Тверския того ради нестроения разыдошася»²⁰. Но на этот раз «брань велия» кончилась без кровопролития. Владыке тверскому Федору удалось ввести князей «в мир и в любовь». Всеволод сступился великого княжения дяде Василию, и укрепились они меж собой крестным целованием «во единомыслии, и в совете, и в единьстве жити»²¹. Но это одиночество незамедлило снова разбиться о тот же вопрос самостоятельности удела и власти великокняжеской. Укрепив за собой великое княжение ярлыком хана Ахмата, Василий Михайлович «нача братанича своего князя Всеволода Александровича обидети чрез докончание и бояр его и слуг его тягостию данною оскорбляти»²². Их «докончания» мы не знаем, но, если верить приведенному тексту, Всеволод выговорил себе либо независимость в сборе дани, либо какие-то льготы по нему. И снова поднялось «неимоверство и нелюбие» между князьями. Внутренняя смута сплелась с внешними отношениями. Всеволод холмский выдал сестру Ульяну Александровну (с разрешения Семена московского, женатого на другой его сестре, Марье) за великого князя литовского Ольгерда, а Василий Михайлович женил сына на московской княжне Василисе Семеновне. Кашинский князь тянет к Москве, и наместники Семена не пустили в 1356 г. Всеволода в Орду, а затем московские войска помогли Василию вернуть Ржев от Литвы. Тщетно пробрался Всеволод холмский к хану через Литву, как тщетно перед тем взывал о заступничестве

¹⁹ Там же. С. 218.

²⁰ Там же. С. 218–220.

²¹ Там же. С. 221.

²² Там же. С. 223.

к митрополиту Алексею («о своих обидах, что ся ему учинено через докончание»). Влияние Москвы, ее великого князя и митрополита было против него, и хан «без суда» выдал его Василию. И этот, как князь великий, взял силу над Холмским уделом: «и бысть князю Всеволоду Александровичю от дяди его, князя Василя Михайловича томление велие, такоже и бояром его и слугам и продажа и грабление велие на них; такоже и чръным людем даннаа продажа велиа»²³.

Но прочно укрепить великокняжескую власть Василию не привелось. Кончина в 1359 г. Ивана Ивановича московского и смуты по его смерти, захват великого княжения Владимирского Дмитрием суздальским подняли вес Всеволода холмского. Этот князь еще за год до того ушел в Литву к Ольгерду, Литва сильнее стала наступать к востоку. Андрей Ольгердович занял Ржеву, а с суздальскими князьями и холмская семья, и великий князь литовский были в близком свойстве. Брат Всеволода Михаил был женат на сестре Дмитрия Константиновича Евдокии, а брат Дмитрия Борис был зятем Ольгерда. Василию Михайловичу пришлось стать уступчивее, вернуть холмским Александровичам отнятую у них вотчинную их треть Твери и восстановить нарушенные вотчинные владения их. О борьбе с Всеволодом более нет известий. Но против Василия вырастает иной, еще более опасный противник, младший брат Всеволода, Михаил Александрович, князь микулинский. Уже в 1362 г. Василий ходил, по неведомому поводу, на него, и «паки смиришася». Но после 1364 г., когда умер Всеволод, Михаил стал большой силой в Тверском княжестве. Его биография-панегирик, сохранившаяся в Тверской летописи, с увлечением рисует его популярность; на него-де все смотрели как на князя, которому суждено «свободити люди своа от великыя нужда иноплеменник»; к нему сходились лучшие вольные слуги: «вси сынове тверстии прилагахуся к нему и храбри служаху ему». Княгиня Васильева с тревогой глядела на все это, понимая, что если Михаил захочет княжить в Твери, то ее детям предстоит изгнание. Сквозь житийную риторику проглядывает, по видимому, тенденция кашинской линии к закреплению великокняжеского стола тверского за собой в порядке нисходящего преемства, а с другой стороны, ее непопулярность в Твери, тянувшей скорее к князьям Александровичам, холмско-микулинским, как защитникам независимости от московско-татарского давления²⁴.

²³ Там же. С. 229–230.

²⁴ Там же. Т. XV. Стб. 468–469.

Последнее не замедлило сказаться и на деле в быстром усилении Михаила Александровича. Началось с того, что умерший в том же 1364 г. бездетный дорогобужский князь Семен Константинович «отчины своеа удел и княгиню свою приказа князю Михаилу Александровичу», помимо старшего родного брата Еремея. Это вызвало размирье Михаила с великим князем Василием и князем Еремеем. Дело пошло на суд митрополита, разбирал его по митрополичью благословению тверской владыка Василии и «оправил» Михаила. Вслед за тем Михаил согнал дядю с Твери в Кашин, но тем временем кончилась усобица московская, Дмитрий Константинович суздальский смирился перед Дмитрием Донским, и тверские союзники Москвы получили новую и сильную опору. «Князь велики Дмитрий Иванович заложи град Москву камен <...> и всех князей русских привожаше под свою волю, а которыа не повиновахуся воле его, а на тех нача посегати, такоже и на князя Михаила Александровича Тверьскаго, и князь Михайло Александрович того ради поиде в Литву»²⁵. Василий Кашинский и князь Еремей воспользовались этим, чтобы вызвать пересмотр дела об уделе князя Семена Константиновича, позвали владыку Василия на митрополичий суд в Москву, [потому] «что их судил о уделе княже Семенове не по правде» («на Москве про тот суд владыце Василию сътворися протор велик, а во Твери житейским людем нужно бысть про удел княже Семенов»). А сами князья со всей силой кашинской и с московской ратью пошли на Тверь, но города не взяли, а извоевали волости и села, и людем многим сотворили «досады безчестием и муками, и разграблением имения, и продажею без помилования»²⁶. Но к осени подоспел Михаил Александрович с литовской помощью, когда москвичи ушли, и напал на Кашин. Пришлось мириться. И Михаил взя «мир и любовь» с дядей Василием, его сыном Михаилом, с князем Еремеем и с великим князем московским Дмитрием Ивановичем. Князь Еремей вскоре сложил целование и ушел в Москву. Михаила, по зову митрополита, потребовали в Москву, тут было схватили и отпустили только из опасения татарского вмешательства, ибо прибывшие в Москву ханские послы «о том усомнешася».

Наступление Москвы на самостоятельность великого княжества Тверского все усиливается, действуя разлагающе на его внутреннее единство. Московский князь отнял у Михаила «Градок» — из удела князя Семена и посадил там князя Еремея Константиновича со своим наместником.

²⁵ Там же. Т. XI. С. 8.

²⁶ Там же.

В дальнейшем Михаил держится только помощью Ольгерда. Три раза ходил Ольгерд с тверичами на Москву, а Дмитрий расплачивался набегами на тверские волости. Ездил тверской князь и в Орду, к Мамаю, приобретал ярлык на великое княжение Владимирское. Дмитрий защищался дарами, перекупая на свою сторону ханских послов, нападал, поднимал на Тверь новгородцев, поддерживал против Твери кашинского князя (с 1368 г. это сын Василия Михаил, с 1373 г. его внук Василий).

Напряженная борьба эта в 70-х гг. XIV в. приняла особый характер, невыгодный для Твери ввиду поднятого Москвой национального знамени. Михаил, славимый своим биографом как грядущий освободитель своих людей от иноплемеников, оказался наводителем на Русь Литвы, союзником татар. Соединение по зову Дмитрия великорусских сил против Твери освещалось в Москве новой тенденцией. И большой поход 1375 г. кончился знаменательным договором, вовсе отделившим от Твери Кашинское княжество: «А в Кашин ти ся не вступати, и что потягло х Кашину, ведает то вотчиць, князь Василей; ни выходом не надобе тебе ко Тфери Кашину тянути». Кашинский князь вступал под московское покровительство: «а его ти не обидети... мне его от тебе боронити»²⁷. Но вскоре (1382 г.) по смерти Василия Михайловича кашинского (второго князя этого имени), не оставившего потомства, Кашин вернулся во власть Михаила тверского, и тот сажал там сыновей (Александра, потом Бориса — оба умерли раньше отца), а умирая в 1399 г., оставил его, по духовной, сыну Василию, а внуку Ивану Борисовичу выделил из Кашинского удела Кснятин.

В договоре 1375 г. Михаил тверской признал себя младшим братом Дмитрия московского, равным Владимиру Андреевичу, московскому удельному князю, признал великое княжение Владимирское *отчиной* Дмитрия, отрекся от соперничества по Новгороду, сделал ряд уступок в спорных волостях (и Москве, и Новгороду), обязался порвать союз с Литвой и действовать совместно с Москвой в делах татарских. Только «выходом» не тянул он к Москве; только этим отличалось его положение от положения московских удельных князей, да [еще] третейским судом в спорах между Москвой и Тверью, который должен был идти к Олегу рязанскому. После Куликовской битвы (участие в которой тверского войска остается под сомнением) Михаил в эпоху Тохтамышева погрома попробовал использовать новые отношения, чтобы искать себе великого княжения Владимирского и Новгородского, но эти происки только

²⁷ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 28.

показали, что прошло время, когда хан легко раздавал ярлыки. Тохтамыш отказал Михаилу, избегая разрыва с Москвой. Новое положение великого князя тверского не могло не ослабить и его власти над удельными вотчинниками-князьями Тверской земли. Михаил перед смертью пошел московским путем в распределении владений между сыновьями. Старшему сыну Ивану он к Твери дал еще семь городов, второму, Василию — Кашин, отделив Кснятин для внука Ивана Борисовича, третьему — Микулин. Холм остался в руках племянников Всеволодовичей Михаила, Ивана и Юрия²⁸. Но Иван [Всеволодович] свою долю отказал перед бездетной смертью своей в 1402 г. не брату, а сыну [тверского] великого князя Ивана Михайловича, Александру.

Иван [Михайлович] был настолько сильнее других князей Тверской земли, что мог провести такой «отказ». Его великокняжеская политика характеризуется тем, что он, получив Тверь с сыновьями, осуществляет это формальное разрушение прежнего одиначества тверских князей тем, что приказывает своим боярам: крестное «целование сложите» и dokonчание разрушите к своей братье²⁹, тогда как его отец всех бояр привел к целованию всей братье-князьям, «что хотети им... добра». Протест вдовы-матери, братьев и племянника и их требование, чтобы он велел боярам крестное целование «держати» по отца их грамотам, — остались бесплодными, тем более что племянник Иван Борисович с матерью поспешили отречься от таких притязаний и получили за то добавку к Кснятинской вотчине своей: волость Лускую, отрезанную от Кашина, и слободку в самом Кашине³⁰. В 1403 г. дело дошло до уوبيцы с кашинским братом. Василий Михайлович бежал в Москву, и посредничество Василия Дмитриевича московского примирило братьев, но, очевидно, на всей воле Ивана Тверского, потому что тверская летопись сохранила такую запись: «пожаловал князь великий Иоан Михайлович брата своего князя Василиа его уделом»³¹. Прошло еще два года — и Василий Михайлович схвачен в Твери, отпущен по крестному целованию, но поспешил бежать в Москву, а в Кашине водворились великокняжеские наместники. Вернуться в Кашин Василию удалось только смирившись перед братом. Сходны отношения Ивана Михайловича и к другим удельным князьям. Одновременно с Василием Кашинским побегал в Москву и Юрий холмский, скитавшийся потом между

²⁸ Полное собрание русских летописей. СПб., 1848. Т. IV. С. 359-360; Т. XI. С. 180.

²⁹ Там же. Т. XVIII. С. 148-149.

³⁰ Там же. Т. XI. С. 184.

³¹ Там же. Т. XV. Стб. 471.

Москвой и Ордой в поисках союза и защиты; в 1408 г. побегал и вернулся потом служить Ивану [племянник] Иван Борисович, в 1412 г. — опять бежит Василий Кашинский, при жизни Ивана уже не возвращавшийся.

Эти черты явного усиления великокняжеской власти в Твери поясняются особенностями международного положения, в котором протекало великое княжение Ивана Михайловича. Оно совпало с эпохой Василия Дмитриевича и Витовта литовского. Иван Михайлович был женат на сестре, а Василий Дмитриевич на дочери великого князя литовского. Ослабление Москвы в эпоху усиления ордынской силы при Тохтамыше и Едигее, преобладание Витовта в северных делах, последним отблеском которого был союз великих князей литовского, московского и тверского в 1401 г., дали отдых Твери. Сильное крушение политики Витовта после битвы при Ворскле с Едигеем подготовило разрыв между ним и Москвой. В 1406 г. Тверь идет за Москвой против Витовта. Но в этом [же] году заключение Василием Дмитриевичем мира с Витовтом без ведома тверских князей, хотя и их именем, да еще с прописанием имени великого князя тверского ниже всех братьев Василия, показало тверским князьям, что Москва помнит договор 1375 г. и держит ту же линию. Иван Михайлович с 1407 г. отказался помогать Москве, в 1412 г. заключил союз с Витовтом, служил ему своим войском в войне с тевтонами. Москва пока молчала, связанная трудным положением между Витовтом и Едигеем.

Отношения изменились после кончины Ивана Михайловича в 1425 г. Ближайших его преемников Александра Ивановича и Юрия Александровича унесла в один год моровая язва. Великим князем стал Борис Александрович, давший Ивану Юрьевичу Зубцев. Его княжение — ликвидация тверской независимости. Борьба внутренняя завершена арестом Василия Михайловича кашинского, вернувшегося было по смерти Ивана Михайловича в свою отчину (больше о нем и нет вести). Князь Борис пытается закрепить свою власть и свою независимость, опираясь на тесный союз с Витовтом, союз слабого с сильным. По договору 1427 г.³² Борис обязался быть всегда и во всем при стороне Витовта, а Витовт оборонять Бориса дуною и помощью. За то Витовт признает самостоятельность Тверского княжения, не вступает в него; всем князьям Тверской земли [определено] быть в послушании у великого князя Бориса, который их волен

³² Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. I. № 33.

жаловать и казнить, а Витовт в то не вступается, с вотчинами их не принимает, а кто лично к Витовту отъедет — вотчины лишен, и в ней волен великий князь Борис. По смерти Витовта Борис помогает Свидригайлу (женатому на тверской княжне Анне Ивановне, двоюродной сестре Бориса) против Сигизмунда Кейстутевича, посылая брата Ярослава с войском. После избрания на великое княжение Литовское Казимира Борис заключил с ним в 1449 г. союз, и Василий московский признал его «в стороне Казимировой». Но в 50-х гг. XV в. тверскому князю пришлось войти в союз с Москвой, скрепив его браком своей дочери Марьи с Иваном Васильевичем московским. Кончина Бориса Александровича в 1461 г. и малолетство его преемника Михаила стали прологом к падению Твери.

Договоры великого князя Бориса с Витовтом и Казимиром, как и с Москвой, интересны по упоминанию служебных князей (термин, кажется, впервые возникающий на тверской почве), лишенных права отъезда с вотчиной³³. Измельчавших холмских и дорогобужских князей видим московскими (отъездчики) и тверскими воеводами. Микулинские — кончают на боярстве в Москве. Мелкие уделы — Телятевский, Чернятинский, Старицкий — вотчины княжат, потерявших владетельное княжеское значение (телятевский — из Микулина, чернятинский — из Дорогобужа, старицкий известен только нумизматам).

Так, в политическом быту великого княжества Тверского видим весьма слабое развитие вотчинного раздела как силы, разлагающей более крупное политическое целое. Центробежные силы тут не победили, но и центральная тверская власть не провела в жизнь своих стремлений к превращению всего великого княжения в вотчину государя тверского, пока задача эта не перешла в более крепкие московские руки.

Нечто аналогичное дала нам также история великого княжества Нижегородского. Сложившись из территорий Суздаля, Городца-Волжского и Нижнего как волость Андрея Ярославича, — оно постепенно сплывается в серьезную политическую силу с переходом центра в Нижний Новгород как опорный пункт борьбы с мордвой и татарскими силами Поволжья, центр возродившейся с середины XIV в. восточной торговли и возобновленного колониационного движения. Эти задачи и неизбежное напряжение сил сдерживают, несмотря на внутренние раздоры, тягу к вотчинному распаду, заменяя ее суетливой борьбой за нижегородское старейшинство с попытками обратить его в «вотчину» одной линии.

³³ Там же. Т. I. № 33 и 51.

Недолгий расцвет значения великого княжества Нижегородского оборван подчинением Москве: оно обусловлено необходимостью искать опоры для восточной политики в центральных силах Северо-Восточной Руси, т. е. во второй половине XIV в. у той же Москвы. Только под московской властью рассыпалось оно, оставив свои центры в руках великих князей московских, на мелкие вотчины многоголового князя суздальского, занявшего видное место в рядах княжат-бояр московских.

На южной окраине Северо-Восточной Руси та же роль выпала на долю земли Рязанской.

В очерке истории Ростово-Суздальской земли XII–XIII вв. мне уже приходилось упоминать, как князья Муромо-Рязанской земли оказались при Андрее Боголюбском и при Всеволоде III втянуты в политику князей владимирских, низведенные Всеволодом до положения князей-подручников.

Так, уже в XII в. земли Муромская и Рязанская примыкают к северо-восточной системе отношений. Эта юго-восточная полоса русских поселений Северо-Восточной Руси раскинулась в бассейне среднего течения Оки. Выделившись из волостей Черниговских еще в 20-х гг. XII в. в вотчину младшей линии черниговских Святославичей, потомков Святославича Ярослава, она в 60-х гг. XII в. распадается на два княжения — Муромское на северо-востоке и Рязанское на юге. До времен татарщины это княжество, подчиненные власти князей владимирских. Муромские князья, видимо, мирились по необходимости со своим положением, а беспокойное княжье рязанское довело себя в 1208–1209 гг. до полной утраты владений: по городам рязанским водворились посадники и тиуны Всеволодовы. Но волость Суздальская держалась [здесь] только силой, подавляя волнение населения Рязани. И сыновья Всеволода, Юрий, затем Константин, примирились с возвращением рязанским князьям их отчины. В 1217 г. Глеб Владимирович рязанский значительно упростил и семейные раздоры многоголового рязанского князя, вырезав на съезде княжеском шестерых братьев, одного — родного, пятерых — двоюродных; а в 1219 г. Всеволодовичи выбиты из Рязанской земли Ингварем Игоревичем, который и занял Рязанское княжение.

Но только в период татарской власти Рязанская земля постепенно слагается в сильное княжество, одно из местных великих княжений Северо-Восточной Руси. Значение Рязанского княжества в XIII и особенно XIV в. определилось его географическим положением как рязанской «украины». На юге оно владело важным водоразделом между бассейнами Оки и верх-

него течения Дона; к югу от него поселения, тянувшие к Рязани, спускались, пока лес давал им прикрытие от степной опасности, по Дону и Воронежу до Тихой Сосны, Черного Яра и Битюга, притоков Дона, а восточнее — по Великую Ворону, приток Хопра. Здесь проходила в конце XIII и в XIV в. граница между рязанской и сарайской епархиями. Само собой разумеется, что так далеко к югу и юго-востоку забегали отдельные поселки, выдвигаясь к степи далеко от главной массы поселений. Ядро княжества было много севернее. Рязань была естественным его центром, но с нею в значении княжеской резиденции конкурирует в эпоху татарщины Переяславль-Рязанский, выше к северо-западу по Оке. Опорным пунктом к югу был Пронск, рано получивший значение особого княжеского стола. Укреплять свои южные позиции и развивать их Рязань могла, лишь захватывая, при случае, прилежащие Чернигово-Северские волости, как Новосиль, и особенно Елец (на Быстрой Сосне). Эти южные пределы сводили Рязанские земли со степью, где господствовали татары, не ханская только власть, но и беспокойные шайки грабителей, на свой риск наезжавшие на Русь, то мелкие, то крупные — организованные князьями и царевичами ордынскими. Боевая тревога была за обычай жителям земли Рязанской и выработала в них тот смелый, дерзкий, буйный нрав, о котором любили с укоризной твердить московские книжники. Не спокойнее была и восточная граница Рязани — по реке Цне, примыкавшая к мещерским и мордовским местам. Как форпост великорусских областей против инородческого юга и юго-востока, Рязанское княжество опиралось в северо-западном тылу на свои связи с великорусским центром. Артерией этих связей было течение Оки. Тут ряд рязанских городов: Переяславль, Коломна — ключ пути на Рязань с северо-востока, отнятый у Рязани Москвой в начале XIV в., Ростиславль, при впадении Осетра, Зарайск. Укрепить этот свой тыл и расширить его базу было постоянной заботой Рязани. Но не к северу могли быть направлены такие попытки, т. к. они рано встретились с окрепшей мощью Москвы, а к западу, на волости распадавшейся все более Черниговщины — на места Одоевские и Мценские. Рост силы Великого княжества Литовского в течение XIV в. постепенно закрыл и эти перспективы для князей Рязанских. А к северо-востоку, вниз по Оке, развитие рязанской территории преграждено муромскими владениями, все больше тянувшими к Суздальщине; устье же Оки закрыто Нижним Новгородом.

Таково в главных чертах положение Рязанской земли, обусловившее тяжелую ее историю. Подобно великим княжествам Нижегородскому

и Тверскому, и великое княжество Рязанское приняло на себя тяжкие политические и колонизационные задачи русского северо-востока в самую трудную пору великорусской истории, поддержало традицию тенденций старой Суздальщины и проложило дальнейшие пути национальной политики московских государей, объединившей в одном центре разрозненные в удельные века течения народной жизни русского северо-востока.

В татарское лихолетье погиб князь рязанский Юрий Игоревич, погибло и несколько младших князей. Уцелело от погрома только двое племянников Юрия — Ингваревичи Ингварь и Олег, да и этот последний был в плену у татар. Ингварь «обнови землю Рязанскую» после разгрома. Но больше мы о нем ничего не знаем; потомства он не оставил, а когда в 1252 г. «пустиша татарове Олга, князя Рязаньского, в свою землю», Ингваря в живых, видно, уже не было³⁴. Быть может, потому и отпустил хан Олега на княжение рязанское, что брат его умер. При нем оформилось владычество хана над улусом Рязанским, пришли численники ордынские, «изочли» землю Рязанскую, «установили» власть татарскую («ставили» десятичники, и сотники, и тысящники, и темники)³⁵. Через год, в 1258 г., Олег умер. Двенадцатилетнее княжение его единственного сына Романа (1258–1270 гг.) наши источники обходят молчанием, повествуя только о мучительной казни этого князя в Орде.

У Романа было три сына — Федор, Ярослав и Константин. Федор сел на Рязани, Ярославу достался Пронск, и воскресло старое отдельное княжение Пронское. Не без борьбы получил этот раздел значение раздела вотчинного. По смерти Федора (1294 г.), потомства не оставившего, рязанский стол занял брат его Ярослав Пронский, как полагают историки, хотя известий о том нет. В 1299 г. Ярослав умер, оставив двух сыновей, Ивана и Михаила, у которых была какая-то смута с дядей Константином рязанским, видимо, помогшая Даниилу московскому отнять у Рязани Коломну. Константин защищался с татарской помощью, но был разбит, попал в плен на несколько лет и в 1306 г. убит Юрием Даниловичем. Известия о Рязани за эти и дальнейшие годы так отрывочны в наших сводах, что ясной картины — хотя бы смены князей — и то не дают. В 1308 г. погиб в Орде сын Константина Василий, и из дома рязанских князей осталась только пронская линия, Ярославичи. Путаницу с их генеалогией, насколько

³⁴ Летопись по Лаврентьевскому списку. 3-е изд. С. 450.

³⁵ Там же. С. 451.

возможно, удачно распутали Иловайский и Экземплярский³⁶. Иван Ярославич занял Рязань, а когда погиб от татар в 1327 г., не то в шевкаловой рати, не то в Орде, князем рязанским стал сын его Иван Коротопол. Оба Ивана — отец и сын, с 1320 г., когда Ивану Ярославичу пришлось смириться перед Юрием московским, живут и княжат в послушании Москве. Пронское княжество осталось в линии младшего Ярославича, Михаила, но Коротопол в 1340 г. захватил пронского двоюродного брата Александра, встретив его по дороге из Орды, когда тот в Орду ехал «с выходом», ограбил, привез в Переяславль и велел убить. «Выход» и борьба за него, как и за право «знать Орду», между великими и удельными князьями еще раз окрасились кровью. Александрович Ярослав-Дмитрий поспешил в Орду с жалобой на Коротопола, получил на него татарское войско с послом ханским Киндяком, осадил великого князя рязанского в Переяславле, взял город; Коротопол бежал, но погиб, не знаем где и как, убитый в том же или в следующем году. С ним опять оборвалась одна из линий рязанского княжья. Александровичи пронские овладели всей землей. Ярослав-Дмитрий сел на великое княжение рязанское в городе Ростиславле (Переяславль разорен), а после него [сел] его брат Иван, которого Экземплярский признает старшим, т. к. Рязань утверждена за его потомством.

Все эти рязанские перипетии объясняют, почему до второй половины XIV в. сохранялось — точнее, то и дело восстанавливалось — единство княжения, а Пронское удельное княжество не отвердело в положении обособленной вотчины. Лишь при великом князе Олеге Ивановиче (1351–1402 гг.) определилась на три поколения обособленность Пронска. Олег еще юношей занял великокняжеский стол, а Пронское княжение осталось за его двоюродным братом Владимиром Дмитриевичем, сыном Ярослава-Дмитрия. Сравнительное старшинство обеих линий неясно. Но Владимир Пронский плохо мирился с преобладанием Олега, и тот имел в нем в спокойные годы невольного подручника, а при первой беде — готового врага и соперника. Подъем в Рязанском княжении самостоятельной энергии сказался сразу по вокняжении Олега. В 1353 г. рязанцы захватили пограничную московскую область Лопасну и сумели удержать ее;

³⁶ Ср.: Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. С. 229–230; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. II. С. 574. Прим. 1850; Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 139–141, 328.

а князь же их Олег Иванович тогда был еще «млад»³⁷. Надо думать, что носителем более решительной политики было прежде всего рязанское боярство. В ближайшие годы разыгралась в Москве какая-то смута, отмеченная таинственным убийством московского тысяцкого Алексея Петровича Хвоста и отъездом в Рязань «больших бояр московских с женами и с детьми». Через год великий князь московский Иван Иванович «перезвал» к себе опять двух бояр-отъездчиков: Михаила и его зятя Василия Васильевича Вельяминова (будущего тысяцкого). В 1371 г. московская рать разбила рязанцев у Скорнищева близ Рязани, князь Олег «едва в мале дружине утече», а Дмитрий посадил на Рязанском княжении князя Владимира Пронского, но Олег в ту же зиму, придя на Рязань изгоном, согнал Владимира, захватил его и «приведе его в свою волю»³⁸. И Дмитрий московский примирился с Олегом: занятый борьбой с Ольгердом и Михаилом тверским, он не мог дробить силы. В договоре с Ольгердом 1372 г. Олег рязанский и Владимир пронский названы князьями «в имени» великого князя московского, [они] «в любви и в докончании» с московскими князьями, [тогда] как Михаил тверской и Дмитрий брянский «у князя у великого у Олгерда в имени его»³⁹. В Пронске в том же году умер Владимир, оставив княжение сыну Ивану. Состав пронской семьи в этот момент неясен: родословные говорят о князе Федоре, которого не знают летописи; в летописном рассказе о битве на реке Воже фигурирует князь Данило Пронский (может быть, служилый князь в Москве?), о котором только тут и читаем; но летопись упоминает иногда «пронских князей» во множественном числе. Перед Олегом, которому служили и соседние козельские и елецкие князья, они, по-видимому, держатся покорно. Времена были трудные. Татары громили землю в 1373 и 1377 гг. (Арапша), но Москва мало помогала и хоть разбила татар в 1378 г. на реке Воже, в рязанских пределах, но в 1379 г. месть их обрушилась беспрепятственно на Рязань: Мамаевы татары землю Рязанскую «пусту сотвориша». Эти события подготовили политику Олега перед 1380 г. — соглашение с Мамаем и Ягайлом при осторожных сношениях и с Москвой, отсутствие его на Куликовом поле. Какие-то (ближе нам неизвестные) нападения рязанцев на москвичей вызвали под угрозой репрессии (Олег бежал из Рязани,

³⁷ Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. С. 98.

³⁸ Там же. СПб., 1859. Т. VIII. С. 18–19; Т. XVIII. С. 112; Т. XI. С. 17.

³⁹ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 31; ср.: Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. С. 236. Прим. 1.

был момент, когда в Рязани даже появились московские наместники) договор 1381 г., которым Олег признал себя младшим братом Дмитрия, приравнявшись к удельному Владимиру Андреевичу, уступил Москве три пограничных волости, отступился от Мещеры, обещал сложить крестное целование Ягайлу и во всем подчинить свои внешние отношения московской политике⁴⁰.

Нашествие Тохтамыша, которому Олег указал броды на Оке, обведя его мимо своей границы, дало новое разорение: сперва от татар, на обратном их пути, потом «пуще татарские рати» от войск московских, перед которыми пришлось Олегу бежать с Рязани. Но в 1385 г. Олег захватил Коломну, разбил войска князя Владимира Андреевича, и только при посредничестве св. Сергия состоялось примирение, закрепленное браком Федора Ольговича с Софьей Дмитриевной, княжной московской. Татарские набеги повторялись в 1388, 1389, 1390, 1394 гг. В 90-х гг. Олег, оправившись, пытается предпринять наступательные действия к западу — против Литвы, пытаясь укрепить за собой волости соседние, но в 1398 г. Витовт жестоко расправился с его землей; пограничная борьба продолжалась, пока в 1402 г. Ольгович Родослав не был разбит и взят в плен у Любутска Лугвением-Семеном Ольгердовичем. Приходится Олегу действовать наступательно и на юг в Подонье, чтобы обеспечить волость свою от татарских шаек.

Этот перечень фактов характеризует беспокойную жизнь рязанской «украины». Но вся энергия и предприимчивость Олега не дали прочных результатов. Рязань истощалась в борьбе, но без опоры в центральных великорусских силах не могла обеспечить себе спокойное развитие. Подобно Твери и Нижнему, она была лишь форпостом великорусской силы, не имея сил ни стать ее центром, ни укрепить твердо свои позиции самостоятельно.

По смерти Олега в 1402 г. идет процесс ослабления Рязани, подавления ее Москвой. Федор Ольгович возобновил с Москвой союз подчинения и признал вмешательство и опеку Василия Дмитриевича над своими отношениями к пронскому князю. Чужая за собой сильную опору, Иван Владимирович пронский в 1408 г. согнал Федора, объединил землю, даже разбил московские войска, пришедшие водворять порядок, но не удержался в захвате. Великое княжение остается в руках Ольгова потомства,

⁴⁰ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 32; ср.: Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. С. 239–241.

но, несмотря на некоторые колебания между Москвой и Литвой в годы преобладания Витовта, под московской опекой. В эту пору как-то таинственно исчезает Пронское княжество. В договоре Василия Васильевича московского с Иваном Федоровичем рязанским упоминается пронский князь с братьею⁴¹, а в 1483 г. Василий Иванович рязанский благословляет сына Пронском. По родословным, потомки пронских князей частью ушли в Литву, частью стали московскими княжатами-боярами.

Великий князь рязанский Иван Федорович, умирая в 1456 г., завещал свое великое княжение с восьмилетним сыном Василием на соблюдение Москве. Рязанские города приняли московских наместников. Но Иван III отпустил Василия Ивановича на Рязань, женив его на сестре своей Анне, и он 19 лет княжил подручником московским. Перед смертью он поделил землю между сыновьями Иваном и Федором, дав старшему Переяславль, Ростиславль и Пронск, а Рязань старую и треть Переяславля — младшему. Договор между братьями обеспечивал взаимное наследство в случае выморочности удела⁴². Иван Васильевич умер раньше брата, передав стол пятилетнему сыну Ивану. Федор Васильевич умер в 1503 г., завещав свои волости, мимо племянника, великому князю московскому, и Иван III в своей духовной распоряжается этой долей Рязани. Политического значения это не имело, ибо в рязанском княжестве правит князь московский. Рязань уже присоединена к Москве, ибо в 1502 г. Иван III пишет в грамоте к княгине Агриппине, опекунше маленького великого князя: «Твоим людям служилым, боярам и детям боярским и сельским быти всем на моей службе», — и предписывает ей ряд мер по охране порядка и безопасности на южной границе. История Ивана Ивановича, последнего великого князя рязанского, кончившаяся его бегством в Литву и упразднением княжения на Рязани, — уже «крамола» князя-подручника.

⁴¹ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 65. С. 144.

⁴² Там же. № 127–128.

Глава V

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО С ПОЛОВИНЫ XIII в. ДО ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

Перебирая известия о княжествах Северо-Восточной Руси, я в предыдущем изложении намеренно обходил по возможности Москву, на которой пора, наконец, нам сосредоточить все внимание. Судьбы будущей столицы великорусского государства сложились своеобразно с первых ее шагов на историческом поприще. Но и тут тяжело сказывается состояние источников, которое так часто заставляет руки опустить перед задачами обследования деталей истории Рязани или Суздаля, Нижнего или Твери, Ростова или Ярославля. Известия дошли до нас в отрывках, часто смятых и, видимо, переделанных редакторами летописных сводов, из которых позднейшие нередко вдруг сообщают новые сведения, без возможности проверить, откуда они взялись. Как ни тщательно обследованы все известия о начальной истории Москвы, много тут неясного даже в общепринятых исторической литературой фактах. Приходится держаться самых общих линий там, где хотелось бы точных, конкретных сведений; успокаиваться на «впечатлении», где нужен бы научно обоснованный вывод.

Прежде всего [вывод] о так называемом «начале Москвы» и особенно Московского княжества. На фоне общей картины положения Северо-Восточной Руси в XIII и XIV вв. выступает особенно ярко значительность небольшого этюда, посвященного «началу Москвы» С. Ф. Платоновым¹. Значение географического положения Москвы на перекрестке, откуда удобно держать путь на север к Ростову, на северо-восток — к Владимиру, на юг — к Чернигову, через Коломну — к Рязани, на запад — к Смоленску (так идут оттуда Ростиславичи и Юрьевичи в Суздальщину) и на северо-запад — к Великому Новгороду (так в Москве соединяются войска Всеволода Юрьевича с новгородской силой его сына Константина), — это значение Москвы прежде всего стратегическое. Оно выяснилось еще в до-татарскую эпоху, когда Москва — погранично-военный пункт великого

¹ Платонов С. Ф. Статьи по русской истории. 2-е изд. (Сочинения. Т. 1). СПб., 1912. С. 76 и след.

княжества Владимирского. Именно, думается, поэтому Москва долго не имеет значения самостоятельного центра местной княжеской власти, оставаясь «городком» и «двором» великокняжеским. Недоразумение с известием Тверской летописи о закладке города Москвы в 1156 г. Юрием Долгоруким разъяснено С. Ф. Платоновым: Юрий тогда был уже на юге. Но С. Ф. Платонов не обратил внимания на то, что Тверская летопись вообще спешит в своей хронологии, так что его критика, верно вскрывая ошибку даты, не устраняет возможности, что сама запись факта найдена сводчиком в источнике, не лишенном значения. Во всяком случае, в 70-х гг. XII в. существование укреплений в Москве выступает достаточно ясно в упоминаниях о ней [в] рассказе о смутах по смерти Андрея Боголюбского. И это стратегическое значение Москвы быстро растет в позднейшее время, определяя роль именно Москвы как политического центра, организующего боевую силу Великороссии, объединяя ее разрозненные элементы и восстанавливая утраченное единство ее борьбы на три фронта — на восток, юг и запад. В обзоре истории севернорусских великих княжеств я подчеркивал, как естественно вытекали из острого напряжения их окраинной борьбы с соседними врагами [их] попытки опереться на великорусский центр, либо захватив его в свои руки, либо расширяя свою территорию в тылу своих позиций. Эта тяга приводила к борьбе с Москвой, либо к поискам опоры в ней и, в конце концов, подчинению ее власти. Сравнительно с этой общей политико-географической чертой истории Москвы остальные так называемые условия возвышения ее представляются мне весьма и весьма второстепенными, т. е. производными из первой. Их относительное значение выяснится точнее при анализе самого хода московской истории.

Забелин, набрасывая широкими и сочными штрихами облик Москвы как типичного вотчинного города, нашел для этого удобный исходный пункт в старейших летописных упоминаниях о ней². Первое из них — в 1147 г. — повествует, как Юрий Долгорукий звал к себе в «Московь» черниговских князей, чествовал их тут «обедом сильным» и «дарами многими». Известия о 70-х гг. XII в. сохранили название «Куцкова», или «Кучкова, рекше Москвы», связываемое с именем боярина Кучки и его рода Кучковичей, приятелей, а затем опасных врагов Андрея Боголюбского. Те же известия говорят о сожжении Глебом рязанским, пришедшим на «Московь», города всего и сел (вариант: Москвы всей и города),

² Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1902. Ч. I. С. 1–5, 68–70.

подсказывая историку-археологу образ укрепленного городка, окруженного княжими селами. Москва рисуется ему и позднее как «обширный вотчинников двор, стоявший среди деревень и слобод, которые почти все имели какое-либо служебное назначение в вотчинниковом хозяйстве, в потребностях его дома и домашнего обихода». «Первой основой Кремля, — говорит он, — а стало быть, всей Москвы, был княжий двор или, в самое древнее время, княжий стан с необходимыми хоромами или клетями на случай приезда».

Когда же и как сделался этот вотчинный городок стольным городом Москвой? Владимир Всеволодович в 1212 г. «затворялся в Москве» во время усабицы, но не княжил тут. О пресловутом «московском княжении» Михаила Ярославича Хоробрита ничего не знаем. Ведь с Москвой его связывает только одна запись о его кончине, сохранившаяся в двух редакциях позднейших сводов — Новгородского IV и Тверского, — где читаем об убиении в битве с Литвой Михаила московского; но погребен он был во Владимире, которым овладел, видимо, засевши сперва в Москве: иначе откуда взялся бы эпитет? Можно думать, что какое-то упоминание о Михаиле в Москве и было понято позднейшим редактором свода как указание, что он княжил в Москве, но едва ли это дает основание полагать, что Михаил получил Москву, когда в 1247 г. Святослав Всеволодович своих племянников «посади по городом, якоже... оурядил» брат его, князь великий Ярослав Всеволодович.

Возникновение особого княжества на Москве связано с младшим сыном Невского, Даниилом Александровичем. Александровичи по смерти отца остались — если откинуть опального Василия, о судьбе которого ничего не знаем, — втроем, при отчинном своем Переяславле, где князем сел Дмитрий. Его братья, Андрей и Даниил, были еще малолетними, и вопрос об их княжом наделении мог возникнуть лишь позднее, и [то] как оно произошло — вопрос до крайности темный. Андрея князем городецким называет только Никоновская летопись, [причем] в текстах, где старшие своды этого прилагательного не имеют. Но известий о связи Андрея с Городцом у нас только два: в 1282 г. он через Городец едет в Орду обычной дорогой, как, например, возвращался из Орды его брат, в Городце и умерший; а в 1304 г., когда он умер, его «везше», похоронили в Городце, в церкви св. Михаила, а бояре его со знаменитым Акинфом во главе отъехали в Тверь. Не сомневаюсь, что Андрей Александрович владел Городцом, но не вижу повода говорить о выделенном ему княжестве Городецком; Городцом, как и Костромой, он владел, будучи князем великим, и не освоил их в опричную

вотчину, т. к. единственный достоверный его сын, Борис, умер в Костроме раньше отца. По-видимому, Городец, как и Москва при Александре Невском, были великокняжескими городками, не в версту его вотчинному Переяславлю, пошедшему в старшую линию Ярославичей (Дмитрий — Иван). При братьях Дмитрие и Андрее младший Даниил сидит в Москве, приобрета самостоятельное значение с 1283 г. в их борьбе.

Это время последней агонии значения великих князей владимирских, когда борьба за великое княжение принимает определенно характер борьбы обособившихся местных сил против умиравшего за старое объединение центра. Москва — вместе с Великим Новгородом и Тверью — против Дмитрия за Андрея, пока Андрей не укрепился на великом княжении. Далее — в раздоре Андрея, видимо, пытавшегося собрать «отчину» Невского, с Иваном переяславским — Москва с Тверью снова на стороне местного отчича, против великого князя. В 1295 г. на съезде во Владимире Даниил московский, Михаил тверской и «переяславцы с единого с ними» против великого князя Андрея и его сторонников — Федора Ростиславича ярославского и Константина ростовского. «И мало не бысть межи има кровопролития», но посредничество епископов уладило раздор. Однако в том же году попытка Андрея идти на Переяславль остановлена московскими и тверскими войсками. Новый съезд (в 1301 г.) у Дмитрова «смирл» князей ненадолго.

В 1302 г. умер Иван Дмитриевич переяславский. Выморочным княжеством, овладеть которым великий князь Андрей и раньше стремился, теперь ему представился случай распорядиться; он и занял Переяславль своими наместниками. Но Иван ранее «благослови в свое место» Даниила; переяславцы его приняли, наместники Андрея бежали перед Данииловыми, видимо, не будучи в состоянии держаться во враждебном городе, и «того же лета, на зиму, Данило князь Олександровичь седе в Переяславли»³. Едва ли кто в Переяславле думал, что это так называемое присоединение или примысел Переяславля к Москве, вотчине князя Даниила.

С Даниила началась и борьба Москвы против Рязани: в 1301 г. он ходил на Рязань ратью, бился у Переяславля-Рязанского и «некакою хитростью ял» и в Москву привел рязанского князя Константина Романовича⁴. Иловайский, за ним Ключевский относят к этой войне захват

³ Летопись по Лаврентьевскому списку. 3-е изд. СПб., 1897. С. 462.

⁴ Там же.

Коломны — устья Москвы. Карамзин, за ним Платонов ставят этот захват в связь с политикой Юрия Даниловича.

В марте 1303 г. Даниил умер. Из его пяти сыновей (а по родословцам еще двух) только двое — Юрий и Иван — имели самостоятельное значение. Остальные — Борис, Александр, Афанасий — упоминаются лишь при братьях. Даниловичам делиться было еще нечем, и они держатся цельным семейным гнездом. Внутренние отношения их нам, впрочем, вовсе почти неизвестны; в летописных сводах остались лишь бледные намеки на внутренние бури, потрясшие Москву в первом десятилетии XIV в.; едва ли случайно они сглажены в позднейших московских сводах. На Москве сел Юрий, и «переславци яшася... за князя Юрья и не пустиша его на погребение отне». Великий князь Андрей был в Орде, и до его возвращения Юрий успел сделать еще захват: напал на Смоленские волости, изымал князя Святослава Глебовича и привел его в Москву. Святослав Глебович, племянник Федора Ростиславича, который из можайских князей стал князем ярославским, и был постоянным союзником великого князя Андрея. Быть может, захват Можайска стоял в связи с этими отношениями; о дальнейшей судьбе Святослава известий у нас нет, а Можайск остался за Москвой. По возвращении Андрея из Орды (с послами и ярлыками ханскими) был съезд всех князей в Переяславле; тут, при участии митрополита Максима, князя «чли грамоты, царевы ярлыки», и «князь Юрий прия любовь и взя себе Переяславль». Укрепившись на занятой позиции, Юрий, по смерти дяди Андрея, в 1304 г., начинает упорную борьбу с Тверью, исторически крайне многозначительную, ибо в ней впервые выступает выпукло политическая роль церкви и боярства; а исход ее — в решении в пользу Москвы основного вопроса о центре всей великорусской истории следующих столетий.

Были ли у Юрия основания добиваться великого княжения? Утвердившись в Переяславле, родовом гнезде потомков Александра Невского, Даниловичи могли питать притязание на наследие Невского. В житии Михаила тверского сохранилось упоминание, что митрополит Максим уговаривал Юрия не поднимать в Орде спора с Михаилом о великом княжении, беря на себя и на мать Михаила великую княгиню Оксинью поруку за Михаила, что он даст Юрию «чего восхощешь из отчины вашей». Быть может, можно заключить о ближайшем стремлении Юрия по тому, что он поспешил занять Кострому, послав туда брата Бориса. Но отчиной для потомков Александра Невского был и Владимир, а с ним связан был и вопрос о столе великокняжеском. Выступление Даниловичей московских

против Твери с такой точки зрения представляется вероятным понять как борьбу за наследие Александра Ярославича Невского. Другой момент этого выступления аналогичен участию Даниила в борьбе против великих князей Дмитрия и Андрея, силившихся возродить значение великокняжеской власти над местными князьями. В роли князя, пытавшегося осуществить это возрождение, выступает теперь, как мы видели в истории Твери, Михаил Ярославич.

В момент смерти великого князя Андрея Александровича боярство великокняжеского двора осталось без князя: ведь у Андрея не осталось пережившего его сына. И бояре эти с Акинфом во главе бросились в Тверь: тут, казалось, в данную пору был наиболее сильный центр русского севера. И из Твери немедля исходит ряд попыток усиления общей власти над главными пунктами этого севера. Михаил уехал в Орду, а бояре занимают Кострому, выводя оттуда пленником в Тверь Юрьева брата Бориса; силой посылают они наместников в Новгород: «Новгородци же их не прияха, но идоша в Торжек» — блюсти его от тверского захвата; пришлось помириться с новгородцами «до приезда князей». Опасность грозила и Переяславлю: сюда поспешил Иван Данилович — «и седе на княжении»⁵. Ему удалось отбить нападение Акинфа с тверичами, причем сам Акинф и много тверичей пало в бою. Такая энергия тверского правительства должна была встревожить все местные силы.

Роль боярина Акинфа — прямое указание на то, что сама программа такой политики пришла в Тверь из Владимира с великокняжескими боярами, которых тяготил все нараставший упадок центра. В самом же Владимире оживление подобных тенденций естественно связать с переносом сюда в 1300 г. митрополичьей резиденции Максимом, митрополитом киевским и всея Руси. Переведя владимирского епископа, всего пять лет перед тем им же поставленного, в Ростов, Максим водворился во Владимир и влиянием своим поддерживал политику Акинфа, унимая Юрия от соперничества с Михаилом. Но обстоятельства как бы сами толкали Юрия на расширение своих притязаний. Тверская великокняжеская политика встретила немало сопротивления. Новгород отбил, переяславцы стали за своих отчичей, в Костроме водворение тверской власти сопровождалось «вечем» на бояр, из коих двое были убиты. По-видимому, великокняжескими боярами была сделана попытка захватить и Нижний: тут черные люди избили бояр, которых Никоновская летопись называет

⁵ Полное собрание русских летописей. СПб., 1856. Т. VII. С. 184.

«княже Андреевыми Александровича», т. е. партией Акинфа⁶. Эта общая оппозиция великокняжеской политике Твери, конечно, служила хорошей опорой для Даниловичей. Но в Орде на этот раз одолел Михаил, вернулся с ярлыком на великое княжение «и посажен бысть на столе великого княжения в Володимери блаженным приснопамятным митрополитом Киевским и всея Руси Максимом»⁷.

Значительность этого момента в истории русского севера ясна. Ведь борьба, как, кажется, видно даже по нашим отрывочным и сбитым сведениям, пошла сразу же за широкую задачу — восстановления единства политических сил и политического главенства. Степень, а быть может, и источник сознательности этой программы указаны в исследовании А. А. Шахматова (об общерусских летописных сводах) воссозданием представления о первом общерусском своде, доведенном, по всей вероятности, до 1305 г., т. е. до смерти митрополита Максима⁸. А. А. Шахматов полагает, что эта первая попытка составить общерусский свод должна быть приписана митрополиту Петру. Важнее кажется мне то, что сложилась она в митрополичьем дворе владимирском и, вероятно, в связи с тенденциями великокняжеской политики этого двора, какую наблюдаем в начале XIV в. Их традиция в позднейшее время не менее ярко живет в тверской письменности, чем в московской, хотя и играет там печальную роль воспоминаний о несбывшихся мечтах. Заняв великое княжение, Михаил ходил к Москве «на князя на Юрья» Даниловича и на его братью и взял с ними мир⁹.

Так закончилась первая вспышка борьбы Москвы с Тверью. Юрий сосредоточился на делах рязанских: пленника отцовского, Константина, он велел убить, ездил в Рязань, — но все эти дела его помянуты мимоходом в наших сводах, как точно не указано и время захвата Коломны. Не знаем ничего и о смуте этих лет в земле Рязанской, приведшей в 1308 г. к гибели в Орде Константинова сына Василия и к переходу великого княжества Рязанского в руки пронских князей. Коломна осталась за Москвой. Михаил в это время с трудом устанавливает свои отношения с Новгородом: к этим годам (1305–1308) относится целых шесть договорных грамот между ними. В 1308 г. Михаил ходил на Москву — есть известие, что

⁶ Там же. СПб., 1885. Т. X. С. 176.

⁷ Там же. СПб., 1851. Т. V. С. 208; Т. VII. С. 189.

⁸ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Кн. 11. Отд. 2. С. 135–148 (Гл. III).

⁹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 86.

Юрий с Михаилом бились «о княженье Новгородское»¹⁰. Раздоры с Михаилом, действительно, снова толкнули Новгород к Юрию московскому. Затем Москва перетягивает на свою сторону митрополичью кафедру, а с помощью этих двух сил получает перевес влияния в Орде и, утвердив свое преобладание над Тверью, выясняется как единственно возможный великорусский центр для боярства. В этом смысл второго периода борьбы Москвы с Тверью.

В 1305 г. умер митрополит Максим. В судьбах митрополичьей кафедры этот момент не вполне ясен в источниках, отразивших борьбу партийных воззрений и тенденций. На поставление в преемники Максиму явился из северной Руси в Константинополь игумен Геронтий, захвативший ризницу митрополичью и поехавший в сопровождении «сановников церковных» митрополичьей кафедры. Житие св. Петра, составленное митрополитом Киприяном, сообщая это, представляет Геронтия действующим самочинно, и только намеком, что никто Геронтию не возбранял, поддерживает соображение Голубинского, что отъезд Геронтия не мог состояться без согласия великого князя, т. е. Михаила тверского. Надо принять точку зрения Голубинского, что Геронтий был великокняжеским кандидатом¹¹. Но князь галицкий Юрий Львович, женатый на сестре Михаила Ярославича, «не хотя высокоумия Геронтьева», поднял дело о выделении Юго-Западной Руси в особую митрополию и послал в Константинополь одного из своих игуменов, Петра. Патриарх разрешил дело так, что поставил Петра на русскую митрополию (в июне 1306 г.). Михаил Ярославич принял Петра враждебно; против нового митрополита стало и близкое к великому князю духовенство с епископом тверским Андреем во главе. Столкновение разыгралось на принципиальной основе. Шли споры о «поставлении на мзде» и о степенях родства, при которых разрешается вступление в брак. В Переяславле в 1310 г. происходил собор, созванный патриаршим клириком для расследования обвинений против Петра, при участии многих князей и вельмож, собор бурный, на котором «в мале не безместно чьто бысть», так что Петр с трудом «воплъ устави», подражая словам Христа: «вонзи нож свой в ножницу»¹². Собор, точнее

¹⁰ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855. Отд. I. № 45.

¹¹ Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1900. Т. II. Первая половина тома. С. 99–101.

¹² Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Петроград, 1918. С. 123.

патриарший посол, оправдал митрополита. Но князь Михаил апеллировал в Константинополь, а епископ Андрей послал туда нарочного, монаха Акиндина, узнать воззрения греческой церкви о «мзде» за поставление. На Петра возводили обвинения в разрешении ее взимания и в излишнем либерализме разрешений на брак. Патриарх решил вызвать на суд Петра, поручая великому князю даже силой прислать его, чтобы по разбору дела дать русской церкви «уставление закона» по спорным вопросам. Как формально завершено дело, не знаем. Но фактически одолел Петр. Оба епископа, выступавшие на Переяславском соборе — Симон ростовский и Андрей тверской — покинули кафедры, Симон в 1311 г., Андрей в 1315 г. Разрыв с митрополией дорого обошелся Твери. Вскоре после Переяславского собора, в 1311 г., разыгралась история, о которой я уже упоминал. Михаил Ярославич послал свои войска на Юрия московского и на Нижний Новгород; но во Владимире митрополит остановил поход своим «неблагословением» — первое известие о духовном интердикте как политическом оружии на Руси. Оно поразило княжича тверского Дмитрия, который был при отцовском войске, а ранее в Переяславле заменял отца, уехавшего в Орду: между собором и последовавшим разрывом между князьями можно предположить прямую связь. С той поры Петр тянет к Москве, сумевшей использовать ссору митрополита с Тверью.

В то же время возобновились столкновения Михаила с Новгородом. В 1312 г. он смиряет новгородцев обычным приемом «экономической отсидки»¹³ и вынуждает у них крупную контрибуцию. А через год умер царь Тохта, воцарился Узбек, и настал момент пересмотра ордынских отношений. Великий князь и митрополит поспешили в Орду. Петр сумел получить особое «слово царевое», ярлык с более сложным содержанием, чем позднейшие (какие знаем): тут рядом с гарантией обычных льгот — от дани и повинностей ханских, от власти и вымогательств чиновников татарских — видим ханскую гарантию церковного имущества вообще, неприкосновенности земельных имуществ церкви, светской и духовной власти митрополита. Острие этих «слов царевых» могло быть направлено только против великокняжеской власти, и сами выражения ярлыка целиком взяты из русских жалованных грамот [скорее всего, данный ярлык не является подлинным историческим документом. — *Ред.*]. Митрополит Петр, видимо, в милости ханской сумел найти опору против великого князя Михаила. Но и Михаил получил ярлык на великое княжение и возвращался с ханскими послами и войском татарским. В его

¹³ См.: Русская энциклопедия. СПб., 1911. Т. I. С. 362.

отсутствие поднялся Великий Новгород против наместников великокняжеских; Юрий Данилович прислал князя Федора ржевского, который захватил этих наместников, посадил «за сторожею» на владычнем дворе и пошел с новгородцами против Дмитрия Михайловича тверского. Без боя состоялся мир «на всеи воли новгородской», и по зову новгородцев князь Юрий «приеха» в Новгород «той же зимы» с братом своим Афанасием и седе «на стол»¹⁴. Через несколько месяцев получил он зов в Орду и уехал, оставив брата в Новгороде. Почти два года пробыл Юрий в Орде и достиг многого. Но пока вернулся Михаил и двинулся на Новгород «со всею силою низовскою и с татары», разбил новгородцев, заставил их выдать князя Федора ржевского и согласиться на огромный выкуп в 50 тысяч гривен серебра, выдать себе все оружие и коней, а князя Афанасия Даниловича и бояр новгородских взял «в заклад». Крутой князь не искал примирения с новгородцами, а теснил людей продажами «сколько кого станет», и довел их скоро до нового восстания, для которого они, заново укрепив город, собрали всю волость свою — псковичей и ладожан, рушан и корелу, ижеру и вожан. На этот раз князю Михаилу пришлось отступить, «не успев ничтоже». А новгородцы пока вели усиленные хлопоты в Орде. В первый раз послали они послов хану «сами о себе», мимо князей. Тверичи перехватили этих послов, и князь Михаил заставил их помириться на том, что им «не вступатися ни по комь» — держаться нейтрально между ним и Юрием¹⁵. За уплату в четыре срока 12 тысяч гривен новгородцы получили мир, восстановление торгового дела и старых грамот (три договора 1317–1318 гг.)¹⁶.

Однако эти успехи Михаила были последними. Из Орды шел на великое княжение Юрий, шурина хана по сестре его Кончаке-Агафьи, с посланцами Кавгадыем и Астрабеком. Теперь «вся сила Низовская» и татары были на Михаила. Ему пришлось «сступиться» великому княжению, новгородцы теперь пристали к Юрию, как и князья суздальские. Но 22 декабря 1318 г. в 40 верстах от Твери, у села Бортенева, Михаилу удалось разбить Юрия, тем более что татары Кавгадыевы не вступали в бой, да и была их, видимо, небольшая дружина. Юрий с немногими людьми бежал в Новгород, брат его Борис, жена его Кончака (в крещении Агафья), много бояр попали в тверской плен. Юрию удалось поднять новгородцев и псковичей,

¹⁴ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888. С. 315.

¹⁵ Полное собрание русских летописей. Т. VII. С. 187–188.

¹⁶ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 12–14.

но Кавгадый помирился с Михаилом, с честью был принят в Твери и, вероятно, не без его давления князя и Новгород договорились «яко итти обема в Орду», а «послом новгородским и новгородцам ездити сквозь Михайлову волость без пакости». Поездка Юрия в Орду была обставлена — по совету, как полагали современники, Кавгадыя — по-великокняжески. С ним поехали «князи вси низовские и бояре с городов и от Новгорода». Михаил же послал вперед сына Константина, а сам занялся устройством дел и составлением духовной. Проволочка вызвала вторичную посылку за ним из Орды, облегчила Юрию и Кавгадыю подготовку гнева ханского и гибели Михаила. 22 сентября 1318 г. Михаил казнен по приказу хана и по приговору князей ордынских.

За Юрием осталось великое княжение; ему выданы Константин Михайлович, бояре и слуги тверские. Заключив «докончание» с Дмитрием Михайловичем тверским, Юрий [как] великий князь владимирский и новгородский вступает сразу в свою новую роль. В Великом Новгороде он посадил брата Афанасия и, сам туда наезжая, берет на себя защиту Новгорода от шведов (осада Выборга, 1322 г.; постройка городка на Ореховом острове в «устье» Невы, 1323 г.), ходил с новгородцами на Заволочье умирять устюжан с их беспокойными «князьями». Дал Юрий почувствовать свою руку и Рязани походом на князя Ивана Ярославича: в следующих годах видели мы рязанских князей в подчиненном союзе с Москвой. Тверских князей Юрий заставил выплатить себе 2 тысячи рублей «выхода» татарского, — из-за этого вспыхнул новый раздор, когда Александр Михайлович врасплох напал на Юрия и «пограбил» у него это «серебро», а Дмитрий Михайлович принес в Орде жалобу на захват «выхода» тверского. Дело кончилось вызовом Юрия на ханский суд и гибелью в Орде от руки Дмитрия Грозные Очи, казненного за такое самоуправство. Это дело пошатнуло ордынские фонды Москвы. Великое княжение досталось в 1326 г. Александру Михайловичу тверскому.

Но тот же год принес Москве закрепление ее связей с митрополией. Иван Данилович, переживший всех братьев и единый вотчик московских владений, заложил 4 августа каменный храм Успения Пресвятой Богородицы, а в декабре храм этот принял гроб «святителя», не замедлившего прославиться чудесами и ставшего святым патроном Москвы. Прошло тринадцать лет с его кончины, и преемник его по митрополии Феогност провел с благословения константинопольского патриарха его канонизацию. Есть известие, что по соглашению с Калитой св. Петр «воименова на митрополию» некоего архимандрита Феодора, но дело мудрено было

провести, раз Иван Данилович не был великим князем, и в преемники Петру был поставлен грек Феогност. К его приезду на Русь дела тут, однако, изменились, и Иван его встретил уже как князь великий. Разыгралось в Твери дело избиения Шевкаловых татар, сгубившее великое княжение Александра. Мне уже приходилось упоминать о противоречии, какое находим в источниках относительно судьбы великокняжеского достоинства в этот момент. Один из них представляет дело так, что хан разделил великое княжение между Иваном Даниловичем московским и Александром Васильевичем суздальским: «князю Ивану Даниловичю Новгород и Кострому, половина княжения; а Суздальскому князю Александру Васильевичю дал Володимер и Поволжье»¹⁷. Нет основания так понимать, что Александр получил великое княжение. В том же тексте, как и во всех других, великим князем с 1328 г. называется Иван Данилович, который после смерти Александра в 1332 г. получил «княжение великое надо всею Русьскою землею, якоже и праотець его великий Всеволод Дмитрий Юрьевич»¹⁸.

В двух разных формулах отложилось впечатление современников от вокняжения Ивана у наших летописцев: «и бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле», и «наста насилowanie много, сиречь княжение великое Московское досталось князю великому Ивану Даниловичю»¹⁹. Первое поясняется указанием, что «престаша татарове воевати Рускую землю» и что Калита «исправи... землю от татей»; второе говорит о гнете власти московской на соседние земли и княжения. А историко-политический смысл момента хорошо выразил Никоновский свод: «прииде (Иван Данилович) от царя Азбьяка из Орды с пожалованием и с великою честию на великое княжение Володимерское, и седе на великом княжении на Москве, а стол Володимерь и иныя многия княжения царь Азбьяк даде ему к Москве»²⁰. Прочно установил Калита свои отношения к Орде — частыми поездками к хану (1326, 1328, 1331, 1334, 1336, 1339, 1340 гг.), стоившими крайне дорого. Эти ордынские отношения — сильная опора его княжения; они устраняют взаимные интриги князей перед ханом и вмешательство татар в дела Руси. Закрепить их можно было, однако, лишь ликвидировав тверской вопрос. Перед татарской силой, разгромившей Тверскую землю, Александр Михайлович бежал во Псков; хан велел рус-

¹⁷ Новгородская летопись... С. 437.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 196; СПб., 1897. Т. XI. С. 128.

²⁰ Там же. Т. X. С. 195-196; Новгородская летопись... С. 431.

ским князьям его искать, а псковичи не выдавали. Смирять их кровопролитием было делом более чем рискованным в смысле впечатления на русское общество и подручных князей. Ивану удалось снова использовать влияние церкви; митрополит Феогност, уступая его и других князей просьбам, наложил отлучение и запрещение на Александра и на Псков. Александр ушел в Литву к Гедимину, но через полтора года вернулся и около десяти лет сидел в Пскове князем «от Литовской руки», отстаивая самостоятельность Пскова: так, он хлопотал перед митрополитом Феогностом о поставлении особого архиепископа для Пскова. В Твери же княжил Константин «тихо и мирно», в полном смирении перед великим князем московским. Но хлопоты 1335–1337 гг. в Орде дали Александру возможность вернуться на свою отчину. Это грозило новой борьбой. Наши своды подчеркивают, что Александр не «канчивал» с Калитой. Всколыхнулись младшие князья — суздальские, ростовские, недовольные засильем Москвы. С Новгородом у Калиты отношения были крайне натянутые. Нуждаясь в крупных средствах для поддержки влияния и веса своего в Орде, он все круче налегал на богатый Новгород. Его требовательность росла с каждой поездкой к хану. До нас не дошло договорных грамот Калиты с Новгородом, зато дошли жалованные грамоты новгородские, данные от великого князя Ивана и от властей новгородских вместе. С 1329 г. занял он стол новгородский, с 1332 г. начинаются его наступления на вольность новгородскую, требования то «закамского серебра», то «запроса царева» сверх обычного «выхода». Как князь великий, не как воюющая сторона, учинял он «через крестное целование» репрессии против Новгорода захватом Торжка и Бежецкого Верха, посылал рать «за Двину, на Волок», в доходные волости новгородские.

Напряженность всех отношений обострилась с возвращением Александра в Тверь, тем более что за ним могли подозревать литовскую помощь. Характерно, что с этим моментом связала московская традиция первый отлив боярских сил от Твери к Москве: «того же лета отъехалша бояре мнози от князя Александра Михайловича Тверского на Москву к великому князю Ивану Даниловичу», — читаем в Никоновской летописи. Иван, отрядив младшего сына Андрея в Новгород, чтобы его держать в руках, поспешил с двумя старшими в Орду, и «его же думою» царь Узбек вызвал к себе и Александра Михайловича, Василия Давыдовича ярославского и всех князей. Скоро Иван вернулся собирать «выход» царев и «запросы цареви», а сыновей отослал всех трех к хану. В октябре 1339 г. погиб в Орде Александр Михайлович. Иван Данилович остал-

ся без сколько-нибудь сильного соперника, и смерть его через полтора года не пошатнула положения Москвы.

Все князья русские поехали в Орду в апреле 1341 г.; Семен Иванович вышел оттуда на великое княжение, «и вси князи Руский даны ему в руце»²¹; видимо, власть ханская убедилась, что иметь дело с одним представителем всего русского улуса имеет свои преимущества, а сила московского князя обеспечивает получение более крупного и цельного «выхода» с меньшей заботой. Успех в Орде — как при Калите — отразился на отношениях московско-новгородских. Семен первым делом «посла в Торжок дани брати» и вызвал жалобу послов новгородских: еще, господине, на столе в Новгороде еси не сел, «а уже бояре твои деют силно». Новоторжцы, сейчас увидим какие, послали с жалобами в Новгород, оттуда присланы бояре, которые на Торжку наместников московских захватили и стали готовить оборону. «И не восхотеша чернь», «въсташа чернь на бояр <...> и съкрутившися в брони, нашедши силою на дворы, выимаша у воевод наместники княжи, и борци», а новгородцев выслали из города; новоторжские бояре бежали в Новгород, «толко душою кто успел», а дома их и села разграблены чернью²². Этот раздор поясняет, почему новгородцы, получив от Семена «мир по старым грамотам», согласились дать великому князю черный бор по всем волостям и тысячу рублей на Новоторжцах, а на Новгород приняли его наместников. Тяжек был им и приезд митрополита Феогноста «кормом и дары». Сквозь отрывочные, хотя и довольно обильные известия второй четверти XIV в. ясно выступает по мере роста Москвы явная необходимость для нее господства над Новгородом как источником крупных материальных средств, которыми питалась в значительной степени московская казна. Это — одна из тех черт ранней московской истории, которая заставляет меня останавливаться с особым вниманием на внешней ее стороне раньше, чем обратиться к анализу внутренних отношений.

Возродившаяся потребность объединения Великороссии — в тяге к концентрации ее сил и средств, а стало быть, воссоздания объединенного политического главенства — дала Москве, вступившей в след тверской политики Михаила Ярославича, достигнуть к 1341 г. значительных успехов. А этот момент чрезвычайен по исторической значительности. Умер Гедимин. Власть великого князя литовского — в отношении русских

²¹ Там же. Петроград, 1915. Т. IV. 2-е изд. Ч. 1. Вып. 1. С. 271.

²² Новгородская летопись... С. 339–340.

земель — переходит к Ольгерду. Наступление на Русь разворачивается широко и энергично. Назрела борьба за существование двух половин Руси. Наряду с отношениями восточными — татарскими, которые обусловили в следующем десятилетии возвышение великого князя нижегородского, для Северо-Восточной Руси новое и более напряженное значение получают вопросы политики западной. Вся эта международная обстановка получает огромное значение для внутреннего развития Северо-Восточной Руси.

Но что такое княжение Московское в момент перехода его к великому князю Семену Ивановичу с братьею? Что такое «вотчина московских Даниловичей»? Вотчина есть наследие князей — сыновей по отцу. Как в «Русской Правде», так и в «душевной грамоте» Ивана Даниловича его судьба определяется «рядом», какой отец дает «сынам своим и княгине своей». После умирающего главы семья остается как единая группа, связанная определенными отношениями. Семья Ивана состояла из трех сыновей — Семена, Ивана и Андрея (был еще Даниил, но, видно, раньше умер) от первого брака, второй жены Ульяны и дочерей, из которых, кажется, две были еще в доме. Второй брак Калиты, ясный и из духовных грамот, определен Экземплярским, а в одном из списков западнорусской летописи, Никифоровском, под 6841 (1332/33 г.) помечено: «Того же лета оженися в другыи князь великий Иван Данилович»²³. Дата духовной — после 1332 г. Ряд Калиты детям и вдове — первый в семье московских князей, какой знаем. Он интересует прежде всего тем, что не упоминает не только о великом княжении и городе Владимире, но и о Переяславле. Признаюсь, с недоумением останавливаюсь я перед тем, что не нахожу в толковании духовных грамот, например, у Чичерина, внимания к вопросу о Переяславле²⁴. И справка в летописях ничего не дает; я ожидал бы там указания, что Семен получил ярлык ханский на княжение Переяславское и тогда объяснил бы этим особым «стольным» значением Переяславля его отсутствие в духовной. В Переяславле сидели наместники великого князя, он был коренной вотчиной потомков Александра Невского, но в «душевной грамоте» Калиты о нем нет помину. Нет тут и Костромы. Карамзин поясняет это так: «В сем завещании не сказано ни слова о Владимире, Костроме, Переславле и других городах, бывших достоянием великокняжеского сана: Иоанн, располагая только своею отчиною, не мог

²³ Полное собрание русских летописей. СПб., 1907. Т. XVII. С. 30, прим. 56.

²⁴ См.: Чичерин Б. Н. Опыт по истории русского права. М., 1858. С. 232–375.

их отказать сыновьям, ибо назначение его преемника зависело от хана», и доказывает, что «Переславль Залесский считался городом великокняжеским, а не московским», тем, что в 1360 г. Дмитрий Константинович суздальский занял Переяславль, как только стал великим князем²⁵. То же говорит, повторяя Карамзина, Экземплярский о Костроме: она становится, по мнению Экземплярского, с 1303 г. «достоянием великокняжеского сана», и потому Калита и его преемники до Василия Дмитриевича (включительно) не распоряжаются Костромой в духовных²⁶. Так, и Переяславль появляется только в духовной Василия Темного вместе с упоминанием о «его отчине великом княжении» и городом Владимиром.

Ту же точку зрения применяет Карамзин и к Угличу, Галичу, Белозерску, которые в духовной Дмитрия Донского названы «куплями» его деда Калиты. Но судьба, а стало быть, и положение их различны: эти три города-купли и вотчинному ряду подчинены раньше Переяславля или Костромы при Донском, хотя в таком пункте духовной, где и они поставлены в связь с великим княжением: после раздела московских владений, духовная Донского говорит: «А се благословляю сына своего князя Василья своею отчиною великим княженьем. А сына своего благословляю князя Юрья, своего деда куплею, Галичем», Андрея — Белым озером, Петра — Углечем полем. И все это вместе исчезает из духовной Василия Дмитриевича, чтобы появиться в духовной Василия Темного с Переяславлем и Костромой²⁷.

Не все, стало быть, чем владел Иван Калита, было однородно по княжим его правам. Великий князь владимирский еще не слился с князем московским в одно неразличимое целое. И отчич московский не слился воедино даже с князем переяславским или костромским. Слово «вотчина», легко применяемое и к Владимиру, и к Новгороду, и к Переяславлю, и к Москве, имеет в каждом применении особое содержание. Ведь слово это означает лишь формальную сторону права — его приобретение по преемству от отца, но не выражает материальной сущности вотчинного правоотношения и объема и свойств владения. Мы употребляем слово «вотчина» обычно в том позднейшем смысле, который носит печать так

²⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. I. Т. IV. Стб. 151 и прим. (к IV тому) № 326.

²⁶ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. II. С. 263–265.

²⁷ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 34, 39, 41, 86.

называемого «частно-правового» владения на началах полной «вотчинной» собственности. И можем в этом смысле сказать, что Иван Калита в духовной своей уряжает семью во всем, что считал своим семейно-вотчинным капиталом, тою суммою материальных благ и доходных прав, которые стянуты к его московскому двору и составляют обеспечение его средств и благосостояния. Объекты Иванова ряда: Москва, города, волости, села, доходы, [такие] как мыта и оброки, люди купленные, стада, ценные вещи. В научной литературе нашей много спорили о том, можно ли установить различие оснований и качества права, какое имеет князь на эти объекты. Сделана была попытка различить его права государственные (на волости) и частные (на села). Я не считаю ни полезным, ни возможным гоняться за такими различиями. Конечно, они имеют свою научную цену для истории правовых понятий и их постепенной дифференциации из первоначального безразличия, производящего на людей нашей юридической культуры впечатление спутанности и смешения разнородных понятий. Для их истории, однако, существенно уловить момент, когда различие начал права гражданского и государственного возникает в сознании людей прошлых веков, а не спорить о том, какие явления их практики (правовой и административной) подходят более или менее под категории нашей теории права. А в вопросах владения или собственности [и] раннее средневековье на Западе, [и] так называемое удельное время у нас, в этой области именно тем и отличались, что такие резко различные для нас представления, как земельная собственность и юрисдикция права на хозяйственные доходы и на доходы судебно-административные, как и право обложения, могли принадлежать на одном и том же основании владельцу известной части территории, населенной людьми разного юридического состояния. И различие между владением волостями и селами, несомненно, весьма реально. Первый термин очень широк: он означает известные финансовые доходы, как мыт, тамга, осмничее: «а из городских волостей даю княгини своей осмничее, а тамгою и иными волостями городскими поделятся сынове мои»; означает он и единицу территориального деления, подчиненную княжеской власти с соответствующими судебно-административными доходами для нее. Села — единицы княжеского землевладения и дворцового хозяйства, но и тут не только возможна, но и очевидна наличность также доходов и функций так называемого «государственного» характера. Фактическое различие этих двух видов владения для князя несомненно, но чтобы при этом определенно различалось его правовое отношение к владению селами и волостями — сказать мы

не имеем основания. Князья и тем и другим в своих «рядах» наследникам распоряжаются одинаково, как семейным имуществом. Это первый существенный признак единства правового содержания того акта, какой представляет собой «ряд», данный Иваном Калитой сыновьям и вдове-княгине в духовной его грамоте²⁸.

Присмотримся к деталям этого «ряда». Прежде всего, это не такой раздел пропек, раздел окончательный, который порывал бы все связи между членами семейной группы, кроме чисто моральных и кровных. Братья молодшая и княгиня с меньшими детьми (какими? быть может, у Ивана от второго брака были дети, умершие в младенчестве? или тут разумеются только две дочери, обе или одна, от Ульяны?) приказаны старшему сыну Семену; он их опекун, глава семьи, ее большак. Во-вторых, им всем «приказана отчина Москва»; ее доходами, за выделом осмничего княгине Ульяне, предоставлено сыновьям самим поделиться; видно, еще не выработал Иван того, что потом создала практика, закрепленная позднее великокняжескими духовными, — раздел московских доходов на доли, по годам, между наследниками. Но как понимать этот «приказ» Москвы сыновьям? Как соучастие их в получении доходов по разделу, какой они учинят между собой, или как соучастие во власти над ней? Москва трактуется в духовной только как вотчинный город, речь конкретно идет только о «городских волостях» — доходах. Но уже сама терминология эта приводит к представлению, что от доходов и их получения трудно отделить управление, их создающее.

Сопоставляя эту черту духовной с тем, что в ней же читаем о «числьных людях», что «тех ведают сыновья собча, а блюдутъ вси с одногого», скорее, надо понять мысль Калиты так, что и Москву блюсти и ведаť будут его сыновья «с одногого», хотя, конечно, под старейшинством Семена. «С одногого» должны были они блюсти и ведаť людей «числьных», которые противопоставляются «людям купленным», идущим в раздел по списку в «великом свертце». Под «числьными» людьми разумеют людей, занесенных в татарское «число» — переписи второй половины XIII в. Эволюция этого «числа» к позднему московскому сошному письму (через неясную стадию «вытного» письма) нам вовсе, к сожалению, не известна. Но «числьных» людей со времен Сперанского²⁹ считают тождественными с людьми «данными», «письменными» (вытными), а это термины, вытеснен-

²⁸ Там же. № 21 и 22.

²⁹ Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1859. Кн. 2. С. 30–31.

ные потом термином «тяглые» или «черные волостные люди» (ср. в одной грамоте 1530 г.: «люди нетяглые, неписьменные»). С точки зрения княжого управления, этот разряд населения определяется как несущий сбор дани, основное назначение которой — уплата татарских «выходов», дани неминуемой и запроса царева. История и организация дани татарской нам почти вовсе неизвестна. Документальных, актовых источников нет, а летописные тексты лишь мимоходом и попутно бросают намеки, которые часто весьма мудрено раскрыть в их подлинном содержании. Попытки ханского правительства наладить собственное финансовое ведение русским улусом продолжались весьма недолго. Ведь только в 70-х гг. XIII в. для этих опытов создана почва завершением «числа», и вообще вторая половина этого века — время, когда действовала практика сбора дани путем посылки из Орды данщиков татарских и сдачи [сбора] дани на откуп бесерменским купцам или баскакам, органам ханской власти в отдельных княжествах русских. Со второго десятилетия XIV в. встречаем уже известия о непосредственном участии князей в сборе средств на уплату «выхода» татарского. В их борьбе за ханские ярлыки играет основную роль вопрос, «кто даст выход больший», и князья возвращаются из Орды, обремененные долгами ордынским купцам и обязательствами доставить хану крупные суммы, на сбор которых напрягают все усилия свои и подвластного населения. Когда и как совершился переход от первой из этих практик к другой — установить и выяснить не можем. Но значение этого явления очевидно [и] чрезвычайно важно. Ослабляя непосредственное воздействие татарской власти на местную жизнь русскую, оно освобождало внутренние политические отношения Руси для более самостоятельного их развития; с переходом сбора дани в руки князей, оно в эти руки передавало и организацию «числа», обложения и начатка финансового управления, основными представителями коего стали княжьи данщики. Этот новый порядок слил «старую дань», шедшую с населения князю, с данью татарской, и из общей суммы сбора лишь часть шла в «выход ордынский», другая же легла в основу княжих финансов.

«Неминуемый» характер «выхода» и «запросов» царевых неизбежно переходил на самую дань, усиливая финансовую власть князя, который один владел критериями для определения размера обложения. И в борьбе князей за власть на Руси вопрос о «выходе» татарском стал играть весьма крупную роль, ибо объединение дани для него в руках великого князя создавало один из крупных устоев его власти, как центральной не только в управлении финансовом, но и во внешних отношениях —

к Орде и власти ханской. Князь, обеспечивавший крупный «выход» хану, мог быть спокоен относительно интриг соперников в Орде и рассчитывать, при нужде, на ханское покровительство и ханскую помощь. На примере отношений великих князей тверских с кашинскими и холмскими удельными, как и на столкновении Юрия московского с Тверью из-за «выхода», мы видели, как вопрос этот существенно сплетался с борьбой за единство великого княжения и великокняжеской власти против сепаратизма местных вотчинных княжений. Можно сказать, что право самостоятельно сноситься с Ордой и непосредственно вносить ей «выход» было нагляднейшим признаком политической самостоятельности русского княжества той эпохи. Стремясь сохранить единство княжества Московского от полного вотчинного распада, Иван Калита передает «числьных» людей общему «блюдению» своих сыновей. Нет основания предполагать, чтобы под этой общей формулой уже скрывалась та более детальная регламентация раздела долей дани между князьями, которые свою долю сами собирают и вносят в общий «выход» во времена Дмитрия Донского: там уже нет «общего блюденя и веданья» «числьных» людей, как [и] в духовной Василия Дмитриевича, [где] читаем о разделе «числьных» людей по третям.

Таковы черты строя Московского княжества по духовной Калиты, которые я подчеркиваю: сохранение организационного единства семейной группы, «приказанной», как старшему, Семену, совладение Москвой и общее заведывание «числьными» людьми, т. е. и татарским «выходом». Это элементы «одиначества» князей, которому аналогию видим в чертах строя Тверского великого княжества, а ранее — в междукняжеских отношениях земли Черниговской дотатарского времени.

Но есть одна черта этого строя, которую встречаем впервые в духовной Калиты, а вообще только в великом княжестве Московском. Калита «роздел учинил» сыновьям. Старший получил Можайск и Коломну — верховья и устья реки Москвы, два боевых пункта московской политики — и крупные волости, преимущественно по Москве, [такие] как Коломенские волости, подходившие к Московскому уезду, и Горетов Стан — выше города Москвы, между ней и Звенигородом. Второй, Иван, получил Звенигород (на реке Москве) и Рузу, волости которой, примыкая к Звенигородским и Можайским, касались течения реки Москвы между ними; остальные Ивановы волости раскинуты и к северу вверх по реке Рузе, и на север от Горетова Стана, и на юг от Москва-реки, как Суходол и др. Третий, Андрей, получил Серпухов, Перемышль и ряд волостей, преиму-

шественно в южной части великого княжества Московского. Волости, выделенные для княгини Ульяны «с меньшими детьми», раскинуты на север и северо-запад от Москвы по направлению к Дмитрову. Ни один из этих «уделов» не составляет цельной территории, со сколько-нибудь определенной конфигурацией, и каждый дополнен «селами», увеличивавшими чересполосицу владения. Ни один из этих уделов не рисуется нам естественной, исторически определившейся территорией³⁰. Раздел к тому же не предполагался окончательным и неизменным. «А по моим грехом чи имуть искати татарове которых волостей, а отоимуться, вам сыном моим и княгини моей, — пишет Калита, — поделить вы ся опять тыми волостми на то место». Что это за «исканье» волостей татарами или «из орды», которое грозит тем, что они «отоиматися» могут? Полагаю, что понимать его надо в смысле «подыскиванья» волостей князьями друг у друга с помощью ханских ярлыков. Такова внешняя сила, которая могла умалить «волости», доставшиеся по отцовскому ряду одному из сыновей-отчичей; тогда должен был последовать передел волостями, чтобы восстановить соответствие между долями-уделами. Характерно, что Калита термина удел не употребляет, а говорит о «волостях» и об «уездах», по которым и мыта принадлежат сыновьям. Но слово для обозначения доли сына-наследника было нужно, термин «вотчина» был слишком широк и к тому же означал целое отцовских владений, доставшихся всем сонаследникам. Им можно было удовлетворяться, пока раздел вел к полному распаду и доля каждого из сыновей обращалась в самостоятельное вотчинное владение. Семен Иванович в своей духовной свою долю означает описательно: *участок*, «чим мя благословил отец мой». В духовной Ивана Ивановича доля Андрея, перешедшая к Владимиру Андреевичу, названа: «уезд отца своего». Только при Дмитрии Донском (в его договорных и духовных грамотах) появляется слово «удел», которое затем приобретает устойчивое значение доли князя, данной ему отцом по «ряду» и «разделу»³¹.

Характер раздела определяется в духовной Калиты чертами, гарантирующими сохранение единства семейной группы и ее владений: им создавались «идеальные», как выражаются историки землевладения, доли,

³⁰ Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей, как историко-географический источник // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. СПб., 1903. Т. VI. С. 1–57. — *Примечание автора.*

³¹ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 24, 25, 26, 33, 34.

пропорциональное соотношение которых должно быть восстановлено в случае умаления одной из них по независящим обстоятельствам. Дело в том, что эта черта московского княжого владения не стоит одиноко в стародавней жизни великорусского севера. Она явно сродни тому строю крестьянского долевого землевладения, которое изучено и описано в трудах А. Я. Ефименко, П. И. Иванова и Н. П. Павлова-Сильванского³². Вот как изображает его Павлов-Сильванский, подведший итог и русскому, и западному изучению этого вопроса в главе пятой своего посмертного труда. Деревня-двор по смерти отца сохраняет прежнее значение хозяйственного целого, не распадаясь между братьями-сонаследниками на отдельные, обособленные имения; но внутри этой хозяйственной единицы происходит раздел — не землевладения, а землепользования — по долям разных земель и угодий, чересполосно, по полосам и лоскутам. По отношению к внешнему миру совладельцы «за ту свою вопчую землю стоят в ответе все вместе». А внутри — правильность долевого владения охраняется обычаем «передела», для проверки и уравнивания [того], чтобы реальная доля каждого всегда точно соответствовала идеальной доле его наследства; из обычая этого, применявшегося, например, если иную пашню смоеет или засыпет при разливе реки или для устранения захватов чужого, могли иногда развиваться периодические переделы, констатированные Ивановым. Но обычная судьба долевого владения иная. Оспаривая мысль А. Я. Ефименко, будто долевое землепользование есть общая стадия в развитии землевладения от задружного быта к землевладению подворно-участковому или общинному, Сильванский настаивает, что оно «слишком неустойчиво, чтобы придавать ему такое общее значение». Оно появляется при переходе дворища от одного владельца к двум-трем его сыновьям, «но очень скоро исчезает», как только отношения в дальнейших поколениях становятся более сложными. Тогда происходит окончательный раздел с тем, чтобы больше «не переделивать и с полос друг друга не сживати». Долевая деревня быстро превращается в деревню с подворным личным вла-

³² См.: *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. М., 1884. Вып. I: Обычное право. Гл. VI («Крестьянское землевладение на крайнем Севере»); *Иванов П. И.* К истории крестьянского землевладения на севере в XVII в. // «Древности»: Труды Археографической комиссии Императорского Московского археологического общества. М., 1899. Т. I. Вып. 3. Стб. 413–440; *он же.* Поземельные союзы и переделы на севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян // Там же. М., 1902. Т. II. Вып. 2. Стб. 193–278; *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси (Сочинения. Т. 3). СПб., 1910.

дением. Разложение долевого единства создается, кроме таких разделов, также и путем более сложным, когда дольщики начинают отчуждать в сторонние руки свои «трети» и «четверти»; в таких случаях долевые отношения могут сохраниться, обращая вотчинные переделы в переделы по купчим и дельным «крепостям», подобно как в землевладении складническом. Но нужны весьма сильные экономические условия, чтобы сохранить совладение чужаков от быстрого распада.

Та же схема развития — *mutatis mutandis* — может быть прослежена и на княжеском владении по уделам. И в древней домонгольской Руси наблюдаем сохранение относительного одиначества и целостности всей отчины между князьями-братьями-вотчичами определенной земли, момент неустойчивого равновесия ее внутреннего строя перед окончательным распадом. Редко где при особых условиях, как в земле Черниговской, вырастает оно в более длительное одиначество с разрушением зато устойчивости вотчинных «долей» в пользу договорного «наделения вправду». Момент истории московского княжого владения, наблюдаемый нами по духовной Калиты, есть момент первого шага к разделу с перевесом одиначества над вотчинным дроблением — со старейшинством старшего брата.

Но внутренние отношения семейной группы не определены в духовной сколько-нибудь отчетливо. Нет даже слов «в отца место». Это определение сделано [вскоре], видимо, тотчас по смерти Калиты, в договоре великого князя Семена Ивановича с братьями, заключенном «у отня гроба». Тут братья целуют крест, что им быти «за один до живота», имея и чтя старшего брата «во отцево место», а он их [должен] иметь в братстве, без обиды (стерто)³³. Одиначество князей раскрывается договором в ряде положений. Они будут иметь друзей и недругов, кого примет в дружбу или с кем во вражде будет великий князь, но доканчивать он обязуется не иначе, как «с братьею»: формула «а тебе, господине князь великий, без нас не доканчивати ни с ким» имеет двойной смысл — не заключать договоров без «думы» с братьями и не исключать их из своих договоров с третьими; и они отказываются от права заключать сепаратные договоры. Братья взаимно обязуются не поддаваться, если кто их будет «сваживати», по таким наговорам не держать нелюбья, а расследовав, казнить интриганов «по исправе». Такая столь обычная в междукняжеских договорах

³³ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 23. (Текст договора сохранился не целиком, часть его стерта. — *Ред.*)

оговорка свидетельствует о значительной зависимости князей от политиканства и происков боярских кружков. Затем князья, в общем подтверждая «раздел», какой им дал отец их, вносят, однако, в него дополнения, отчасти видоизменения и гарантии. Уступая старшему «на старейшинство» половину тамги московской, князья уговариваются относительно общей нормы: «и потом на старейший путь, кто будет старейший, тому полтамги, а молодым двум полтамги»; старшему уступка и в других угодьях: ему пути сокольничий и конюший, садовници и «кони ставить», и ловчий путь — основные «пути» великокняжеского московского обихода. «А опрочь того все на трое».

Далее, точнее выясняет договор значение «уделов»: 1) их неприкосновенность — «того ти под нами блюсти, а не обидети», и право расширять владение — примыслами и прикупам чужого к своей волости: «и того блюсти, а не обидети»; 2) их наследственность: «кого из нас Бог отъведет, печаловати княгинею его и детми, как при животе, так и по животе» (в духовной?); «а не обидети тебе, ни имати ничего ото княгини и от детей, чимь ны кого благословил отець наш по розделу»; 3) самостоятельность их княжого управления: бояре и слуги у каждого князя свои, и великому князю на бояр и слуг, которые служат братьям, а по ним их вдовам и детям «нелюбья не держати, ни посягати без исправы, но блюсти, как и своих»; вольным слугам между ними воля, на обе стороны, за отъезд «нелюбья... не держати». Устанавливаются правила сместного суда по отношению к «московским» боярам и слугам удельных князей, если суд на Москве и «опрочь» Москвы, в суде наместничьем; агенты власти княжеской обоюдно не высылаются в чужую территорию, а дело ведется пересылкой между князьями (вспомним «Русскую Правду»: а «в чюжую землю своду» нет); с этим связано и запрещение князю, его боярам и слугам покупать села и держать закладников (стерто) в чужих владениях, естественное при неразличении понятий владения и юрисдикции³⁴ (в XIII в. такие нормы разработаны новгородскими договорами с тверскими князьями). Наконец, договор устанавливает объединение военных сил всего великого княжества под властью великого князя: братья обязаны выступать в поход вместе с ним и идти «без ослушанья», если он их без себя пошлет. В связи с уговором не расхищать личного состава и земель «численных»

³⁴ Из дефектов грамоты особенно досадно, что в связи с этим упоминается о «численных», — видимо, как в договоре Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем — что их в службу не принимать и у них земель не покупать. — *Примечание автора.*

людей это правило обеспечивало единство военных и финансовых сил великого княжения.

Ставить ли заключение этого договора в какую-либо связь с «крамоллой» боярина Алексея Петровича? К сожалению, мы слишком мало знаем об этой таинственной истории. Договор говорит о «кормоле», в которую вошел Олекса Петрович к великому князю Семену. Если договор действительно заключен «у отня гроба», т. е. если в словах этих видеть указание хронологическое, то крамола должна была произойти вскоре после вокняжения Семена, например, во время первой его поездки в Орду. В чем она состояла — не знаем. Но боярин Алексей подвергся крупной опале. Князь великий обещает его не принимать к себе в бояре и берет обещание с братьев не принимать ни Алексея, ни его детей, «и не надеяться ны его к собе до Олексеева живота». Имущество боярина конфисковано, и великий князь поделился им с братом Иваном, и обязует этого брата из того «живота» ничего Алексею не давать, «ни его жене, ни его детям, ни иным чимь не подмагати их». Можно сопоставить с этим и опасения «свады» боярской между братьями в том же договоре, и увещание братьев «жити за один», лихих людей не слушать, «хто иметь (их) сваживати», а слушать митрополита и «старых бояр, хто хотел отцю нашему добра и нам»; такое извещение находим и в духовной Семена. Указание договора на какую-то связь Алексея с князем Иваном Ивановичем подтверждается тем, что его при Иване, ставшем князем великим, видим в тысяцких московских. А в 1357 г. тысяцкий Алексей Петрович найден убитым на площади: «и неции глаголют о нем, — так записано в Никоновском своде, — яко совет сей сотворися или от бояр или от иных втайне...». «И бысть мятежь велий на Москве того ради убийства»; «тое же зимы, по последнему пути, болший бояре московстии отъехалша на Рязань з женами и з детми»³⁵. А через год Иван Иванович двух отъездчиков перезвал опять к себе — Михайла и зятя его Василия Васильевича. Чувется борьба боярских партий, не без связи с отношениями между князьями Семеном и Иваном Ивановичами. И у нас так мало сведений об этих начальных моментах внутренней истории Москвы, когда ошупью и постепенно определялись пути созидания московского государства, что внимание невольно останавливается на каждом многозначительном намеке, хотя бы и не было надежды его разгадать с достаточной ясностью и определенностью.

³⁵ Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 228–229.

В сущности, почти таким же «намеком» стоит перед нами и завещание Семена Ивановича, т. к. мы точно не знаем, как произошло нарушение или отмена всего его содержания при великом князе Иване Ивановиче. Семен в своей духовной распоряжается только своим уделом и собственными примыслами, давая ряд княгине своей, Марье Александровне тверской. Составлена она в 1353 г., после смерти последних сыновей его, незадолго до его собственной кончины. Не касаясь ни великого княжения, ни Переяславля, ни Москвы, он поручает братьям блюсти княгиню и ее владения «по нашему докончанию, како тогда мы целовали крест у отня гроба». Жене своей он дает все, чем может распорядиться как князь удельный: Можайск и Коломну, волости и села, весь «участок», чем его отец благословил, свои купли, примыслы и драгоценности. Но на Москве ей назначается, конечно, не полтамги, а Семенов «жеребий тамги»; из великокняжеского обихода 50 коней из «ездовых» и два стада из стад княжих. Семен определяет, кто из бояр будет служить княгине, ведая волости, дает ей «прибытька половину», а людей своих «деловых», доставшихся ему покупкой или «в вине», как слуг-холопов (тиунов и посельских, ключников и старост), и «кто ся будеть у тых людей женил», отпускает на волю. Дел великокняжеских Семен в духовной касается лишь тем, что завещает братьям не пересуживать судебных приговоров его самого, его бояр и людей боярских как в великом княжении, так и в вотчине его на Москве; да еще тем, что увещает братьев жить за один и слушать митрополита Алексея да старых бояр, служивших советом их отцу и ему, Семену.

Из этой грамоты, как и из строя времен Калиты, ясно выступают: 1) различие великого княжения и московской вотчины; 2) связь города Москвы и московского двора с великокняжеским столом, все крепнущая с выделением ее особого положения среди владений, идущих в раздел по уделам. Но еще не пришло время, когда «старейшинство» московское создаст взгляд на Москву и на все, что ко двору князей московских потягло, как на безусловное «вотчинное», в нашем смысле слова, владение. Я поминал уже, какая судьба постигла Семенов «ряд». Крайне прискорбно, что мы ее лучше и подробнее не знаем. В ней есть нечто весьма существенное: расширение понятия о том, что связано со «старейшинством» брата (кто и потом будет старейший), т. е. с понятием «старейшего пути» — как материальной основы старейшинства, политического, — на весь «участок» или «удел» старшего брата, который тем самым приобретает особое значение, не столько личного, сколько «стольного», если можно так выразиться, владения. Оно и понятно. Калита дал старшему такие пункты,

как Коломну, опорный пункт в рязанских делах, сохранявший долго крупное стратегическое значение в обороне южной московской границы, и Можайск, такой же боевой пункт в отношениях смоленских и литовских. Но мы только из духовной Ивана Ивановича знаем, что Семенова вдова, княгиня Марья, не получила мужнина удела полностью. За ней осталась лишь часть волостей коломенских и ряд сел в пожизненное владение. Значение этой отмены и вопроса, с нею связанного, выясняется сопоставлением с тем пунктом духовной Дмитрия Донского, где определено, что по безнаследной смерти старшего брата его удел целиком переходит к его преемнику в старейшинстве, не разделяя общей судьбы выморочных уделов, шедших в раздел остальным братьям.

Известно, как упростила междукняжеские отношения московская «черная смерть» 1353 г. Остались из семьи князей московских только Иван Иванович, ставший князем великим (ум. 1359 г.), его племянник Владимир Андреевич, да две княгини — Ульяна, вдова Калиты, да Марья — вдова Семена, которые доживали на своих «прожитках»; а наследниками Ивана были его два сына-малолетка, Дмитрий (9 лет) и Иван, да племянник Владимир (6 лет) и жена Ивана, [княгиня] Александра. Иван Иванович мог со значительной свободой определять судьбы своих владений³⁶. За Владимиром Андреевичем он оставил «уезд отца его», а на Москве «в наместничтве треть, и в тамзе, в мытех и в пошлинах городьских треть»; так [же] и другие доходные статьи (бортников купленных, мед оброчный, «кони ставити», конюший путь) определил разделить на трое — ему и сыновьям своим; назначил ему и четверть волостей и доходов княгини Ульяны по ее смерти, когда только волость Сурожик и село Лучинское перейдут к ее дочери Федосье, остальное же пойдет в раздел на четыре части — трем князьям и княгине Александре. При Владимире Андреевиче определяется особность вотчинного его княжения Серпуховского. В 1374 г. он заложил град Серпухов «дубов» в своей отчине, а людям и купцам предоставил большие льготы, назначив своего окольничего Якова Юрьевича Новосильца наместником, т. е. создал в своем уезде новый стольный город.

Москву Иван приказал обоим сыновьям, сохраняя треть доходов для Владимира; но ниже говорится об их «дву жеребьях», из коих треть там-ги назначена княгине Александре. Стало быть, нет уже речи о «полтамги» на старейший путь. «Численных» людей блюдут «вси три князя... сопча с одного». Затем определяются уделы Дмитрия (Можайско-Коломенский) и Ивана (Звенигородско-Рузский), оба несколько увеличенные новыми

³⁶ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 25 и 26.

волостями и селами (часть их выделена «до живота» княгине Александре). Общий строй тот же, что в духовной Калиты и договоре Семена с братьями, но наметилось отчетливое выделение Серпуховского удела как вотчины особой линии княжого дома. Это обособление двух отчин внутри московских владений закреплено при Дмитрие Донском договорами между ним и Владимиром Андреевичем. В первом, который заключен до смерти брата, Ивана Ивановича (ум. 1364 г.), Дмитрий говорит: «а что мя благословил отець мой князь великий Иван уделом дяди моего князя великого Семеновым, того ти (Владимиру) не искати: тебе знати своя отчина, а мне знати своя отчина». А после смерти брата Дмитрий унаследовал его наследие и в следующем договоре с Владимиром перечисляет «два жеребья» в Москве, в «станех» и пошлинах, как и весь Звенигородский удел («Звенигород с волостми») в составе своей отчины, до которой Владимиру дела нет. Но все это уладилось не без уступок со стороны Дмитрия; при посредничестве митрополита Алексея Владимир получил от него Боровск и Лужу³⁷.

Так, московские порядки княжого владения при сыновьях и внуках Калиты развиваются, по существу, в традиционном направлении к вотчинному разделу, но медленно, со сдержками. В первом поколении это владение прошло через два момента. 1. Общая отчина им всем троим «приказана», а раздел по уделам намечен не безусловно, но с сохранением за их совокупностью значения семейного обеспечения по долям. 2. Договор между братьями точнее разграничил самостоятельность пользования и управления каждым уделом, наследственность и неприкосновенность уделов. Во втором поколении отчетливее выступает раздел на две отчины — Московскую и Серпуховскую. Но рядом с этим процессом наблюдаем порядки отношений, направленные на соглашение вотчинного раздела с потребностью единства московских сил и средств: 1) сохранение за Москвой значения общей вотчины княжой семьи, 2) единство военного и финансового управления. Наконец, весь этот строй осложнялся тем, что старейшина семьи московской был в то же время главой Московского княжения, его представителем перед ханом и другими князьями или соседями, как великий князь Литовский, и соединял в себе с этой ролью великокняжеское достоинство, владея Владимиром, а также Переяславлем, Костромой вне вотчины Московской, без слияния с нею этих владений.

³⁷ Там же. № 27, 29, 33.

Глава VI

БОРЬБА ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ ВЕЛИКОРОССИИ (1341–1377 гг.)

Дальнейшая судьба княжения Московского всецело зависела от того, возьмут ли верх центристские или центробежные тенденции в великорусском историческом процессе. Общее международное положение Великороссии, обусловившее и первые шаги возвышения Москвы, определило и дальнейшее не только сохранение единства княжения Московского, но и рост его силы по отношению к соседним великим княжествам русским.

В характеристике этого положения я остановился на 1341 г., отметив крупное значение этого момента в судьбах Восточной Европы. Под 1341 г. летописи сохранили известие о нападении Литвы на Можайск — по «Троицкой летописи», это был поход Ольгерда, пытавшегося вернуть Можайск к смоленским волостям, втянутым в круг политического влияния Великого княжества Литовского. С этих пор намечается позднейшая роль Смоленска как яблока раздора между Литвой и Москвой. Можайск был в московских руках ключом к земле Смоленской, пунктом, владение коим вводило Москву в традиции западной политики Великороссии, как она сложилась со времен Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо.

С начала XIII в. Смоленская земля испытывала набеги Литвы (1206, 1223, 1225 гг.). Смоленские князья пытались пойти навстречу опасности, защищая от Литвы и немцев Полоцкую землю (в 1222 г. Святослав Мстиславич смоленский в Полоцке, договор с Ригой 1229 г. от имени Мстислава (Федора) Давидовича за Смоленск, Витебск и Полоцк и т. п.); в 1232 г. Святослав Мстиславич из Полоцка добывает себе Смоленск, отстаивая наметившееся объединение кривичской силы. Но напор литовской силы все увеличивался, и Смоленск не в силах держаться собой. В 1239 г. его отнимает из рук литовских Ярослав Всеволодович, великий князь владимирский, женившийся в том же году сына Александра на Брячеславне полоцкой. Смоленск находит опору в общем центре Великороссии, который стремится взять в свои руки судьбы кривичской западной «украины». Сам Смоленск уже слишком слаб. К середине XIII в. его земля впервые начинает дробиться, и младший из трех Ростиславичей, Федор, сел

на Можайске. Под верховной властью хана смоленские князья состоят «под рукой» князей владимирских (Ярослав Ярославич и Глеб Ростиславич смоленские, 1270 г.), участвуя в их походах на Новгород и Литву. Федор Ростиславич, как мы видели, настолько втянулся в эти суздальские отношения, что стал в 60-х гг. XIII в. князем ярославским, получив Ярославль с рукой ярославской княжны от суздальских князей. После брата Михаила, с 1280 г., он же стал и великим князем смоленским, оставаясь в Ярославле и держа Смоленск племянником Александром Мстиславичем. Казалось, что всем волостям Смоленским суждено уже втянуться в великорусскую политическую систему. Но Суздальщина в эту пору и сама еще переживает процесс ослабления внутренней сплоченности. Смоленск в 1297 г. принял себе особого князя, Александра Глебовича, отчича своего, и отбился от Федора ярославского. По смерти Федора Можайск занял младший Глебович, Святослав, но в 1303 г. город и князь в руках Москвы. Часть смоленских волостей отошла к брянским князьям, а Вязьма с волостями выделилась еще при Федоре в особое княжение. В княжение Александра Глебовича (1297–1313 гг.) тщетные попытки овладеть Брянском и Вяземскими волостями были лишь судорожным порывом к восстановлению разрушенной силы. 45 лет княжил его сын Иван (1313–1358 гг.) уже в тисках между Москвой и Литвой. К этой поре Москва уже обеспечила себе при Калите и Семене главенство на северо-востоке. А на западе Литовское великое княжество нашло себе при Гедимине свой северный, виленский, центр, овладело Белоруссией и приобрело господство в правобережном Приднепровье. Жизненные артерии, питавшие Смоленск, его связи с киевским югом и еще более с Полоцком и через него с прибалтийским побережьем, пути его торговли, были в сильных руках. На грани двух политических миров Смоленск переживает агонию своей самостоятельной жизни, колеблясь «семо и овамо». Брянские князья ищут опоры против смоленского великого князя в Орде и Москве. В 1340 г. татарская рать ходила на Смоленск с ратью московской, Иваном Коротопом рязанским, Константином суздальским, Константином ростовским, Иваном Ярославичем Юрьева-Польского, Иваном друцким и Федором фоминским (из мелких смоленских князей) и мордовскими князьями. Местное княжье тянет к Москве. В 1341 г. Дмитрий Романович брянский выдал дочь за Ивана Ивановича московского, а князь вяземский и дорогобужский Федор Святославич бил челом в службу великому князю Семену, получил (в вотчину?) Волок и в 1345 г. выдал дочь Евпраксию за великого князя.

Такова почва, на которой возникли прямые столкновения Москвы с Литвой при Семене. Иван смоленский перед напором с востока ищет опоры в Литве. Известна его грамота докончальная с Ригой, в которой он присоединяется к договору Гедимины: «докончал есмь по тому докончанию, како то брат мой старейший Кедимин докончал и его дети Глеб и Алкерд». По смерти Гедимины, когда великокняжеская власть в Вильне сосредоточивается в руке Ольгерда и разворачивается его энергическая «русская» политика, связь Смоленска с Литвой, видимо, крепнет. 1341 г. отмечен походом Ольгерда на Можайск с целью вернуть его к смоленским волостям; поход неудавшийся. Но в 40-е гг. XIV в. видим смоленские рати в войске Ольгерда против Ливонского ордена. Однако пользы от Литвы было пока мало, а приходилось тратить силы на службу Ольгердовой политике: в Смоленске раскол, выступают люди, враждебные литовской власти, тянущие к Москве. В осторожной, порой уклончивой политике Ольгерда чувствуется сильное недоверие к Смоленску, как и вообще к подвластной Руси. В 1351 г. Семен Иванович поднялся на Смоленск, но на Протве его встретили полки Ольгерда; характер происшедших переговоров нам неизвестен, но Семен, «взя мир» с Ольгердом, все-таки двинулся к Угре, «хотя ити на Смоленск»; стоял тут восемь дней в переговорах со смоленскими послами, «взя» и с ними мир. В следующие годы видим ряд враждебных Смоленску действий Ольгерда. В 1355 г. он захватил Ржеву, воевал Брянск и полонил сына Василия Ивановича брянского, а в следующем году, по смерти Василия, подчинил Брянск своей власти. Около того же времени — и Орша в руках Литвы, и Белый, через три года и Мстиславль. Кольцом охватили Смоленск волости литовские. Все предвещало его падение. Но еще два князя почти полвека держались в нем — Святослав Иванович (1358–1386 гг.) и сын его Юрий (1386–1404 гг.), лавируя между Литвой и Москвой.

Так великое княжество Московское приняло на себя при великом князе Семене задачу самообороны Великороссии с Запада. Борьба за Смоленск была лишь частичным явлением в этих отношениях, раскинувшихся значительно шире — от Орды до Новгорода, от Твери до Нижнего. В борьбе с Москвой Ольгерд пытался отделить ее от Орды, поднять на нее хана. Известно его посольство 1349 г. к хану Джанибеку «просити помощи на великого князя Семена»; московские связи пересилили, хан выдал Семену посольство, во главе которого стоял брат Ольгерда Кориат-Михаил; с послом своим хан прислал его в Москву, где Семен заключил мир с литовскими послами и отпустил Кориата. Перед Литвой и Ордой Семен

Иванович выступает подлинно главой Северо-Восточной Руси. С его согласия и с благословения митрополита Феогноста вышла Константиновна ростовская за Любарта Гедиминовича, а Ульяна Александровна тверская за Ольгерда. Семен — старейшина в князьях русских, глава их семейного союза; ростовская княжна — его сестрична, а Ульяна ему «свесь», сестра жены его Марьи. Но те же браки князей литовских завязывали все большие связи между великими князьями литовскими и областными княжениями Северо-Восточной Руси. За княжича Бориса нижегородского Ольгерд выдал дочь, чуя подъем Нижнего как новой политической силы. Трудно сомневаться, что политический кругозор Ольгерда широко охватывал отношения Северо-Восточной Руси, подготавливая политику Витовта, рассчитывая на недовольство московским засильем.

Тяжелые отношения между Семеном и Великим Новгородом были уже много раз упомянуты. Их плод проявился в 1353 г., по смерти Семена. Незадолго до 1353 г. новгородский владыка Моисей посылал за клобуком в Константинополь, а теперь новгородские послы поддерживали в Орде искание стола великокняжеского Константином Васильевичем суздальским, хотя и без успеха. Тогда же зашевелилась Рязань, руководимая предприимчивым боярством: рязанцы захватили Лопасну, удержали ее. В Тверском княжестве кипела внутренняя борьба двух линий — кашинской и холмской. Первая тянула к Москве, и московская рать помогла Василию Михайловичу, зятю Семена московского, вернуть Ржев, захваченную Ольгердом. Но холмские князья искали опоры в Литве, куда в 1358 г. ушел Всеволод Александрович. Напряженность внутренних отношений Северо-Восточной Руси осложнялась давлением на ее отношения литовской силы, придавая борьбе Москвы за свое преобладание особую значительность. Так, это преобладание выяснилось уже как политическая форма объединения национальных сил Великороссии в борьбе с западным соседом, который рос в силе и влиянии и грозил энергичным наступлением.

Это момент, когда во главе правления Московского видим крупную фигуру — митрополита Алексея. Как практический политик он сумел вывести Москву из затруднений времени слабого Ивана и малолетнего Дмитрия. Как глава церковной русской иерархии он сумел вдохнуть в эту политику новую идеологию — церковно-религиозную, а тем самым и национальную. Самый факт достижения Алексеем митрополичьей кафедры был крупной удачей для Москвы. В его лице стал во главе русской церковной иерархии представитель московской правящей среды, свой чело-

век во дворце великого князя. По житию, Алексей — в миру Семен по имени крестному, называемый также Алферием-Елевферием (так в родословных) — был сыном боярина Федора Бяконта, приехавшего служить Даниилу московскому. Об этом Федоре родословные утверждают, что «за ним была Москва» при Иване Даниловиче, разумея, видимо, должность тысяцкого. Родословцы ведут от этого Бяконта несколько боярских фамилий — Плещеевых, Фоминых, Жеребцовых, Игнатьевых, не удержавшихся в первых рядах боярства и связанных, как Фомины, со службой при дворе митрополичьем. Родич митрополита Алексея Даниил Феофанович (или Федорович? племянник? — по Никоновской летописи) был при Донском, по летописному известию о его кончине, один от старейших бояр, служивший ему и «в Орде и на Руси паче всех»¹. Сам Алексей был крестником Ивана Калиты. Постригшись лет двадцати, Алексей монашествовал в одном из московских монастырей, не порывая связей своих; житие отмечает близость Алексея с Семеном Ивановичем, по вокняжении которого Алексей тотчас назначен митрополичьим наместником, став во главе митрополичьего суда и управления; великий князь по соглашению с митрополитом Феогностом готовил его в митрополиты. Когда в 1350 г. они отправили к патриарху послов с просьбой «да не поставят им иного митрополита», посольство вернулось уже по смерти посланных, с повелением Алексею идти в Царьград на поставление. А пока Феогност возвел Алексея в епископы владимирские, сделав его своим викарием. Характерно, что первое житие Алексея признается, что Алексей был епископом до поставления в митрополиты всего месяца три, т. к. поставлен в декабре 1352 г. В пользу Алексея говорило то, что он уже давно вошел в дела митрополичьего управления и был тщательно подготовлен Феогностом к будущей роли и к византийскому искусству.

В Константинополе Алексея продержали около года на «тщательном испытании» и соборно посвятили, приняв ряд мер, чтобы обеспечить власть патриархии над русской церковью. Известна оговорка, что патриарх допускает поставление кир Алексея только в виде исключения, запрещая в то же время поставление «тамошних архиереев» из русских уроженцев, т. к. это привилегия клириков Константинополя как более сведущих в канонах и гражданских законах, носителей традиций и просвещения греческой церкви. Односторонне судить так, что тут все дело в византийском властолюбии, корыстности и т. п. Национализация

¹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. VIII. С. 62–63.

русской иерархии могла внушать опасения и по более идеальным мотивам: Алексей, действительно, мог представляться лицом, исключительно по подготовке, а, кроме того, в Константинополе должны были по собственному опыту понимать, что московская иерархия вступает на путь превращения в орудие светской политики и подчинения светской власти. Патриарх хотел видеть в русском митрополите своего «сослужителя», представителя своей власти и состоявшего при нем священного собора, авторитетного в глазах князей и независимого в отношении к ним служителя восточной церкви, а не политики русской. Поэтому патриарх предписал Алексею через каждые два года приезжать в Константинополь «в силу своей зависимости от святой божией вселенской и апостольской церкви» или присылать надежного клирика для получения ответа по всем важным очередным церковным вопросам². На деле, Алексей только раз еще ездил в Константинополь, а посылал посла, только когда находил нужным опереться на патриарший авторитет. А опора эта была необходима для утверждения силы северной митрополии, ее власти и авторитета. Раздражение против возвысившейся Москвы и ее засилья неизбежно отражалось и на церковных отношениях при митрополитах, ее союзниках и сотрудниках, при митрополите, [как] ставленнике великого князя, вышедшем на митрополию из московской боярской среды. Алексей хлопотал определение патриаршего собора о постоянном пребывании митрополичьей кафедры во Владимире с тем, чтобы «Киев, если он останется цел, был собственным престолом и первым седалищем архиерейским, а после него и вместе с ним святейшая епископия владимирская была бы вторым седалищем и местом постоянного пребывания и упокоения [митрополитов]»; так что и в случае возрождения Киева — «собственным седалищем» (резиденцией) митрополитов останется Владимир, сохраняя за Киевом кафедральное значение³. И, конечно, такое решение вопроса о митрополии отнюдь не является компромиссом между желанием Москвы перенести престол митрополии на север и консерватизмом — что ли! — Константинополя. Напротив, сохранение за митрополией значения «киевской» было связано с крупными интересами как митрополитов, так и великих князей московских. В этом деле, наряду с естественным стремлением митрополитов сохранить более широкий

² Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV вв. (Русская историческая библиотека. Т. VI). 2-е изд. СПб., 1908. Приложения. Стб. 50.

³ Там же. Стб. 67–70.

район власти и доходы с него, стоят политические интересы великих князей, опять-таки сплетавшиеся с интересами митрополичьей кафедры, которой грозила не только опасность потерять Киев и юго-западные епархии вообще, но и Тверь и Новгород, не говоря уже о Смоленске, как только для них получилась бы возможность потянуть к иному, не московскому, церковному центру.

В этом объеме вопрос и стал, по-видимому, еще во время пребывания Алексея в Константинополе. Опасность распада русской митрополии назревала постепенно. Еще в начале XIV в. — при последнем князе галицком Юрии Львовиче — была сделана попытка создать для южной Руси особую галицкую митрополию. Во времена Гедимина поставлен некий Феофил в митрополиты литовские (1316–1317 гг.), но Киев и вообще южные епархии, кажется, не были ему подчинены, т. к. тут правит Феогност, тогда как особый литовский митрополит упоминается и в 1326–1329 гг. В 30-х гг. — около 1337 г. — снова возникла галицкая митрополия, закрытая по настоянию [князя] Семена и Феогноста. Политические судьбы Юго-Западной и Западной Руси вели, естественно, к стремлению обособить их церковное управление от подчинения московскому иерархическому центру. В годину поставления Алексея вопрос этот привел к поставлению на галицко-литовскую митрополию Феодорита (болгарским патриархом, после неудачной попытки добиться того же в Константинополе). Феодорит занял [древний центр] русской митрополии, Киев, который могли потерять, таким образом, не только Алексей, но и патриарх константинопольский. Притом тотчас возникло опасение, что и Новгород перейдет под его власть ввиду натянутых отношений его к Москве и жалоб новгородского духовенства на тяготу от митрополита Феогноста. Алексей выхлопотал у патриарха особую грамоту к епископу новгородскому Моисею о должном его повиновении своему митрополиту, с запретом ему обращаться к патриарху помимо Алексея и предупреждением (в особой грамоте), чтобы он отнюдь не признавал Феодорита. Феодорит, ставленник Тырнова, был и патриарху враг: его удалось удалить из Киева. Но, исполнив это, Ольгерд тотчас прислал другого кандидата, Романа, и патриарх его поставил в митрополиты литовские, видимо избегая нового разрыва. Но дело не замедлило осложниться. Поставленный митрополитом на Литву Роман немедля стал «изъявлять притязания на большее» и вернулся от Ольгерда, «требуя, чего хотел и домогался получить», т. е. Киева с подчиненными ему южными епархиями. Притом, как ясно из дальнейшего, Роман сразу стал таким же политическим орудием Ольгерда в наступлении

на Восток, каким московские митрополиты были для своих великих князей. В 1355 г. оба митрополита были вызваны в Константинополь, и их спор разбирал собор под председательством самого императора. Решили к трем епархиям — полоцкой, туrowsкой и новгородской — придать Роману все «епископии Малой Руси», однако без Киева. Роман не принял соборной грамоты, «тайно ушел в свою область», вступил в управление киевской епархией, захватил и епископию брянскую (по завоевании Брянска Ольгердом), которая подчинена была Алексею. Стал Роман и орудием усиления литовского влияния в Твери. У Никифора Григоры сохранилось указание, что Роман был родственником жены Ольгерда, тверской княжны Ульяны Александровны. Во время его константинопольских споров с Алексеем — «от обоих их из Царяграда приидоша послы во Тверь к Феодору, владыце Тверьскому, и бысть священническому чину тяжесть велиа»⁴. Всякая тяжба в Константинополе дорого обходилась... И позднее, в 1360 г., Роман приезжал в Тверь «напрасньством и безстудством», не «обослався» с Алексеем митрополитом. Федор, епископ тверской, не принял его, ни чести ему не оказал, ни денег не дал. Но князь тверской поддерживал Романа, и он получил «потребное» от князей и от бояр тверских. Из грамот патриарших (по этим раздорам) видно, что Роману приписывали влияние на политику Ольгерда, говоря, что он восстанавливал великого князя против кир Алексея и, прибегая к его силе для поддержания своих притязаний, поднимал Ольгерда на христианское кровопролитие, в частности, например, на захват города Алексина (митрополичий город)⁵. Митрополит Алексей с трудом убедил Федора тверского не покидать епископию, которой тот «не восхоте нестроенья ради тверских князей», достиг замены Моисея новгородского своим ставленником Алексеем, но труднее было удержать за собой Киев. В 1358 г. он поехал туда, но был взят Ольгердом под стражу, ограблен и с трудом спасся бегством⁶. Мотивы Ольгерда, по жалобам Алексея в Константинополь, были вмести за то, «что он не давал ему власти в Великой Руси, но сделал ее совершенно для него недоступной».

С большой ясностью переплетаются во всех этих спорах политические антагонизмы с вопросами церковного управления. Потеря митрополи-

⁴ Полное собрание русских летописей. СПб., 1885. Т. X. С. 227.

⁵ Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. Приложения. Стб. 80, 88.

⁶ Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1900. Т. II. Первая половина тома. С. 192.

том — резиденция которого утвердилась официально во Владимире, а фактически в Москве — власти над Киевом, первопрестольным градом, грозила усилить литовское влияние в Твери, да и в Новгороде, связями иерархическими, а литовским великим князьям дать в руки такое сильное орудие их политики, какое имели великие князья московские в своих митрополитах.

В связи с военными столкновениями Москвы и Литвы вся эта церковная борьба развертывала крупное явление в истории Восточной Европы — рост государств литовского и московского в неизбежном и резком взаимном антагонизме их интересов, столь глубоком, что разрешить его могла только вековая их борьба за существование. Спор двух митрополий разрешился в начале 60-х гг. в пользу Москвы. Митрополит Алексей поднял новые жалобы перед патриаршим собором. Состоялось в 1361 г. определение о посылке на Русь двух апокрисиариев для расследования всего дела на соборе русских епископов при участии великих князей, но дело было неожиданно прервано кончиной Романа. Тогда состоялось патриаршее постановление (патриарха Каллиста) о возвращении земли Литовской митрополиту киевскому с тем, чтобы она впредь не отделялась от его власти и управления, ибо, когда это было допущено, как отвечающее многим настоятельным нуждам, на деле произвело много замешательств и беспорядков⁷. И действительно: настоятельные нужды были, несомненно, налицо, т. к. каждое политическое целое требует себе особого строя церковного управления, не мирясь с его экстерриториальностью. Но Византии, с одной стороны, мудрено было стать на эту точку зрения сколько-нибудь твердо, чтобы не отречься от вселенского значения своей церковной империи, а, с другой — Москва и Литва находились в периоде борьбы и территориально-политического самоопределения, далеко не законченного, так что всякая попытка разграничить их церковные области неизбежно вела к «замешательствам и беспорядкам».

Из обзора изложенных событий видим, что западная борьба Москвы была уже в полном ходу и широком размахе в смысле выяснения непримиримого антагонизма с западным соседом и непрерывного ряда столкновений по всей линии отношений. Но это было время, когда обе стороны только собирались с силами, а самый объем притязаний друг

⁷ Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913. С. 391–392; Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. Приложения. Стб. 69–98.

против друга постоянно колебался. Два исторически юных политических организма точно только пробовали силу свою и степень доступного им расширения. Время двоевластия Ольгерда и Кейстута — это для Литвы время распространения власти ее князей преимущественно в южном направлении. Немецкие источники приписывают Ольгерду цель подчинения всей Руси: «*omnis Russia ad Letwinos debet impliciter pertinere*»⁸. Но развитие этого наступления пошло в сторону наименьшего сопротивления — на юг и юго-восток. Столкновения с Москвой сыграли свою роль в этом направлении литовской политики, и в 60-х и 70-х гг. XIV в. литовская власть водворяется в городах Чернигово-Северской земли, западной ее полосы, а мелкие князья восточной Черниговщины втянуты в сферу влияния Ольгерда, выступают как его подручники, но долго еще будут колебаться между Литвой, Москвой, отчасти Рязанью.

Для Москвы 50–70-е гг. XIV в. — время, когда ее положение в Северо-Восточной Руси пережило серьезный кризис, потребовавший значительного напряжения ее сил и энергии. На востоке отношения осложнились с подъемом великого княжества Нижегородского. Константин Васильевич уже в 1353 г. «сперся о великом княжении» с Иваном московским при поддержке Великого Новгорода, и князья только через два года помирились. Константинович Андрей признал Ивана старшим братом, но по его смерти в 1360 г. началась снова борьба [Москвы] не с великим князем Андреем [нижегородским], а с его суздальским братом Дмитрием, который вооружился ярлыком ханским и занял Владимир, Переяславль, Кострому, а Новгород, «домолвися с князем», принял его наместника, и пришлось митрополиту Алексею его признать. Хан Хыдырь, давший ему ярлык, был убит в следующем году, а новый хан, Амурат, перед которым два Дмитрия снова сперлись о великом княжении, выдал ярлык на имя Дмитрия московского, и москвичи выбрали суздальского князя из Переяславля и Владимира. Еще две попытки Дмитрия Константиновича использовать путаницу ордынских отношений против Москвы кончились тем, что в 1363 г. он одну неделю просидел во Владимире, а в 1365 г. уже не пытался осуществить ярлык, вывезенный ему из Орды сыном Василием.

Великий князь московский в эти годы «представлялся, — по удачному выражению Экземпларского, — силой уже не как лицо с тем или другим характером и умом, а как нечто отвлеченное»⁹. Москва — окрепший центр

⁸ «Вся Россия должна попросту принадлежать литвинам».

⁹ *Экземпларский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. I. С. 91.

сил, строивших объединение Великороссии. Не князь-ребенок, а Москва борется за свое преобладание. И в этой борьбе Москва не только оборонялась, а стремилась использовать столкновения для укрепления великокняжеского главенства над местными князьями Великороссии. Дмитрий суздальский смирился на всей воле великого князя в год смерти брата Андрея Константиновича; третий Константинович, Борис, захватил Нижний, но Москва взяла под свою защиту Дмитрия, смирив Бориса, сперва духовным, затем мирским оружием. Изъяв Нижний и Городец из суздальской епархии в свое митрополичье управление, Алексей благословил игумена троицкого Сергия затворить церкви в Нижнем, чтобы заставить Бориса явиться на московский суд по жалобе Дмитрия, а когда это не помогло, рать московская водворила Дмитрия в Нижнем. Той же зимой Дмитрий Иванович женился на дочери Дмитрия [Константиновича] Евдокии. В следующие годы нижегородская сила вошла, как мы видели, в свою роль боевого форпоста Великороссии против поволжских татар, мордвы и черемисов, опираясь отчасти на московскую помощь.

Замутились и отношения с Рязанью, пережившей в 50-х гг. XIV в., хотя и слабее, порыв к энергии, сходный с тем, какой выдвинуло Нижегородское великое княжество. Я уже упоминал захват Лопасны рязанцами и натянутые отношения с Москвой при попытках Рязани опереться на покровительство татар для «исправления» в свою пользу московско-рязанской границы (1358 г.: «прииде посол велик из Орды царев сын именем Момат Хожа на Рязанскую землю и посла на Москву к великому князю Ивану Ивановичю о розезде земли Рязанския, пределы и межи утвърдити нерушими и непретворимы») ¹⁰. Эти натянутые отношения тянулись, по-видимому, до начала 70-х гг., когда разразилась войной, поражением рязанцев у Скорнищева, бегством Олега, попыткой Москвы водворить на его место (от своей руки) Владимира пронского и миром Олега с Дмитрием Ивановичем, которого условий не знаем; но что Олег признал великокняжеское старейшинство Дмитрия, видим из договора 1372 г. с Ольгердом, где рязанский и пронский князья названы, как состоящие «в любви и докончаньи» с Москвой, в «имени» великого князя Дмитрия. Так восстанавливала Москва зависимость от великокняжеской власти своего князя окраинных земель великорусских, нижегородской и рязанской «украины», прилегавших к бурливому татарскому миру.

¹⁰ Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 230.

Эта татарская сила в то время переживала почти непрерывный ряд «замятен», усобиц, переворотов, внутреннего разложения. В 1357 г. Чанибек и двенадцать его сыновей убиты его сыном Бердибеком, за которым стоял «окаянный» темник Товлублий. Через два года его сменил Кулпа, через пять месяцев убитый Наврусом. Наврус погиб через год от сторонников Хыдыря, которого вскоре умертвил родной сын Темир-Хожа, а на седьмой день царства Темирхожина его темник Мамай «замято всем царством его и бысть велик мятеж в Орде». Хан бежал за Волгу и убит. Мамай овладел Ордой, поставив ханом Авдуля, но часть князей ордынских заперлись в Сарае, избрав себе ханом Амурата; отдельные же князья — Булактемир, Тагай и др. — овладевали отдельными частями Кипчакского царства — Волжской Болгарией, Прибрежным Поволжьем и т. п. Русско-татарские отношения до крайности запутались; принятие ярлыка от одного из ханов вызывало вражду его соперников, а на Русь то являлись «грозные послы» по «запрос царев» с великой «истомой» для князей и земель русских, то совершали набеги «царевичи» и князья ордынские, вроде Арапши или Булактемира, ради грабежа и полона. Устойчивая покорность Орде, служившая немалой опорой Калите и Семену Ивановичу, становилась невозможной, т. к. никакие устойчивые отношения к взбаломученному татарскому царству нельзя было фактически выдерживать. Земли Рязанская и Нижегородская вконец изнемогали от неожиданных погромов и частых вымогательств, поневоле брались за оружие против татарских шаек и чрезмерно «безбожных» послов ордынских.

Центральное положение, занятое Москвой в политическом быту Великороссии, выдвигало перед ней задачу взять на себя самозащиту всей земли от судорожных порывов разлагавшейся татарской силы, которая металась и насильничала, как раненый и озверелый хищник. С татарщиной Москве приходилось по необходимости быть начеку, в позиции оборонительной. Уже Иван Иванович Мамат-Хожу не пустил в свою отчину. Дмитрий с трудом лавировал между Авдулем и Амуратом и в 1371 г. не поехал «к ярлыку», который привез Михаилу тверскому посол Сарыхожа, [а] зазвал его к себе и перекупил на свою сторону. Но в 70-х гг. XIV в. пришлось попросту оружием обороняться. Нарождается столь знакомая позднее картина выступления войск на юг, к «берегу», в ожидании набега ордынских отрядов. В 1373 г. Дмитрий все лето простоял на Оке, ожидая Мамаевых татар, пустошивших Рязанскую землю. В 1374 г. упоминается «розмирье» с Мамаем. В Нижнем были тогда избиты татары посла Сарайка и сам он убит, а татары опустошили за то в 1375 г. берега рек Киши

и Пьяны; в 1376 г. Дмитрий ходил за Оку «стерегаясь рати татарские от Мамаю», а рать московская ходила в помощь нижегородской на Волгу, в «болгары». В 1377 г. Дмитрий пошел в помощь Дмитрию Константиновичу с ратью московской, переяславской, юрьевской, муромской и ярославской, но когда сам ушел в Москву, оставив рать в Нижнем, она потерпела позорное поражение от царевича Арапши за рекой Пьяной (приток реки Суры). Полный презрительного негодования рассказ летописных сводов объясняет его изменой мордовских князей, неожиданно подведших татар, пьянством и самохвалством самой рати. Нижний сожжен татарами, мордва стала пустошить нижегородские волости, и князь Борис Константинович не без труда управился с нею. В 1378 г. — новый набег на Нижний и новое сожжение его, а князя (мурзу) Бегича Мамай послал на Рязанскую землю и на московского князя, но Бегич был разбит на реке Воже, в пределах земли Рязанской. За Оку удалось, таким образом, татар не пустить, но Рязанская земля была снова разграблена в 1379 г., а Нижегородская терпела от татар уже целый ряд лет. Своими неисходными бедами они спасали центральные области от погромов, но не находили в них обороны. Москва крепла внутри, набирая силу, но еще не состроилась и была сильно связана западными отношениями, которые осложнялись все грознее.

Ни великое княжество Нижегородское, ни Рязанское уже не были ей соперниками; не их сила, а собственная ее слабость поддерживала их независимость. Где это было возможно, великие князья не медлили обращать князей в подручников или вступать в непосредственное обладание властью. В дни борьбы с Дмитрием московским за великое княжение суздальский Дмитрий привлек к себе всех недовольных усилением Москвы. Иван белозерский, Константин ростовский, Иван стародубский, Дмитрий галицкий служили ему против соперника. Победа Москвы обошлась им дорого. Иван Федорович белозерский смирился и погиб с сыном на Куликовом поле подручником Дмитрия. Владел ли Белоозером брат его Юрий — не знаем; его называют только родословцы, и, быть может, уже он был лишен отчины своей, как и брат его Константин белозерский, служил Великому Новгороду и Пскову кормленным князем-воеводой. Константин Васильевич выхлопотал себе ханское «пожалование на все княжение Ростовское». Но в 1363 г., когда Дмитрий московский «взя волю свою» над суздальским Дмитрием, он и Константина ростовского привел в свою волю, и с тех пор ростовское княжье остается в полной зависимости от Москвы. Зять Калиты Константин Васильевич давно терпел

хозяйничанье московских воевод в Ростове, теперь попытка возродить единство и самостоятельность княжения Ростовского лишь завершила его упадок. Та же судьба постигла князей стародубских. Ивана Федоровича Дмитрий московский «согна с Стародубского княжения», как согнал из Галича Дмитрия Ивановича, и отъехали они в Нижний, «скорбяще о княжениях своих». Галич, как «купля» Калиты, с тех пор переходит к великим князьям, а братья Ивана стародубского сошли вовсе на уровень князей-подручников, мало чем отличавшихся от их потомков — княжат Московских. Во всем этом процессе возвышения Москвы — больше собирания силы и власти, чем собственно «собирания земли» и так называемых «примыслов», больше политики, чем вотчинного хозяйства.

Но в 60–70-х гг. всего больше тяготели над Москвой отношения западные — к Твери и Литве. В упомянутом договоре 1372 г. с Ольгердом великий князь тверской поименован рядом с князем брянским, «у князя у великого у Олгерда в имени его»¹¹. Брянский князь — это Дмитрий Ольгердович, а князь тверской — брат Ольгердовой княгини Ульяны, сын Александра Михайловича, первого завязавшего связи Твери с Литвой. Те отношения, пограничные и церковно-политические, которые обострили и уяснили антагонизм московско-литовский в 50-х гг., были только преддверием к подлинной борьбе, начавшейся с 1367 г. Московские своды отметили этот год характерной записью, забредшей в них едва ли не из тверских писаний: «Того же лета князь великий Дмитрий Иванович заложи град Москву камен, и начаша делати безпрестани. И всех князей русских привожаше под свою волю, а которыха не повиновахуса воле его, а на тех нача посегати, такоже и на князя Михаила Александровича тверьскаго, и князь Михайло... того ради поиде в Литву»¹². Орудием своего давления на Тверь Москва сделала кашинских князей, поддерживая их против великих князей тверских. Наступление начала, несомненно, Москва, добиваясь возврата Твери Василию кашинскому. Но Михаил, придя с помощью литовской, добился мира. В 1368 г. его зазвали в Москву на разбор его ссоры с князем Еремеем дорогобужским; схватили, держали «в истомлении великом» и отпустили, только опасаясь послов ордынских, которые привезли Дмитрию от хана «новины нестройны ему»,

¹¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 31; ср. соображения автора в пользу датирования договора 1371 г. в «Образовании великорусского государства» (с. 236. Прим. 1).

¹² Полное собрание русских летописей. СПб., 1897. Т. XI. С. 8.

а, узнав об аресте тверского князя, «усомнешася» о том. Почти вслед за Михаилом пошла на Тверь московская рать. Михаил опять ушел в Литву и поднял на врага великого князя Ольгерда, Кейстута и Витовта, и их полки с тверскими и смоленскими разбили сторожевой полк московский, подступили в ноябре 1368 г. под самую Москву, и хотя города не взяли, но Дмитрию пришлось вернуть Твери отхваченный было Градок и отослать Еремея. Но военные действия не улеглись. Москвичи воевали в следующем году смоленские волости; в 1370 г. ходили на Брянск и, напав на Тверскую землю, взяли Зубцев и Микулин — вотчинный город Михаила Александровича, разорили землю и «смирили тверич до зела». От Ольгерда, занятого войной с немцами, помощи достать не удалось, и Михаил пытается поднять на Москву татар, заручился даже ярлыком на великое княжение Владимирское. Но осенью Ольгерд явился-таки с силой литовской, и союзники осадили Дмитрия в Москве, бросив осаду только через восемь дней, когда Владимиру удалось собрать ратную силу, угрожавшую тылу Ольгердовой рати. Заключили перемирие, где князья смоленский и тверской признаны в стороне Ольгерда, как и брянский. Несмотря на то, Михаил не мог не видеть, что Ольгерд, занятый на юге и поддержкой Кейстута против немцев, не сосредоточит достаточных сил на борьбу с Москвой.

Михаил ищет настойчиво иной помощи — у татар, пытаясь выбить Дмитрия московского из основной его позиции — с великого княжения Владимирского. [Город] Владимир не открыл ему ворот, изменил даже посол ханский, но Михаил проявил чрезвычайную энергию и посадил наместников своих в Костроме, Угличе, Мологе, Бежецком Верхе. В Орде, наконец, нашелся хозяин — окрепла власть Мамай, и Дмитрий, поехав к нему на поклон, вернулся с «пожалованием» и выкупил за большие деньги тверского княжича Ивана, оставленного там отцом заложником в крупных и, видимо, невыполненных денежных посулах. Михаил, вырвав сына ценой больших жертв, тянул борьбу с литовской помощью, нападал на Дмитров, на Переяславль, разорил Кашин, взял Торжок у союзных с Москвой новгородцев. Но в июле 1372 г. поражение Ольгерда у Любутска, хоть и не решительное, заставило великого князя литовского пойти на перемирие, а невозможность сосредоточить главные силы на московской войне — воздержаться от активной помощи Михаилу.

Михаил, однако, не сложил оружия. Добыв снова ярлык с помощью московского отъездчика Некомата, он пытался продолжать борьбу, пока не дожид до тяжкого удара. В том же 1375 г. Дмитрий собрал всю

«низовскую» землю на Тверь. В поход пришли даже князья смоленский, брянский, новосильский, оболенский, тарусский и новоторжцы с ними, а под Тверь явились и полки новгородские. Литовская же рать не пришла, и Михаил, «видя свое изнеможение, понеже вся Русская земля възста на него», бил челом о мире. Договор 1375 г. свел на нет все усилия тверского князя¹³. Михаил признал себя младшим братом Дмитрия, его отношения к другим князьям великим и удельным поставлены под контроль Москвы, как она чью правду дозрит; военную помощь Дмитрию Михаил брал на себя наравне с князем Владимиром Андреевичем, отступался от искания великого княжества и Великого Новгорода за себя и всех тверских князей, не принимая ярлыков татарских, если татары и сами давать будут. За то ему гарантируется его отчина, Тверь, но Кашин получает независимость и становится под «оборону» Москвы. В сношениях с Ордой — платеже «выхода» или защите от татар — Михаил обязуется во всем поступать «по думе» и «с одинокого» с Москвой. К Ольгерду целование сложить, защищаться от Литвы «с одинокого» с великим князем московским и смоленским и всею братьею-князьями, держать мир и рубеж с Новгородом и Торжком по старине, а торг им давать, как и московский, у себя по старине же, не измышляя новых пошлин. Разногласия решать судьями вопчими с высшим третейским решением Олега рязанского. Я уже отмечал, что только этой гарантией — судом стороннего князя — гарантией весьма условного практического значения, отличает договор положение Михаила перед великим князем от положения какого-нибудь Владимира Андреевича серпуховского. Это — памятник большой победы Москвы. Перетянувший «в свое имя» и Тверь, и Смоленск, Дмитрий выступает тут подлинным великим князем всей Северо-Восточной Руси.

И вся эта борьба имела свое отражение в церковных делах, свою идеологию, открываемую в грамотах 1370–1371 гг., какие дошли до нас из оживленной переписки между Русью и Константинополем. Разумею 14 документов, изданных Павловым в «Памятниках древнерусского канонического права». Недаром во главе правления московского стоял митрополит Алексей. Грекам было известно, что ему покойный великий князь московский «не только оставил на попечение... своего сына, нынешнего великого князя всея Руси Димитрия, но и поручил управление и охрану всего княжества, не доверяя никому другому ввиду множества врагов

¹³ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 28; Полное собрание русских летописей. Т. XI. С. 22–23.

внешних, готовых к нападению со всех сторон, и внутренних, которые завидовали его власти и искали удобного времени захватить ее». Глядя на митрополита как на орган своего авторитета на Руси, так что честь и послушание, ему должные, относятся к патриарху, а через патриарха — к самому Богу, патриарх Филофей внушал русским князьям, что митрополит Алексей «великий человек», что его благословение и запрещение найдут опору и в патриаршей власти. Жалоба Алексея на враждебность ему князей (вероятно, прежде всего тверского) вызвала особую грамоту к «князьям всей Руси» об оказании ему «великой чести и благопокорности», как надлежало бы и самому патриарху, если бы он появился среди них. Борьбу с Ольгердом Алексей представил борьбой с «огнепоклонником», врагом веры и креста господня, а действия Дмитрия — как обязанность воевать за христианство и поражать врагов его. На Михаила тверского и других князей он наложил отлучение за союз с язычником и нарушение крестного целования о союзе с Москвой и добился патриаршей грамоты, торжественно подтвердившей это запрещение их как «презрителей и нарушителей заповедей Божиих и своих клятв и обещаний» и ставившей прощение в [прямую] зависимость от ополчения их вместе с великим князем на врагов креста и примирения с митрополитом. Особая грамота адресована Святославу смоленскому о его преступном союзе с Ольгердом против христиан, за что он правильно отлучен митрополитом Алексеем¹⁴.

Но в следующем (1371) году король Казимир, под угрозой обращения Галицкой Руси в латинство, добился поставления на Галич особого митрополита Антония, с подчинением ему епархий холмской, туровской, перемышльской и волынской, а Ольгерд прислал жалобу на захват Михаила тверского в Москве, на лишение его зятя Бориса нижегородского княжества, на то, что митрополит разрешает от клятвы его союзников, которые переходят на сторону Москвы, как два князя Ивана, козельский и вяземский. Ольгерд выдвигал свою заслугу — борьбу с немцами, в которой Москва должна бы ему помогать, и тоже просил об особом митрополите. Перед патриархом раскрылось, что его сделали орудием московской политики; он писал Алексею о жалобах на него, что он свои западные епархии забросил и оставляет без пастырского руководства. [Патриарх] послал на Русь своего клирика узнать правду о политике Алексея, сообщал о жалобах Михаила тверского, [поступивших] через посла его (архимандрита

¹⁴ Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. Приложения. № 30, 16–18, 20, 21.

Феодосия), звал его [Алексея] на суд, требуя снятия запрещения до суда. Теперь патриарх осуждает «соблазнительные раздоры» митрополита с тверским князем, настаивая на примирении. В том же духе отвечал патриарх и Михаилу; видимо, не желая ссориться с митрополитом, он уговаривал их помириться без суда.

Зимой 1373/74 г. патриаршим апокрисиарием на Русь ездил иеромонах Киприан. Его доклад привел к большой смуте церковной. Ольгерд решил использовать дело для получения Киприана себе в митрополиты, и Киприан провел свое поставление в митрополиты киевские и литовские, но притом добился «такого соборного деяния, чтобы ему не упустить и другой части», т. е. всей митрополии русской. Он сперва домогался низложения Алексея, но новое посольство на Русь устранило эту возможность. Возникшие споры разыгрались по смерти Алексея (ум. 12 февраля 1378 г.) в сложную борьбу за московскую митрополию. Это момент, когда вообще изменилось общее положение дел Восточной Европы со смертью и Ольгерда (1377 г.), и Алексея, с борьбой в Великом княжестве Литовском между Ягайлом и Витовтом и обстоятельствами, связанными с Куликовской битвой на Востоке.

Глава VII

БОРЬБА ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ ВЕЛИКОРОССИИ (1377–1462 гг.)

Время от кончины митрополита Алексея и до конца княжения Василия Темного поддается с удобством цельному рассмотрению благодаря некоторому единству в отношениях как внешних, к татарам в эпоху разложения Золотой Орды и к Литве в эпоху Витовта, так и внутренних — в период последних колебаний борьбы между тенденциями к вотчинному дроблению и к закреплению политического единства Северо-Восточной Руси.

Мы видели, как в 70-х гг. XIV в. судорожные смуты, переживавшиеся Золотой Ордой, тяжело отразились на окраинных землях Великороссии и заставили Москву стать в положение оборонительное, собраться с силами для организации защиты своей земли от хищнических набегов. Но борьба на два фронта была ей еще не по плечу, и западные дела — отношения к Твери и к Литве — были еще слишком беспокойны и тяжки, чтобы не парализовать развитие энергичной политики на юге и востоке. Изнемогая в разорительных столкновениях, земли Рязанская и Нижегородская не находили опоры и обороны в великорусском центре.

А момент после смирения Твери и ослабления Литвы в конце 70-х гг. совпал с победой ордынского темника Мамай над соперниками и объединением в его руках всей татарской силы. Утвердившись в Орде, Мамай неизбежно должен был сделать попытку восстановления татарской власти над русским улусом. До сих пор его татары громили нижегородскую и рязанскую «украину». Но помощь московской рати князю нижегородскому в наступлении на Поволжье и самозащите, а еще больше битва на реке Воже, ясно указывали, где искать центра русской силы. И Мамай решил на поход против Москвы. После тяжких испытаний последних лет Рязань и Нижний не могли уже служить оплотом центральных областей. Враги стояли через них — лицом к лицу. В поездке к Мамаю за ярлыком 1371 г. Дмитрий по докончанию обязался платить в Орду «выход» в определенном размере, теперь Мамай требовал большего, «како было при Чанибеке цари», т. е. в княжение Ивана Ивановича. Но во время этих переговоров, борьба была, видимо, решенным делом прежде всего для Мамай,

готовившего решительный удар для восстановления ханского авторитета на Руси. Готовилось осуществление грозного союза Орды и Литвы, намеченного еще Ольгердом.

Для Литвы было не менее важно не медлить с решительным ударом на Москву, чем для татар. Смерть Ольгерда (1377 г.) вызвала большую смуту в его семье. Ядро своих владений, Виленскую область и Белорусские земли — Витебск, Минск, Новгородок, — он назначил второй семье своей, Ягайлу с братьями, к Ягайлу перешло и старейшинство в князьях Гедиминова рода, связанное с великокняжеским столом виленским. Но против Ягайла поднялись старшие Ольгердовичи, сыновья первой жены Ольгерда. Андрей из Полоцка бежал во Псков и в 1379 г. ходил с князем Владимиром Андреевичем на Северщину, где на московскую сторону перешел брат его Дмитрий, князь брянский и трубчевский. Приходилось Ягайлу смирять и Дмитрия-Корибута новгород-северского, а на юге Любарт волынский и подольские Кориатовичи вовсе отделились от великого князя виленского. В годину смуты Москва стояла опасной силой за русскими восточными областями Литовско-Русского государства, всегда готовая к поддержке недовольных виленской властью. Ягайло вступил в переговоры с Мамаем и сулил ему помощь против Москвы. Правда, в то же время связала его другая смута, потрясшая само Великое княжество Литовское в тесном смысле слова — разыгралось его столкновение с дядей Кейстутом. Но татары рассчитывали на литовскую помощь, и 1380 г. грозил Москве весьма тяжким испытанием.

В такой обстановке разыгрались события, в центре которых стоит знаменитая Куликовская битва. Анализ источников, служащих для их изучения, не выполнен еще в достаточной мере. Вернее, ему только начало положено вышедшим в 1910 г. отзывом А. А. Шахматова на диссертацию [С. К.] Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» — в XII томе [отчета о] присуждении премий митрополита Макария. Можно принять, что в основе наших сведений лежат два источника: повесть, прославлявшая подвиг великого князя Дмитрия и его рати, составленная в Москве вскоре после битвы, еще при жизни Дмитрия, и ее переработка в великокняжеской летописи, главным образом на основании того, что Шахматов называет «повествованием о Куликовской битве, имевшим характер официальной реляции». Основная «повесть», по мнению А. А. Шахматова, могла выйти из монашеской кельи, а редакция «Московской летописи» отражает тогдашние интересы и настроения боярской служилой среды, притом определенного круга. В этой редакции характерно настойчивое

выдвигание на первый план роли князя Владимира Андреевича, двух Ольгердовичей и связанного с ними воеводы Дмитрия Волынца, а также стремление дать полную военную хронику похода (что и придает некоторым ее элементам характер реляции) указанием на «уряженье полков», детали похода и боя, действия засадного полка. Ни один из этих источников не дошел до нас в первоначальном виде, и Шахматов намечает пути к их восстановлению из сравнительного изучения наших текстов, где их текст переплетен с разными позднейшими добавками и переделками, какими особенно богата редакция Никоновского свода, впутавшая в дело митрополита Киприана, выдвинувшая моральную роль св. Сергия, разработавшая романтический мотив об иноках Пересвете и Ослебяти, из коих только первый известен более ранним источникам, но не как инок, а как Александр Пересвет, бывший брянский боярин, и отнюдь не брат Ослебяти — сомнительного родоначальника митрополичьих бояр Ослебятевых.

Как ни явна тенденциозность тех частей рассказа о Куликовской битве, где резко выдвигается руководящая и вдохновляющая роль Ольгердовичей и Дмитрия Волынца, но противопоставить им нам нечего, а в их пользу говорит внутренняя вероятность, что Ольгердовичи принесли в ополчение Дмитрия и свою боевую энергию, и опытность, и свои традиции борьбы с татарами за русские земли, и наконец, быть может, данные о положении дел в Литве, побуждавшие и не очень опасаться Ягайла, и, главное, спешить с походом, пока не соединились литовско-татарские силы. Для Ольгердовичей поражение Дмитрия было бы в данный момент проигрышем собственного дела, а что влияние их должно было быть большим, показывает роль Андрея, который уже раньше выступал руководителем боевых сил московских рядом с князем Владимиром Андреевичем, [а также] почет, с каким встретили в Москве Дмитрия Ольгердовича, получившего от великого князя Переяславль со всеми пошлинами, наконец, своеобразная карьера Дмитрия Волынца, ставшего вскоре зятем Дмитрия.

На русской стороне, видимо, не было большой веры в победу. Ни сил нижегородских, ни Великого Новгорода, ни тверских с Дмитрием не было; только риторическое сказание Никоновского свода приводит на Куликово поле Ивана холмского. Олег рязанский только что претерпел разорение земли, которую татары в 1379 г. «пусту сотвориша», и московские сказания не щадят ему укоризн за двойную игру, переговоры с Мамаем и Ягайлом, как и с Москвой, своего рода попытку сохранить нейтралитет, когда борьба шла через его территорию.

8 сентября разыгрался бой, кончившийся разгромом татар. Это поражение было началом гибели Мамаевой; его в том же году согнал с Орды и разбил на Калке пришедший из-за Яика Тохтамыш, и Мамай погиб в Кафе, убитый генуэзцами. Ягайло, пошедший было на соединение с Мамаем, от Одоева повернул назад, а там его ждала борьба с Кейстутом и Витовтом. Олег рязанский бежал, опасаясь возвращавшейся московской рати, бояре рязанские били Дмитрию челом о мире и приняли на Рязань его наместников, а затем Олег вернул себе княжение ценой договора, весьма похожего на тот, что в 1375 г. заключен был между Москвой и Тверью¹. Олег признал себя «молодшим» братом Дмитрия, равным Владимиру Андреевичу, обязался сложить крестное целование к Литве и подчинить впредь свои отношения к ней московской политике; «с одного» быть им и по отношению к татарам, будет ли с ними Дмитрию «мир» и «данье» или немирье и бой; и из [иных] русских князей иметь Олегу друзьями и недругами тех, кого в дружбе или вражде будут держать Дмитрий и Владимир, и идти на врага «с одного». Установив подчинение сил рязанских политике великого князя, договор разрешил старые споры о рубеже, установив его по Оке. Олег уступил Москве Талицу, Выползов и Такасов, за то получил, «что на Рязаньской стороне за Окою», — Почен, Лопасну, Мстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Броднич. Но договор этот не установил прочных отношений.

Под властью Тохтамыша, как позднее под управлением Едигея, татарская Орда снова окрепла, и Москва не была в силах прочно овладеть «украинами» Великороссии, т. к. не могла еще организовать их защиту как своей территории. А сами они не были в состоянии обороняться от силы Тохтамышевой. В том же 1380 г. Тохтамыш известил Дмитрия о своем воцарении, и Дмитрий послал киличеев² с челобитьем и дарами. Дмитрий Константинович, князь нижегородский, послал к хану сыновей, и Кирдяпа остался при Тохтамыше заложником. И Олег рязанский держит себя подручником хана для береженья своей земли: «хотяше добра не нам, — записали в Москве, — но своему княжению помогааше»³. Между Москвой и татарами нет барьера. Набег на нее Тохтамыш пытался обеспечить неожиданностью, задержал в Болгарии [Волжской] русских купцов, чтобы вести не было, но весть о его движении вовремя дошла от «нецих доброхотов»

¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 32.

² Так назывались в эпоху татарского владычества русские послы.

³ Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. VIII. С. 43.

на пределах ордынских, которые и были «на то устроени»⁴. Дмитрий, «нача совокупляти полци ратных», выступил из Москвы навстречу татарам, созвал князей, но «обретется разность в них, не хотяху помогати». И это «неодиначество и неимоверство» между князьями расстроило поход. Дмитрий ушел в Переяславль, Ростов, Кострому, стараясь силу собрать. В Москве началась анархия растерянности, «замятня велика»; «гражаньстии народи взмятошася», не обращая внимания ни на митрополита Киприана, ни на бояр, которые норовили покинуть город, выпустили их «едва умолены». Горожане сами организовали оборону с помощью литовского князя Остея, которого летопись называет внуком Ольгерда, приехавшего к ним на выручку. Только хитростью — выманив Остея на убийство и завязав переговоры через суздальских княжичей — взял Тохтамыш Москву и жестоко разорил; его отряды опустошили волости Звенигородские, Можайские, Волоцкие, Переяславльские, Юрьевские. Только Владимир Андреевич оказал сопротивление у Волока. На пути от Москвы Тохтамыш взял Коломну и разорил землю Рязанскую, а Дмитрий, по его уходе, послал еще свою рать на Олега; князь бежал, «а землю его до остатка пусту ратнии учиниша, пуши ему бысть и татарския рати»⁵. Осенью того же 1381 г. Дмитрий с честью принял Карача, посла ханского, и снова стал данником Орды, повелев христианам «дворы ставити и города рубити».

Этот погром не мог не пошатнуть на время властного положения Москвы в Северо-Восточной Руси. Тверской великий князь Михаил Александрович прислал посла к хану под Москву и был пожалован милостивым ярлыком. Сила договоров 1375 г. (тверского) и 1380 г. (рязанского) падала сама собой. Но хан ушел, и Михаил мог опасаться судьбы Рязанского княжения. На Литву расчета не было. Оставалось искать милости хана и отважиться на попытку новой борьбы с Москвой. В 1382 г. умер последний князь кашинский, и великокняжеская сила в Твери окрепла, объединилась, и в следующем году перед ханом разыгрался снова спор Москвы и Твери о великом княжении. Целый год проморили в Орде Михаила и Василия Дмитриевича московского, но великое княжение оставили за Москвой, выжав из нее немало даров и обязательств на крупную сумму. Василий был задержан в Орде аманатом [заложником]; во Владимир явился «лютый посол», пришлось много «златом» давати в Орду

⁴ Там же. СПб., 1848. Т. IV. С. 84.

⁵ Там же. С. 90; Т. VIII. С. 47.

и «бысть дань велия по всему княжению московскому, с деревни по полтине», а с Новгорода Дмитрий взял «черный бор»; и все-таки, видно, не хватило на выкуп сына, и Василий только в 1385 г. бежал из Орды без ханского отпуска. Но до смерти Дмитрия Москва уже не выходила из покорности хану. В советниках великого князя, среди которых первое место занимал Федор Андреевич Кошка и близкое к традициям митрополита Алексея и ко двору великокняжескому духовенство — Сергей, игумен Радонежский, его племянник Федор, духовник Дмитрия, архимандрит Симоновский и другие (как упомянутый ранее боярин Даниил, племянник митрополита Алексея) — держалась «добрая дума к Орде».

Нет основания утверждать, будто Куликовская битва легла каким-либо рубежом в развитии русско-татарских отношений. Удар был нанесен Мамаю — врагу Тохтамыша; а что была неправда перед самим ханом его услужника, за то его хан «поустрошил», а впредь жаловал его за служение правдою — в отчине его, по старине. Перед кончиной Дмитрий мог «благословить сына своего князя Василья, своею отчиною, великим княжением» в уверенности, что хан даст ему ярлык свой. Дмитрий умер в мае 1389 г., а 15 августа состоялось во Владимире посажение Василья на стол великого княжения ханским послом Шахматом.

Наладив мир с Ордой, Дмитрий мог заново укрепить свою великокняжескую власть. Олег рязанский вернулся было к попыткам самостоятельной политики и территориального расширения. В 1385 г. он захватил Коломну, разбил рать Владимира Андреевича, но под давлением церковных властей заключил с Дмитрием «вечное dokonчание», закрепленное вскоре браком Федора Ольговича с Софьей Дмитриевной. К сожалению, их dokonчание нам неизвестно. Конец князя Олега прошел в борьбе с татарскими набегами и западным соседом — литовской властью, которая при Витовте усилила свое давление на Восток.

Великое княжество Нижегородское по смерти Дмитрия Константиновича в 1383 г. перешло к его брату Борису, по ярлыку ханскому. Дмитриевич Василий, прозвищем Кирдяпа, был в ту пору в Орде в «истомлении велием» за попытку побега. Но в 1387 г. хан отпустил его с ярлыком на Городец. Кирдяпа с братом Семеном тотчас заручились помощью великого князя Дмитрия и согнали дядю Бориса с Нижнего, опираясь на Москву, ее силой.

Великий Новгород, неся на себе львиную долю тягостной оплаты татарской политики Дмитрия, столкнулся с великим князем из-за недоимок по «черному бору» — за многими залегла эта «княжчина», — а также из-за

вольницы новгородской и двинской, пограбившей Нижний и Кострому; и поход на него всех сил низовских покарал новгородцев тяжким разорением волостей и крупной пеней в 8 тысяч рублей сверх пополнения «черного бора». Как самый «бор», так и то серебро докончальное собирали княжие «черноборцы» и приставы новгородские вместе. Так установилось к концу жизни и великого княжения Дмитрия Донского старое равновесие отношений, еще мало устойчивое, постоянно колеблющееся.

По смерти Дмитрия отношения к Орде держались в том же положении, пока ханствовал Тохтамыш. Покровительство хана — по-прежнему одна из опор великокняжеской силы Москвы, и, по-прежнему же, милость Орды — одно из орудий междукняжеских интриг, захватов и споров о столах княжений. Смертью Дмитрия воспользовался Борис Константинович, чтобы вернуть себе Нижний, добыл ярлык и успел захватить племянника Кирдяпу. Для Москвы переход к нему великого княжества Нижегородского означал потерю влияния на важнейший пункт восточной политики. И Василию Дмитриевичу удался решительный шаг.

В 1389 г. он «умзди» хана и князей царевых и добыл ярлык на великое княжение Нижегородское себе. Из Орды Василий вернулся с ханским послом — царевичем Уланом. Посол с московскими боярами отправился в Нижний, и боярство нижегородское не стало за своего князя, признало новую власть. С Нижним Василий московский, видимо, по тому же ярлыку приобрел Городец, Мещеру, Тарусу и Муром, т. е. все основные пункты обороны восточной «украины» и наступления на восток. Но утверждение московской власти в пределах нижегородской «украины» прошло не без значительных трений и колебаний. Было бы в высшей степени интересно и существенно восстановить их возможно полную картину. Но для нее у нас данных — всего [лишь] только крайне отрывочные, случайные указания летописей, не дающие ни точных сведений, ни полных представлений о том, как замирала и вырождалась местная княжеская власть в борьбе за существование, постепенно уступая вновь организуемой власти московской. Став великим князем нижегородским, Василий Дмитриевич смиряет князей суздальских. Местные отчичи, Василий Кирдяпа и Семен Дмитриевич, сидели в Суздале; к ним, видно, ушел и Борис, умерший и погребенный в Суздале в 1394 г. Под 1393 г. упомянут поход великого князя московского под Суздаль; в 1394 г., по смерти Бориса, Дмитриевичи побежали в Орду к царю Тохтамышу, с трудом избежав московской погони. О Кирдяпе знаем потом только, что он умер в 1403 г. в Городце и погребен в Нижнем, в Преображенском соборе.

У Тохтамыша уже в 1393 г. началась борьба с Тамерланом, ему было не до вмешательства в дела русского улуса, не до разрыва с Москвой. Василий [Кирдяпа], вероятно, смирился перед великим князем. Но брат его Семен нашел опору в местных татарских силах бывшей земли Болгарской, новый центр которой — Казань — начинает упоминаться теперь. Отсюда приходил он под Нижний в 1399 г. с царевичем Ентяком: татары взяли и разграбили Нижний, но бежали перед приходом рати великокняжеской, и Семен с ними. Рать великого князя (с братом его Юрием) пошла за ними, повоевала землю татарскую, взяла Болгары Великие, Жукотин, Казань, Кременчуг. Искать Семена великий князь в 1401 г. послал воевод в Мордовскую землю, и тут захвачены его семья и бояре. Семен прислал просить «опасу» и в Москве примирился с великим князем, отослан в Вятку, где и умер в 1401 г. Но и этим дело не кончилось. С великим трудом устанавливались новые отношения отчийей суздальско-нижегородских. Они нашли заступника в Кирилле Белозерском, который особым посланием печаловался великому князю о пожаловании их и прекращении «смущения великого»⁶. Один из сыновей Кирдяпы, Юрий Васильевич, получил, судя по родословным, Шую, и от него идут князья Шуйские. В дни смуты при Василии Темном шуйские Юрьевичи сделали попытку восстановить для себя княжество Суздальское. Сохранился их договор с Дмитрием Шемякой, где определена самостоятельность их дедины и отчины — Суздаля, Новгорода, Городца и Вятки⁷. Этот договор представляет трудности в вопросе — какой разумеется тут Новгород. Вопреки прежнему мнению, я склонен признать Новгород Великий, т. к. договор был заключен, видимо, в 1445–1446 г., когда Юрьевичи бежали в Новгород и боролись с немцами. Борисовичи еще настойчивее защищали свою дедину с помощью князей болгарских, жукотинских и мордовских, словно возродив времена Олега Гореславича черниговского, наводившего поганых на русскую землю. В 1411 г. они разбили рать московскую (Петра Дмитриевича), ярославскую, ростовскую и суздальскую (Васильевичей) у села Лыскова, сделали набег с татарами на Владимир (в 1412 г.), добыли от Зелени-Салтана ярлык на великое княжество Нижегородское, и хотя Зелени-Салтан погиб в том же году, а его преемник помирился с великим князем Василием, ходили на Нижний (в 1414 г.), засели в нем с двоюродными братьями Иваном Васильевичем и Василием Семеновичем, но в 1416 г.

⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. С. 21–22.

⁷ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 62.

поехали с челобитьем в Москву, через два года снова бежали, а один из внуков Кирдяпы — Александр Брюхатый, женатый с 1418 г. на дочери великого князя Василия Василесе, получил великое княжество Нижегородское от руки тестя. В том же году он и умер, но сын его Семен или другой кто из того же княжого гнезда, может быть, считался великим князем нижегородским, т. к. только в последней духовной Василий Дмитриевич благословил сына «своими примысли, Новым городом Нижним со всем», а в предыдущей, где уже фигурирует великое княжество Владимирское как вотчина Василия, о Нижнем сказано условно: «оже ми даст Бог Новгород Нижний и яз и Новым городом Нижним благословляю сына своего князя Василья со всем»⁸. Впрочем, не вижу препятствий датировать эту грамоту 1418 г., когда в Нижнем сидел Александр Иванович [Брюхатый] (Иван Васильевич умер в 1417 г.).

Рязанские и тверские отношения Москвы за это время тесно переплетаются с крупным кризисом в общем строе отношений Восточной Европы, который связан с политикой Витовта и ордынскими делами после падения Тохтамыша. В 1393–1395 гг. разыгралась борьба Тохтамыша с Тамерланом, кончившаяся бегством Тохтамыша. С 1392 г. утверждается власть Витовта в Великом княжестве Литовском, и он, по следам Ольгерда, развивает широкую восточную политику, направленную к утверждению литовского господства над Русью. Жаль, что мы не знаем переговоров его с Василием Дмитриевичем, когда тот, бежав из Орды и пробираясь окольными путями домой, виделся с Витовтом и уговорился с ним о женитьбе своей на Софье Витовтовне. Трудно отрешиться от мысли, что уговор этот имел определенное политическое содержание, скорее всего по отношению к татарам, успешная борьба с которыми Литвы не могла не производить впечатления на московских политиков. Литовское влияние в Москве, начало которому положено значением Ольгердовичей при Дмитрии Донском, чрезвычайно сильно в 90-х гг. XIV в. Брак великого князя Василия с Софьей Витовтовной состоялся в 1390 г., как только Витовт добился уступок от Ягайла. И Москва, занятая нижегородскими делами, не только спокойно смотрит на захват Смоленска и Любутска (на Оке), но поддерживает политику Витовта. В Смоленск к нему приезжают великий князь Василий и митрополит Киприан, посол московский «отводит» от Любутска рязанского Олега, который пришел было на выручку, а Витовт карает рязанского князя разорением его

⁸ Там же. № 41 и 42.

земель, после чего в Коломне Василий принимает и чествует многой честью своего тестя. Новый захват Смоленска Юрием Святославичем с помощью Олега кончился в 1404 г. его бегством в Москву, где великий князь «не приа его, не хотя изменить Витовту»⁹. Витовт окончательно занял Смоленск, а Юрий, узнав, что Витовт «посла на его взыскание», бежал из Москвы, боясь выдачи.

Сходно отношение Москвы и Литвы в делах новгородских. Мы видели, что Москва многого достигла в подчинении Новгорода при Донском и в начале правления Василия. В начале 90-х гг. новое столкновение. Новгородцы настаивали на распространении порядка, по которому суд великого князя производился не иначе, как в Новгороде, [и] на суд митрополитий, и еще в 1385 г. составили о том утвержденную грамоту, скрепив ее крестоцелованием. В 1391 г. митрополит Киприан потребовал ее уничтожения, а в 1392 г. великий князь послал рать на Новгород, требуя «черного бора», княжчины и восстановления московского суда митрополита. Рать разорила Торжок, Волок, Вологду, и взятые руководители сопротивления казнены четвертованием в Москве. Новгородцы ответили набегом на волости великого князя, но смирились-таки и взяли мир на всей воле великого князя. В эти годы крепнут в Новгороде связи с Литвой. Еще в 1389 г. принял он Симеона Ольгердовича, которого Ягайло «поставил опекальником мужам и людям Великого Новгорода». В 1393 г. вождем новгородцев против Москвы видим литовского князя Романа. Но с 1395 г. Василий действует против Новгорода в согласии с Витовтом. С Коломенского съезда оба великих князя «прислаша свои послы с одного к Новугороду и повелеша им разорвати мир с немцами». Известен ответ новгородцев, отстаивавших самостоятельность своей политики: «нам, господине княже» великий Василий Дмитриевич, с тобою свой мир, а с великим князем Витовтом ин, и с «немцы ин»¹⁰. В то же время митрополиту Киприану они снова отказали в суде. Результатом был разрыв Новгорода с обоими великими князьями. В 1397 г. Василий посылает воевод в Заволочье, требуя от всей Двинской земли, чтобы она «задалась» за него, и обещая оборону от Новгорода. Двиняне целовали ему крест, а он отнял у Новгорода еще Волок, Торжок, Бежецкий Верх, Вологду, послав в Новгород крестную грамоту. Попытка завязать переговоры через владыку Иоанна не удалась, и новгородцы пошли (в 1398 г.) на Двину, где хозяйничали московские воеводы — князь Федор Ростовский и др. Рать их сурово наказала Двин-

⁹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 150.

¹⁰ Там же. СПб., 1897. Т. XI. С. 168.

скую измену, захватила московских воевод и добилась мира с Москвой «по старине». В Новгород поехал налаживать мир Андрей Дмитриевич. Эта неудача Москвы, видимо, связана с делами Витовта, который в 1398 г. внес свой договор с немцами условие, что отступается от Пскова в пользу Ордена, но за то получил обещание рыцарей помочь ему в подчинении Новгорода, а к новгородцам послал такую «взметную грамоту»: обещались вы мне, «что было вам за мене няться, а мне было вам князем великим быти, а вас мне было вбронити, а вы за мене [не] нялися»¹¹. Общий ход всех этих событий трудно понять без предположения, что на съезде в Коломне состоялось соглашение двух великих князей о разделе новгородских владений, но на деле оборвалось, как только выяснилось, что Витовт не в состоянии направить всей силы на Новгород. Пока он налаживал отношения с Орденом, новгородцы успели вернуть себе Двину, помирились Москвой, приняли князя Андрея; в 1399 г. Василий прислал в Псков Ивана Всеволодича холмского, а Витовт с ним «разверз мир». Но Витовт был связан южными, татарскими, делами. К нему бежал разбитый Тамерланом Тохтамыш, осев с двором своим под Киевом. В Орде его заменил подручник Тамерлана, Темир-Кутлуй, начавший набег на Южную Русь, добиваясь выдачи Тохтамыша. Витовт в 1398 г. ходил в степи за татарами и, видимо, звал Василия на общую борьбу с Ордой (его посол ездил в Москву), но Москва уклонилась, а повела свою политику в Новгороде и Пскове. Московские летописи приписывают Витовту план восстановить Тохтамыша в Орде с тем, чтобы он посадил его в Москве на всей Русской земле. Если такие замыслы существовали, то они разбились о поражение Витовта Едигеем у реки Ворсклы.

Это поражение сильно пошатнуло положение Витовта. Первые десятилетия XV в. заняты попытками вернуть себе прежнее влияние на севере, но теперь Москва стоит против него, настойчиво подавляя шатание Новгорода между Москвой и Литвой, беря на себя оборону и Пскова. Но в Твери, отчасти и Рязани, борьба с влиянием Витовта трудна: в значении и силе великого князя литовского местные князья находят опору против московского засилья. С другой стороны, возрождение Орды под сильной властью победителя — Едигея — связывает Москву, держит ее на чеку. Эти десятилетия полны бурной и пестрой смены событий, свидетельствовавших о все нараставшей сложности международного положения Москвы. Зато и Витовт связан внутренней борьбой (с притязаниями

¹¹ Новгородская летопись по Синодальному харатеиному списку. СПб., 1888. С. 388.

Польши, с соперником — Свидригайлом), а Едигей — смутами в Орде из-за ханского престола. Великий князь Василий укрепляет свою и митрополичью власть в Новгороде, защищая его от Витовта, держит его, как и Псков, своими наместниками, но в то же время продолжает наступления на Заволочье (1401–1402 гг., 1417 г.), которые, впрочем, отбиты, не без урона для Москвы. Но на энергичную борьбу с Витовтом у нее нет сил и решимости. В смоленском деле, как мы видели, Василий всецело уступает Литве. Но псковские отношения довели дело до разрыва. В 1406 г. москвичи воюют Литовскую землю, но ни этот поход, ни походы 1407, 1408 гг. не приводят даже к пробе боевых сил. Москва держалась оборонительно, а у Витовта после Ворсклы зашаталась почва под ногами: собранную в 90-х гг. XIV в. власть над местными князьями, с устранением многих из них, приходилось поддерживать с трудом. В 1408 г., во время размирья с Москвой, отъехал к Василию из Брянска Свидригайло Ольгердович, а с ним князья звенигородские, путивльский, перемышльский, хотетовский и многие бояре черниговские, брянские и стародубские. Как прежде, во времена Ольгерда, ненадежность собственных русских сил в борьбе с Москвой парализовала наступательную энергию Витовта. С обеих сторон в игре были слишком крупные интересы, а соотношение сил слишком неуверенно, чтобы резко рисковать. Особенно на Новгород должен был оглядываться с тревогой великий князь Василий. В 1407 г. туда вернулся Лугвений-Семен Ольгердович, получив в кормление прежние пригороды, и до 1412 г. служил Новгороду, а, уехав, затем свел и наместников своих. Но в самом Новгороде тогда же (с 1408 г.) сидит брат великого князя московского Константин. Витовт тщетно пытался взять в свои руки распоряжение новгородской силой для войны с Орденом. Новгородцы упорно отвечали, что «как-де с Литовцами мирны, так есмя и с немци мирны», и принимали к себе не только князей из Литвы и Москвы, но и Юрьевичей смоленских. За то Ягайло, Витовт и Лугвений и «вскинуша грамоты взметные к Новугороду». Но сила Литвы и немцев встречала отпор Пскова и Новгорода, поддерживаемого Москвой, хотя и ее наступления, как и бессилие энергично вмешаться в западные отношения, то и дело толкали Новгород и Псков на попытки мирного сближения и союза с Литвой.

Это бессилие сказалось ярко в деле отъезда Свидригайла. Его в Москве приняли особливо: великий князь дал ему Владимир, Переяславль, Волок, Юрьев и др., но, пробыв не более года, Свидригайло уехал обратно, убедившись, что Москву на западную борьбу не подымешь. Также

двойственно, полно колебаний было положение Твери. До 1406 г. Иван Михайлович со всеми тверскими князьями идет с Москвой против Витовта. Но с этого года, почуяв себя подручниками Василия, тверские князья отказались помогать ему; Иван Михайлович перешел к союзу с Витовтом, рать тверская служила литовскому великому князю против Ордена, и, до кончины Ивана, Тверь в стороне Витовта, не Василия.

Тяжко и напряженно было положение великого князя московского между Витовтом и Едигеем. Этот правитель Орды в 1408 г. пришел на Русь большой ратью, осадил Москву, отряды татарские разорили Переяславль, Юрьев, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород, Городец, и ушел Едигей от Москвы, взяв с нее окуп в 3 тысячи рублей только потому, что надо было спешить в Орду, где поднялась новая замятня. А на восточной «украине» шла почти без перерыва борьба с прикамскими и волжскими татарами и мордвой, осложненная смутами из-за нижегородско-суздальского наследства. В 1412 г. Василию, который при Булат-Темире не бывал в Орде, пришлось ехать к Джелал-Эддину (Зелени-Салтану), чтобы перекупить его милость себе от нижегородских вотчичей, и вернулся он с ярлыком преемника Зелени-Салтана, Керимбердея. При таких напряженных отношениях понятна нерешительная политика Василия, его осторожность относительно Витовта и Новгорода. В 20-х гг. XV в. между Москвой и Витовтом восстанавливаются мирные отношения, а на знаменитом Трокском съезде 1430 г., когда подготавливалась неудавшаяся коронация Витовта, видим при нем великого князя московского вместе с митрополитом Фотием.

Времена Василия Дмитриевича — тяжелая година неустойчивых, изнурительно-напряженных отношений, выяснившая непригодность политического строя Северо-Восточной Руси для решения задач, вытекавших из ее международного положения. Ослаблению ее внешней силы соответствует в ту же пору шатость внутренних устоев — симптомы того внутреннего кризиса, который довелось Москве пережить при Василии Васильевиче и который окончательное разрешение получил только при Иване III. Сила власти великокняжеской при Калите, Семене и Донском покоилась на одиночестве князей-вотчичей московских и на союзе с митрополией вся Русь. Оба эти устоя пережили в XV в. тяжелое испытание.

Дальнейшие события разыгрываются на фоне этого кризиса, им в значительной мере обусловлены. Поэтому обращусь теперь к рассмотрению его основных черт.

Русская митрополия стала серьезной политической силой со времени Калиты и достигла вершины этого значения при Алексее. Трудно сомневаться, что канонизация Петра была таким же политическим актом Феофогноста, как позднее — в 1448 г. — канонизация Алексея митрополитом Ионой. Эти канонизации освящали традицию митрополии, ставшей московской не по резиденции только, но и по духу и тенденциям: патронат митрополитов Москвы переносится ими в сферы сверхчеловеческие, в область ходатайств перед престолом всевышнего. На [примере] деятельности митрополита Алексея мы видели, как его церковно-политическое значение получало для Москвы значение не только в отношениях между княжеских, но и в делах международных, в Константинополе и в делах литовско-русских. Удержать в целости эту опору московской политики было делом слишком важным для великих князей московских. И митрополит Алексей с великим князем Дмитрием Ивановичем озабочены были сохранением московского характера митрополии. Путь к тому был пред-указан: кафедру надо передать по Алексею — лицу той же дворцовой среды, из коей вышел и он. Митрополит намечал св. Сергия. Святитель из служилой среды, участник политики митрополита-политика, лично близкий великокняжескому дому, брат великокняжеского духовника, влиятельный по личной жизни духовной силой и авторитетом старчества — казался наилучшим кандидатом; но Сергей уклонился, находя, что дело «выше его меры», и остался [в своей обители] св. Троицы.

У великого князя был другой кандидат, более приспособленный для светской и публичной стороны в деятельности митрополита — архимандрит дворцового Спасского монастыря Михаил, известный под именем Митяя или Мити (быть может, по мирскому его имени). Этот видный красавец, речистый, знаток премудрости книжной, толкуя ее силу не только духовными, но и житейскими притчами, премудрый в делах и суждениях, поражая огромной памятью, стоял на пороге большой церковно-политической карьеры. При великом князе Митяй был печатником-канцлером, стоял в центре дворцовой среды, «бысть отец духовный всем боярам старейшим», когда еще священником великий князь перевел его из Коломны в Москву. Дмитрий с трудом уговорил Митяя постричься и сделал его архимандритом, пролагая ему путь к митрополии. Могло казаться, что Митяю предстояло стать вторым Алексеем, хотя у нас нет основания для оценки его личности как будущего государственного деятеля. Важен был основной вопрос — о своем человеке на митрополичьей кафедре. А тут встретились препятствия.

С одной стороны, в широких кругах духовенства Митяй, видимо, смущал своей не весьма духовной фигурой, усвоив вельможный блеск боярского быта и властного поведения. С другой — у временщика кандидата в митрополиты был готовый соперник: в Киеве сидел Киприан, поставленный в митрополиты киевские и литовские именно в удовлетворение жалоб Ольгерда на подчинение церковного управления Алексея московской политике; притом Киприан добился соборного постановления, назначавшего его на всю русскую митрополию после Алексея. Узнав о кончине митрополита, Киприан поспешил в Москву, предупредив письмом Сергия. Но в Москве его не приняли, а схватили, утаив его приезд от москвичей, и выслали вон. Да и нельзя было его принять: ставленник Литвы, враг Алексея, добивавшийся его низложения, казался заведомым врагом. Так началась церковная смута.

Киприан разразился посланием к тому же Сергию, где изрекал отлучение на причастных к его «иманию и запиранию, и бещестию, и хулению», и поспешил в Константинополь. Но сюда было отправлено из Москвы посольство, еще при жизни митрополита Алексея, и патриарх Макарий дал грамоту, которой определил не принимать на Восточную Русь Киприана (чье поставление при жизни Алексея заподозрено в неканоничности), и передал ту церков[ную область] в управление архимандриту Михаилу и вызывал его на поставление в Константинополь. Великий князь и снарядил соответствующее посольство с Митяем к патриарху. Но Митяй поднял вопрос о своем поставлении в епископы и митрополиты в Москве собором русских епископов. Какие могли у него быть к тому личные или церковно-политические мотивы — не знаем. Но мысль встретила сочувствие великого князя и его бояр. Однако протест Дионисия, епископа суздальского, расстроил дело и обнаружил недовольство епископской среды против управления церковью лицом, не имевшим епископского сана. Что протест Дионисия не был единичным, показывает свидетельство, что и Сергей «не вверился» Митяю, и жалобы на Митяя за суровое «смирение и наказание» духовных лиц. Дионисий завязал и сношения с Константинополем, как видно из грамоты патриарха Нила, возводившей его в архиепископы с зовом приехать¹². Великий князь велел его взять «за сторожи», но освободил под поручительство Сергия; а Дионисий выдал поручителя — уехал из Суздаля на Нижний и Волгой к патриарху. Не вижу

¹² Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. (Русская историческая библиотека. Т. VI). 2-е изд. СПб., 1908. № 23.

прямых оснований видеть за поведением Дионисия происки князей суздальских. Дело было создано церковными раздорами, и местные князья могли разве помочь Дионисию снарядиться в путь; но сочувствующие ему были и в Москве. Вслед за Дионисием поехал и Митяй, но в дороге скоропостижно помер, а в Москве, естественно, возникли слухи, что не своей он смертью умер, т. к. многие не хотели видеть его на кафедре. Его свита, людная, как целый «полк велик зело», решила заменить его архимандритом Переяславского Горицкого монастыря Пименом и составила грамоту на его имя к патриарху от великого князя. Патриарх Нил его и поставил. Дорого обошлось это дело — и «Русский долг» по хартиям от имени великого князя пришлось московским князьям разверстывать, точно дань татарскую, между собой. Укрыть двусмысленность дела, как справедливо указал Голубинский, было трудно, раз в Константинополе находились и Киприан, и Дионисий. Что первый оспаривал права Пимена, знаем и из соборного деяния о поставлении Пимена митрополитом «киевским и великия Руси». И великий князь решил Пимена не принимать, а послал за Киприаном, который и водворился в Москве в мае 1381 г., а в декабре приехал Пимен, [был] схвачен в Коломне и сослан в Чухлому. Впрочем, патриарх Нил стал за Пимена, а в Киприане Дмитрий не нашел желанного сотрудника, и через 16 месяцев он выслан из Москвы, уступив место призванному Пимену. Наконец, в 1383 г. вернулся архиепископ Дионисий, и, по-видимому, с его приездом возобновилось разбирательство константинопольских походов Пимена. Великий князь летом 1384 г. послал Дионисия в Константинополь, «правления ради митрополии русския», и Дионисий представил патриарху обвинения на Пимена от великого князя, домогаясь его смещения и своего поставления. Собор решил послать на Русь двух греческих митрополитов разобрать дело, и если к тому придет, Пимена низложить, а поставить Дионисия. Но на обратном пути Дионисий в Киеве захвачен князем Владимиром Ольгердовичем и у него в заточении умер через год, что еще больше укрепляло мысль, что Киприан слуга Литвы, а Москве недруг. Тогда Пимен из Новгорода, где [он] был, добиваясь своего суда, ушел в Константинополь (по патриаршей грамоте, он пробирался через Южную Русь переодетым), а патриарх вызвал туда и Киприана. Это было в 1385 г., а только через три года спор разрешился в пользу Киприана, признанного митрополитом «всей Руси» с низложением Пимена. Но и Пимен поехал на Русь — «не на Киев убо, но на Москву только», т. к. в Киеве был Киприан, т. е. он представил дело так, что кончилось оно разделением митрополии, и был

принят великим князем: ведь и посланный в Константинополь от великого князя архимандрит Федор сперва настаивал на низложении Пимена, а когда выяснилось, что выигрывает Киприан, стал на сторону того же Пимена, быть может, по инструкции из Москвы. Через год Пимен поехал в Константинополь, торжественно провожаемый всем освященным собором до Рязани, добиваться реабилитации. Современник, описавший эту поездку, говорит, что Пимен поехал «без совета» и против воли великого князя. Вероятно, Дмитрию санкция Константинополя казалась не очень важной, а поездка — грозящей возобновлением смут. Пимен не вернулся, а умер в Халкидоне в сентябре 1389 г. После его отъезда еще в мае умер великий князь Дмитрий, а новое правительство приняло Киприана; его привез в Москву прежний противник, архиепископ ростовский Федор. 17 лет (1390–1406 гг.) занимал Киприан кафедру.

Вся эта смута церковная лишила великих князей московских опоры в митрополичьей власти на [ту] тяжкую пору, какую в истории Москвы представляют 80-е гг. XIV в. А ее исход был очевидным поражением их в политике церковной. Пришлось упустить из рук влияние на кафедру, помириться с разрывом в традиции, было сложившейся при митрополите Алексее. Как бы мы ни смотрели, с иных точек зрения, на то подчинение управления русской митрополией и всей системы русских церковных отношений, которое типично для времен митрополита Алексея, для великого княжения московского оно было крайне важно, придавая церкви русской в значительной мере характер государственной церкви московской.

Киприан был в Москве чужой, стоял вне ее традиций и симпатий. Болгарин, сделавший редкую карьеру в Византии, Киприан достиг митрополии, став на сторону Витовта в вопросе о москвофильских тенденциях русской митрополии. И утвердившись на кафедре, он вел свою церковную политику, отнюдь не отождествляя интересов митрополии с интересами великого княжества Московского или Литовского. Водворившись в Москве, Киприан рядом решительных шагов укрепляет церковную власть свою в духе независимости митрополии. Его отношение к традициям митрополита Алексея видно на его столкновениях с епископами, ставленниками Алексея. Характерно не ясное по существу дело тверского епископа Евфимия Висленя. Поставленный в 1374 г. Алексеем, епископ «наипаче нелюбие имяше» с великим князем Михаилом, который его «не восхоте» и в 1387 г. заставил покинуть кафедру. В 1390 г. дело это разбирает Киприан не в Москве, а в Твери, на соборе при участии боярской

думы тверской, и по просьбе Михаила «отставиша от епискупства Евфимия», и «даде» Киприан великому князю Михаилу Александровичу своего протодиакона Арсения. Епископом Алексеева поставления был Дионисий суздальский, которому в епархию митрополит [Алексей] вернул отнятые у его предшественника Нижний и Городец. Они остались за его преемником Ефросином, заручившимся даже патриаршей грамотой на их воссоединение с суздальской епархией. Киприан добился от патриарших апокрисиариев, прибывших на Русь, возвращения городов себе, и в этом деле видим эпизод отказа Дионисиева ученика Евфимия, основавшего Спасо-Евфимиевский монастырь, признавать его митрополитом. В деле Нижнего Новгорода и Городца Киприан действует с поддержкой великого князя, но это лишь совпадение интересов митрополичьей и великокняжеской власти — не есть еще служение последней со стороны первой.

Такое же совпадение в делах новгородских; спор о суде митрополичьем Киприан ставит на церковно-иерархическую почву, перенося его к патриарху в Константинополь. Туда ездили послы новгородские, оттуда идут грамоты в Новгород, подтверждающие отлучение, наложенное на Новгород Киприаном, с увещанием покориться митрополиту¹³. Опираясь на патриарха, Киприан держит «за сторожи» владыку Иоанна с согласия великого князя, но Василий Дмитриевич, помирившись с Новгородом, вынудил у митрополита возврат Иоанну свободы и кафедры. Так Киприан своего в Новгороде и не добился.

Характерным представляется в деятельности Киприана, что он последовательно выдерживает зависимость русской церкви от Константинополя, вопреки настроению московского дворца. По-видимому, в связи с переносом новгородского дела в Константинополь стоит протест Василия Дмитриевича, что «мы-де имеем церковь, а царя не имеем и знать не хотим», и упрек ему за «пренебрежение» патриархом — в грамоте патриарха от 1393 г.¹⁴ Киприан использовал свое влияние, чтобы помочь императору Мануилу и патриарху деньгами в трудную годину борьбы с турками. Ведя свою, митрополичью, политику, Киприан добился от великого князя новой гарантии самостоятельности светских владений своей кафедры. Разумею [уставную] грамоту, по существу — жалованную, но по форме — созданную великим князем и митрополитом совместно, когда они «сед», «управили» это дело. Положение митрополичьих владений, по этой

¹³ Там же. Приложения. № 37 и 38.

¹⁴ Там же. Приложения. № 40. Стб. 270, 272.

грамоте, близко к положению княжого удела. Полный иммунитет юрисдикции, сбор оброка на дань татарскую, когда «выход» идет со всего великого княжения, и вообще уравнивание митрополичьих людей с великокняжескими в повинностях, сместный суд, запрет боярам и слугам великого князя приобретать вотчины в митрополичьих владениях, военная служба с митрополичьим воеводой, когда князь великий сам сядет на коня, запрет слуг великого князя и его «данных» людей ставить в попы и дьяконы — таковы главные черты грамоты. Характерно для Киприана, с другой стороны, его деятельное участие в делах западнорусской церкви, при наилучших отношениях к Ягайле и Витовту. Он входит в их виды на унию, пишет о том патриарху, предлагая собрать собор в пределах Западной Руси, и получает ответ, что, и время теперь такому делу не благоприятствует, и Россия — не место для собора, который должен бы быть не поместным, а вселенским. Близость к властям польско-литовским позволяет Киприану пытаться подчинить себе галицкую митрополию и вмешиваться в дела митрополии влахийской, в чем он, однако, не встретил сочувствия Константинополя. Можно сказать, что Киприан стремился быть митрополитом не московским, а всея Руси, и отстоять, опираясь на Константинополь, самостоятельность своей церковно-политической деятельности. Не лишено, думается, вероятия и предположение, что его влияние в Москве, вместе с влиянием Софьи Витовтовны, поддерживало ту зависимость московской политики от политики Витовта, которая так ярко сказалась в событиях 90-х гг. XIV в. Но не будучи орудием первой, Киприан не стал и орудием второй.

При трудности осуществить свою цель — иметь митрополита на всей своей воле — Василий Дмитриевич по смерти Киприана в 1406 г. решил противопоставить кандидату Витовта Феодосию, епископу полоцкому, ходатайство о присылке митрополита из Константинополя — по избранию патриарха и царя, по старой пошлине. Голубинский полагает, что иначе Василий не мог поступить, не имея кандидата, на котором лежало бы благословение Киприана, каким от своих предшественников заручились Алексей и Митяй¹⁵. В 1408 г. был поставлен грек Фотий и прибыл в Москву в 1410 г. Его тут ждала борьба за вотчины митрополичьи и доходы, захваченные и самим великим князем, и его боярами, и с расхищением достояния кафедры ее же слугами. С последними митрополит

¹⁵ Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1900. Т. II. Первая половина тома. С. 357–358.

расправился сурово, так что многие от него в Литву сбежали, великого князя образумливал требовательными посланиями и добился возврата утраченных имений по крайней мере от князей и бояр государевых. Но настояния, чтобы его сын духовный пришел к нему со словами: «согреших, прости мя, и имаши, о отче, во всем благопослушна и покорена мене; елика в законе и в церкви христовей пошлины зле растленны бывшаа испльню и исправлю... даная и утверженаа исперва от прародителей моих, и яже по многих летех отставленнаа», — не могли стать основой для тесного сближения митрополичьей кафедры с двором великокняжеским. Однако дела митрополии литовской постепенно укрепили московские связи и интересы Фотия. С его поставлением обострились тенденции западнорусской церкви к обособлению. Витовт гневался на то, что доходы церковные уходят в Москву, прогнал из Киева наместника Фотиева и его чиновников, конфисковал и роздал своим панам митрополичьи вотчины, и когда Фотий сам приехал, велел его схватить и ограбить, а в Константинополь не пропустил. Видимо, Витовт встретил сочувствие в западнорусских епископах, тяготившихся московской властью, и во всяком случае, встретил их покорную исполнительность в отречении от Фотия, [и в] избрании болгарина Цамблака, Киприанова племянника, помимо отказа от патриарха, несмотря на отлучения от Фотия и патриарха (1419 г.). Только по смерти Цамблака (его посмертную биографию в качестве инока Григория у Яцимирского не нахожу убедительной)¹⁶, Фотий помирился с Витовтом, восстановил единство митрополии, даже вернул к ней и галицкую епархию. В 1420, 1421, 1430 гг. он ездит в Литву, используя новое сближение Василия Дмитриевича с Витовтом, которому, вероятно, и способствовал.

По смерти великого князя Василия Дмитриевича, Фотий деятельно выполняет роль опекуна юного Василия Васильевича, защищая его права вотчича против Юрия Дмитриевича. Но воззрения Фотия на национальный характер митрополии русской достаточно [ясно] выражаются внесением (или сохранением, если это внесено было еще при Киприане, как с большой вероятностью предполагает Голубинский) в «исповедание» епископов (при их поставлении) обязательства: «не хотети ми приимати инога митрополита, разве кого поставять из Царяграда, како есмы

¹⁶ Яцимирский А. И. Григорий Цамблак: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904. Гл. IV.

то изначала прияли»¹⁷. Поэтому — и в этом надо согласиться с Голубинским — весьма сомнительно, чтобы кандидатура (ему в преемники) Ионы рязанского была санкционирована его благословением, хотя житие Ионы утверждает, что по смерти Фотия (июль 1431 г.) Иона вступил в управление как нареченный митрополит, имея на то благословение патриаршее, «преже» принесенное ему, «еще живу сердцу митрополитскому архиепискому», т. е. Фотию.

Иона приехал на поставление в Константинополь, когда там уже был поставлен на русскую митрополию кандидат Свидригайла Ольгердовича Герасим смоленский. Успел он и поставить на епископию в Новгород Евфимия, которому Фотий отказал в поставлении, пока новгородцы не управятся к нему по делу о суде митрополищем. Смуты московские задержали Иону до 1435 г., да и при наличности Герасима мудрено было рассчитывать на полный успех (Голубинский Герасима считает с натяжкой только литовским). В 1435 г. трагическая гибель Герасима, сожженного Свидригайлом за измену, открыла вопрос о кафедре. Но когда Иона прибыл в Константинополь, на нее уже был поставлен грек Исидор, и митрополия снова выбыла из состава политических сил великого княжества Московского.

Не буду останавливаться на истории Исидора, слишком общеизвестной. Отмечу только ее местное, московское, политическое значение. Возвращение Исидора с Флорентийского собора униатом и папским легатом (в марте 1441 г.) дало толчок к ряду крупных событий. По дороге он почти год прожил в Литве. В Москве имели время узнать, в чем дело; быть может, как настаивает Голубинский, узнали и о настроениях греческого монашества на Афоне и в Константинополе. Как бы то ни было, великий князь с епископатом русским и боярами действуют решительно и умеют использовать создавшееся положение. Уния отвергнута, Исидор — в заключении в Чудовом монастыре, а осенью 1441 г. бежит из Москвы в Тверь, где снова попал было за пристава, но и тут выпущен постом в 1442 г., чтобы уехать к великому князю литовскому Казимиру. В Москве же его соборно осудили и низложили авторитетом своей местной иерархии и властью великого князя, а к патриарху Митрофану послали грамоту, где, сообщая об обсуждении собором русских епископов униатских новшеств Исидора, просили греков: «свободно нам сътворите в нашей земли

¹⁷ Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 409.

поставление митрополита» собором русских епископов при сохранении церковного общения с Византией¹⁸. Но если это послание и дошло до Константинополя, в чем, например, Голубинский сомневается, то там шла своя борьба и было не до русских дел. Но и в Москве по смерти Фотия с новой силой возгорелись усобицы, и только по возвращении себе Москвы и ликвидации смуты Василий Васильевич решил прекратить вдовство митрополии и в декабре 1448 г. избрал «сгадавше с своею материю, с великою княгинею, и с нашею братьею с рускими в. князьми, и с поместными князьми, и с литовския земли господарем великим князем, и с святители нашае земли, и с всеми священники и духовными челоовеки, общежители же и пустынными отходники, с святыми старци, и с... бояры, и с всею... рускою землею» (послание к патриарху, 1452 г.)¹⁹. Извещая о своем поставлении литовских князей, Иона ссылается на «прежнее на нас повеление святого царя и благословение святого и вселенского патриарха» (разумея то, что ему обещана была митрополия после Исидора в прежнюю его поездку в Константинополь) и не ссылается на согласие Казимира: эта ссылка явилась позднее, по получении Ионой в 1451 г. «настойной грамоты» короля польского и великого князя литовского на «столец митрополичь киевський и всея Руси»²⁰. В 1452 г. заготовлена была грамота к новому императору Константину, отвергшему унию, чтобы наладить отношения, «да не пошла», как отмечено на ее списке; события на Балканском полуострове развивались быстро, церковь колебалась в борьбе унии с православием, а в мае 1453 г. Константинополь взят турками.

В таких условиях окрепла фактическая автокефальность русской церкви. И старая мысль, поставленная на очередь Митяем, не только осуществилась в исключительных обстоятельствах, а стала нормой на будущее время. Есть известия, что были возражения против нее: Пафнутий Боровский, боярин Василий Кутузов и другие не хотели было признавать митрополита без патриаршего благословения, но спор был разрешен «по свидетельству священных правил» в пользу Ионы и желания великого князя. На деле, однако, не выбор соборный считался основой избрания, а наречение предшественником, чему были прецеденты, по соглашению великого князя. Так, Иона написал даже грамоту благословенную на имя

¹⁸ Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. № 62. Стб. 535–536.

¹⁹ Там же. № 71. Послание адресовано не патриарху, а императору (Константину Палеологу) — *Ред.*

²⁰ Там же. № 64, 67.

архиепископа ростовского Феодосия и положил ее на престол Успенского собора, а по провозглашении его епископским собором, великий князь Василий утвердил его и дал ему митрополию. Так и Феодосий нарек себе преемника Филиппа. С тех пор русская митрополия окончательно теряет всякую печать экстерриториальности и становится государственным учреждением великого княжества Московского. Дело, начатое святителями Петром и Алексеем, завершилось. И третьим «святым» митрополитом стал Иона: в год его смерти [архиепископ] Иона, владыка новгородский, составил ему канон, а в 1472 г. Иван III и митрополит Филипп установили ему местное почитание, а [митрополит] Макарий на соборе 1547 г. прославил его общецерковным празднованием его святой памяти.

Первым делом Ионы была канонизация митрополита Алексея — торжественное признание его традиций. Это было в момент, когда Москва вышла окрепшей из тяжелой внутренней смуты и могла идти уверенно к завершению дела Калиты и митрополита Алексея. На престоле митрополией снова человек подходящий, воспитанный в семье служилых вотчинников и в подмосковном Симонове монастыре, строения племянника св. Сергия — Федора, бывшего духовником Дмитрия Донского. Пастырская деятельность Ионы тесно сплетена с великокняжеской политикой. К его посредничеству в переговорах с великим князем обращаются король польский, новгородцы. Грозу церковного отлучения направляет он на крамольного Шемяку и его союзников. Пишет вятчанам увещания покориться великому князю и добить ему челом, и отстать от разбойных обычаев под страхом отлучения от милости божией и своего благословения, чтобы в вотчине его «сына», великого князя, не чинилось сопротивных дел. Наставляет псковичей о верности их соглашению с их «отчичем и дедичем», князем великим. Естественным в связи с восстановлением московского характера митрополии является уже окончательное отторжение от нее с 1458 г. епархий западнорусских в особую митрополию.

С ослаблением Москвы за время 1380–1447 гг., когда она с таким трудом справлялась с внешними затруднениями и потеряла влияние на митрополию, связано развитие кризиса ее внутреннего строя, того единства, в котором она было окрепла.

Первый подлинно вотчинный раздел московских владений установлен был договором великого князя Семена Ивановича с братьями: тут

определена наследственность удела каждого из братьев в их потомстве, а реализован такой вотчинный выдел впервые для Владимира Андреевича, князя серпуховского, построившего себе стольный град как центр своего княжества. Это, конечно, не вывело его владений из состава княжества московского, не выделило и Владимира из князей московских. Он совладелец с двоюродными братьями по городу Москве, где держит свою треть; сохраняет он и право на добавочное наделение из волостей и доходов княгини Ульяны, когда она помрет; сохраняет и право возмещения утраты, какая, например, постигла его отчину при захвате Лопасны рязанцами: Владимир взамен получил Новый Городок (на усть-Поротве). Военные и финансовые средства Серпуховского княжества входят в состав сил княжения Московского, как и сам Владимир служит великому князю без послушанья, хотя управляет своим уделом самостоятельно, без вмешательства великого князя и его администрации. Дань на Москве и ее станах собирают данщики обоих князей, как «с одного» блюдут они московских гостей и суконников, и городских людей; «с одного» блюдут они слуг «под дворским» и черных людей. Но что до дани, то предвидится возможность полного ее раздела: «А оже ны Бог избавит, ослободит от Орды, ино мне» князю великому «два жеребья, а тебе (Владимиру) треть»²¹. Существовало то, что удел Владимира, с одной, и наследие Ивановичей, с другой стороны, рассматриваются как две противостоящие вотчины: «тобе знати своя отчина, а мне знати своя отчина». И установилось это реально по смерти Ивана Ивановича, чей выморочный удел не пошел в раздел, а целиком взят Дмитрием, хоть и пришлось ему вознаградить Владимира Боровском и Лужей. Владимир не только Дмитрия признал себе отцом, но и сына его — братом старейшим, а если «Бог розмыслить» о старшем сыне Дмитрия, то кто будет из сыновей великого князя «болший», того Владимиру «держати братом старейшим» и служить ему. Это установлено их договором задолго до «розымья», которое разыгралось за год до смерти великого князя Дмитрия, в 1388 г., и связывать его с этим вопросом, как делает Соловьев, не обратив внимания на вторую договорную грамоту князей, не приходится; нет основания, стало быть, уличать Владимира в нежелании признать Василия Дмитриевича великим князем. А само розмырье, когда Дмитрий «гневался» на Владимира Андреевича «и поимани быша бояре старейшии княже Володимеровы... и розведени вси розно по городом и седеша в няти» у приставов, и даже

²¹ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 27, 29, 33.

«в железах», — остается связать с случаем, когда Владимир «отоимал» какие-то деревни у княгини Евдокии, о чем упоминает Дмитриева духовная, хотя крутость гнева и его последствий как-то плохо вяжутся с незначительностью эпизода²².

Чрезвычайно усложнились междукняжеские отношения по смерти Дмитрия Донского. Его вотчина досталась сыновьям. А сыновей у Дмитрия осталось шесть — Василий, Юрий, Иван, Андрей, Петр и Константин, но духовная говорит только о пяти. Константин родился за несколько дней до смерти отца, а духовная составлена раньше, но предусматривает его наделение, если Бог даст сына, вдове княгине, которая «поделит его, взяв по части у большие его братья»²³. Великий князь свое гнездо семейное оставляет вообще под опекой княгини-матери. Ей «приказаны» дети, и должны они жить «за один, а матери свое» слушать во всем, «из ее воли» не выступать ни в чем под угрозой, что на ослушнике ее воли не будет отцовского «благословенья». Среди братьев особое положение занял Иван: видно, он был уже безнадежно болен, потому что дает ему отец только несколько сел, притом так, что в том уделе Иван волен дать его после себя тому из братьев, кто будет до него добр; стало быть, «удел» этот дан ему, так сказать, в опричнину. В остальном духовная Донского распадается на две части, поскольку касается раздела владений. Сперва речь идет о московской отчине, потом о великом княжении и таких приобретениях, как Галич, Белоозеро, Углич. Москва приказана князьям Василию, Юрию, Андрею и Петру (с сохранением за Владимиром Андреевичем его отчинной трети, «чем его благословил отец его князь Аньдрей»). Дмитрий возродил на дележе доходов «в городе и станех» ту норму «на старейший путь», которую установил Семен Иванович в договоре с братьями: Василию он дает половину тех «двою жеребьев» московских, что составляли его удел в московской отчине, а трем младшим вместе — другая половина. Но в тамге московской он дает половину не Василию, а вдове своей княгине Евдокии, так что на всех четырех сыновей остается полтамги: а восмичее целиком отдает княгине (т. е. свои два жеребья из трех, третий ведь во всем Владимира Андреевича). Старшему сыну Дмитрий накинул зато лишние бортные угоды — «Василцево сто» и село Добрятинское, но остальные путные угоды идут в равный раздел. Численных людей князь блюдет «с одного», но это числяки «двою жребиев» Дмитрия,

²² Там же. № 34; Полное собрание русских летописей. Т. XI. С. 94.

²³ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 34.

и он дает их сыновьям «по частем» — не сказано каким; но по духовным Василия Дмитриевича и Василия Васильевича видим, что в числяках треть дана была Василию, т. е. целый «жеребий», а другой — остальным. Затем идет определение уделов сыновей: основных — Коломенского, для Василия, Звенигородского — для Юрия, Можайского — для Андрея, Дмитровского — для Петра с добавкой сел московских и волостей отъездных. «Ряд» предполагает передел по воле княгини-матери, как и раздел выморочного удела. У кого из сыновей убудет отчины, и княгиня его наделит из братних уделов, а «удел осиротеет» — княгиня разделит его между остальными князьями. «Которому, что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не вымут». Но в случае смерти Василия Дмитриевича его удел Коломенский перейдет к следующему по старшинству и того уделом поделит княгиня братьев. Духовная в цифрах определяет размер дани с каждого удела; но если «переменит Бог Орду» и прекратится «выход» татарский, то который князь что возьмет дани на своем уделе, то тому и есть. Отдельно среди духовной стоят распоряжения о благословении Василия великим княжением, Юрия — Галичем и частью сел костромских, Андрея — Белоозером, Петра — Угличем полем. К вопросу о судьбе этих владений в духовных, как я ее уже излагал, добавлю, что в росписи дани они не приняты в расчет. Княгиня получает ряд волостей из уделов сыновних «до живота», причем часть их изъята из дани в казну великого князя на «выходы» татарские, а «что возмет» княгиня, «то ей и есть», а несколько сел из примыслов и прикупов Дмитрия идут в опричнину — в них вольна княгиня, сыну ли которому даст, по душе ли даст.

Раздел, таким образом, долевого, традиционного типа, но объемлет он уже не все московские владения (Серпухов окреп в руке своего отчича), а зато осложнен дележом владений великокняжеских. Выдел, обособление серпуховской отчины Владимира Андреевича последовательно проведен Дмитрием. Но Владимир не был доволен ролью отрезанного ломтя. Обиженный уехал он из Москвы тотчас по смерти дяди с сыном своим Иваном и старейшими боярами в свой град Серпухов, оттуда в Торжок и отсиживался в волости Новгородской, пока не умирились. А умирились на том, что Василий дал дяде Волок с волостями и Ржеву с волостями, обязуясь, ввиду опасности Ржевы от Литвы, в случае ее утраты, вознаградить Владимира Ярополчем да Медушей, пока не удастся вернуть Ржеву. В остальном Владимир и Дмитриевичи гарантировали друг другу свои уделы, обещая их «блюсти, а не обидети». Владимиру договор предоставляет делать примыслы на себя, но Муром и Торуса намечены в при-

мысли великому князю, Владимир на них не посягает, но зато и в «проторах» на приобретение ярлыков на них и на иные места не участвует.

Умер Владимир в 1410 г., приказав княгиню свою и детей своих великому князю Василию Дмитриевичу, как и бояр, кто им служить будет²⁴. Но семья оставлена на княгиню, она судит — после боярского съезда — споры и ссоры сыновей. Их осталось пятеро — Иван, Семен, Ярослав, Андрей и Василий. Всем им отец оставил свою треть на Москве — «ведают по годом», с излишком в путных статьях «на старейшинство» князю Ивану, с разделом «численных своих людей» на Москве и в «станех» и других доходных статей. Вотчина делится на пять уделов: Ивану — Серпухов, Семену — Боровск, Ярославу — Ярослав с Хотунью, Андрею — Радонеж, Василию — Перемышль. Волок и Ржева были Василием Дмитриевичем выменены у Владимира Андреевича на Козельск, Городец, Углич, Гоголь, Алексин и Лисин, с обязательством замены Козельска и Городца, если они «какими дела отоймутся». Эти владения великий князь дал Владимиру «в удел и в вотчину», но в духовной Владимира они стоят особо: он сыну Ивану дает «князя великого удела Василья Дмитриевича» Козельск, Гоголь, Алексин, Лисин (куплю!); Семену и Ярославу «великого князя удела» — Городец в раздел, Андрею и Василию «Угличе поле на полы», Лужу — княгине Елене. Уделы независимы и неприкосновенны. При сборе дани в Орду — каждый у себя собирает, а отправляют к казне великого князя вместе, но каждый шлет своего боярина с серебром. Уделы потомственны, выморочные идут в раздел братьям. В случае освобождения от татар, князья сохраняют себе дань с уделов, «а что возмут дани на московских станех (каждый получил несколько московских сел) и на городе на Москве и на численных людех», «треть дани московские и численных людей», тем они делятся с матерью поровну, по частям. Так распалось княжество Серпуховское на пять княжений-уделов, притом без старейшинства, без объединения. Все пять тянут к Москве, не к Серпухову, и объединены лишь при сдаче серебра выходного в казну великого князя, да общей опекой княгини-матери. «Старейший путь» Ивана Владимировича — только внешнее отличие, лишек богатства. Но эти уделы не пережили одного поколения, и Василий Ярославич, сын Ярослава Владимировича и Марьи Кошкиной-Голтыевой, объединил остатки родовой вотчины Андреевичей, остатки потому, что измельчавшие князья не смогли отстоять целого. Полученное Владимиром Андреевичем из «удела» великого князя

²⁴ Там же. № 40.

Василия Дмитриевича ушло из их рук. За верность в годину тяжелой смуты Василий Темный дал было Василию Ярославичу города и волости, но в 1456 г., по какому-то наговору, «за некую крамолу» схватил его и держал в железах; Василий и умер узником (при Иване III в 1483 г.), старший сын его кончил жизнь в Литве, младшие в темнице, а владения взяты на великого князя.

Сложнее были значение и судьбы владельческих отношений в семье потомков Дмитрия Донского. К сожалению, наши источники — летописи и договоры — не дают достаточно материала для подробного изучения их отношений. Дошла до нас только одна договорная грамота, между великим князем Василием Дмитриевичем и его братьями Андреем и Петром, и то малосодержательная²⁵. Из грамоты этой видно, что на уделы князей держится взгляд как на их наследственные отчины. Но, вопреки теориям родовой и очередной, это взгляд исконный, и гарантирование его договорами не имеет значения установления нового права, как и гарантия «блюденья без обиды» владений друг друга вообще. Сложность процесса эволюции владельческой практики в великом княжестве Московском состояла в том, что тут устанавливается понятие вотчины великого князя как такового, а тем самым и преемство вотчинное во владении территорией «старшего» удела сливается с преемством в великокняжеском достоинстве. Применение понятия вотчины к самому великому княжению ввело и его в практику завещательных распоряжений, причем преемство всецело построилось на отнем ряде и благословении, стало быть, на начале номинации преемника предшественником, с обычной, но не неизбежной, как показали отношения времен Ивана III, презумпцией в пользу старшего из сыновей (по времени рождения). Но на преемстве этом еще лежит некоторая черта прекарности, т. к. настоящим титулом на занятие великокняжеского престола остается ханский ярлык и инвеститура великого князя через его посажение ханским послом. С другой стороны, раздельность вотчины московской и великого княжения, к которому (а не к первой) примыкает со времен Калиты ряд крупных новоприобретений, сохраняется, как мы видели, и в духовной Донского: слияние того и другого в одну вотчину московских государей было процессом очень сложным, развивавшимся с большой постепенностью, не всегда, однако, поддающейся нашему наблюдению в желательной степени. Особенно досадна недостаточность наших сведений за время Василия Дмитриевича.

²⁵ Там же. № 37.

По отрывочным намекам можем угадывать, что в первые же годы его княжения происходила мена и переверстка владений по «докончаньям», которые если и были записаны, то до нас не дошли, и притом происходила в довольно широких размерах. Толчком к пересмотру владельческих отношений московской княжой семьи должно было послужить рождение Константина Дмитриевича. Трудно сомневаться, что отец сам сделал по этому поводу дополнительные распоряжения, что была составлена новая духовная — полная или дополняющая первую. Василий Дмитриевич в своей духовной наделил брата Константина Тошной и Устюжной «по душевной грамоте отца нашего». Вытекшие отсюда изменения в уделах были, вероятно, сделаны наспех и повлекли за собой ряд мен и переделов уже по смерти Дмитрия. У Соловьева находим интересную попытку восстановить развитие их, но на ней не буду останавливаться²⁶. Этот момент и вызвал, видимо, розмирье между племянниками и дядей Владимиром Андреевичем. Так, Углич переходит из рук в руки, пока не укрепляется за Константином Дмитриевичем, вероятно, по смерти Владимира Андреевича. Видимо, на почве этих разделов и переделов сложились вообще враждебные отношения великого князя Василия к братьям — второму, Юрию, и шестому, Константину. С Андреем и Петром великий князь заключил особый договор, закреплявший их одиначество. И оба стояли твердо при нем и его сыне Василии. По смерти Петра (февраль 1428 г.) раздор из-за его Дмитровского удела дал толчок великой усобице между Василием Васильевичем и дядей Юрием Дмитриевичем, который поднял на племянника страшное оружие распри из-за великого княжения перед ханом в Орде. За подчинение ханскому ярлыку, перекупленному на сторону московского вотчика боярином Всеволожским, Юрию заплатили уступкой Дмитрова, но не замедлили выгнать оттуда наместников Юрия и взять Дмитров на великого князя. Тогда разгорелась многолетняя усобица.

О зарождении этих отношений при Василии Дмитриевиче знаем мало. Только под 1419 г. летописи упоминают о розмирьи великого князя с братом Константином из-за того, что «князь велики... возхоте подписати под сына своего Василья брата своего меншаго... Костянтина <...> князь Константин... не возхоте сотворити воли его <...> и про то... отня у него отчину»²⁷.

²⁶ Там же. № 39; об этом см. работу автора — «Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Петроград, 1918» (С. 377. Прим.).

²⁷ Полное собрание русских летописей. Т. XI. С. 235.

Константин уехал в Новгород и получил от новгородцев пригороды, только что покинутые Семеном-Лугвением, но через год вернулся в Москву, помирившись с великим князем, но не знаем на чем, а при разрыве Василия Васильевича с Юрием Константин на стороне великого князя; по смерти его — во время этой смуты — его удел Углицкий захвачен Шемякой и закреплен за ним договором с великим князем. Ни Петр, ни Константин не оставили потомства. Родословные упоминают Семена Константиновича, но о нем ничего не знаем, быть может, он умер раньше отца? Относительно наиболее прочным созданием «ряда» великого князя Дмитрия Ивановича оказался Можайский удел Андрея Дмитриевича. С ним у брата не видим трений, а при Василии Васильевиче он за него против Юрия, и умер в 1432 г., оставив двух сыновей, Ивана и Михаила, между которыми разделил свой удел на Можайское и Верейское княжества. В борьбе Василия Васильевича с Юрием Дмитриевичем Иван Можайский довольно растерянно мечется между противниками, ища возможности держаться более сильного. Сперва он с Василием на Юрия, но победа последнего перебрасывает Ивана к последнему, «чтобы ныне отчины не потерять, а matka бы не скиталась по чужей отчине»²⁸. По смерти Юрия Иван снова с Василием Васильевичем, но затем переходит к Шемяке, помогая ему захватить Василия. Чем это вызвано — не знаем. Летопись указывает на запугивание Ивана от Шемяки какими-то замыслами Василия, его союзом с татарами, а если вспомним, чего Шемяка наобещал суздальским князьям, быть может, допустим, что явилась и мечта о выгодном разделе великого княжения: захватив Москву, Шемяка дал Ивану Суздаль. Но скоро все это рухнуло, пришлось мириться с Василием, отступаясь от Козельска, Алексина, Лисина, полученных, вероятно, взамен Суздаля, возвращенного отчичам, дрожать за свою безопасность, выговаривать у великого князя и его семьи отказ от мести под порукой тверского князя (шурина Ивану), брата Михаила (князя верейского) и князя Василия Ярославича серпуховского. Но Иван и после того пытается выручить Шемяку, стараясь и его ввести в свой мир с великим князем. Его посол говорил Василию: «пожалуеш... князя Дмитрия Юрьевича... и мене... пожаловал; а толко не пожалуеши... и мене князя Ивана не пожаловал»²⁹. Но в Москве отделяли эти два дела и, смирив Шемяку, заключили новый договор с Иваном, придав к его уделу Бежецкий Верх, половину Заозерья и Лисин,

²⁸ Полное собрание русских летописей. Т. VIII. С. 98.

²⁹ Акты исторические... Т. I. № 40. С. 80.

за обязательство честно и грозно держать впредь великое княжение Василия, а затем и Ивана Васильевича. Но Иван чуял московскую расплату; выговорил право не ездить в Москву иначе, как под гарантией митрополита, завязал, на случай, сношения с великим князем литовским Казимиром через тестя своего князя Федора Воротынского, да еще так, что сулил себе (с литовской помощью) великое княжение под верховной властью Казимира; кидается опять на сторону Шемяки, но поспешил снова его покинуть, добив челом великому князю. Погиб Шемяка, сын его бежал в Литву, и в 1459 г. московская рать идет на Можайск, за упорное «неисправление» Ивана: он не сел на коня по зову великого князя против татар и вторично против Галича. Иван бежал в Литву, получил там Чернигов, Стародуб, Гомель, Любеч и умер тут, оставив двух сыновей князьями стародубскими. Можайск взят на великого князя и пошел по духовной Василия Васильевича в удел Юрию Васильевичу, а по опале его сына Андрея в 1491 г. стал городом великокняжеским, как был при Калите. Вере́йская половина Можайского удела досталась Михаилу Андреевичу, который только пассивно участвовал в договорах брата Ивана с Василием, потом с Юрием, не увлекаясь усобической авантюрой. Он разделит татарский плен с великим князем Василием, получил от него льготы по сбору дани (сперва на год, потом еще на два), получил часть Заозерья, затем Вышегород и часть волостей Звенигородских с освобождением новых владений от «выхода» на пять лет, а всего Вере́йского княжества от половины «выхода» на три года. Иван III утвердил за Михаилом все пожалования отца, но потом заставил признать, что он «отступился сам» от всего, что не было его отчиной, а дано ему из отчины великого князя. Михаил Андреевич сходит на положение служилого родича, которого княжое братство «молодшее» по отношению не к великому князю только, но ко всем его братьям, уже не связано с притязаниями на самостоятельное значение.

Наиболее тревожна история Юрия Дмитриевича, получившего в удел из московской отчины Звенигород, а из великого княжения Галич. В гневной оппозиции брату великому князю Юрий был, видимо, все время его княжения, хотя и ходил по посылкам великого князя в походы на Новгород, на волжских болгар, на Двину. До нас дошло три духовных Василия Дмитриевича. В первой он поручает сына и вдову свою князю Владимиру Андреевичу и братьям Андрею и Петру; во второй — Витовту, в силу договора с ним, братьям Андрею, Петру и Константину и двум сыновьям Владимира Андреевича — Семену и Ярославу; в третьей — им же без Константина. Юрий нигде не назван, с чем обычно связывают

и другую особенность духовных грамот Василия Дмитриевича — то, что он лишь условно благословляет сына великим княжением: «а даст Бог сыну моему» великое княжение... (так в первой и третьей, хотя во второй Василий благословляет сына «своею вотчиною, великим княженьем», чем его благословил его отец, без оговорок)³⁰. Отсутствие договоров между Василием Дмитриевичем и Юрием не дает возможности выяснить причины раздора. Аналогия с «розмирьем» великого князя с братом Константином в 1419 г. не говорит ли в пользу того, что и Юрий не хотел подписываться под племянниками, признать старшего из них — старшим себе братом? Не поддерживает ли такое предположение и само отсутствие договоров, где это взаимоотношение князей неизбежно должно бы было быть сформулировано? Никоновская летопись, с ее сложившейся теорией родового старейшинства, развила рассказ о ссоре Константина Дмитриевича с великим князем, вложив в его уста такой мотив против принижения дяди перед племянником: «несть сие от начала бывало, и ты ныне на мне почто хочещи силу сотворити?»³¹ Применение понятия вотчины к великому княжению встретило протест. На что мог он опереться? В московской семье прецедент был один: Владимир Андреевич признал старшим себя двоюродного племянника — Василия Дмитриевича. До тех пор не было повода ставить вопрос по составу семьи Даниловичей. Вот это возникновение вопроса о сравнительном праве дяди и племянника на великокняжеское преемство и называют установлением в Москве нового порядка наследования — в порядке наследования нисходящего потомства с исключением боковых линий, вместо прежнего родового — в порядке родового старшинства. И это верно, но и не точно. Вотчинное наследование — от отца сыновьями — старое, исконное явление русской жизни как народной, так и княжеской. Но касалось оно вотчин княжеских, вотчинных княжений, возникших путем раздела общей отчины и дедины. Оно всецело господствует и по отношению к московским уделам. С этим вотчинным наследованием (явлением, по нашему говоря, права гражданского) не следует смешивать преемства в старейшинстве политическом (явления политической жизни, по нашему говоря — права государственного). Ряд попыток свести последнее ко второму наблюдаем издревле, со времен, когда Ярославичи устранили связь с киевским княжением полоцких Владимировичей (Рогволожих внуков), и еще ярче, когда Владимир Мономах пытался создать для старшей линии своего потомства

³⁰ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 39, 41, 42.

³¹ Полное собрание русских летописей. Т. XI. С. 235.

положение киевских отчичей, а тем самым — значение династии, держащей старейшинство в князьях русских, связанное с золотым столом киевским. То, что не удалось Мономашичам на юге, удалось на севере Даниловичам. Создав себе вокруг своего вотчинного городка крепкую отчину, они добились ханской милостью и энергичной политикой великого княжения Владимирского, стали во главе сил Низовской земли, ввели во времена Донского под свое великокняжеское главенство и Нижний, и Рязань, и Тверь. Тяжкие испытания 80-х и 90-х гг. XIV в. пошатнули это главенство, но не разрушили в корне. И Дмитрий Донской делает важный шаг к сближению великокняжеских владений со своей московской отчиной: он вводит их в свою духовную, благословляя сыновей великим княжением Владимирским, Галичем, Белоозером и Угличем. Для его сыновей это уже отчина, как признал Дмитрий и для себя отчиной великое княжение и «купли» деда своего Галич, Белоозеро, Углич.

Но мы видели, что все эти владения стоят особо от вотчины Московской, как и Переяславль и Кострома, которые впервые появляются как вотчинные единицы в духовной Василия Темного, хотя еще Донской распоряжался Переяславльскими и Костромскими волостями в своем «ряде» детям. Крупный шаг к закреплению связи великокняжеского достоинства с вотчинным владением и наследованием сделан Дмитрием Донским также в создании понятия об «уделе великого князя», как особого среди других, не подлежащего разделу между братьями в случае выморочности, т. к. он целиком переходит ко второму брату в случае бездетной смерти старшего, а в семейный раздел должен был пойти удел этого второго сына, ставшего теперь — старшим, «в отца место».

При выморочности — дело просто. Но при наличности сына-отчича? Что должно верх взять — вотчинность или старейшинство? Вопрос этот мог бы стать на очередь раньше — между Василием Дмитриевичем и Владимиром Андреевичем, но розмирье между ними разыгралось много позднее, чем признание великокняжеского сына старшим над дядей. [Оно] решено было договором Донского с двоюродным братом, и, по-видимому, не на этой, а на иной почве — спора о волостях, как и розмирье Владимира Андреевича с племянником Василием Васильевичем. Зато Юрий и Константин, по-видимому, боролись против новых течений еще при жизни Василия Дмитриевича, хотя и тут, несомненно, замешаны вопросы чисто владельческие, например, о судьбе выморочного Дмитровского удела по смерти князя Петра Дмитриевича. Стало быть, поправка, какую я предлагаю к выводу, что-де в Москве установлен новый порядок наследования

стола великокняжеского, сводится к следующему: основной факт этого «нового порядка» в том, что устанавливается крепкая связь между великим княжением и определенной территорией — московско-коломенскими владениями, составляющими «удел великого князя»; эта связь вела к скрещению двух начал — преемства в старейшинстве великокняжеском и вотчинного наследования по ряду отца. Победа второго над первым при такой комбинации и создала вотчинный характер прав московских Даниловичей на великое княжение, раз Москва, а не Владимир, оказалась реальным центром великого княжества вся Русь. Пока вотчинное начало не завладело великим княжением, Владимир, его стольный город, не стал вотчинным владением, был отчиной лишь в самом расплывчатом значении слова для всего «большого гнезда» Всеволодовичей, а при неопределенности прав на старейшинство и осложнении их ханской милостью — предметом интриг и уوبيц.

Со времен Калиты Москва — реальный центр великорусских сил, политических и духовных, благодаря своему значению стратегическому и роли резиденции митрополитов. Овладеть великокняжеским достоинством без Москвы не имело смысла и было задачей неосуществимой, а Москва — вотчина Даниловичей, их семейная вотчина. По смерти отца видим во главе семьи княгиню-мать, видим совладение Москвой, городом и станами, доленое, удельное владение волостями московскими и пригородами, строй отношений, в котором положение великого князя фальшиво, его роль как руководителя политического организма Северной Руси плохо вяжется с его положением в семейной группе как старшего между братьями-совладельцами, обязанного наравне с другими не выходить из воли матери, пока она жива. Это внутреннее противоречие между строем княжеской семьи московской и политическими задачами великокняжеской власти — основная почва или причина тех острых кризисов, какие пришлось пережить московским Даниловичам при Василии Темном и, позднее, при его сыне.

В борьбе великого князя Василия Васильевича с дядей Юрием Дмитриевичем решалась судьба Москвы. Чем суждено ей быть? Подобно Киеву или Владимиру — стольным великокняжеским градом, разделяющим судьбу неустойчивого преемства в великокняжеском старейшинстве? Или центром прочного вотчинного владения одной линии княжого рода, к которому примыкает нераздельно и политическая власть над Великороссией, получив [шей] в реальных силах Москвы новую базу для перестройки на новых основаниях всего своего политического быта? Наконец, это борьба

внутри семьи Даниловичей. Она резко отличается, например, от попытки Дмитрия Константиновича суздальского отнять великое княжение у юного Дмитрия Ивановича тем, что там речь шла о великокняжеском старейшинстве, стольном княжении Владимирском с его аннексами, как Переяславль, Кострома, не о Московской вотчине. В борьбе Юрия Дмитриевича с племянником дело идет о Москве. Стол великого княжения уже в Москве, не во Владимире. Великое княжение стало из Владимирского Московским, и если я в предыдущем изложении уже давно стал говорить о последнем, то, пожалуй, сделал систематический промах; на деле этот «промах» соответствует исторической действительности со времен Калиты, но — принципиально — лишь в кризисе времен Василия Темного выясняется этот совершившийся факт. Борьба идет за великокняжеское старейшинство в семье Даниловичей, для которой оно уже «вотчина». Но слияние великого княжения с московской вотчиной, чтобы стать базой будущего государства московского, этой вотчинной монархии, требовало перестройки всего строя семьи князей-владельцев, чтобы превратить ее в династию государей московских, в московский царствующий дом. Исторический процесс, переживаемый московскими Даниловичами в XIV и XV вв., вел к этим двум результатам, а смута в дни Василия Васильевича вскрыла его зрелость и ускорила завершение.

Назревая в отношениях времени великого князя Василия Дмитриевича, эта смута разразилась по его смерти. Старший сын его Иван умер много раньше, в 1417 г., и в 1425 г. Василий Дмитриевич благословил в свое место десятилетнего Василия. Митрополит Фотий послал по смерти великого князя звать Юрия в Москву. Но тот из Звенигорода уехал в Галич, откуда прислал послов с грозными речами. Началась борьба, и некоторые моменты ее перипетий заслуживают особенного внимания. За Василия ведут его дело митрополит Фотий и великая княгиня Софья, его младшие дяди и «все князи и бояре земли его», «обсылаясь» и с дедом его Витовтом, которому также завещано покойным князем «печалованье» о сыне. Юрий опирается на Галич, занимает Новгород Нижний, ищет перемирия, «не внимая о мире», чтобы время выиграть. Только «неблагословенье» Фотия привело его к докончанию на том, «что князю Юрью не искати княжения великого собою, но царем: которого царь пожалует, тый будет князь великий Владимирьский и Новугороду Великому и всеи Руси, и крест на том целоваша»³². Такой мир был хуже доброй ссоры. «Печалование»

³² Там же. Т. XVIII. С. 167–168.

деда сказалося в нападении Витовта на Псков и Новгород, а дипломатическое вмешательство Москвы в это дело кончилось тем, что не только «князя великого посол не учини помощи никоеяже своим посолством», но «князь великий... Василий Васильевич к деду своему князю Витовту и крест поцелова, что ему не помогати по Новегороде, ни по Пскове»³³. Так пришлось заплатить деду, чтобы обеспечить себе хоть нейтралитет его ввиду опасности от Юрия. Пскову и Новгороду пришлось «добить челом» Витовту.

Зато не знаем, когда и как Юрий признал племянника братом себе старейшим. Их договор 1428 г. уже исходит из этого признания. Но договор этот — симптом новой бури. Он совпал с годом смерти Петра Дмитриевича, князя Дмитровского, и носит печать разлада из-за судьбы его удела. Князья вступают в обычное dokonчание об одиначестве и взаимной верности, но с отличием — когда князь великий сядет «на конь», Юрий пошлет с ним сыновей и воевод своих; князья гарантируют друг другу владения, но о Дмитровском уделе — ни слова, хотя Петр Дмитриевич, как уопший, уже не упомянут.

Как-никак внешнее равновесие держалось, пока 1430/31 г. не принес двух многозначительных смертей: Витовта (октябрь 1430 г.) и Фотия (июль 1431 г.). В Москве не стало авторитетного руководителя, а литовская великокняжеская власть перешла к Свидригайлу, свояку Юрия. И Юрий «разверже мир» с племянником. Снова «сперлись» князья о великом княжении и решили ехать на суд к хану. У каждого были свои доброты среди князей ордынских, но [боярин] Всеволожский, пугая хана союзом Юрия с Свидригайлом литовским, его «побратимом», и ловко пользуясь раздорами князей татарских, выиграл дело своего князя (который, по словам московских сводов, «по отчеству и по по дедству искаше стола своего»), ссылаясь на ханские ярлыки, утвердившие за Василием благословение его отца — великое княжение, «по цареву жалованию», и на фактическое обладание великим княжеством за несколько лет. Юрий же искал великого княжения «летописци и старыми списки и духовною отца своего», т. е. ссылаясь на прецеденты и на право свое — по старейшинству — получить — что? — одно ли великое княжение или и «великокняжеский удел» Московский — не знаем. По дальнейшему судя, только первое; но тогда не понятна ссылка на духовную Донского. Ниже попробую разъяснить это недоумение. Есть и другое: московские своды говорят, что «царь»

³³ Там же. Т. IV. С. 203–205; Т. V. С. 26.

«дать великое княжение князю Василию Василиевичю» и даже собирався унижить дядю перед ним, но покровитель Юрия, Тегиня, пригрозил смутой и тем добился придачи Юрию к его вотчине Дмитрова со всеми волостями, — «и отпусти царь их на свои отчины». Воскресенская летопись продолжает: «и прииде князь великий на Москву на Петров день, а с ним посол Мансырь Улан царевичь, тот его посадил на великое княжение». Но рукописи, сохранившие более первоначальную редакцию так называемого «Воскресенского свода», например, ростовская, не говорят о после и посажении. Софийская вторая относит посажение к октябрю, а Псковская первая сообщает о возвращении князей из Орды, с отметкой: «а княженья не взяху оба»³⁴. И, вероятно, она права. Решение ханское, состоявшееся под давлением Тегиня, видимо, только осенью повернулось по желанию Москвы: московские бояре выгнали Юрьевых наместников из Дмитрова, а Дмитров взяли за своего князя. 5 октября посол ханский посадил Василия на великом княжении во Владимире.

Борьба не замедлила возродиться с переходом Ивана Дмитриевича Всеволожского на сторону Юрия. В 1433 г. Василий разбит, захвачен. Юрий сел в Москве великим князем, но удел Коломенский вернул племяннику, как его отчину, по совету Семена Морозова. Это сразу имело характерные последствия: московские бояре и вольные слуги «начаша отказываться» от князя Юрия за своего великого князя и «поидоша на Коломну безпрестани»³⁵. Юрий сорвался на попытке отделить неотделимое: великое княжение от его владельческой базы, великокняжеского удела. Вероятнее представляется, что в Орде Юрий добивался и того и другого («по мертвой грамоте отца своего»), но принял теперь, по совету Морозова, иное решение, оставив за Василием его отчину. И сыновья Юрия сразу поняли, что этим все теряется, убили Морозова за пагубный совет и «побегоша от отца прочь». Юрию оставалось мириться. Он снова обязуется держать Василия как «великого князя собе в старишинстве», гарантирует ему не только всю его отчину, но и великое княжение, и Дмитровский удел князя Петра, возвращая свой ярлык на Дмитров, за что получает Бежецкий Верх; отказывается от самостоятельных сношений с Ордой («а знати Орда тебе великому князю, а мне Орды не знати никаких дел»). Себе Юрий только выговаривает по-прежнему право

³⁴ Там же. Т. VIII. С. 96; Т. XVIII. С. 172; СПб., 1853. Т. VI. С. 148; Т. IV. С. 206.

³⁵ Там же. СПб., 1901. Т. XII. С. 18.

почетное — не лично, а через сына идти в поход с великим князем, и «не ездити» к великому князю, да еще рискованную для Москвы раздельность отношений литовских: «а в Литву ти у мене помочи не имати» — Юрий может сохранить мир с Литвой, несмотря на розмирье с нею Москвы. Оба князя договариваются ни в каком случае не принимать к себе мятежных Юрьевичей — Василия и Дмитрия старшего, Шемяку³⁶.

На разделенные силы противников и обрушилась рать великого князя, но неудачно. Василий Юрьевич побил ее под Костромой, но великий князь за участие в битве двора дяди Юрия сжег его Галич. Вторично побитый, Василий Васильевич бежал в Новгород, потом через Кострому в Нижний, а Юрий снова занял Москву, но неожиданно умер. Тогда на Москве великим князем сел Василий Юрьевич, но просидел только месяц, потому что родные братья не признали его, поспешив помириться с Василием Васильевичем. Великий князь в договоре с Шемякой утверждает за собой, сверх всего великого княженья, и Дмитровский удел и Вятку, а также удел Василия Юрьевича Звенигород, уступая за то Шемяке удел младшего дяди Константина: Ржеву и Угличе поле, «в удел в вотчину»³⁷. Но с Василием Юрьевичем борьба продолжалась, пока через год и он не помирился с великим князем, обязавшись признать его, не подыскивать под ним великого княжения, хотя бы и татары ярлык сами давали, и удовлетвориться Дмитровым, как уделом по великокняжескому пожалованию.

В следующем году Василий [Юрьевич] снова поднял смуту, запутал в нее Шемяку, был взят и ослеплен, а с Шемякой великий князь помирился по прежнему их докончанью. Василий Косой прожил до 1448 г., но «каково его было житие и пребывание» — узником или полусвободным калекой дожил он жизнь свою — не знаем.

Этот первый период московской смуты бурно смял, перепутал, искажил все налаживавшиеся отношения. Разрушился семейный строй рода князей московских, расстроены их вотчинные отношения. Воюя с великим князем, Юрьевичи теряли свои вотчины, захватывали другие, получали владения по «докончанью» с великим князем, по произвольным договорам, вне обычно-правового, традиционного порядка владения по уделам и вотчинам. Этот разрыв с традицией немало содействовал разрушению старого порядка, на развалинах которого быстро стало расти

³⁶ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 49–50.

³⁷ Там же. № 52–53.

во вторую половину XV в. московское единоедержавие, пройдя еще два кризиса: в 40-х и начале 50-х гг. — при Василии Васильевиче и в 70-х и начале 80-х гг. — при Иване III. Первый — продолжение борьбы Василия Васильевича с Юрием и Василием Косым, унаследованной Шемякой. Она теперь захватывает и других князей, прежде всего Ивана Можайского и отчичей суздальских. Но разыгралась эта борьба уже в несколько иных условиях: в нее замешаны и татары, и Тверь, и Новгород.

Отделавшись от Василия Косого и смилив Дмитрия Шемяку, который с братом Дмитрием Красным в следующие годы не раз выступают подручными князьями в походах рати великого князя, Василий Васильевич мог считать смуту конченной и пожать плоды своего одоления, укрепляя свою власть. В 1435–1445 гг. положение Москвы вошло, казалось, в норму. Новгород и Псков вернулись под власть великого князя. Но новгородцы пытались удержать уступки, добытые в смутное время, и великий князь смиряет их походом, где с московской пошла и рать тверская, и псковичи пустошили землю Новгородскую по приказу великого князя. В новгородские дела как-то вплелся и Шемяка, на которого великий князь «возверже нелюбье», как только привел новгородцев в свою волю, и когда новгородцы уже помочь Шемяке не могли. Но князей помирил троицкий игумен, т. е. Шемяке пришлось добить челом через игумена Зиновия.

В 1445 г. возобновились столкновения с Литвой, и великому князю надо было восстанавливать свое значение на западных «украинах». Но важнее в это десятилетие отношения татарские, сильно осложнившие все положение. Золотая Орда, Кипчакское царство, вновь терзаемое внутренними раздорами, окрепшее было при Мамае, Тохтамыше, Едигее, снова пошло по пути распада. Части его организуются особо, и этот процесс имел для Руси, прежде всего, то значение, что выделявшиеся из Кипчакского царства орды придвигаются в поисках нового центра к пределам Русской земли. Осенью 1438 г. Кичи-Махмет выбил из Орды брата Улу-Махмета, и тот засел в Белеве. Ища пристанища, хан «начят даватися в всю волю князем руским», обещая, если и вернет себе царство, «стеречи» земли Русские, а «по выходы... не посылати, ни по иное ни по что»³⁸. Но великий князь послал на него двух Юрьевичей, чтобы выбить его из пределов русских. Однако дело кончилось поражением московской рати, а Махмет засел в Нижнем Новгороде старом и держался в нем до весны 1445 г. В «меньшом городе» Нижегородском затворились великого князя воеводы,

³⁸ Полное собрание русских летописей. Т. XII. С. 24; Т. VIII. С. 107.

но позднее вынуждены были (голодом) сжечь город и уйти к великому князю. Отсюда Улу-Махмет сделал набег под Москву, сжег Коломну; позднее — 1445 г. (январь) — упоминается его набег к Мурому. За два года до того, в 1443 г., пришел на Рязанскую землю царевич Мустафа и по «докончанью» с рязанцами расположился на зимовку в самой Рязани. Великий князь послал на него рать, усиленную ополчением мордвы, [и] пеших рязанцев с рязанскими казаками. Татар побили и самого Мустафу убили на реке Листани. Эта тяга отбросов татарской силы, сильных боевой годностью и, видимо, немалочисленных, стала источником нового явления — появления в составе рати великого князя служилых татарских царевичей и князей ордынских с военными отрядами их слуг и воинов. Уже в 1445 г. Василий Васильевич посылает на литовские города «дву царевичев», упоминается служилый царевич Бердыдад. Выбив, в конце концов, воевод из нижегородского кремля, Улу-Махмет послал на великого князя сыновей своих Мамутяка и Якуба, а великого князя не поддержал Шемяка, не подоспел к бою царевич Бердыдад, и великий князь потерпел поражение у Спас-Евфимьева монастыря, попал в плен с князем Михаилом Андреевичем верейским и многими боярами. Что произошло между ханом и его пленником, мы толком не знаем. Улу-Махмет через полтора месяца освободил Василия, обязав его весьма крупным «окупом», но дело было не только в этом. Из наших летописей одни, видимо, воздерживаются от изложения условий, другие, помянув огромный выкуп (будто до 200 тысяч рублей), добавляют: «а иное Бог весть да оне»³⁹. Великого князя не только отпустили с Михаилом верейским и всеми боярами, но с ним пошли на Русь многие князья татарские со многими людьми. Тогда же пошли фантастические слухи, использованные Шемякой, чтобы напугать Ивана Можайского, будто Василий Васильевич «к царю целовал (крест), что царю сидети на Москве и на всех градах Руских... а сам хочет сести на Твери». И позднее Василия Васильевича обвиняли, «чему еси татар привел на Рускую землю, и города дал еси им, и волости подавал еси в кормление? а татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и серебро и имение даешь татаром»⁴⁰. В дни большой беды — ослепления и изгнания — в ряду преданных сторонников Василия видим двух сыновей Улу-Махмета: Касима, прозвищем Трегуба,

³⁹ Там же. Т. VIII. С. 114; Т. XII. С. 66; Т. XV. С. 492; Новгородская летопись... С. 427.

⁴⁰ Полное собрание русских летописей. Т. VIII. С. 115; Т. IV. С. 125.

и Якуба, которые пришли с князьями и силами своими «искати великого князя за преднее его добро и за его хлеб, много бо добра его» было до них⁴¹. Когда же было это добро, как не по возвращении из плена? Касим и Якуб затем неизменно служат «со всею силою» Василию против всех его недругов, и прежде всего против татар ногайских и казанских. В эту пору, одновременно с освобождением Василия, Улу-Махмет пошел на Казань, вотчинный городок князька Азы-Алибека, взял его, но был убит сыном Мамутяком, основателем Казанского царства. Его братья Касим и Якуб служат Москве, но об их кормлении мы ничего не знаем, конечно, не случайно, как не случайно молчат наши источники о времени возникновения Касимовского царства. Только договор Ивана III с рязанским князем Иваном Васильевичем 1483 г. сообщает, что Василий Васильевич за себя и за князя рязанского «кончал» с царевичем Касимом и сыном его Даньярмом, о положении их, что им с Рязанской земли шли условленные доходы, чтобы от них не принимать ясачных людей-бесермян, мещеряков и мордву, а которые уже вышли за Рязань, тех «в силу не вывести», но давать им царевичевы «оброки и пошлыны по их силе»⁴². Пожалование Касима Мещерским Городком и волостями мещерскими произошло не позже 1456 г., в начале 50-х гг. Это было владение, по-видимому, во всем подобное княжескому уделу, увеличивавшее боевые силы великого князя помощью подручника, самостоятельного в управлении своим, но еще одаренного кормленным доходом с волостей рязанских. Из этого сопоставления кажется ясно, что фактические поводы для нападков на Василия за его татарские отношения были весьма реальны, но, по-видимому, намеренно затушеваны в наших летописных сводах в позднейшей редакционной работе над ними.

Василий вернулся из плена обремененный тяжким долгом, от которого крестьянству настала великая тягость. А пока он был в плену, в Москве разыгралась анархия паники. Великие княгини бежали в Ростов, бояре стали выезжать из города, как перед приходом Тохтамыша; также поднялись черные люди, грабили и в железа ковали бегущих, сами организовали охрану и ремонт укреплений. Но татары не пришли, зато поднялся Шемяка, которому Улу-Махмет послал посла с извещением о плене великого князя. Но раньше, чем он успел столкнуться с ханом, Василий уже достиг этого и вышел на свободу. Шемяка, боясь мести, использовал

⁴¹ Полное собрание русских летописей. Т. VIII. С. 120.

⁴² Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 115. С. 281.

недовольство против Василия, поднял Ивана Можайского и, опираясь на сочувствующих в самой Москве, да, видимо, и в Троицкой лавре, захватил великого князя на богомолье у св. Сергия, ослепил и сослал в Углич, а Софью Витовтовну в Чухлому. Детей его, нашедших убежище с князьями Рязполовскими в Муроме, Шемяка заманил «на епитрахиль» епископа рязанского Ионы и сослал к отцу в Углич.

Тотчас началось сильное движение в пользу великого князя. Его сторонники организовались в Литве, кругом Василия Ярославича (князя боровского) и Семена Оболенского, туда же ушел из Москвы Федор Басенок. Рязполовские, Стрига и другие собирали силу идти на Устюг, а потом пошли на соединение с Василием Ярославичем. В Москве брожение в людях и резкий протест Ионы заставили Шемяку освободить Василия и дать ему отчину — Вологду. Князья укрепились крестным целованием, но кирилловский игумен Трифон с братьей снял на свою душу крестное целование с Василия, и тот ушел в Тверь, где уладился с князем Борисом, закрепив союз помолвкой пятилетней Марьи Борисовны с семилетним Иваном Васильевичем. Подошли сторонники из Литвы, пришли царевичи татарские. Москва захвачена, Иван Можайский в плену, Шемяка снова в бегах, но только чтобы собраться с силой. Дал он на себя великому князю «проклятые грамоты», пытался возобновить борьбу, но, покинутый Иваном Можайским и другими, смирился и от мести Василия был вынужден через год бежать в Новгород, откуда еще пытался перейти в наступление, пока в июле 1453 г. не «умре напрасно» от «лютого зелья», подосланного заботой московского дьяка Стефана Бородатого.

Так исчерпана была смута, потрясая резко и грубо все традиции, растоптавшая старину и пошлину. Захваты и переделы владений, ослепления, отравление, предательства, интриги не только князей и бояр, но и «гостей-суконников» и старцев-монахов, продававших в Москве своего великого князя, татарские симпатии и союзы Василия — все это должно было пройти перед обществом московским как поругание обычного уклада отношений и воззрений. Это не великая смута XVII в., не захвачены были ею устои общественного строя, и поляки, назвавшие ту «великую разруху» «московской трагедией», эту назвали бы разве «московской мелодрамой».

Но строй междукняжеских отношений вышел из нее в развалинах. Обильно заключались и нарушались договоры, в содержании которых все больше произвола, все меньше закрепления обычно-правового уклада. Рушился строй братской семьи. Сошли со сцены и дяди Василия Ва-

сильевича, и его двоюродные братья. Из удельных князей остались два племянника Андреевича — Иван Можайский и Михаил верейский, да дальний родич Василий боровский, внук Владимира Андреевича, брат жены великого князя Марьи. Уцелевшие на мелких вотчинах суздальские князья всколыхнулись смутой и заволостили со старшими князьями, мечта о возврате Суздаля и того положения, какое занимал когда-то Дмитрий Константинович при Дмитрии Донском. Их договор с Шемякой сулил им и Суздаль, и Новгород, и Городец, и Вятку — их «прадедину и дедину и отчину». Иван Можайский, лавируя между боровшимися силами, стал в конце концов на сторону Шемяки, мечта о приобретении больших владений. Дело шло не то о реставрации прежних крупных отчин, не то о произвольном разделе владений великокняжеских.

Покончив со смутой, великий князь Василий вышел из нее сильнее прежнего. На другой год по смерти Шемяки он подчинил себе Можайск, в 1455 г. бежит в Новгород суздальский княжич шуйский князь Василий Васильевич Гребенка, пошедший на московскую службу только при Иване III; в 1456 г. опала обрушилась на верного союзника Василия в минуту его бед — Василия боровского: ему великий князь за услуги дал слишком много. Василий Ярославич владел то Дмитровым, то Звенигородом и Бежецким Верхом, то опять, сверх своего, и Дмитровским уделом. Кончилось дело его заточением до смерти (1483 г.) и потерей всех его владений в пользу великого князя. Сын его Иван в Литве. В пределах великого княжества Московского Василий Васильевич единодержавен, т. к. верейское княжество Михаила Андреевича столь же мало нарушало это единство, как тот же удел в руках Андрея Ивановича и Владимира Андреевича при Василии III и Иване Грозном.

Опираясь на это положение, Василий приводит «в свою волю» и Новгород, и Псков, и Вятку. Грозный поход на Новгород в 1456 г. привел к уплате крупной контрибуции великому князю «за его истому» и к Яжелбицкому договору, установившему конкретнее принадлежность Велико-го Новгорода к великому княжению всея Руси: «печати быти князей великих» на государственных актах Новгорода, князю «виры имати» и пошлины по старине, «а коли приведется взяти князем великим черный бор», и Новгороду «дати черной бор по старине» (условие, уравнивавшее сбор дани в Новгороде с условиями его по уделам, когда со всего великого княжества будет сбор); усилена великокняжеская администрация в Новгороде: рядом с новгородскими действуют позовники и подвойский великого князя. Новгородцы обязуются впредь не принимать ни Ивана Можайского,

ни Шемякина сына, ни вообще каких-либо лиходеев великого князя. Псков получает князей от руки великого князя и даже впервые «не по псковскому прошению, ни по старине», а прямо по назначению⁴³. На Вятку великий князь в 1458–1459 гг. посылал рать свою, и вятчане «добили челом на всей воле великого князя». В 1456 г. умер рязанский князь Иван Федорович, приказав свое княжение и сына Василия на соблюдение великому князю Василию; великий князь взял княжича и сестру его к себе, «а на Рязань посла наместники своя... и на прочаа грады его» и на волости⁴⁴. С Борисом тверским великий князь заключил договор на равном братстве, о полной политической солидарности: только тут возврат ко временам Донского был Москве не по силам; так обновлен и договор 1461 г. при переходе великого княжества Тверского к Михаилу Борисовичу. За Тверью стояла Литва.

Московская власть стала грознее, чем когда-либо во всей Великороссии. Ее приемы стали круче. Незадолго до смерти великого князя группа детей боярских и дворян Василия Ярославича сговорились «вынати» своего князя «с Углича ис поимания» — и «обличися мысль их и повеле» князь великий их «казнити, бити и мучити, и конми волоčiti по всему граду и по всем торгом, а последи повеле им главы отсеци». Точно предчувствие Грозного повеяло над обществом русским, и книжник, пораженный жестокостью казни, свершенной в святые дни покаяния, записал, что «множество же народа, видяще сия, от боляр и от купець великих и от священников и от простых людей, во мнозе быша ужасе и удивлении и жалостно зрение, яко всех убо очеса бяху слез исполнени, яко николиже таковая ни слышаша, ниже видеша в русских князех бываемо, понеже бо и недостойно бяхе православному великому осподарю... и такими казньми казнити и кровь проливати во святых великий пост»⁴⁵. А за два года ранее раздражение новгородцев против московской власти чуть не разгорелось открытым бунтом. Во время пребывания в Новгороде великого князя Василия «ноугородци же, ударив в вече и собравшись ко святей Софеи, свещашася все великаго князя убити и с его детми». Но детей с великим князем было только двое — Юрий да Андрей, и митрополит Иона усмирил новгородцев, указав им на бесцельность их затей: «о безумнии

⁴³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологическою экспедициею Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 1. № 57 и 58; Полное собрание русских летописей. Т. IV. С. 221.

⁴⁴ Полное собрание русских летописей. Т. XII. С. 111–112.

⁴⁵ Там же. СПб., 1910. Т. XXIII. С. 157.

людие, — говорил он им, — еще вы великого князя убьете, что вы приобращаете? Но болшую язву Новугороду доспеете; сын бо его болшей, князь Иван <...> часа того рать испросивши у царя и поидет на вы и вывоюют всю землю вашу»⁴⁶. Так тяжела стала высокая рука великого князя всея Руси. И митрополит Иона напрасно ссылался на «царя» и его войско. У великого князя были свои татары, да и силы низовские были достаточны для смирения новгородцев.

Отношения же к татарскому миру при Василии Васильевиче весьма мало соответствовали словам митрополита. В последнее десятилетие княжения Василия Темного Москва имела дело не с «царем» Золотой Орды, а с Казанью и с Седи-Ахметом, ханом орд Синей и Ногайской. Казанское царство еще строилось на новом месте и относительно мало тревожило русские пределы. Мы, впрочем, не знаем, как сложились отношения Москвы с Мамутеком казанским по гибели Улу-Махмета. Вероятно, что обязательства уплаты огромного выкупа не перешли с отца на сына, а организация Касимовского царства (для враждебного Мамутеку Касима) служила противовесом казанским набегам. Но не раз беспокоили Москву татары Седи-Ахмета. За первым набегом 1444 г. последовал в 1451 г. поход Седи-Ахметова сына, царевича Мазовши, который достиг Москвы, сжег ее посады, но бежал, кидая добычу и полон, как только собралась рать великого князя. В 1455 г. другой Седи-Ахметович, Салтан, перешел Оку, но был побит Федором Басенком. Практика, возникшая при Донском, — выдвигать рать к Оке в качестве обсервационного корпуса — возродилась при Темном. То сам великий князь, то его бояре стоят с весны ратью в Коломне и Муроме. В 1459 г. Иван Васильевич отбил ногайцев от Оки; в 1460 г. удалось отразить самого хана Большой Орды Ахмата (Кичи-Ахматова сына), отступившегося от неудачной осады Переяславля Рязанского. В 1461 г. «заратися» великий князь с «царем» Казанским, но, выступив к Владимиру, встретил послов казанских и «взяша мир». В эти годы Москва уже фактически не знает татарской власти. Попытка Ахмата в 1480 г. восстановить ее была покушением на возврат давно — лет тридцать — утраченного.

В таком общем состоянии передал великий князь Василий свое великое княжение сыну Ивану. Прославленный создателем подлинного государства Московского, Иван III строил свое большое политическое здание

⁴⁶ Там же. Т. IV. С. 127, 148; Т. V. С. 272; СПб., 1853. Т. VI. С. 182; Т. XXIII. С. 156. А. Е. Пресняков называет Иону митрополитом, но, в действительности, в летописном рассказе речь идет о новгородском архиепископе Ионе. — *Ред.*

на крепко заложенном фундаменте. Ему пришлось преодолевать во внутренних отношениях не крепкую старину, а лишь сопротивление ближайшего круга, который его отец не сумел — едва ли можно сказать, не смог — перестроить в духе новой политической действительности, своего фактического единодержавия. Но один шаг — и весьма важный — Василий и в этом отношении сделал. С начала 50-х гг. — точнее факта этого и его формы мы не знаем — он сделал Ивана своим соправителем, ввел его в обладание великокняжеской властью, чтобы она окрепла в его руке раньше, чем отец сойдет с политической сцены. Уже в договоре с Борисом тверским, который заключен в 1451/52 г., видим рядом с великим князем Василием великого князя Ивана; договор обеспечивает за великим князем Василием и его детьми — великим князем Иваном, князем Юрием и меньшими детьми — их «вотчину великое княжение, Москву и Новгород Великий», а по Яжелбицкому договору 1456 г. новгородцы посольство правят «обема великим князем и исправы» просят у обоих, и лишь особая оговорка допускает, что посольство и исправа будут в силе, если послы «наедут одного великого князя в Руской земле»⁴⁷. Однако, поставив сына рядом с собой, как великого князя всея Руси, носителя политической государственной власти, Василий сохранил старое, традиционное положение его в семье, как сохранил и прежнее представление о семейно-вотчинном владении территорией «по уделом». Правда, в последнем отношении Василий Васильевич сделал нечто новое — и крупно-новое — в распределении наследия между сыновьями. Но принципы семейно-вотчинного строя и владения он сохранил в полной неприкосновенности, чем и обусловил неизбежность того нового кризиса междукняжеских отношений и московского политического строя, который разразился в опасную минуту международных осложнений при Иване III.

⁴⁷ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 76–77; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею... Т. I. № 58.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО XV–XVI вв.

Глава I ОБРАЗОВАНИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

В 1487 г. император Фридрих III и князя Священной Римской империи, собравшиеся в Нюрнберг на рейхстаг, слушали с удивлением рассказы рыцаря-путешественника Николая Поппеля о далекой Московии. Император был сильно заинтересован делами Восточной Европы ввиду своей борьбы с широкой политикой польских Ягеллонов, и для него оказалось неожиданной новостью существование на Востоке сильного и независимого государства, возможного союзника, врага польско-литовского государства. Тот же Поппель явился в Москву в начале 1489 г. императорским послом с миссией вовлечь Московию в габсбургские интересы. Поппель должен был приманить великого князя московского проектом почетного свойства — браком дочери его с императорским племянником, баденским маркграфом Альбрехтом, и даже — присоединением Московии к составу Священной Римской империи путем пожалования великому князю королевского титула. Посол императора был удивлен, что подобные предложения не соблазнили восточного князя-варвара. Москва в своем ответе впала в тон неожиданный. «Мы, — было сказано Поппелю от имени великого князя Ивана Васильевича, — Божию милостию, государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы; а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детям и до века в том быти, как есмя ныне государи на своей земле, а постановления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»¹. А по поводу брака великокняжеской дочери посол московский грек Юрий Траханиот говорил в том же году во Франкфурте,

¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (с 1488 по 1594 год). Т. I. СПб., 1851. Стб. 12.

что великому князю дочь отдать за маркграфа неприлично, потому что он многим землям государь великий и его прародители искони были в дружбе и братстве с прежними римскими царями, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Константинополе; в Москве признали бы подходящей партией только Максимилиана, сына и наследника императорского².

Все это было для западноевропейской дипломатии ново и странно. Перед западной дипломатией выступила новая политическая сила, с которой нельзя было не считаться в делах Восточной Европы, и притом выступала в сознании своих интересов и своей независимости.

Явление это было новинкой не только для имперского рейхстага и политики императора. Последние тридцать лет XV в. были временем коренной перестройки всего соотношения политических сил в Восточной Европе в пользу Московского государства, завершавшего долгую работу над государственным объединением Великороссии. Всего за шесть лет до первого приезда в Москву Поппеля она официально достигла политической независимости, стала из «улуса» ханов Золотой Орды суверенным государством. Восемь лет прошло с той поры, как подчинился ей Великий Новгород, и Москва выступила серьезной соучастницей в борьбе за господство на Балтийском море, союзницей Дании против засорения Балтийского пути с Запада на Восток владычеством шведов. Естественный враг польско-литовских Ягеллонов из-за соперничества в расширении владычества над областями этнографически и исторически русскими, великий князь московский был — в тылу — опасной сдержкой для смелой династической их политики, направленной на приобретение (за счет габсбургских притязаний) корон Чешской и Венгерской. В южных делах распад Золотой Орды и борьба Московского государства с татарами связывали его интересы с излюбленной мечтой западноевропейской дипломатии о возрождении наступления христианской Европы против мусульманского Востока — наступления, конечной целью которого должно было быть изгнание турок из Европы.

Рассказы о том, как Поппель «открыл» Московию, точно Америку какую-то, звучат несколько наивной риторикой. На Западе о Московии и ее быстрых успехах знали и без него: по связи дел московских с балтийским вопросом и с отношениями на Балканском полуострове и во всем Черноморье. Сюда, в преждевременной надежде на помощь, потянулись греки и балканские славяне, разочарованные в расчете на защиту от турок

² Там же. Стб. 17–18.

западной силой, и сам венецианский сенат еще в 1473 г. поддерживал московские мечты о византийском наследстве, пытаясь учесть значение русской силы в желанном наступлении на Восток для обеспечения интересов византийской торговли. Пусть Москве было еще не до участия в широких размахах европейской политики. Она еще строила свое государственное здание, еле заканчивала возведение капитальных его стен, замыкалась по возможности в себе для внутренней организации и укрепления. Но все-таки вторая половина XV в., последние его десятилетия, — крупный момент общеевропейского значения. На сцену европейских международных отношений выступила новая сила в лице Московского государства.

В сущности, тут исходный пункт моего изложения, которое ставит себе задачей анализ Московского государства, как оно слагалось в новый крупный политический организм при Иване и Василии третьих и царе Иване Грозном. Но для успешности такого анализа необходимы определенные исторические предпосылки. Вопросу об условиях перехода Северо-Восточной Руси от так называемого удельного распада и дробления к постепенному развитию все большего государственного объединения посвящены предыдущие главы. Но резюмировать еще раз свое представление о так называемом «возвышении Москвы», т. е. о происхождении великорусского государства с центром в Москве, мне необходимо по двум причинам. Во-первых, оно не во всем совпадает с характеристикой этого процесса, какую находим в нашей научно-исторической литературе, а во-вторых — процесс этот, конечно, не вполне завершен к 70–80-м гг. XV в., а развивается дальше, определяя своими характерными особенностями, какие сложились в предыдущем веке, многие черты внутренней жизни Московского государства XVI в.

Московское государство Ивана и Василия третьих обнимало всю Великороссию. Таков результат пресловутого «собирания земли» московскими Даниловичами. В нашей исторической литературе вопрос о «причине» этого их успеха ставится как вопрос о «причинах возвышения Москвы». Вся история Северо-Восточной Руси с этой точки зрения укладывается в двучленную хронологическую схему. Сперва ею овладевает процесс, который «дробил эту Русь на княжеские вотчины в потомстве Всеволода III». Потом «одной ветви этого потомства (московским Даниловичам) пришлось начать обратное дело, собирать эти дробившиеся части в нечто целое»³. Изучение происхождения Московского государства

³ Ключевский В. О. Курс русской истории. 2-е изд. М., 1908. Ч. II. С. 1.

и обращается в своего рода биографию города Москвы. Маленький городок в юго-западном уголку Северо-Восточной Руси быстро крепнет благодаря выгодному географическому положению на «узловом пункте» этой части восточноевропейской равнины, на перекрестке нескольких больших дорог; причем по тогдашнему распределению населения в Северо-Восточной Руси [он] оказался центральным пунктом Великороссии и главной стоянкой на транзитных торговых путях. Через Москву протекали «два скрещающихся движения» — переселенческое и торговое, усиливая и населенность московского края, и его доходность для местных владетельных князей. Младший среди князей Северо-Восточной Руси, князь московский, тем более крепко сидел на этом теплом месте, что не имел шансов добиться естественно, генеалогическим путем, старейшинства великого княжения. Это положение и выработало из московских Даниловичей князей-хозяев, скопидомов, и представителей «своеобразной политики, основанной не на родственных чувствах и воспоминаниях, а на искусном пользовании текущей минутой». Сосредоточив в своих руках «обильные материальные средства», беззастенчивые московские политики «умели добиться очень важных политических успехов»⁴. Основная черта этих успехов — расширение территории путем «примыслов» и «собирания земли», покупки сел и целых волостей, приобретения разными сделками мелких княжений и городов с уездами, захватом чужого — военной силой и ханской милостью. Ключевский различает «пять главных способов, которыми пользовались московские князья для расширения своего княжества: это были скупка, захват вооруженный, захват дипломатический с помощью Орды, служебный договор с удельным князем и расселение из московских владений за Волгу»⁵. Все эти «способы», столь разнородные, рассматриваются гуртом с одной точки зрения — территориального роста Московского княжества, которое к концу княжения Темного переросло размерами любое из великих княжеств Северо-Восточной Руси. В литературной традиции нашей принято налегать на чисто материальный, хозяйственный смысл этого «собирания» — «с единственной целью добиться как можно больше власти и как можно больше денег», — как выразился Милюков⁶. Традиция частновладельческого, хозяйственного типа всей деятельности великих князей московских до сих

⁴ Там же. С. 6, 10, 11, 14.

⁵ Там же. С. 18–19.

⁶ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1901. Ч. III: Национализм и общественное мнение. Вып. 1. С. 29.

пор определяет понимание процесса образования территории Московского государства.

Но, кажется, стоит внимательно присмотреться к подробностям этой общей картины, набрасываемой обычно широкими мазками, чтобы прийти в некоторое недоумение. Действительно ли, например, «пять способов», перечисляемых Ключевским, могли быть путями к одной и той же цели и вести к одному результату? Покупка деревень и сел, например, в пределах великого княжения Владимирского, где княжеская власть принадлежала с Калиты московскому князю, или в чужом княжестве — соизмерима ли с приобретением ханского ярлыка на чужое княжество и захват его силой? В каком смысле «служебный договор с удельным князем» вел к росту территории собственно Московского княжества? Если задуматься над такими вопросами, то само представление о том, что такое эта «территория», которая растет столь разнообразными путями, становится сбивчивым и противоречивым. Что такое эта «территория», если она частью состоит из сел купленных, а частью из княжений, где сидят князья, бывшие челом в службу великого князя, определив договором условия своей зависимости? В чем же тут дело?

Главным источником, по которому историки изображают рост территории Московского государства — из владений князя московского путем примыслов разного рода — служат духовные грамоты московских Даниловичей, начиная с Ивана Калиты. Но территория, какую они могли считать себе подвластной, несомненно, не совпадает с той, какой распоряжаются они в этих духовных. Так, еще родоначальник московского владетельного дома Даниил Александрович утвердил свою княжескую власть в Переяславле, им владеют и братья Даниловичи, и их потомки. А только в духовной Василия Темного мы впервые встречаем завещательное распоряжение Переяславлем. Тут же впервые встречаем Кострому, хоть ею владел еще Калита. Нечто сходное наблюдаем относительно Углича, Белоозера и Галича, которые Дмитрий Донской называет «куплями» деда своего Калиты и наделяет ими сыновей, хотя все еще особо от раздела между наследниками собственно московских владений своих; а Калита, как и сыновья его, об этих городах не упоминал.

Уже эти наблюдения заставляют заключить, что не все, чем вообще владел Иван Калита и чем владели его потомки, было однородно по характеру владения, не все, чем московские князья так или иначе «овладевали», сливалось безразлично в одну «территорию московского княжества». Общая картина роста этой территории была более пестрой и сложной, чем

ее нам рисуют наши ученые авторитеты. Владетельный князь Северо-Восточной Руси не всем, чем владел, распоряжался в духовной, не все было уделом вотчинным для него. Подтверждается такое наблюдение и духовными младших, удельных князей — для времен до Ивана III, т. е. до времени глубоких изменений во всем укладе междукняжеских отношений и княжого владельческого права вообще.

Для понимания Московского государства времен Ивана и Василия третьих весьма существенно отказаться от привычной нам мысли, будто оно выросло путем [от] механического нарастания территориальных размеров Московского княжества до захвата под власть Москвы всей Северо-Восточной Руси. Процесс был много сложнее, и подойти к определению его существенного характера мы, скорее всего, можем, поставив себе вопрос о причинах не «возвышения Москвы», а государственного объединения Великороссии в течение XIV–XV вв., т. е. вопрос более общий, в котором тот факт, что Москва стала центром этого объединения, явится важной частностью, но все-таки частностью. Напрасно наша историография подменила историю Великороссии историей Москвы. Первая шире второй и лучше выясняет возникновение Московского государства.

Раскинувшись на транзитных путях из Северной Европы в Азию, от Балтики в Поволжье и к Уралу, Великороссия в дотатарскую эпоху сложилась в две политические системы — Новгородскую и Ростово-Суздальскую. Эти две системы издревле тесно сплетены политическими и экономическими интересами, что в XIII в. выливается в характерное представление севернорусских летописей о единстве великокняжеской власти над обеими. Значение стола Велико-Новгородского выступает в перипетиях политической борьбы так называемого «удельного» времени столь существенным, что без него непрочно и неполно положение великих князей владимирских, а их политический титул часто звучит в летописных текстах так: великое княжение Владимирское и Великого Новгорода. До татарского погрома на севере держится, таким образом, некоторое политическое единство: несмотря на все нарастающие внутренние раздоры и укрепление отдельных областей Суздальщины за отдельными княжескими фамилиями, единство интересов борьбы с финнами и камскими болгарами, с одной стороны, и защита Новгорода, Пскова, Смоленска от западных врагов — с другой, поддерживают значение великих князей владимирских, сильное их влияние на эти западные пункты Великороссии, покорность им южных «украин» — Мурوما и Рязани. Татарское нашествие и образование Золотой Орды нанесли тяжкий удар этому укладу

Суздальщины: засорились пути поволжского торгового и восточной колонизации, а над Русью нависла чуждая и тяжкая власть ханов. Времена Ярослава Всеволодовича и Александра Невского — времена водворения татарского господства и усмирения попыток бунта в 50-х и 60-х гг. XIII в. — характеризуются попытками отстоять и укрепить старые пути западной политики в борьбе за Новгород, Псков, Смоленск со шведами, ливонскими немцами и Литвой. Но великорусская жизнь придавлена с Востока, и центр ее все слабеет, теряя силу для обслуживания замиряющих общих интересов. Вторая половина XIII в. — время быстрого политического распада Суздальщины. Но это в сущности краткий момент в истории Северо-Восточной Руси, да притом, так называемый «удельный распад» лишь в центральных областях старой Суздальщины, в землях Ростовской и Ярославской, достиг значительного развития, и то — пока Москва в первой половине XIV в. не стала быстро подбирать эти осколки старых, более крупных княжений. А тут же рядом уцелели и вновь сложились сравнительно более крупные политические единицы — местные великие княжения Тверское, Рязанское, Нижегородское. Общая историческая черта всех этих трех великих княжений в том, что они — каждое по-своему — стали наследниками основных задач старой суздальской политики. Отношения западные — к шведам, Ливонскому ордену и Литве, южные — к беспокойной от кочевников степной полосе, восточные — к восточно-финским племенам и Поволжью не стали менее напряженными от ослабления Владимиро-Суздальской Руси как целого, скорее, напротив, обострились и требовали от великорусского населения все большего напряжения сил для самозащиты. Тверь растет и крепнет в выпавших на ее долю сравнительно более крупных задачах внешней политики своей — в защите Новгорода и Пскова, борьбе с наступавшей Литвой, сложных политических и торговых отношениях к Новгороду, Пскову, Смоленску. Собственные местные интересы делали Тверь естественным центром всей этой западной политики русского северо-востока. Но сил ее не хватает. При князе Михаиле Ярославиче, на рубеже XIII и XIV вв., сильно сказывается в Твери необходимость их укрепить и расширить, опершись на остальную Великороссию. Тверь делает ряд отчаянных попыток овладеть ею целиком, бросается на волости Новгородские, на Москву, на Нижний. Неудача этих попыток овладеть всем Владимирским великим княжеством (в его полном объеме) для объединения в своих руках всех сил великорусских показала, что не Твери решить такую задачу. Ее слишком связывало и изнуряло то самое пограничное положение, которое определило и ее недолгий подъем.

В то же время попытки Твери вступить на путь более широкой великокняжеской политики поддерживали и оживляли старую традицию политического единства Северо-Восточной Руси, а еще больше — выявляли живучую потребность в нем. Надорванная такими бесплодными усилиями Тверь с 20-х гг. XIV в. быстро слабеет, терзаемая внутренними раздорами и все растущим московским напором. Аналогично с судьбами Твери значение в истории русского северо-востока Рязани и Нижнего.

Мурома-Рязанская земля, дробясь во внутренних кровавых смутах, попала в начале XIII в. в почти полную зависимость от князей владимирских. Но после распада Владимиро-Суздальского великого княжения и, особенно в XIV в., Рязанское княжество слагается в сильное великое княжение на важном водоразделе между бассейнами Оки и верхнего Дона; к югу тянувшие к Рязани населенные пункты спускались по рекам Дону и Воронежу, пока лес давал им прикрытие от опасной степной шири. Рязанская «украина» жила тревожной, боевой жизнью, выработавшей в ее населении тот дерзкий, непокорный нрав, о котором любили говорить с укоризной московские книжники. Постоянная борьба шла на юге с татарскими разбойничьими шайками и на востоке с мордвой и мещерой. Как боевой форпост Великороссии на юге и юго-востоке, Рязанская земля опиралась в северо-западном тылу на свои связи с великорусским центром по течению Оки. Сюда жались городские центры беспокойной «украины» — Переяславль-Рязанский, сменивший саму старую Рязань в значении центра всей области, Ростиславль, Зарайск, наконец, Коломна, ключ пути из Рязани на северо-запад, рано, в самом начале XIV в., отнятый у Рязани Москвой. Восточная «украина» Великороссии сложилась из старых, собственно суздальских мест, с центром в Нижнем Новгороде, в серьезную политическую силу для борьбы с мордвой и поволжскими татарами и стала опорным пунктом для возрождавшейся с середины XIV в. восточной торговли и нового колонизационного движения великороссов на Восток. И Нижний, подобно Твери, скоро почувствовал недостаточность своей местной силы для того, чтобы удержаться на опасной боевой своей позиции, потянулся к великокняжеской власти над всей Великороссией и, после неудачи, стал искать у Москвы помощи и поддержки, а кончил переходом под ее власть.

Задачи самообороны на три фронта, навязанные великорусскому северу его политико-географическим положением, требовали объединения всех его сил. На долю центра внутренних областей Великороссии, каким стала Москва, выпало разрешить эту задачу. Для Твери, Нижнего, Рязани из остро-го напряжения окраинной борьбы вытекала потребность опереться на ве-

ликорусский центр, либо захватив его в свои руки, либо хоть расширяя свою территорию в тылу своих позиций. Эта тяга приводила к борьбе с Москвой, затем к исканиям опоры в ней и, наконец, к подчинению ее власти. Наиболее существенной чертой географического положения Москвы представляется мне это ее стратегическое значение центра организации боевых сил Великороссии и объединения ее западной, восточной и южной политики в одну систему самообороны на три фронта с опорой в мирном севере. Эта общая политико-географическая черта истории Москвы много существеннее остальных так называемых условий ее возвышения, которые больше касаются истории города и семьи княжеской, чем судеб политической силы, создавшей Московское государство. И черта эта тем более важна, что наглядно указывает связь всей политики Московского государства XVI в. с политическим положением Великороссии, как оно сложилось со времен Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского. «Стихийные», говоря языком Милюкова, в данном случае политико-географические условия великорусской жизни, создали то распределение сил на великорусской территории, какое привело к созданию Московского государства.

От этих общих условий обращаюсь к характеристике тех путей, какими Москва пришла к осуществлению своей объединительной роли.

Младший Александрович сидел в Москве, вотчинном княжеском городке, который до того не был «стольным», не был «княжением». Приобретение им Переяславля по благословению (чего не следует смешивать с передачей по завещанию, по духовной), [данного] «в свое место» князем Иваном Дмитриевичем, с согласия переяславских жителей и съезда князей, имело для него особое значение, т. к. Переяславль старый стольный город, где княжил когда-то его отец Александр Невский. Это не было «присоединением» к Москве, т. к. и Даниил, и его сыновья Юрий и Иван занимают Переяславль с обрядом «посаждения на стол», вокняжения, ибо за них «яшася» переяславцы. В эпоху упадка великокняжеской власти при сыновьях и внуках Александра Невского тем, кто сидел на великом княжении Владимирском, приходилось часто видеть против себя всех младших князей в союзе с Новгородом Великим. И в этих коалициях для защиты местной независимости от объединительных тенденций великокняжеской власти — всегда налицо московский князь. В этих уособицах Даниил и Юрий округлили свое владение, захватив и удержав за собой Можайск и Коломну. На более широкую арену Московское княжество выступает, когда Михаил тверской предпринял ряд попыток захватить великокняжеское господство над всей Великороссией. Спор о всем наследии

Александра Невского был естественен для того, кто владел Переяславлем, старшим родовым гнездом Александровичей, вотчиной старшего сына Невского Дмитрия. В борьбе Москвы с Тверью уже явственно выступает роль боярства великокняжеского, которое из Владимира потянулось в Тверь, а после неудач Михаила начинает отъезжать от Твери к Москве. Думается, что Сергеевич прав, видя в боярстве главных носителей объединительной тенденции в духе старой традиции великого княжения. Их, бояр великокняжеских, тяготил упадок центра, а сильную поддержку своим стремлениям они встретили в воззрениях митрополичьего двора, где как раз в эту эпоху идет любопытная работа над сводом в одно «общерусское» целое местных летописей. Борьба Москвы с Тверью сразу пошла за широкую задачу — восстановления единства политических сил Великороссии и политического главенства над ними. В этой борьбе опасным кажется Михаил тверской, и Нижний Новгород поддерживает Юрия Даниловича. При Калите Москва перетянула на свою сторону митрополичью кафедру, и выяснилось ее значение как единственно возможного центра для политики великокняжеского боярства. Новгород, митрополит и бояре помогли Ивану взять перевес над Тверью и в Орде у хана. Москва победила, закрепив за собой значение резиденции не только великого князя владимирского и всея Руси, но и всероссийского митрополита. В борьбе за митрополичий стол по смерти Максима, в 1305–1308 гг., Михаил тверской потерпел неудачу, и разрыв с митрополитом Петром, поставленным против его воли, дорого обошелся Твери: Москва использовала положение. Петр своим «неблагословением» — интердиктом — остановил поход Твери на Нижний. С тех пор политическое влияние церкви служит Москве на Руси, в Орде, в Западной Руси, в Константинополе. Не сила Москвы погубила Тверь, а одновременная борьба Михаила с Великим Новгородом, митрополией и Москвой. Юрий московский стал великим князем после гибели Михаила в 1318 г. И он сразу вступает в новую роль: берет в свои руки западную политику, осаждая Выборг в 1322 г., строя укрепление в «устье» Невы в 1323 г., смиряя Рязань, взимая дань татарскую на Твери силой.

Таковы первые шаги московского возвышения, завершенные, когда Калита получает «княжение великое надо всею Русскою землею, якоже и праотець его великий князь Всеволод-Дмитрий Юрьевич». Так записал книжник-современник, подчеркивая, что дело шло о восстановлении великокняжеской власти времен Всеволода III Большое Гнездо. Надо ли говорить, что во всех этих событиях больше политики, чем хозяйства, и что мелкие «примыслы», какими в ту пору занимались московские кня-

зя, скупая села и волости, где удастся, не имели никакого политического значения для «возвышения Москвы»? Шло «собрание власти», а не «собрание земли», которое стало вторичным явлением, как еще увидим, средством реорганизации собственного управления в руках великого князя. И книжник-современник метко записал в двух формулах результаты московских успехов. Первое, что почуяли москвичи: «престаша татарове воевати Рускую землю», а внутри Калита «исправи... землю от татей». Рядом с усилением безопасности почуялось и другое для всей Великороссии: «наста насилowanie много, сиречь княжение великое... досталоя князю великому Ивану Даниловичю».

Калита сосредоточивает в своих руках сбор дани татарской, в [течение] 14 лет [он] 6 раз ездит в Орду и вносит не только нормальный «выход» данный, но и сверхурочные «запросы цареви», не считая многих даров хану и его вельможам. Историки по этому поводу считают нужным объяснять источники богатства московских князей их доходами от торговых пошлин в Москве, на великом транзитном пути, их хозяйственностью и скопидомством. Летописцы представляли себе дело иначе, подчеркивая, как после каждой поездки Калиты в Орду возрастала его требовательность к Новгороду Великому — взимание себе «закамского серебра» (старинных даней новгородских, на которые еще Андрей Боголюбский руку поднимал) и «запросов царевых» с Великого Новгорода. Характерно, что в эту пору и жалованные грамоты новгородские пишутся от имени великого князя Ивана Даниловича и вместе Великого Новгорода, а не от одного господина Великого Новгорода. Возникавшие против Москвы движения умиряются силой «всей низовской земли» и помощью татарской, а попытки сопротивления Новгорода парализовались, например, в Торжке тем, что «не восхотеша чернь» поддаться боярской политике Новгорода. Тверь покорна Ивану после изгнания Александра Михайловича. Но на западе, где этот тверской изгнанник десять лет сидел в Пскове «от литовской руки», все грознее подымается эта литовская сила, особенно уже по смерти Калиты и Гедимины в 1341 г., когда там развернул свою энергичную политику по захвату русских земель Ольгерд Гедиминович.

Политика московских князей уже во вторую четверть XIV в. не удельная, а великокняжеская. Ее основа — в гегемонии над всей Великороссией восстановленной великокняжеской власти; ее цель — в объединении распоряжения военными и финансовыми средствами для борьбы с внешними врагами и утверждения внешней и внутренней безопасности. С 40-х гг. XIV в. началась вековая борьба Москвы и Литвы за Смоленск и вообще

западные области, раскинувшаяся от Орды до Новгорода, от Твери до Нижнего, т. к. литовская политика вела ее не только оружием, но еще больше дипломатическими связями и интригами, часто весьма опасными для Москвы. Брожение враждебных объединений местных сил Великороссии, в котором когда-то Москва деятельно участвовала, принимает новый характер, потому что ищет опоры и сосредоточения в союзе с великими князьями литовскими.

Дальнейшее строение политического здания, заложенного Иваном Калитой, — дело главным образом митрополита Алексея и Дмитрия Донского. Время митрополита Алексея в княжение слабого Ивана Ивановича и в малолетство Донского особенно любопытно потому, что этот просвещенный ученик митрополита грека Феогноста едва ли не первый вдохнул в политическую программу Москвы новый дух церковно-религиозной идеологии, защиты православия от латинства и мусульманского полумесая, идеологии, так пышно расцветшей в XV–XVI вв. К тому же это был выходец из придворной служилой среды, заложивший свою традицию в московском дворце. Крестник Ивана Калиты, близкий человек Семена Ивановича, правитель при Иване и Дмитрии, митрополит Алексей, оформив патриаршей грамотой утверждение в Москве митрополичьей резиденции, тесно связал свою церковную политику — борьбу за единство митрополии — с московско-литовской борьбой за западные области, а соединяя в своем лице правителя церкви и регента великого княжения, закрепил за московской политикой поддержку церковного авторитета во всех ее внутренних и внешних интересах.

В 70-х гг. XIV в. видим крупные успехи московской политики в договорах Дмитрия Донского с Рязанью и Тверью, которые признали старшинство над собой великого князя, а великое княжение его вотчиной. Нижний еще раньше, после тщетной попытки соперничества, признал свое подчиненное положение. Борьба за объединение далеко еще не закончена, но ее программа развернута во всю ширь в прямой связи с назревшими задачами внешней великорусской политики — борьбы с Литвой и татарами за национально-государственную независимость. Тяжкие испытания, какие пришлось пережить Северо-Восточной Руси в дни Василия Дмитриевича, были результатом первых шагов в борьбе с татарами. После Куликовской битвы, для которой Дмитрию далеко не удалось сосредоточить все великорусские силы, Москва пережила погром Тохтамыша, затем силу Едигея. Но эти неудачи лишь на время пошатнули преобладание Москвы. Василий Дмитриевич овладевает прямой властью над Нижним и всей юго-

восточной «украиной». Рязанские и тверские отношения Москвы за исход XIV и первую половину XV в. сильно осложнены усилением Великого княжества Литовского при Витовте. При Василии, его зяте, Москва и сама-то заметно подчиняется литовскому влиянию, не в силах помешать окончательному подчинению Смоленска Литве, уступает по временам литовскому влиянию в делах Пскова и Новгорода. С другой стороны, во времена Василия Дмитриевича внутри слагавшегося Московского государства уже чувствуется та напряженность всех отношений, которая выясняла непригодность внутреннего строя Северо-Восточной Руси, всей организации ее сил, тем неумолимым потребностям, какие вытекали из ее международного положения. Ослаблению внешней силы Москвы в конце княжения Василия Дмитриевича соответствовала шаткость внутренних устоев, приведшая при Василии Темном к тяжкому кризису. Этот кризис внутренних отношений повторился еще раз, в ослабленном виде, при Иване III и тогда только получил окончательное и принципиальное разрешение.

Смута в среде Даниловичей московских, кроваво-суетливая, общим своим характером и самыми эксцессами жестокости и предательства, которых так много в ее перипетиях, свидетельствовала о ничтожестве ее принципиальных основ, о разложении и полном распаде каких-либо обычно-правовых традиций. Твердых правовых оснований не было для разрешения возникших споров, исход борьбы должен был создать новые факты и новые принципы — на смену разлагавшемуся строю отношений. Так мало было предыдущим историческим развитием добыто твердых результатов для построения надежных основ власти московских государей. Оно лишь обострило внутренние противоречия, расшатало прежние навыки и традиции, довело антагонизмы до озлобления, аппетита до грубого разгула. В годы разразившейся семейной смуты над московским обществом пролетела буря распада старого строя отношений и воззрений. Быстрая смена удач и падений, захваты и переделы владений, убийства, ослепления, кровавые казни и предательства, интриги не только князей и бояр, но и гостей-суконщиков и старцев-монахов, предававших своих князей одного другому, татарские симпатии и союзы Василия вызывали в обществе гжучее недоумение. Характерны договоры между разными князьями, каких так много было — и заключено и тотчас нарушено — в эту пору. В них все меньше черт закрепления старых прав и притязаний, основанных на старине и пошлине, а больше произвола в продаже своей помощи за большие захваты владений, стремления перекроить в свою пользу политическую карту Великороссии.

Глава II

ИВАН III. УСИЛЕНИЕ ВЛАСТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО

Настоящим «создателем» Московского государства считают Ивана III Васильевича. Он подвел итоги политической работе предков, закончил недостроенное здание, развернул его международный фасад, начал по-новому, как полновластный хозяин, его планомерную систематическую внутреннюю отделку.

Предыдущее изложение имело целью подготовить учет того наследия, какое досталось Ивану Васильевичу. А наследство это в конечном итоге весьма сложно. Иван Васильевич с начала 50-х гг. XV в. — великий князь, участник власти и политики отцовской, в период ликвидации той смуты, которая так бурно потряхнула Москвой, расштатала с поруганием столько старых традиций и отношений. Время ликвидации пережитых потрясений приносит много нового, непривычного. Последние моменты смуты накопили особенно много раздражения с обеих сторон. Если вообще в ее перипетиях много черт разрыва со старыми традициями и своеобразного политического цинизма, то в проявлениях нарастающей власти московских государей 50-е гг. XV в. — эпоха, которой подготовлен облик «грозного царя», осуществленный двумя Иванами «грозными», третьим и четвертым, и тем Василием [III], про которого барон Герберштейн говорил, что он властью «превосходит» едва ли не «всех монархов всего мира»¹.

Положение великого князя московского к началу княжения Ивана III определено в духовной, составленной Василием Темным незадолго до кончины, постигшей его в марте 1462 г.² По форме это традиционный, семейно-вотчинный отцовский «ряд». Мало того, определение семейных отношений стоит вполне на почве старых традиционных воззрений. Дети великого князя — Иван, Юрий, два Андрея и Борис — «приказаны» матери-вдове, великой княгине Марье Ярославне, с наставлением: «а вы, мои дети, живите за один, а матери своео слушайте во всем, в мое место, своео отца», и далее: «а вы, дети мои, слушайте своео матери во всем, а из ее

¹ *Герберштейн* С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 20.

² Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 86.

воли не выступайте ни в чем, а который сын мой не имеет слушати своею матери, а будет не в ее воле, на том не буди моего благословенья». Власть материнская должна опекать отношения, какие ряд отцовский устанавливает между сыновьями-братьями. Но как установлены эти отношения?

По мере слияния московской вотчины с великим княжением Владимирским в духовных [грамотах] тускнеет отчетливое представление о «разделе», исчезает формула: «а се есмь им раздел учинил». Духовная Василия Темного завершает помянутое слияние, и к ее содержанию лишь с большой натяжкой применимо понятие «вотчинного раздела», оно — сложнее. Отличительной особенностью этой духовной я бы назвал отсутствие цельности ее правового содержания, нарушенного разнородностью тех объектов владения и властвования, каких оно касается. Старший сын Иван Васильевич получает по благословению отца «отчину Великое княжение», причем территория великого княжения Владимирского уже не отличается от того, что я раньше называл великокняжеским уделом московским. Города, назначенные Ивану, тут так перечислены: «треть в Москве», Коломна, Владимир, Переяславль, Кострома, Галич, Устюг, земля Вятская, Суздаль, Новгород Нижний, Муром, Юрьев, Великая Соль, Боровск, Суходол, Калуга, Алексин — все это с «волостями, с путями, и с селы» и со всеми пошлинами. Такой состав территории не имеет прошлого; прежний великокняжеский удел разбит, ибо Можайск отдан второму сыну Юрию, зато часть прежних удельных владений (Боровск, Суходол) вошла сюда. Не думаю, чтобы было правильно назвать эту территорию «уделом» старшего сына, в старом, строгом смысле слова. Перед нами вотчина государя великого князя, рядом с которой стоят уделы младшей братии.

Этих уделов четыре: Юрий получил Дмитров и Можайск, Медынь и Серпухов, да ряд волостей сверх тех, что составляли уезды этих городов; за ним подтверждаются и те земли, что дала ему по духовной великая княгиня Софья Витовтовна; Андрей Большой получает Углич, Бежецкий Верх и Звенигород, Борис — Ржеву, Волок и Рузу; Андрей Меньшой — Вологду с Кубенскими и Заозерскими волостями. За всеми князьями подтверждаются полученные ими от Софьи Витовтовны земли, а за Борисом то еще, что ему дала Марья Федоровна Голтяева, мать князя Василия Ярославича боровского. Княгиня-вдова получает Ростов «до живота» («а князи ростовские» держат то, чем при Василии Васильевиче владели), с тем, что и он по ее смерти перейдет к Юрию, и сохраняет свои «купли» — городок Романов и все села, какие накупила, да еще несколько дополнительных владений в разных уездах, — купли утверждены за ней с правом

распоряжения по духовной, остальное «до живота». Чересполосица всего вообще наделения вызывает указание, что к княгине тянут «судом и данью» все ее села и волости, и «которым... детям своим [великий князь] села подавал, в чьем уделе ни буди, ино того и суд над теми селы, кому дано».

Таковы уделы. Москва — в сложном разделе по годам: треть Ивану Васильевичу; Юрию «год в Москве», что был Константина Дмитриевича, да еще треть, бывшая Владимира Андреевича, вместе с Андреем Большим — «по половинам, а держати по годом»; Борису — год княж Иванов Можайского; Андрею Меньшому — год княж Петров Дмитриевича. Тамга московская делится по третям — треть Ивану Васильевичу, а две другие — «по половинам» — Юрию с Андреем Большим и Борису с Андреем Меньшим, с выделом из всех третей половины княгине, до ее «живота». Относительно уделов в духовной сказано: «а по грехом, у которого у моего сына вотчины отойметсЯ и княгиня моя уймет у своих сынов из их уделов, да тому вотчину исполнит, а дети мои из ее воли не вымутсЯ». Выморочности удела духовная не предполагает, но сохранение в силе правила о его разделе между братьями доказано последующими событиями.

Такова одна сторона духовной Василия Темного — архаическая. К ней можно отнести и еще одну статью: «приказ» княгини-вдовы и сыновей (Ивана и Юрия и меньших) королю польскому и великому князю литовскому Казимиру, чтобы он «печаловалсЯ» ими по совести («на Бозе и на нем на моем брате, как сЯ учнет печаловати»), со ссылкой на «докончальную грамоту». Влияние семейных связей на международные отношения в старой Руси у нас вовсе не обследовано. Оно было очень сильно с древнейших времен и до середины XV в., проявившись весьма сильно в зависимости Василия Дмитриевича от его тестЯ Витовта, которому он в своей духовной тоже «приказывал» печалованье о сыне и вдове-княгине, согласно его докончальному обещанию. Так и Василий Темный ссылается на договор с Казимиром (40-х гг.), где читаем: «а учинит ли Бог так, мене [Василия] возьмет с сего света наперед, а ты [Казимир] останешь жив, и тебе моим сыном, князем Иваном, печаловатисЯ как и своими детьми, и моими детьми меньшими».

Статья о переделе относилась ли к владениям великого князя в том смысле, что мать имела права по нужде унять и из них часть для восполнения отчины младшего князя, потерпевшего ущерб владений удельных? Вопрос спорный не в том смысле, чтобы о нем спорили современные историки, а в том, что он, видимо, был спорным для Васильевичей московских и не мог не стать спорным ввиду слияния великого княжения со старой

вотчиной московской. Василий Темный, определяя заново и вне традиционного уклада уделы сыновей, произвел, по существу, не раздел наследства, а выдел из общей массы владений, которых основная часть осталась в непосредственной власти великого князя, долей для его братьев. Это момент, когда, можно так сказать, историческая жизнь ставила ребром вопрос о возможности сохранить семейно-вотчинный характер династического владения при все нараставшей потребности политического единства. И борьба из-за этого вопроса не замедлила вспыхнуть между сыновьями Василия Темного.

Но в духовной его есть и другая сторона, отразившая новый момент роста политического значения великого князя, которое плохо вязалось с его положением как сочлена в семейно-вотчинной группе. Вглядываясь в территориально-политическое содержание духовной, естественно подчеркнуть две черты. Перед нами относительно обширный круг владений великого князя. Его естественно, в духе языка того времени, назвать государством Московским — вотчиной великого князя. А рядом — уделы младшей братии (Михаила Андреевича, а также вотчинные княжества князей ростовских и ярославских), к которым примыкает Верейский удел, еще же дальше — другие севернорусские «государства»: Тверское, Рязанское, Псковское и Новгородское. Только первое — Тверское — формально сохранило «равное братство» с Москвой; над остальными к концу правления Василия Васильевича сильно окрепла власть великого князя. Взятая в целом Северная Русь представляла картину весьма пестрого состава своей политической территории. Но политическое главенство над нею великого князя Московского было бесспорно, т. к. и Тверь приняла обязательство «хотети добра» Москве во всем в Орде и на Руси, и защищать ее всюю силою против литвы, ляхов и немцев, пользуясь взаимно московской защитой против всех врагов. Это окрепшее положение носителя великокняжеской власти не могло не отражаться и на внутренних московских отношениях. Кроме слияния великокняжеского удела с территорией великого княжения, оно дало духовной Василия Васильевича еще некоторые черты. Так, рядом с указанием на значение княгини-матери как главы семьи «в место отца» стоит веление всем сыновьям «читать и слушать своего брата старейшого Ивана в мое место своего отца» — сохранена та двойственность главенства, которую встречаем еще в духовной Дмитрия Донского. По форме старина сохраняется и в объединении финансовых средств великого княжения с перспективой, что если «переменит Бог Орду», то княгиня и все князья-братья «возмут дань себе с своих уделов,

а... Иван в то не вступается». Но в раскладке дани есть любопытная новость: «а как почнут дети мои жити по своим уделом, — пишет Василий Васильевич, — и моя княгини, и мой сын Иван, и мой сын Юрьи, и мои дети пошлют писцев, да уделы свои писци их опишут по крестному целованью, да по тому письму и обложат по сохам и по людям, да по тому окладу моя княгини и мои дети и в выход учнут давати сыну моему Ивану с своих уделов». Это — введение нового порядка раскладки дани, сходявшейся в великокняжескую казну для «выхода» татарского. В духовной Донского находим установление определенных окладов в суммах рублей для каждого удела. Духовные Василия Дмитриевича определяют дань с владений великой княгини-вдовы «по расчету, что ся иметь», но ее владения — не удел, и сомнительно, чтобы под этот «расчет» можно было подставить представление об обложении «по письму», «по сохам и по людям». Это требование упорядочить обложение получает, кажется мне, особую многозначительность, если мы вспомним, что в эти годы Москва фактически не знает татарской власти над собой. Как же понять ту предусмотрительность в организации сбора дани на уплату «выхода» ордынского, какую встречаем в духовной Василия Темного? Она, конечно, освещается представлением, что «если Бог переменит Орду», то дань остается в силе, но идет в казну владетельных князей. Но выдача дани великому князю по определенному окладу так поставлена в грамоте, что «перемена» Орды означает, как будто, только мечту о будущем избавлении. Так обычно понимают эту статью. Но едва ли подлежит сомнению, что правило это касалось не только будущего, но и настоящего. Например, в духовной Донского читаем, что сбор дани с уделов по окладу происходит лишь в тех случаях, «коли детям моим взяти дань на своей отчине», подобно тому, как и новгородцы обязались, по Яжелбицкому договору, вносить «черный бор» не периодически, а «коли приведется взяти». И тут, стало быть, сохраняется старая тенденция вотчинного владения уделами, резко противоречащая назревшим потребностям объединения великорусских сил и определившегося на совсем других началах политического значения великого князя. И опись писцов, судя по способу выражений, едва ли не раздельная: писцы каждого князя описывают его удел («уделы свои писци их опишут»).

В общем, содержание духовной Василия Темного представляется более традиционным по пониманию междукняжеских отношений, чем соответствовало бы фактическому положению дел и распределению сил. Было бы большой смелостью объяснять энергию политики Василия Темного за последнее его десятилетие соправительством Ивана Васильевича:

ведь великий князь-сын был еще ребенком, родившимся 22 января 1440 г. Но он вырос в этой боевой атмосфере, приобщенный с восьми лет к походам и представительству, с начала 50-х гг. — великий князь. Люди в старину зрели раньше и раньше в жизнь вступали. Двенадцати лет Иван Васильевич был обвенчан с Марией Борисовной тверской, восемнадцати лет он уже отец царевича Ивана (молодого). За время соправительства двух великих князей вокруг Ивана должна была сложиться правящая среда, участница деятельности Василия Васильевича, и с нею он начал в 1462 г. свое самостоятельное правление.

Вся политика Ивана Васильевича по отношению к удельным князьям — братьям родным и дальним, к «народоправствам» Великого Новгорода и Пскова, к Твери и Рязани — прямое продолжение того, что я выше назвал ликвидацией междукняжеской смуты Василием Темным, т. е. его политики 50-х гг. Начал Иван Васильевич с уделов Верейского и Ярославских княжений. На первых порах он возобновил со своим двоюродным дядей Михаилом Андреевичем договор, утверждавший за последним то положение, какое ему досталось при Василии Темном³. Михаил признал старшими себя двух племянников, Ивана и Юрия. Андрея Большого — равным, остальных (Бориса и Андрея Меньшого) — младшими, обязуясь всю жизнь «хотети им добра» везде и во всем: притом договор этот наследственный: «и твоим детям с моими детми». За это московские князья обещают держать дядю «в братстве и в любви и во чти, без обиды», а князь великий — жаловать его, печаловаться им и его вотчиной и укрепляет за ним не только Верею и Белоозеро, вотчину по Андрее Дмитриевиче, но и пожалования Василия Васильевича «в вотчину и в удел» — Вышегород с Плеснью. Михаил Андреевич сохраняет право самостоятельного управления, но обязуется идти без ослушания, куда его пошлет князь великий, и не иметь самостоятельных сношений и договоров. Этот договор устанавливает признание Михаилом и его потомством прав на великое княжение детей Ивана Васильевича: великое княжение — вотчина Ивана Васильевича, вотчина и для его нисходящих потомков. В этот момент у Ивана Васильевича был один сын Иван, но его имя является только в следующем договоре в формуле: «и тебе подо мною великого княженья не хотети, ни под моим сыном подо князем под Иваном, ни под моими детми, кого ми еще даст Бог». Этот новый договор был заключен с Михаилом Андреевичем года через два после первого. Первая договорная грамота, хранившаяся у митрополита, «взята» назад, потому что «была

³ Там же. № 90.

дана ему... на Вышегород», т. е. практически ее суть была в подтверждении пожалования верейского князя Вышегородом «в вотчину», — «ино того дея и взята», как помечено на ее обороте. Новый договор закреплял возврат Вышегорода с рядом волостей великому князю. Этот договор дошел до нас в двух редакциях. Сперва отличие сводилось к отказу от Вышегорода, к вставке имени Ивана Ивановича, да гарантии уделов всех Васильевичей от подыскивания со стороны князя Михаила и его детей. Но грамота, выданная в этом виде, была у него взята обратно, «а новая ему дана, что он подо всею братьею Великого князя в молодых». Михаил Андреевич вынужден признать, что и младшие братья великого князя, Борис и Андрей Меньшой, будут держать его «собе братом же молодым»⁴. Прошло лет двадцать, и Иван Васильевич снова занялся верейскими делами. В 1482 г. великие князья Иван Васильевич и Иван Иванович заставили Михаила Андреевича «дать» себе «после своего живота» одну из его вотчин, Белоозеро, с волостями и со всем, что к Белоозеру потягло, и Михаил Андреевич «грамоту свою» им на то дал, по-видимому, только за обещание «с тое отчины з Бела озера» душу его поминати⁵. Сделка, напоминающая «куплю» Ивана Калиты, но была ли в данном случае денежная или иная какая компенсация — не указано, и сомнительно. За сделкой последовал договор, гарантировавший Ивану и его сыну (в будущем) Белоозеро от притязаний Михаила и его сына, а им — в настоящем и будущем — остальные вотчинные владения: Верею и Ярославца. На этом Михаил и сын его Василий Михайлович должны были крест целовать своему *господину* (так [он назван] уже в [договоре] 1465 г.), брату старейшему великому князю.

В следующем году Василий бежал в Литву; великокняжеская опала постигла его в связи со сложными отношениями, установившимися в московском дворце после второго брака Ивана Васильевича. По случаю рождения у него внука Дмитрия вскрылось, что Софья Фоминишна «много истеряла казны великого князя», без его ведома раздавая его драгоценности своей родне, брату Андрею [Палеологу] и племяннице Марье Андреевне, которую она выдала за Василия Михайловича. Гнев великого князя обрушился на молодых — приданое «царевны» конфисковано, им грозило «поимание», и Василий Михайлович с женой бежал к королю, еле уйдя от погони. Иван Васильевич не замедлил использовать гнев свой для своих государевых дел. Он «взял» Верею «в вине» князя Василия, которому, вероятно, отец предоставил Верею после его женитьбы, но пожаловал ею Михаила уже

⁴ Там же. № 92, 93.

⁵ Там же. № 113, 114.

как не его, а своей вотчиной, в пожизненное держанье с тем, что она вернется великому князю по его смерти: Верейское княжество инкорпорировано этим договором территории великого княжения, вотчине великих князей московских. Михаил остался при своей вотчине Ярославце, но должен был и на нее выдать великому князю грамоту, что отдаст ее по смерти своей ему же⁶. А умер он в 1485 г. До нас дошла его духовная, весьма характерная, между прочим, для оценки так называемых завещательных распоряжений удельными княжениями, сыгравших такую крупную роль в построении историками-юристами теории о господстве в старой Руси частно-правовых отношений в сфере княжого владения. Михаил Андреевич, конечно, «благословил-дал» свои вотчины великому князю — жеребий на Москве, и Ярославец с волостями, и Белоозеро, чем он владел «до живота», выдав заранее грамоты на их уступку после себя великому князю; духовная только подтверждает старое соглашение, говоря «благословил-дал» в прошедшем времени, а не «благословляю-даю». Остальное содержание грамоты — перечень прижизненных и посмертных распоряжений разным недвижимым и движимым имуществом с целью избежать их нарушения великим князем, который и назначается душеприказчиком. Верейское княжество воскресло затем как удел московский, но то было явление иного рода⁷.

Изложил я всю эту историю с некоторой подробностью, потому что она во многом характерна. И прежде всего это отличный пример того пути, каким шло «собрание земли» государями московскими: от усиления великокняжеской власти над самостоятельными владельцами вотчинных княжений — к захвату в свои руки непосредственной вотчинной власти над их владениями и тем самым к подлинной инкорпорации их княжеств в территорию своего великого княжения. Затем договоры с Михаилом Андреевичем наглядно показывают, что это великое княжение — вотчина Ивана Васильевича и его детей, Ивана Ивановича и тех, кого ему еще Бог даст. Для братьев Ивана [III] оно уже не вотчина, по крайней мере, с его, Ивана Васильевича, точки зрения; но, несомненно, что эта точка зрения уже приобрела господство в строе владельческо-политических воззрений московского дворца. Однако рядом с этим сильны тут и семейно-династические представления. Иван Васильевич вносит в договоры возвышение всех братьев своих над двоюродным дядей, вотчицем верейским, и гарантию их уделов.

⁶ Там же. № 118.

⁷ Там же. № 121; ср.: *Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий.* Петроград, 1918. С. 420. Прим.

В деле верейском Иван Васильевич, прямой продолжатель политико-владельческой работы Калиты, идет теми же путями и к той же цели. Он увеличивает свои непосредственные великокняжеские владения, в которых московский старший удел уже слит с территорией великого княжения, и смотрит на эти владения как на вотчину своей личной семьи. В последнем отношении характерно появление в формуле гарантии великого княжения от чужих подыскиваний — наряду с сыновьями — великой княгини: «а под моим ти сыном под великим князем, и под моею великою княгинею, и под меньшими моими детьми всее моее отчины великого княженья блюсти, а не обидети».

Нечто новое — если только мы этим впечатлением не обязаны неполноте сведений о предыдущих временах — встречаем в ликвидации ярославских вотчинных владений. О деле этом узнаем, к сожалению, только из горькой записи местного книжника, которая всего полнее сохранилась в так называемом «Ермолинском летописце»⁸. Тут под 1463 г. к известию об обретении мощей ярославских князей-чудотворцев Федора, Константина и Давида приписано: «сии бо чудотворци явишася не на добро всем князем Ярославским: простилися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичу, а князь велики против их отчины подавал им волости и села; а из старины печаловался о них князю великому старому (т. е. Василию Темному) Алекси Полуектовичь, дьяк великого князя, чтобы отчина та не за ними была». Мы не знаем другого примера, более раннего, такого уничтожения местных вотчинных княжений путем принудительного их обмена на иные земельные пожалования великого князя. Но самый прием округления непосредственных владений великого князя, по отношению к меньшим земельным единицам, селам и деревням, путем обмена — был весьма обычен. Князь великий «менял» села с митрополитом и с младшими князьями по своему усмотрению, хотя соблюдалась обычно форма добровольного обмена. Иногда в наших грамотах предусмотрено право великого князя произвести обмен, если найдет нужным. Так, в духовной Василия Темного читаем: «а восхочет мой сын Иван у своего брата у Юрья выменити Коломенские села, и сын мой Юрьи те села ему променит, а Иван, сын, выменит у своего брата те села, а его не избидит»; или в духовной Михаила Андреевича: «а будут те села (назначенные монастырям) и деревни надобе моему господину великому князю: и господин мой князь великий даст за те села

⁸ Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. XXIII. С. 157–158.

деньгами». Применение этого приема (предвещавшего позднейший «пересмотр земель и людей» Иваном Грозным) к ярославским княжеским вотчинам стало возможно, потому что эти князья давно измелечали до уровня княжат-землевладельцев.

Несколько иначе расстались с бренными остатками своего княжеского значения вотчичи ростовские. Они также давно сошли на положение служилых князей — бывали в воеводстве и наместниками великого князя, например, во Пскове, — но еще сидели князьями на «половине Ростова», т. к. другую половину они продали великому князю, по-видимому, при Василии Дмитриевиче. А в 1474 г. ростовские князья — представители двух линий — Владимир Андреевич и Иван Иванович с детьми и племянниками, всем родом, — продали «свою отчину половину Ростова с всем» великому князю, который ее отдал («до живота») матери своей к другой половине, назначенной ей по духовной Василия Васильевича⁹. Я и тут скажу, что нет основания особенно настаивать на частно-правовом характере подобной купли-продажи. Уступка князьями прав своих на вотчинное владение за вознаграждение сама по себе еще не тождественна с продажей имущества, тем более что эта уступка была, очевидно, вынужденная.

Смысл этих «присоединений» один и тот же. Растет вотчина великого князя, поглощая мелкие вотчины удельного княжья; устраняется дробление власти и крепнет, обобщается непосредственная власть великого князя над территорией и населением, над силами и средствами страны. Помянутая запись ярославского книжника вскрывает завесу над хозяйничаньем московской власти в новых приобретениях: «а после того, — пишет он, — в том же граде Ярославли явился новыи чюдотворецъ, Иоанн Огафоновичъ, сущей созиратаи Ярославской земли: у кого село добро, ин отнял, а у кого деревня добра, ин отнял да отписал на великого князя ю, а кто будетъ сам добр, боарин или сын боярьской, ин его самого записал». Московская власть круто берется за подчинение своим потребам земле-владения и личных сил годного в службу населения. И местный обыватель, в глубоком раздражении, доходит до иронии, почти кошунственной, говоря про наместника — боярина московского: «а иных его чюдес множество не мощно исписати, ни исчеисти, понеже бо во плоти сущи дьявол»¹⁰.

С братьями Иван Васильевич, по-видимому, не заключал договоров «у отня гроба». Но в сентябре 1472 г. умер Юрий Дмитриевич — и умер

⁹ Там же. СПб., 1859. Т. VIII. С. 180.

¹⁰ Там же. Т. XXIII. С. 158.

бездетным (даже неженатым). До нас дошла его духовная, где он, естественно, не упоминает о своем уделе, а распределяет между братьями села и деревни своего личного, собинного владения. Бросается в глаза отсутствие какого-либо отказа в пользу князя Андрея Большого — в этом можно видеть указание, что между братьями какие-то разногласия начались еще при жизни Юрия. Вопрос о судьбе Юрьева, выморочного, удела стал яблоком раздора, снова сильно встряхнувшего спокойствие московской княжеской семьи. По-видимому, незадолго перед тем был заключен договор между Иваном Васильевичем и Андреем Большим «по слову» (т. е. при посредничестве) матери их великой княгини Марьи¹¹. Договор не касается ничего нового, но настойчивость, с какой он подчеркивает старый запрет покупать земли, слуг «под дворским» и черных людей, которых князьям надлежало «блюсти с одного», и указание, что, кто купил такие земли при отце князей Василии Васильевиче или по его смерти без великокняжеских на то грамот, тот их теряет, и «тем землям всем потянути по старине»; также правила о дележе московскими судными доходами, запрет принимать в службу гостей суконников и городских людей московских — как бы показывают, что договор вызван возникшими недоразумениями об условиях совладения Москвой и тяглыми людьми. Возможно, впрочем, что договор этот [лишь] первый проект [договора] по смерти Юрия, т. к., во-первых, он дошел без скрепы митрополичьей и только в виде «взаимной» грамоты от имени Андрея. Как бы то ни было, в феврале 1473 г. Иван Васильевич заключает договор с братом Борисом, в сентябре — с Андреем Большим уже по поводу смерти брата Юрия: признание удела князя Юрия за великим князем и за его сыном Иваном и за младшими детьми, каких Бог великому князю даст; этот удел инкорпорируется великому княжению. Сверх того в этих договорах братья Ивана Васильевича признают его сына Ивана себе «старейшим» и великим князем, обязуясь не подыскивать под ним и под будущими детьми великого князя «всего великого княжения», чем Ивана Васильевича благословил его отец. Это соглашение между братьями произошло, несомненно, не без больших трений и совершилось при посредничестве княгини-матери; хотя в договорах 1473 г. и не означено, чтобы они были заключены «по ее слову», но великая княгиня дала при этом Андрею Большому свои купли — городок Романов и волость «усть Шокъсны», купленную ею у князей Шехонских, и колодезь соляной у Соли Ростовской. О трениях между братьями

¹¹ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 96 и 95.

свидетельствуют не только заявления летописей, что «разгневахуся братия на великого князя, что им не дал в уделе жребия в братне во княжь Юрьеве», но и некоторые черты договорных грамот. Наряду с договором 1472 г. между Иваном Васильевичем и Андреем Большим, от которого уцелела только «взаимная» грамота Андрея — без грамоты великого князя, находим дьячью помету на договоре его с братом Борисом 1473 г., где этот договор назван «первым», но с заметкой: «а у другово докончанья своего противна сей грамоте князь Борис великому князю не дал, а сказал, что подрана, да и сожжена»¹². Это — черты переговоров и колебаний, свидетельствовавших о крайней неохоте, с которой князья-братья шли на подобное соглашение с великим князем. И не мудрено.

Присматриваясь к содержанию заключенных договоров, без труда замечаем, что дело шло о чем-то большем, чем простой отказ от раздела Юрьева удела. Иван Васильевич начинает перестройку на новый лад внутренних отношений семьи московских Даниловичей. Он не только добивается от братьев признания великим князем и вотчиком всего великого княжения своего пятнадцатилетнего сына Ивана Молодого, но кладет в договорах 1473 г. начало изменению самих воззрений и судеб территориального владения московского. Любопытно отметить, как Иван Васильевич пользуется при этом традиционным представлением о вотчинной наследственности уделов, обеспечивая в пользу своих прямых потомков вотчинное право на великое княжение, с территорией которого уже нераздельно слиты владения московские, какими его благословил его отец. Но это еще не все. Наиболее острым вопросом между братьями стал вопрос о так называемых «примыслах». В прежних договорах обычно встречается взаимная гарантия князьями друг другу не только владельческого жеребья, но и будущих примыслов. Не случайно, надо полагать, в договорах 1473 г. находим обязательство младших князей «ни вступатися» в то, что князь великий «собе примыслил или что собе примыслит» (со своими детьми), но не встречаем подобной гарантии за князьями-братьями их возможных примыслов. По-видимому, Иван Васильевич не был склонен допускать расширения удельных владений. Конечно, наибольшее значение договоров 1473 г. в истории междукняжеского права московского состоит в отказе (вынужденном) от права на раздел между братьями выморочного братнего удела. Иван Васильевич уже осуществил присоединение Юрьева удела к великому княжению, обошелся без «уступки»

¹² Там же. № 97–100.

себе братьями их долей права на это выморочное владение, и заставил их только гарантировать себе его — уже как часть великокняжеских вотчинных владений, от каких-либо «подыскиваний» под собою и своими детьми. Целью Ивана Васильевича было, как видно из дальнейшего развития этого вопроса, установить новую норму княжого владельческого права, которую он, однако, насколько знаем, формулировал в общем виде только в своей духовной: «а которого моего сына не станет, а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удел весь в московской земле и в тферской земле, что есми ему ни дал, то все сыну моему Василью; а братья его у него в тот удел не вступаются»¹³. Выморочный удел должен целиком идти великому князю, без раздела с братьями.

Чтобы не дробить этого вопроса, вспомним судьбы братних уделов при Иване III. В 1481 г. умер князь Андрей Меньшой. Его духовная весьма интересна. Перечисляя состав «своей вотчины, чем его благословил отец его», князь Андрей заключает: «и та моя вотчина вся господину моему, брату... старейшему великому князю Ивану Васильевичю»¹⁴. Сама формула — без слов «даю по себе» и «благословляю» — показывает, что тут нет так называемого «завещательного распоряжения» уделом: перед нами простое констатирование неизбежного факта. Нет, конечно, этого и в следующей статье, подтверждающей, что волость Иледам, данная княгини-матери из Андреева удела «до живота» по духовной Василия Темного, за ней так и останется, а по ее кончине перейдет к великому князю. Зато свои подмосковные села Раменейцо, Ясеньевское и Танинское Андрей дает Андрею Великому, Борису и племяннику Василию Ивановичу, сыну великого князя, да просит великого князя «отвести» Троице-Сергиевскому монастырю сорок деревень волостных из Сямской волости, что на Вологде. Эти земельные владения выделяются собственно из «удела», но слиш-ком определенно имеют лишь хозяйственно-землевладельческий характер, чтобы придать духовной Андрея Меньшого сколько-нибудь политический характер¹⁵. Около того же времени Иван Васильевич заставил дядю Михаила Андреевича уступить себе свои «отчины», а Верею взял «за вину» его сына и дал ему «до живота». Все эти основные приобретения, инкорпорированные великому княжению, Иван Васильевич договорами 1486 г.

¹³ Там же. № 144.

¹⁴ Там же. № 112.

¹⁵ Андрей Васильевич не был женат, как и Юрий. Но нет данных для утверждения, чтобы Иван Васильевич препятствовал женитьбе. — *Примечание автора.*

с братьями Андреем Большим и Борисом обеспечивает от их «подъискивания» за собой и своим потомством¹⁶.

В 1494 г. умер Борис Васильевич, но его Волоцкий удел не стал выморочным: он разделен по отцовскому ряду (не дошедшему) между двумя Борисовичами — Федором и Иваном. Младший, Иван Борисович, получил Рузу, но умер в 1504 г. бессемейным, и Рузский удел перешел к великому князю. Иван III дает Рузу и половину Ржевы, что дал ему «братаничъ» его «князь Иван Борисовичъ», по духовной, составленной, вероятно, в том же 1504 г., своим сыновьям, кроме, однако, одного «села з деревнями» (из Рузских волостей), что дал Иван Борисович брату Федору. Этого приобретения обеспечивать от чьих-либо «подъискиваний» было уже незачем: Андрей Большой умер в одном году с братом Борисом. А Федор Борисович пережил Ивана III на своем Волоцком уделе. Он умер в 1513 г., в надежде, что у его княгини родится сын после его кончины, и он его благословляет Волоком и Ржевою, определяя на случай рождения дочери, чем ее наделить; но прибавляет: «А не будет у моей княгини отрода, ино моя вотчина перед Богом и перед моим государем перед великим князем, чтобы государь мой с моей вотчины душу помянул и долг заплатил»¹⁷. Этот удел слился с великокняжескими владениями как выморочный.

Андрей Большой умер в 1494 г. Но удел его [был] раньше взят на государя великого князя за вину брата, слуги непокорного. Князь углицкий с двумя сыновьями кончил жизнь в ссылке, и Андреевичи, подобно отцу, скончались в неволе — Иван в 1523 г., Дмитрий в 1540 г.

Так строилась вотчина великих князей московских за счет удельных владений их родичей, вотчичей, вместе с ними, на общей семейной вотчине. Эта великокняжеская вотчина называлась великим княженьем в смысле территориальном, и в ее росте строилось Московское государство, потому что «государством» государей московских были только их великокняжеские вотчинные владения. И к концу жизни Ивана Васильевича III не было уже уделов или вотчинных княжений в составе основной территории великого княжества Московско-Владимирского.

Я выделил этот процесс разрушения семейно-вотчинного владения московского (в пользу вотчинного владения великого князя) из общей связи событий и отношений времен Ивана III, чтобы больше к нему не возвращаться.

¹⁶ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 123–126.

¹⁷ Там же. № 151. Скорее всего, составление духовной грамоты относится к 1506 г. — *Ред.*

Но территория московского государства росла не только этими путями внутреннего объединения княжеской власти. Тут только крепло и сплачивалось основное ее ядро. Однако Ивану Васильевичу пришлось добиваться и другого: именно, признания, что крупные приобретения, такие, как Новгородские и Тверские земли, стоят вне традиции семейного владения семьи князей московских. Братья Андрей Большой и Борис выражали притязания на долю в этих завоеваниях, т. к. помогали в этом деле своей военной силой и считали себя совладельцами с великим князем как члены владетельной княжеской семьи. Летописи упоминают об их недовольстве тем, что он «Новгород Великий взял с ними, ему ся все подостало, а им жеребья не дал из него»¹⁸. Иван Васильевич вносит в договоры с братьями условие, чтобы им «в его вотчину в Великий Новгород и во Псков и во вся Новгородская и Псковская места не вступатися и что дал [Бог] ему с сыном взять вотчину у своего недруга у великого князя у Михаила, у Борисовича Тверь и Кашин и вся тверская и Кашинская места, и им также в ту в нашу вотчину не вступатися». Он говорит теперь во множественном числе о «всех своих вотчинах великих княжениях», из владения которыми и каких-либо прав на них исключены его братья — в пользу него, государя великого князя и его сына, великого князя, его великой княгини и их детей. Единство вотчины московской расширяется до представления о единстве власти великого князя над всеми великокняжескими владениями: так представляется дело, пока мы одно-сторонне глядим только на отношения Ивана Васильевича к братьям и их притязаниям.

Насколько над ним самим имели силу семейно-вотчинные воззрения на великокняжескую власть и территорию великокняжеского владения, показывают его отношения к вопросу о преемстве власти и его духовная грамота. Иван Васильевич в борьбе с братьями отстаивает не столько новый принцип единовластия (государственного), сколько монополию на княжью власть и владение своей семьи, в сущности не сходя тут с почвы одной из древнерусских традиций, история которой может при желании быть начата со времен Мономаха или даже Ярослава Мудрого. Но относительная живучесть подобных традиций, представляя собою исторически важную черту политического быта и воззрений, фактически не нарушает огромной важности того сплочения московских владений в одну вотчинную территорию, какое наблюдаем при Иване III.

¹⁸ Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. VI. С. 222.

Глава III

УСЛОЖНЕНИЕ ВНЕШНЕГО ПОЛОЖЕНИЯ

МОСКВЫ с 60-х гг. XV в.

(ТАТАРЫ, ЛИТВА И ПОЛЬША)

Процесс усиления и объединения власти происходил под сильным давлением внешних отношений, которые в данную эпоху приобрели весьма значительную напряженность: международное положение Москвы значительно осложнилось в 60-х гг. XV в.

На востоке окрепло Казанское царство, выйдя из периода своего соиздания на новом месте, но смуты, начатые там отцеубийством, не только развивались дальше и все заново вспыхивали, но и втягивали Москву в казанские дела. Царем на Казани был Мамутяков сын Ибрагим, но его родичи, Касим и Даньяр, служили Москве; служили и другие татарские царевичи и князья, искавшие на Руси спасения и помощи от казанских смут. Близость Казани и характер этого беспокойного гнезда, засевшего на месте старой Булгарии, закрывая восточные пути русской колонизации и торговле, втягивали Москву в попытки не только обороняться от нее татарскими же силами, но и использовать эти связи для подчинения Казани московскому влиянию и возможно прочного ее замирения. Часть казанцев, недовольная Ибрагимом, призывала на его место ставленника от московской руки, и в 1467 г. Иван Васильевич впервые соблазнен такой перспективой и посылает русскую рать помочь Касиму утвердиться в Казани. Расчет на поддержку сколько-нибудь сильной партии оказался ошибочным, и москвичам пришлось наспех уходить от сил Ибрагима. Завязалась пограничная война с разорением русских волостей татарами и русскими набегами на черемисов и на камские волости Казани. Тягостная неустойчивость отношений в этой восточной «украине» особенно сказалась на следующем эпизоде с Вяткой. Когда московские воеводы, повоевав «черемису», пошли в 1468 г. на Каму, казанцы пришли со многую силою на Вятку и «не возмогоса Вятчане противитися им, и предашася за казанскаго царя Обреима», и «право свое... дали ему», что им «не помогати царю на великого князя, ни великому князю на царя», причем за этим своеобразным нейтралитетом вятчан наблюдать остался «посол

Казанского царя»¹. Вятчане, действительно, не пошли на следующую весну с судовой ратью великого князя в поход. Они, очевидно, играли двойную игру, отделяя свои отношения от московских, и когда воеводы великого князя послали опять к ним с «великого князя словом», чтобы шли они к Казани ратью, то подняли такое притязание: «коли пойдут под Казань братия великого князя, тогда поидем и мы». Вятчане воздерживались от участия в военных действиях, пока не начнется большая война. Номинально признав власть московскую, они жили своей жизнью и даже, как видно из грамот митрополита Ионы на Вятку, в церковном отношении не считались с московской иерархией, обходясь своими священниками, о которых митрополит не знал, от кого они имеют рукоположение и духовное «наказание». Восточная «украина» с ее населением, плохо знавшим власть московскую, без определенного и крепкого рубежа с немирными инородческими племенами, мордвой, черемисой, и с Казанским царством в тылу, была тяжелой и непрерывной заботой московской власти, которой предстояло еще много труда и стоило многих усилий утвердить тут основы своих порядков и своего управления. Война тут и велась часто своевольная, сами войска московские иной раз превращались в наездников-ушкуйников, как показывает другой эпизод, не менее характерный, разыгравшийся в том же 1469 г. Воевода «судовой рати» Константин Беззубцев получил приказ стоять в Нижнем, а воинам своим, охотникам, позволить «воевать мест Казанских». На такой призыв ушла от воеводы вся его рать, выбрав себе воеводой сына боярского Ивана Руна. И набегом застigli Казань врасплох, сожгли посады, много набрали добычи и отполоненного у татар полона и, с трудом отбиваясь, вернулись в Нижний, причем на полдороге к ним пришел на выручку сам Беззубцев, хоть и с малой силой. Привожу эти характерные черты из тогдашнего быта восточной «украины», так как они рисуют тревожное и беспокойное положение дел в областях, прилегавших к Нижнему, стратегическому и административному центру местной московской власти. В конце года Иван Васильевич решил послать большую рать на Казань. Братья великого князя Юрий и Андрей Большой осадили ее и принудили Ибрагима к миру «на всей воле великого князя». Только такими усилиями можно было, и то по временам, сдерживать татарскую силу. Прошло несколько лет без крупных событий на приволжском востоке, но когда Иван Васильевич в 1478 г. двинулся большим походом на Новгород, Ибрагим по ложным

¹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. VI. С. 187–190.

вестям о постигшей его там неудаче кинулся снова на Вятку и Устюг, хотя и бежал, как только прослышал про возвращение великокняжеской рати. Москва отплатила лишь незначительным походом под Казань, но в 1482 г., развязавшись с более тяжкими делами, Иван Васильевич сам идет на Ибрагима, и этот поход кончился челобитьем о мире, которым казанский царь встретил великого князя в Нижнем. Казань явно не в силах была бороться с Москвой, но и Москва еще не настолько окрепла внутри себя и на западной границе, чтобы затратить на прочное умиротворение востока достаточно сил и усилий.

Во вторую половину Иванова княжения, со смерти царя Ибрагима (1486 г.), задача московской политики — смирить Казань, сажая там московских царевичей подручниками. Раньше мы видели, как пользование татарскими служилыми силами получило немалое развитие при Василии Темном и привело к основанию Касимовского царства, своеобразного форпоста московской политики против татарского мира. В Москве научились ценить приезжих татар и дорожили ими не только как боевой силой, но и как орудием политической интриги, охотно принимали выезжих казанских, ордынских и крымских царевичей или выходцев из орд, бродивших в Поволжских степях. Договоры Ивана Васильевича с братьями не раз упоминают об обязанности сообщать «держать» выезжих царей и царевичей. По смерти Ибрагима казанского власть захватил его сын Алегам, а другой, Мегмет-Аминь, отъехал в Москву. Иван Васильевич решил поддержать его притязания на Казань и по призыву казанских его сторонников водворил его на царстве в 1487 г., после сдачи Алега русским воеводам, осадившим Казань. Пленный Алегам с семьей сослан в Карголом, и Мегмет-Аминь лет десять сидел на царстве подручником московским; но в 1496 г. пришлось посылать рать на его защиту, но это не помогло, ибо, по уходе московских воевод, казанские князья призвали к себе шибанского хана Мамука, Аминь же бежал в Москву и получил в кормление Серпухов, Каширу и Хотунь. Казанцы, избавившись от Аминя, побоялись, однако, ссоры с Москвой и прислали к Ивану просить об отпуске к ним иного царя. Иван Васильевич отпустил на Казань Аминь-нева брата, Абдул-Летифа, прибывшего в Москву из Крыма (где мать их была за Менгли-Гиреем) и державшего в кормлении Звенигород. Но Летиф не смог держаться подручником московским, когда на Казани пошло новое движение против чужой власти, и Иван Васильевич в 1502 г. велел его схватить, передав снова Казань Мегмет-Аминю. Однако и тот, только обжившись в Казани, восстал на Москву и напал на Нижний в союзе

с ногайцами. Иван оставил сыну казанские дела в полном расстройстве. Уже тогда должно было быть ясным, что только утверждение твердой русской власти на месте Казанского царства может обеспечить русские интересы в Поволжье. Но на решение такой задачи сил еще не хватало.

Перечень фактов этих восточных отношений Москвы существенно иметь в виду при рассмотрении всех дел московских. Московское государство строилось в условиях еще крайне неопределенного состояния границ владения и расселения, при воскресшем приблизительно с середины XIV в. колониационном движении на восток, на зыбкой почве отношений, напоминающих и более раннее, и позднейшее положение дел где-нибудь на степном юге «украин», вечно беспокойных от половцев, а потом крымских и волжских татар. Но тут отношения были сложнее, т. к. боевое положение осложнялось стремлением утвердить подчинение финских племен и русского населения путем колонизации и новых порядков землевладения и управления. Не только утомительная в своей непрерывности борьба, но и вся эта культурная работа, к которой я еще вернусь с особым вниманием, требовали немало сил и средств, в развитии которых крепло и строилось Московское государство.

Если не сложнее, то более, как должно было казаться, грозно складывались отношения Москвы на западе. Литовско-Русское государство, пережив период смут по смерти Витовта, с трудом «собрано» вновь трудами господарской рады молодого князя Казимира Ягеллончика, который по смерти брата Владислава стал польским королем, обновив расшатанную польско-литовскую унию. 50-е и 60-е гг. полны борьбой Казимира с фрондой местных магнатов и княжат, с сепаратизмом русских областей. Трудным было положение литовской власти между опасностью полного поглощения Польшей, политика которой в то же время не считалась с литовскими интересами и русским населением, которое было необходимой опорой самостоятельности Литвы, но по различию веры и национальности слишком часто бывало опорой местных, областных противодействий виленскому великокняжескому правительству. Одолеть этот русский сепаратизм и расширить крепкую основу своей государственности на русских землях было жизненной необходимостью для великого княжества Литовского. Усиление Москвы грозило смертельной опасностью ее западному соседу, т. к. создавало сильный русский и православный политический центр, к которому часто и в XIV в. тянули элементы, недовольные подчинением виленскому правительству и его объединительной политикой. И на этом рубеже царили отношения тревожные, напряженные.

Их ахиллесовой пятой были дробные и более крупные русские политические единицы, которые, вечно колеблясь между Москвой и Литвой, охраняли свое бытие, противопоставляя то литовскому напору сближение с Москвой, то обратно.

Положение дел, какое застал тут Иван Васильевич при начале своего правления, определялось, по-старому, договором, какой в 1449 г. заключили Василий Васильевич и Казимир Ягеллончик². Этот договор сделал попытку, как сказали бы на нынешнем дипломатическом языке, «разграничить сферы влияния» московского и литовского в промежуточных русских областях. Договор устанавливал соглашение — стоять за один против недругов, не принимая друг от друга бегущих внутренних врагов; вместе бороться от набегов татар на украинные места; в случае смерти одного из великих князей другому «печаловаться» его детьми, как своими, не вступаясь в чужое великое княжение. Далее идет «разграничение сфер»: в Смоленск и во все смоленские места не вступаться московскому князю, но и Тверь «в стороне» великого князя литовского, а с московским Василием «в любви и в докончаньи». Договорами Москвы с Тверью 1451 и 1462 гг. этот пункт был освещен так, однако, что в случае войны Тверь помогает Москве, но сохраняет равное братство своего великого князя с московским³. «Верховые» князья Черниговской земли — мелкие вотчины Рюрикова рода — сидят на своих княжениях, находясь в докончании послушания одновременно и с Москвой, и с Литвой; договор берет их отчасти под московскую защиту, устанавливая, что «Верховьские князи што будут издавна давали в Литву, то им и нынечи давати, а большы того не примышляти». Недаром Иван Васильевич позднее писал о них великому князю литовскому, что «те князья на обе стороны служили со своими вотчинами», являясь со своею «силою» то в московских, то в литовских полках против татар или немцев. Оба великих князя сулят «их блюсти, и не обидети». Ряд мелких пограничных князей — Торусский, Хлепинский, Фоминский и др. — служат великому князю Василию, и их «отчыны, земли и воды» — все его; не вступаться Казимиру и в вотчину великого князя — Мещеру. Великий князь Казимир обязался не вступаться в Новгород и Псков и не обидети их, и не принимать их, если сами «имут» ему «давати». Казимир может их покарать, если они ему сгрубят,

² Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. I. № 50.

³ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 76 и 88.

но «обослався» о том с Василием и не захватывая их земель. В отношении же Новгорода с великим князем, с Псковом и немцами не вмешиваться. Рязань — под опекой Москвы, и если рязанский князь «сгрубит» Казимиру, то карать его он может только после неудачи московского посредничества.

Нечего говорить о том, что такое разграничение политики не могло создать прочного равновесия. Однако обстоятельства так сложились, что внутренние дела литовского государства дали возможность Москве несколько усилить свое влияние в Твери, овладеть фактической властью в Рязани и, наконец, покончить с новгородской вольностью без встречи с противодействием Казимира. Глава Речи Посполитой был парализован равнодушием польских политиков к восточной политике в духе Витовта и собственным недоверием к русскому населению областей Литовско-Русского государства, которое он, по свидетельству Длугоша, считал неприязненным литвинам из-за различия в вере и готовым в случае войны с Москвой содействовать скорее гибели, чем победе Литвы. Между тем он с начала 70-х гг. мечтал о коалиции против Москвы ее врагов, сносясь и с Новгородом, и с Ливонским орденом, и с Тверью, и с Золотой Ордой. Но отсутствие достаточной собственной силы для энергичной восточной политики убило для него возможность стать в центре такого широкого союза против Ивана Васильевича.

Глава IV

ПРИСОЕДИНЕНИЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Наши летописи сохранили мало известий об отношениях между великим князем Иваном Васильевичем и Великим Новгородом за первые годы княжения Ивана, и непосредственная подготовка острого конфликта, разразившегося в 1470 г., отразилась в них довольно неполно и отрывочно. Новгородская политика Ивана Васильевича явилась, впрочем, не последствием тех или иных отдельных событий, а вытекала с роковой неизбежностью из положения, создавшегося в последние годы Василия Темного. Яжелбицкий договор 1456 г. нанес такой удар новгородской независимости, что в Новгороде началось острое и угрюмое брожение. В 1460 г., когда великий князь Василий ездил в Новгород с сыновьями Юрием и Андреем, новгородцы «ударив в вече и собравшиеся ко св. Софии свещашеся великого князя убить и с его детьми», хотели убить и боярина Федора Басенка. Только архиепископ Иона отговорил их, устранив их мстью Ивана Васильевича, оставшегося за отца в Москве. С московской стороны настроение было тоже беспокойным. Для понимания всей вообще политики Ивана III надо помнить, что сложился он из юноши в правителя в условиях ликвидации острой смуты, потрясшей Москву в дни его детства, и под воздействием живых и жутких воспоминаний о ней. Этими воспоминаниями он пользовался позднее как существенным политическим уроком. Много позднее он писал дочери, великой княгине литовской, узнав о проекте выделить Киевщину в особое удельное княжество для королевича Сигизмунда: «Слыхал яз, каково было нестроенье в Литовской земле, коли было государей много (Иван Васильевич, очевидно, понимает кровавую смуту 30-х гг., по смерти Витовта); а и в нашей земле слыхала еси, каково было нестроенье при моем отце... (слыхала) каковы были дела и мне с братьею... а иное и сама помнишь»¹.

Стремление к единству власти вросло в Ивана с первых сознательных лет его жизни. Новгород в смуте при Темном сыграл свою роль, принимая

¹ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 224–225.

врагов великого князя, искавших тут убежища в свое безвременье; сюда уходили и князья, вовсе проигравшие свое дело, тут только потайным злодейством прикончила московская власть Дмитрия Шемяку. Новгород был не только нужен как опора великокняжеской власти — со своей обширной территорией и доходами — но мог стать и опасным центром сопротивления. Не раз и раньше колебался он между Москвой и Литвой, как и Псков, принимая литовских князей на кормления, ведя свою политику, не всегда согласную с великокняжеской. Житие новгородского владыки Ионы рассказывает, что Василий Темный в последний год жизни собирался поднять руку на Великий Новгород, жалуясь на его граждан, «аки не по лепоте от них чтом»; «а ему, — поясняет житие, — великого княжения власть над князи русскими предержашу, и сего ради искаше подъяти руце на Великий Новъград»². Мысль верная: после Яжелбицкого договора поглощение Новгорода со всеми его волостями великим княжением Московско-Владимирским ставилось на очередь само собой как неизбежная задача московской политики. Житие повествует, что Иона отклонил великого князя от решительного шага, предрекши ему близкую кончину, славу и силу его сына. «Повесть об Ионе» составлена современником (1472 г.), и ее свидетельство о том, что и в Новгороде, и в Москве понимали, к чему идет дело задолго до того, как Иван Васильевич ребром поставил вопрос о своем «государстве» над Новгородом, имеет вполне определенную цену.

Судя по обвинительному акту против новгородцев, какой дают московские сказания о «смирении» Новгорода великим князем Иваном Васильевичем, недоразумения возникли на обычной почве пограничных споров и пререканий по вопросу о великокняжеских пошлинных доходах с Новгородской земли. В Москве обвиняли новгородцев, что они «таят у себя в земле господарские пошлины», вступаются в «земли и воды» великого князя, вернув назад к Новгороду спорные волости, которых раньше отступались, и население этих земель «к целованью приводили на Новгородское имя». На Городище в Новгороде жили наместники великого князя, блюстители его «чести и власти», и их поведение доводило новгородцев до присылок на двор великого князя «многих людей с большого веча» с буйными требованиями и даже с расправой над наместничьими людьми, которых сводили с Городища в город и мучили на допросах и в самовольной расправе. Копя свои претензии, великокняжеская власть обыч-

² Великие Минеи Четии. СПб., 1897. Вып. VII (ноябрь, дни 1–12). Стб. 170.

ным приемом московской политики бездействовала, не давая управы по челобитьям новгородских послов о земских делах и твердя им: о их «неисправленьи», о необходимости для них «бить великому князю челом по dokonчанию» и за то ожидать его «жалованья», а то «ему уже не в истерп». Во всех летописных рассказах о сношениях Новгорода с великим князем за эти годы последнего кризиса этих отношений проходит красной нитью одна черта. Новгородцы и в почтительнейших челобитьях своих держат привычный тон договорной стороны по отношению к великому князю, пререкания понимают как спор о праве, который можно разрешить соглашением. Эта вкоренившаяся привычка векового самоуправления заставляет их говорить в Москве языком, который им представляется, видимо, весьма даже подчас униженно почтительным, а для великого князя звучит неприемлемо и оскорбительно. Он ждет иного челобитья, которое и само «держанье его вотчины Великого Новгорода в старине» осветит как пожалование с его стороны, как милость, односторонний акт государя-вотчика. Терминология летописных рассказов, средактированных в Москве, представляется мне весьма поучительной в этом отношении. К ней я еще вернусь, т. к. полное ее значение раскрывается в последнем акте новгородской драмы, а пока вернусь к движению, возникшему под давлением смертельной опасности для народоправства новгородского, в самой вечевой общине.

Эту опасность яснее раскрыл Иван Васильевич, послав в 1471 г. сказать псковичам, что ему его отчина Великий Новгород «не правит», что он готов новгородцев жаловать, если они пришлют с надлежащим челобитием, «а не учнут ко мне присылати, и вы бы [псковичи] на них со мною готовы» были. Влиятельный в Москве заступник — новгородский владыка Иона — умер в ноябре 1470 г. Он, по-видимому, всего более сдерживал обе стороны. Столкновение стало неизбежным. Такова обстановка, в которой возникло последнее обращение Новгорода к великому князю литовскому Казимиру о помощи против Москвы. Новгородцы «сами взыскаша собе латыньского держателя государем, а прежде того и князя себе у него же взяша в Великий Новгород», киевского князя Михаила Олександровича, и «держаша его у себя время довольно, чиняще тем грубость государю великому князю». Они «послашася к королю и грамоты dokonчальные дали на себе». Договор Великого Новгорода с Казимиром до нас дошел³. В нем означен «нареченный» [в архиепископы] Феофил и перечислены

³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. I. № 87.

новгородские послы от Феофила владыки, от степенных посадника и тысяцкого, от боярства новгородского и от житых людей. Любопытно, что нет в нем обычных слов: «и от всего Новгорода», не названы «черные люди» или все «большие и меньшие». Договор, признававший Казимира великим князем на Новгороде и его наместника на Городище, был делом боярской партии Борецких, не имевшей опоры в широких слоях вечевой общины. Кроме осложнения всего дела внутренними новгородскими разногласиями, оно было сорвано, по-видимому, и с литовской стороны вмешательством Михаила Олельковича. Его приезд в Новгород надо, по-видимому, относить ко времени раньше заключения договора, как определенно говорит приведенный летописный текст. Князь Михаил, по тому же московскому рассказу, подготавливал водворение литовского управления, проектируя какой-то брак Марфы Борецкой с одним из литовских панов — будущим наместником новгородским. Если это не простая сплетня, то жаль, что рассказ не дает имени этого пана. Дело в том, что Михаил Олелькович недолго пробыл в Новгороде, т. к. получил весть о смерти княжившего в Киеве брата Семена и поспешил на юг, чтобы вступить в обладание своей отчиной, но не получил ее, вынужденный удовольствоваться мелким уделом в Пинском полесье. Борьба с этим русским князьем из Рюриковичей и обруселых Гедиминовичей или литовских магнатов, вроде Ольшанских, была очередной задачей внутренней политики Казимира. А новгородский договор требовал наместника «от нашей веры от греческой, от православного христианства», и Михаил Олелькович подготовил почву в Новгороде едва ли в духе политики Казимира, которому опасно было создать в новом владении новую опору для строптивых православных княжеств. С этим политическим вопросом сплелся другой — церковный. По смерти Ионы новгородцы жребием нарекли на владычество Феофила, протодьякона при покойном Ионе. Феофил начал хлопоты по поездке на поставление в Москву к митрополиту Филиппу, но возникшее литовское дело отсрочило его поездку, а в Новгороде вызвало церковную смуту ввиду попытки другого кандидата, владычного ключника Пимена, добиться архиепископии готовностью принять поставление из Киева. Феофил был против этого, не только блюдя церковную старину, но и потому, что митрополитом киевским был в то время Григорий Цамблак, ставленник папский, униат, ученик Исидора московского. Православные князья Литвы, Олельковичи и Ольшанские, его не признали, но незадолго перед тем Григорию удалось добиться признания себя митрополитом Руси (и даже вся Руси) от цареградского патри-

арха Дионисия, что вызвало резкий протест Москвы. При таких запутанных делах западнорусской церкви обращение туда за поставлением представляло значительные трудности, и грамоты митрополита Филиппа в Новгород должны были произвести свое впечатление⁴. Обе обращения к священноинику Феофилу, нареченному на владычество Великому Новгороду и Пскову, и ко всему Великому Новгороду, отчине великого князя. Первая имела целью отвлечь новгородцев от намерения отступить от своего «отчича и дедича» (по преемству великих князей от Владимира Святого), забывши старину свою и обычаи, «к чужему, к латыньскому господарю к королю». Грамота смягчает впечатление от трений между великим князем и Новгородом и страх, какой вызвал призыв великого князя к псковичам стоять с ним на новгородцев, уверяя, что «как пришло» их челобитье, «того часа и жалованье» великого князя «пошло» (разумеется — челобитье о поставлении Феофила). Митрополит уговаривает новгородцев «от неподобных мысли» возвратиться, памятуя, что «святыми отци заповедано, что с Латиною съобщания не имети» и что нельзя же поминать на ектениях «иные веры государя имени». Вторая грамота, во многом повторяя первую, развивает мысль о невозможности, «оставя православие и великую старину да приступити к латини», обличением латинской ереси, заразившей и константинопольского патриарха, и Исидора с Григорием, «иже ныне в Литве живет». Грамота уговаривает новгородцев смириться «под крепкую руку благоверного и благочестиваго государя русских земель, под своего господина под великого князя Ивана Васильевича всея Руси, по великой старине вашего отчича и дедича, по реченному Павлом христовым апостолом, вселеньским учителем: “всяк повинуваяся власти, божию повелению повинуется, а противляйся власти, божию повелению противится”»; спешно смириться, чтобы «великаго божия дела церковнаго и земьского в долготу не откладывать, а святая бы церковь божия [Новгородская] без пастыря не вдовествовала», т. к. по правилам церковным нельзя быть церкви без пастыря более двух месяцев.

Так, под влиянием и национальных, и религиозных тенденций, находивших пищу в воздействиях не только из Москвы, но и от русских областей Великого княжества Литовского, планы партии Борецких оказались сильно скомпрометированными. А Казимир не предпринял никаких шагов для их поддержки.

⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. С. 512–518.

Внутри Новгорода поднялись острые раздоры из-за всех этих дел. Мужики-вечники поднялись на Пимена, соперника Феофилова, кандидата Борецких на владычество и советника Марфы, «сильным избегали его безчеством, самого измучив, казну всю у него разграбиша, и самого на 1000 рублей продаша». На вечях разыгрывались бурные сцены между литовской партией и ее противниками, и было очевидно, что расстроенный смутой Великий Новгород, предоставленный собственным силам, незащищен перед Москвой.

Этот момент и избрал Иван Васильевич, чтобы подняться на Новгород «всеми землями», с братьями и служебными князьями, с Даньгаром Касимовичем и его татарами, с псковскою ратью. Другую рать с воеводой Василием Образцом он отправил на Двину. Дело кончилось поражением главных сил новгородских передовой ратью московской князя Даниила холмского на Шелони, а двинян с князем Василием Шуйским — ратью Образца. Великий Новгород смирился, обязавшись уплатить «копейное» «за Новгородскую проступку» пол-шестнадцать тысячи рублей деньгами в отчет, а серебром в отвес в четыре срока в течение года. Как свидетельство об условиях мира между великим князем Иваном Васильевичем и Новгородом 11 августа 1471 г. дошли до нас две грамоты, составляющие одно целое (помета на первой: «а се другая с тою же вместе, а печати и подписи опрочь себе»), дошли в копии⁵. Это не что иное, как почти дословное повторение Яжелбицкого договора Василия Темного 1456 г., также изложенного в двух грамотах: Иван Васильевич выдержал характер, чтобы показать, что он пришел лишь утвердить «старину». Летописный свод московский дает такое изображение этого мирного докончания: Иван Васильевич «отчину свою Великий Новгород пожаловал, гнев отложил, нятцев выпустил без откупа и весь полон новгородский, а войнам и грабежам учинил дерть и погреб всему» [т. е. велел их прекратить и не начинать вновь. — *Ред.*] — «а что залоги старые и пошлины его новгородские, о том о всем укрепився с ними крестным целованием да твердыми грамотами записав положил». Этому «пожалованию» с московской стороны придан характер милостивой амнистии по печалованию митрополита Филиппа⁶, братьев великого князя, его бояр и князей. На деле

⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией... Т. I. № 91.

⁶ Сохранилась его грамота (июнь 1471 г.) великому князю о милосердии к Новгороду (Акты исторические... Т. I. С. 518–519).

осуществление мира было сложнее. С одной стороны, новгородцы оказались вынуждены уступить Ивану Васильевичу ряд Заволоцких владений своих, частью спорных с Москвой, частью бесспорно новгородских — Пинегу и Кевролу, Пермские и Мезенские и ряд других: «ино то земли осподы нашей великих князей», сообщает вечевая грамота местным старостам и всем христианам, а потому с них «крестное целование Новугороду доловь». По-видимому, теперь и признание законодательства и всех актов новгородского управления «в имени» великого князя, а также гарантия суда наместничьего (вместе с посадником) должны были получить более реальное значение, чем это установилось после Яжелбицкого договора.

С августовскими актами 1471 г. неразрывно связана та редакция Новгородской судной грамоты, которая дошла до нас и написана «по докладу господе великим князьям, великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и сыну его великому князю Ивану Ивановичу всея Руси и по благословенью нареченного на архиепископство В. Новгорода и Пскова священноинока Феофила». Этот кодекс Новгородского права устанавливал не то, что великого князя наместнику без посадника не судить, а то, что «без наместников великого князя посаднику суда не кончати, а наместником великого князя и тиуном пересуд свой ведати по старине». С нею связаны отступления, точнее, дополнения в договоре Ивана Васильевича с новгородцами, сравнительно с договором Яжелбицким: «а что грамота докончальная в Новгороде промеж себя о суде, ино у той грамоты быти имени и печати великих князей», причем договор особо отмечает о праве великого князя на половину ряда судебных штрафов и пошлин, установленных в Судной грамоте. Далее, договор развивает начало соучастия в суде новгородских судей и великокняжеских наместников, требуя, чтобы «сотским и рядовичам, безо князей великих наместника и без посадника не судити нигде». Крепла и нарастала активная роль великокняжеских наместников в делах внутреннего управления новгородского и новгородского суда, неотделимая от более последовательного проведения в жизнь и соучастия великого князя в новгородских доходах. Последнее подчеркнуто и тем заголовком, который так странно звучит в единственном — и то дефектном — дошедшем до нас списке Новгородской судной грамоты: «О суде и о закладе на наездщики и на грабещики»: право великого князя на половину заклада на наездщиках и грабителях особо подчеркнуто договором.

Совокупность условий, на каких помирился в 1471 г. Иван Васильевич с Великим Новгородом, не раз поражала историков своей умеренностью.

Укрепляя свою власть над Новгородом, Иван Васильевич на первых порах сравнительно осторожно обходился с его «старинной и пошლიной», и в этом можно видеть определенный политический расчет. В Москве, конечно, хорошо знали внутренние дела и отношения новгородские. Сильный перед Новгородом с его внутренними раздорами, имел ли Иван Васильевич расчет скрепить его согласие резким давлением? Щадя инстинкты вечевой массы новгородской, он крутую расправу направил на часть вожakov литовской партии. Захватив старшего из сыновей Марфы Борецкой Дмитрия (посадника) и нескольких влиятельных его единомышленников из бояр и житых людей, Иван Васильевич велел их казнить, главы им отсечь «за их лукавство, за их отступление к латинству»; многих же иных посадников и тысяцких и бояр и житых людей новгородских разослал он по московским городам в темницы и в ссылку по станам. В числе заключенных видим такую влиятельную силу, как посадник Василий Казимирович, посланный на заточение в Коломну с 50 товарищами «лучшими». Надо думать, что Иван Васильевич рассчитывал на устрашающий пример 1471 г., вскрывший безнадёжность новгородского сопротивления.

Дальнейшая новгородская политика Ивана Васильевича проходит две стадии, которые можно определить как развитие реальной силы великокняжеской власти с относительным соблюдением традиционных для Новгорода форм ее деятельности (т. е. ее связанности новгородской «старинной и пошლიной»), а затем водворение в Новгороде вотчинной власти московского государя. Первое наблюдаем до конфликта 1477/78 г., второе составляет суть этого конфликта и так называемого «падения Великого Новгорода». Прежние отношения Великого Новгорода к его князьям сложились так, что, несмотря на сохранение за ними значительных прав и полномочий, фактически эти права, с одной стороны, парализовались обязательством князя не осуществлять их иначе, как при участии посадника и при посредстве должностных лиц, назначаемых князем вместе с посадником из новгородцев, а с другой — часто и вовсе не осуществлялись, когда князьями новгородскими стали князья тверские, потом московские, не имевшие возможности играть активную роль в местном деле новгородского суда и управления. Этот фактический абсентеизм княжеской власти развивался издавна и исподволь, причем находил поддержку в том, что князья в Новгородской земле не имели никакой владельческой опоры, как лишенные права иметь тут свои вотчины и своих дворовых людей и закладней. Если князья Северо-Восточной Руси, охраняя взаим-

ную независимость своих вотчинных княжений и уделов, обязывались сел не покупать в чужих владениях и не держать там лично-зависимых людей, то Великий Новгород ту же меру применял, как известно, к своим собственным князьям, чтобы не стали они из обложенных властью (по решению веча) ее вотчинными владельцами, как во всех других русских землях.

Однако московские князья как князья великие всея Руси искони считали и называли Новгород своей вотчиной. Вековая традиция была за то, что князем новгородским может быть только кто-либо из «братьев князей русских» Ярославова рода, а с XIII в. устанавливается тесная связь, в свое время мною отмеченная, стола новгородского с великим княжением Владимирским. Соединение в одном лице великих князей владимирского и новгородского сложилось с тех пор в прочную «старину и пошлину», которую и новгородцы едва ли когда отрицали как черту своего обычно-правового порядка. Мысль признать власть Казимира была, несомненно, коренным и смелым новшеством, отчаянной попыткой одной из новгородских партий. Но эта связь новгородского княжения с великим княжением Владимирским получила совсем новое освещение ввиду превращения последнего в вотчину московских государей. Иван Васильевич на нее и опирается в своем наступлении на новгородскую вольность. Он прежде всего ее, эту связь, закрепляет в договоре 1471 г.: ведь новгородцы там обязались «быть от великих князей неотступными ни х кому», не отдаваться «никоторою хитростью» от великих князей за короля и великого князя литовского, не принимать и на пригороды князей из Литвы, ни русских князей, недругов великому князю. Затем он берет на себя весьма активно роль князя новгородского как высшей, прежде всего, судебной власти в Новгороде, обеспечив себе и своим наместникам условия такой роли. Восстановлена и зависимость новгородской церкви от московского митрополита — поставлением Феофила (в декабре 1471 г.), и по его просьбе Василий Казимир и другие «нятцы» отпущены в Новгород.

Заняв такую позицию, великокняжеская власть получила близкую возможность прямого вмешательства во внутренние дела новгородской общины. А там отношения сложились в XV в. крайне тяжело. Рост силы и значения боярской аристократии, новгородского патрициата, поднявшего именно в XV в. значение правительственного совета старых посадников и тысяцких, вызвал острые социальные антагонизмы внутри вечевой общины. «А в то время, — жаловался новгородский книжник еще в 40-х гг., — не бе в Новегороде правде и правого суда <...> и бе по волости

изъежа велика и боры частыя, кричь и рыдание и вопль и клятва всеми людьми на старейшины наша и на град наш, зане не бе в нас милости и суда права». Неудачная финансовая и монетная политика привела к тому, что «бысть крестьяном скорбь велика и убыток в городи и по волостем»; народ за все беды винил «безправдивых бояр», сваливавших злоупотребления в монетном деле на «ливцов» и «весцов» денежных⁷. Хозяйничанье боярской олигархии вызвало в следующие десятилетия сильное раздражение не только народной массы, но и рядового купечества, тянувшего по своим торговым интересам к Северо-Восточной Руси. Этот разлад и вырвал почву из-под ног партии Борецких. А между тем она, видимо, не считала еще своего дела безусловно погибшим и после 1471 г. Во главе новгородского управления видим в следующих годах вокруг степенного посадника Василия Ананьина всех людей этой стороны — Селезневых, Телятевых, Афанасьевых. Приписывая, надо полагать, первую неудачу внутреннему разладу, они стремятся подавить противников своей политики, бояр Полинарьиных и других, обычным приемом новгородского террора — погромом домов и целых улиц их сторонников. Но толпа вечевая была не на их стороне. Современник-пскович записал, что новгородские люди житии и маложитии сами призвали великого князя Ивана Васильевича на управу, «что на них насилье держат посадники и великие бояре, никому их судити не мочи, тии насилники творили, то их такоже имет князь великой судом по их насильству по мзде судити»⁸. В октябре 1475 г. Иван Васильевич двинулся на суд свой в Новгород миром, но со многими людьми. Подробное описание его пути отмечает, как чуть не на всех «станах» стекались к нему жалобщики новгородские; спешили и владыка, и бояре задобрить великого князя усердными и крупными дарами. Москвич по-своему записал общую суть жалоб, какие несли великому князю новгородские люди «о своем управлении». «Понеже бо, — говорит он, — земля она от много лет во своей воле живяху, а о великих князех, отчине своей, небрежаху и непослушаху их, и много зла бе в земли той, меже себе убийства и грабежи, и домом разорения... напрасно, кой с которого можаше»⁹. В Новгороде явились к князю главные жалобщики — жертвы большого погрома, и били челом на бояр партии Борецких. Иван Васильевич принял их при владыке и посаднике и совете бояр новгород-

⁷ Полное собрание русских летописей. СПб., 1848. Т. IV. С. 124–126.

⁸ Там же. С. 250–251.

⁹ Там же. СПб., 1901. Т. XII. С. 162.

ских и велел на обвиняемых дать вместе со своими приставами (а он назначил трех видных дьяков своих: Чюбара Зворыкина, Ф. Мансурова и Василия Долматова) — приставов от Новгорода, двух подвойских. И, учинив суд по обыску, обвинив их, главных виновников, в том числе бывшего посадника Василия Ананьина и одного из Борецких, Федора Исакова, «поймал», а других отдал на поруки архиепископу «в истцевых исках да в своей вине». Суд великого князя вплеl в это дело и обвинение в намерении передаться Литве, придав уголовному делу политический характер, какой оно, впрочем, в действительности и имело. Это дало ему предлог сослать арестованных в Москву в оковах. С остальных же велел взыскать «исцевы убытки» в размере иска, а свою «вину» — по грамотам; собрал обильные дары с новгородцев, не только с бояр, но и с купцов и с житых и со многих молодых людей, приходивших к нему с поминки и с челобитьем, так что «никаков не остался, который бы не пришел з дары». А великий князь отдаривал их своим жалованьем «от дорогих порт и от камок, и кубки, и ковши серебряные, и сороки соболей... и кони, коемуждо по достоинству»¹⁰.

Это властное и торжественное выступление в Новгороде видимо убедило Ивана Васильевича, что почва для водворения полной его власти в Новгороде достаточно подготовлена; многие жалобщики приходили к великому князю с челобитьем уже при его отъезде, и он начал давать им своих приставов, назначая срок — стать им перед великим князем с обвиняемыми на Рождество Христово. И в начале 1477 г. тянутся опять в Москву многие новгородцы «иным отвечивати... а на иных искати», чего «не бывало от начяла, как и земля их стала и как великия князи учили-быти, от Рюрика на Киеве и на Володимери и до сего великого князя Ивана Васильевича, но сей в то приведе их». «За приставом великого князя» пришел и посадник Захар Овинов, сидевший недавно при суде великого князя над другими; но главное дело было в том, что сами новгородцы шли в Москву «о обидах искати» — многое множество и житых людей, и поселян, и чернецов, и вдов, и других преобиженных¹¹. Трудно, да и однобоко было бы все эти известия, подтверждаемые и заметками псковской летописи, ставить на счет одной политики Ивана Васильевича.

Видимо, внутренний разлад и недовольство против бояр дошли до того, что вечники новгородские, выйдя из-под опеки властей своих, искали

¹⁰ Там же. С. 167.

¹¹ Там же. С. 169.

у великого князя опоры и управы в своих обидах, потеряв всякую преданность своей старине. Не только в великокняжеском суде шли захваты новой власти. Новгородские бояре жаловались, что наместники великого князя судят суды посадничьи и владычни, перетягивают суд с Новгорода на Городище. И сам великий князь, вместо того чтобы предоставлять текущие дела суду своего наместника с посадником, решая сам только те дела, какие те «не възмогут управити», и то не в Москве, а в свои приезды (которые с новгородской точки зрения должны были быть периодическими, например, на четвертый год) на место, перетягивает судебные дела к себе в Москву.

Так подготовлен был знаменитый эпизод, разыгравшийся в марте 1477 г., когда новгородские послы подвойский Назар и вечевой дьяк Захарий били челом великому князю, как своему «государю», что «наперед того, как и земля их стала, того не бывало: никотораго великого князя господарем не зывали, но господином»¹². Мы не знаем подкладки этого эпизода, но едва ли можно сомневаться, что тут состоялся шаг, подготовленный из Москвы с помощью новгородских сторонников великокняжеской власти, или по крайней мере ее угодников. Иван Васильевич снарядил в Новгород посольство — двух ближних бояр и дьяка Долматова «покрепити того, какова хотят государства»? Речь шла, очевидно, не о титуле; и самое известие, что послы новгородские были посланы «к великому князю Ивану Васильевичу и сыну его Ивану... бити челом и называти себе их государи» (Софийская, Воскресенская летописи), говорит не о форме, а о содержании посольской речи. Иван Васильевич, решившись на окончательный шаг — введение Новгорода в состав своего «государства», — стремился обставить его так, чтобы он являлся ответом на новгородское челобитье; официальный рассказ о мотивах последнего похода на Новгород подчеркивает, что Иван Васильевич говорил об этом посольстве так: «с чем присылали сами, что и не хотел есми у них — государства...». Официально запрошенные власти новгородские отвечали, что «с тем не посылавали и называли то ложью». А в Новгороде началась смута, поднятая Захаром Овиновым, причем погибли иные сторонники обеих партий; часть боярства держала уже сторону великого князя, давала вести в Москву, другие снова заговорили о союзе с королем, и борьба партий захватила всю вечевую общину. Одолела партия врагов Москвы, и «тамошние посадники, которые приятны великому князю, разбегошася вси». Тогда

¹² Там же. С. 170.

Иван Васильевич и поднялся на Новгород вторым походом по совету с митрополитом Геронтием и всем освященным собором, матерью своей и братьями, боярами своими — князьями и воеводами, всеми силами своего великого княжения и братних уделов, призвав в поход и тверские войска и псковскую рать. Новгород был, конечно, не в состоянии оказать сопротивление; внутренний раздор вконец разбил его силы, и в истории этого похода интересен только ход переговоров. Первое новгородское челобитье — попытка ставить вопрос на старую почву договора с устранением возникших от великого князя и его наместников искажений новгородской старины. Великий князь ответил наступлением на город, а на новое челобитье о переговорах ответ был: «князь велики глаголет вам: въсхощет нам великим князем, своим государям, отчина наша В. Новгород бити челом и они знают, отчина наша, как им великим князем бити челом», с напоминанием о челобитье Назара и Захара. Великий князь добивался признания этого челобитья, а исходным пунктом переговоров мог принять только формулу, которая в наших летописях отнесена еще к первым переговорам, кончившимся будто бы такими словами одного из новгородских послов — Василия Короба: «челом бьет отчина его, чтобы государь пожаловал, указал своей отчине, как ему Бог положит на сердце отчину свою жаловати, и отчина ему, своему государю, челом бьет, в чем им мощно бити». Этой формуле, по ходу дела, скорее, место в изложении позднейшего момента переговоров, где как раз не хватает, по нашим текстам, того заявления послов, на какое ответ великого князя гласил: «а въспрашиваете, какому нашему государству быти на нашей отчине на Новгороде, ино мы великие князи, хотим государства своего, как есмя на Москве, так хотим быти на отчине своей Великом Новгороде». Новгородцы, обсудив, вернулись снова с речами о суде наместника с посадником вместе, о размере княжой дани, о суде по старине и о гарантиях для новгородцев, что «вывода» из Новгородской земли не будет, что вотчины боярские останутся за ними, что «позвов» на суд из Новгорода в Москву не будет, чтобы новгородцев великий князь не требовал на ратную службу, в низовскую службу, «к берегу», а боронили бы они только «прилежные» к Новгородской земле рубежи. Великий князь отвечал им: «били есте челом мне, великому князю, зовучи нас себе государями, да чтобы есмы пожаловали указали своей отчине, и я, князь великий, то вам сказал, что хотим государства на своей отчине В. Новгороде такова, как наше государство в Низовской земле на Москве, и вы нынеча сами указываете мне, а чините уроки нашему государству быти, ино то которое

мое государство?» Характерен ответ новгородцев: «то мы своим государем, великим князем, урока не чиним их государству, но пожаловали бы наши государи, явили бы, как их государству быти в их отчине, занеже отчина их В. Новгород низовские пошлины не знают, как государи наши великие князи государство свое держат в Низовской земле». Они представляли себе дело так, что речь идет о замене одной «старины и пошлины» — новгородской, другой «пошлиной» — Низовской. Обычно-правовая определенность всякого властвования, его связанность какой-либо устойчивой и определенной «пошлиной» представляется им неустрашимым свойством всякого политического быта. А вместо определения основ такой «пошлины» они получили два отрицательных указания: вечно не быть, посаднику не быть, и два положительных: «государство все нам держати» и требование предоставить великому князю волости и села, «как у нас в Низовской земле», «на чем великим князем быти в своей отчине, понеже нам великим князем государство свое держати на отчине — В. Новгороде без того нельзя». Новгородскому представлению о великом князе как органе верховного управления, чья власть, как бы ни была она велика, определена обычно-правовой пошлиной в своей компетенции и полномочиях, противопоставлено московское — о государе, который «держит» все государство свое, опираясь на реальные средства и социальную силу собственного обширного землевладения и княжого хозяйства. За цену признания и осуществления такой постановки своей власти Иван Васильевич соглашался пожаловать новгородцев обещанием, что «вывода» не учинит, вотчин у бояр не отберет, сохранит местные законы («суду быти по старине»). Новгородцы просили добавить еще две льготы — отменить «позвы московские» и не требовать службы в Низовской земле, и получили обещание и тем их пожаловать. Вся власть и управление переходили в руки великого князя, новгородцы отдавались ему «на всей его воли, и на суду», но просили сохранить за ними их гражданское местное право, производство суда и ратной службы лишь в своей области, и великий князь их тем пожаловал. Но под какой же гарантией? Новгородцы били челом, чтобы государь «дал крепость» своей отчине, крест бы целовал — и получили отказ; просили, чтобы бояре к ним крест целовали — снова отказ; чтобы хоть наместник целовал, которому у них быти, но и в этом отказано. Избегая крестного целования, новгородцы просили грамоты в форме «опасной грамоты», но великий князь и того им не дал. Тогда, обдумав свое положение в течение недель двух, они решили просить хоть о том, чтобы не через бояр, а лично от великого князя, из уст

его выслушать, чем же он окончательно жалуется свою отчину. На это Иван Васильевич согласился и повторил им пункты своего пожалования — о «выводе» из земли, о вотчинах и «животах», о «позве», о суде по старине, о службе низовской. На том и кончились переговоры, чрезвычайно поучительные по своей формальной выдержанности.

Затем началось выполнение. Вопрос о даче великому князю волостей и сел прошел те же стадии. Новгородцы пытались сами «явить» великому князю десять волостей, он не принял. Новгородцы догадались, что надо бить челом, «чтоб сам государь умыслил, как ему своя отчина жаловати, и отчина его покладается на Бозе да на нем». Великий князь назначил себе половину всех волостей владычных и монастырских и все земли новоторжские «чи ни буди». Поговорив с Новгородом, послы вернулись с тем, что Новгород отступается великому князю всех этих земель. Иван Васильевич велел представить себе список волостей владыки и монастырей, грозя отобрать все утаенное, и определил затем, что именно берет. Кроме того, потребовал себе, «которые земли наши великих князей за вами», и взял на себя все села, какие были за князем Васильем за Шуйским — по его положению князя в Новгороде. Затем пошли переговоры о размере дани великому князю применительно к отношению новгородской сохи (в 3 обжи) и московской. Определив дань с сохи по полугривне «на всяком, кто ни пашет землю, и на ключниках, и на старостах, и на одерноватых», великий князь согласился не посылать в волости новгородские своих писцов, а принять в основу обложения показания землевладельцев по крестному целованию, сколько у кого сох. Не посылать и своих данщиков, а предоставить новгородцам «самим дань собирая, отдавать, кому велит у них имати». Наконец, составлена была крестоцеловальная запись, которую великий князь, по просьбе послов, велел «явити» всему Новгороду, и Новгород, весь слушав ее на вече, принял ее. 15 января 1478 г. бояре московские привели весь Великий Новгород к целованию на той грамоте.

По-видимому, последнее вечевое собрание в Великом Новгороде было, когда его жители «список слышали» той грамоты, на какой им предстояло великому князю крест целовать. Само крестоцелование произошло без созыва. Бояре, житьи люди и купцы присягали на владычном дворе при боярине Иване Юрьевиче Патрикееве, остальные жители — по пяти концам — при детях боярских и дьяках великого князя, поголовно, не исключая «жен боярских вдов» и боярских людей. «Да что была у новгородцев грамота укреплена межи себя за 50 и 8 печатью, и ту у них грамоту

взяли бояре»¹³. Едва ли под этой грамотой можно разуместь какой-либо акт Новгородского государства. Скорее, это грамота конфедерации, договор пяти концов о совместном стоянии за общее дело, вроде тех вечевых договоров, какими новгородцы ранее завершали свои усобицы, когда «все пять концов поидоша в одиначество и грамоту списаша и запечаташа на вечи». Народноправство новгородское сменилось «государством великого князя».

До нас не дошла крестоцеловальная запись 1478 г. О ее содержании и летописные рассказы говорят глухо: это «список целовальный», на чем новгородцам крест целовати, грамота, «на чем великим князем доби́ли челом новгородци». В. И. Сергеевич был уверен, что в эту грамоту включены были все обещания Ивана Васильевича, вероятно, основываясь на последнем из приведенных выражений. Из этой уверенности он сделал существенные выводы, что Новгород «отложил вече и посадника, но не отказался от всей своей старины», «великий князь согласился на значительные ограничения своей власти», и, стало быть, «договор с государем и с московской точки зрения не представлялся... делом невозможным». Новгород целовал крест «по старине... на грамоте, в которую были внесены все вышеозначенные условия»¹⁴. Едва ли все это так. Посылая бояр приводить к присяге Новгород, великий князь «и жалованье свое к Новгороду приказал», что я склонен понять, по аналогии с результатом переговоров, как устную декларацию великокняжеских обещаний. Ведь, закончив все дело, Иван Васильевич послал сообщение в Москву к матери, митрополиту и сыну Ивану, что он «отчину свою В. Новгород привел во всю свою волю и учинился на нем государем, как на Москве»; и едва ли это сообщение стояло в таком резком противоречии с целовальной записью, какое предполагает Сергеевич. Не договор, а пожалование по челобитью видит великий князь в своих обещаниях. Самая целовальная запись была односторонним актом новгородцев, закреплена она их присягой, подписью владыки и его печатью, да печатями пяти концов. Но великокняжеской на ней не было, и не видно ни из чего, чтобы новгородцы получили утвержденный им «противень». На третий день после новгородской присяги «били челом великому князю в службу бояре новгородские и все дети боярские и житьи, да приказався вышли от него».

¹³ Там же. СПб., 1853. Т. VI. С. 218–219.

¹⁴ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. 2-е изд. СПб., 1900. Т. II. С. 46–47.

Этот «приказ» в службу налагал на них обязанность личной верной службы, долг следить за всяким государевым добром и лихом, извещая великого князя о том заблаговременно, и хранить тайну всякого доверенного им государева дела. Они должны были усвоить себе, что служат впредь не Господину Великому Новгороду, а государю великому князю. «И те бояре все на том молвили, на чем к ним, к своим государям, великим князем, крест целовали». Только после всех этих актов закрепления своего государства в Новгороде въехал Иван Васильевич в город. Наместниками в Новгород он назначил двух князей Оболенских, И. В. Стригу и брата его Ярослава, затем двух других — Василия Китая и Ивана Зиновьева. Начались аресты, по-видимому, в связи с расследованием о литовских сношениях. Великий князь отобрал из казны новгородской «грамоты докончальные, что докончанья было им с великими князи Литовскими и с королем», а затем «поймал» Марфу Борецкую и ряд бояр и житейх людей, сослав их в Москву, а «животы их всех велел на себя отписати».

Для новгородского боярства пробил час гибели с концом политического бытия новгородского народоправства. Ему предстояло либо войти в состав великокняжеского боярства, либо вовсе сойти с житейской сцены. Насколько можем судить, большая часть его личного состава пошла первым путем, и ряд новгородских фамилий встречаем в боярах Московского государства; другие вошли в разряд второстепенных слуг государевых, его детей боярских и дворян, а часть исчезает вовсе в разгроме новгородской силы 70-х гг. XV в. и в последовавших за тем новых опалах и конфискациях.

Политические события, взволновавшие Восточную Европу в годы, ближайшие к падению новгородской вольности, стоят в близкой связи с этим событием. Польский историк, всего тщательнее изучавший деяния Казимира Ягеллончика, Фредерик Папэ называет падение Новгорода как бы током, который наэлектризовал все враждебные Москве элементы. В годы кризиса московско-новгородских отношений король Казимир был всецело поглощен западными делами. Он ограничился посылкой в Орду в начале 1471 г. московского беглеца, татарина Кирея, подымать на Москву хана Ахмата; но Орда запоздала с набегом. Ахмат только через год разорил Алексин и спешно ушел от Оки, встретив «на берегу» рать московскую, уже давно вернувшуюся из первого новгородского похода. Но для Ивана Васильевича это было первым предостережением. И он сумел развить сношения с Крымом, завязавшиеся через касимовских царевичей еще раньше, и положить начало тем союзным отношениям

к Крымскому ханству, которые позднее играли такую важную роль в его политике. Менгли-Гирей, укрепивший после ряда внутренних смут в ханстве свою власть в Крыму, враждебный и Золотой Орде, и Речи Посполитой, дорожил и сам союзом с Москвой; и Киевщина испытала в 1474 г. тяжкий его набег, описанный Длугошем в самых мрачных чертах. Казимир только что взял за себя «землю граничную Киев», а за этой границей окрепло беспокойное гнездо татарской силы, вскоре получившее новый политический вес с признанием над собой с 1479 г. верховной власти турецкого султана. А Иван Васильевич слал в Крым дары и поминки, направляя татар на южнорусские владения короля Казимира.

Покорение Новгорода не замедлило осложнить московско-литовские отношения. Граница между Великим княжеством Литовским и землей Великого Новгорода была столь же зыбкой и неустойчивой, как и московско-литовская граница в областях «верховских княжеств» Черниговщины. Ржев, Великие Луки, Холмский Погост тоже служили и тянули «на обе стороны». На Ржеве великий князь литовский держал своего тиуна, который суд творил и доходы собирал, хотя то была земля новгородская, и был тут суд новгородский и поборы Великого Новгорода, были земли владычни и боярские; шли с Ржевы доходы и великому князю Московскому, как «сокольничье». На Великих Луках два тиуна, новгородский и литовский, делили суд пополам; на Холме тиун литовский собирал на своего великого князя «черную куну» и другие доходы. Как только «князь великий московский взял Новгород, и вече им сказал», появились на Ржеве и ее волостях, и на Великих Луках, и в Холмском Погосте московские наместники со своими людьми и привели их население к московской присяге. Стали судить и править, собирая новые доходы и вводя свои порядки, от которых, по уверению чиновников литовских, население стало разбегаться, а представителей литовской власти согнали прочь, иногда с боем и грабежом и полоном их людей и семей.

Литовское государство на деле почуяло наступление восточной силы, настойчивой и упорной, более тяжкого соседа, чем новгородское народоправство. А союз Москвы с Крымом повышал тревогу. Руководители литовской политики — паны-рада виленские — стали настаивать еще на сейме 1478 г., чтобы великий князь дал Литве устойчивое и энергичное правительство с кем-либо из своих сыновей во главе, но Казимир, опасаясь за судьбы восстановленной им унии Литвы с Польшей, порешил в 1479 г. сам переехать со всем двором в Вильно и заняться вплотную восточными делами. Встревожены были и власти Ливонского ордена, обсуждавшие

вопрос, как бы «вернуть московита к тому положению, в каком были его предки». Магистр ливонский Бернгард фон Борх начал переговоры со Швецией и Литвой о союзе против Ивана, и к концу 1479 г. казалось, что серьезная гроза нависает над Москвой. Шведы сделали набег на Новгородские волости, ливонцы — на Псков. Но это были преждевременные, разрозненные попытки. Переговоры о большой коалиции против Москвы затягивались и шли не очень-то гладко, т. к. переплелись со старыми польско- и литовско-немецкими счетами, которых ведь было так много. Но Казимир вел свою линию, завязал снова сношения с Новгородом и Псковом, с Золотой Ордой.

Что в эту пору творилось в Новгороде, не знаем. Но в октябре 1479 г. Иван Васильевич пошел миром в Новгород и в этот приезд «изымал в коромоле» архиепископа новгородского Феофила и сослал его в Москву. Старшие редакции московских сводов говорят об этом глухо, поздние, как «Воскресенская» [летопись], поясняют, что владыка, обиженный конфискацией многих церковных земель, был замешан в планах передаться «за короля или за иного государя»; а Татищев дал рассказ о целой попытке новгородского восстания, описание которой, не лишенное драматизма, находим у историков Новгорода. Внутреннего противоречия другим данным я в этом рассказе не вижу, но текст у Татищева такой ненадежный, явно поздний по составу и изложению и значительно обработанный, по всей видимости, самим Татищевым, что мудрено признать его источником при отсутствии подтверждения его черт старыми текстами.

Весьма возможно, что великий князь готовил Новгороду тогда же розыск и расправу за сношения с врагом, но события отвлекли его. В Новгород пришли к нему две грозные вести — об отступлении от него его братьев, Андрея Большого и Бориса, и о движении на Русь хана Ахмата. Иван Васильевич поспешил в Москву. Братья великого князя использовали момент внешнего осложнения, чтобы с особой энергией поднять против него свои претензии. И им, видно, по-своему желательно было возвращение великого князя в то положение, в каком находились его предки. Опираясь на представление о Казимире как душеприказчике их отца и опекуне их семейного строя и на сочувствие княгини-матери, которую Иван Васильевич винил, что она «сдума братья его от него отступить», князья-братья обратились к королю, чтобы он «их управил в их обидах с великим князем и помогал», хотя это значило приступить к польско-татарско-немецкому союзу против Москвы и к новгородской крамоле. С семьями и людьми своими они двинулись к литовскому рубежу, стали на Ржеве и Луках Великих и отсюда

вели переговоры с Казимиром. Он дал их княгиням «избылище» в Витебске, сулил помощь и наспех звал против Ивана ордынскую силу.

Летом 1480 г., пока в тылу разыгрывались эти события, Ивану Васильевичу пришлось выступить против хана, выдвинув рать на берег Оки, но хан миновал этот обычный путь нападения, идя к западу на соединение с литовской ратью Казимира, и стал на берегу Угры. В то же время братья великого князя заняли Псков, но не поладили с псковичами, которые требовали их помощи против немцев, возобновивших нападения на Изборск и на самый Псков. Князья-союзники Казимира покинули Псков, пограбив его волости, так что Пскову пришлось от них откупаться, и ушли в Новгородскую землю, став на Великих Луках. Положение было, несомненно, опасным. Однако гроза коалиции распалась по бездеятельности Казимира, парализованного своими «усобицами», раздором с русскими князьями Литовского государства, а также несогласиями с Орденом. Наместники великого князя Ивана удержались и во Пскове, и в Новгороде, и князьям Андрею и Борису оставалось мириться со старшим братом, тем более что, по уговору матери, митрополита Геронтия и епископа Вассиана, Иван Васильевич сулил им, что «князь Юрьеву отчину с ними делит». Сделав диверсию к Пскову и убедившись, что немцы отступили, князья пошли на помощь к брату, и соединенные московские силы сосредоточились у Кременца и Боровска, готовые к бою. Хан оказался не только стратегически, но и политически побитым и без боя отступил, пограбив в сердцах пограничные литовские волости да пустив незначительный набег на южную «украину» московскую.

Выйдя благополучно из опасного кризиса, Иван Васильевич энергично его ликвидирует. Против хана и короля он закрепляет союз с Крымом. 80-е гг. — время спокойное на востоке, т. к. Ибрагим казанский приведен к миру на всей воле великого князя, Орда же доживает последние годы до разорения ее крымцами в 1502 г. в полном бессилии. По отношению к Литве Иван Васильевич начинает дипломатическое наступление сношениями с господаром Стефаном Волошским и королем венгерским Матвеем Корвином и перетягиванием на свою сторону «верховских князей». С братьями Иван Васильевич улаживается небольшими уступками, далекими от данных в трудную минуту обещаний, чтобы приступить к систематическому упразднению их владельческой силы. Теперь у него развязаны руки и для ликвидации новгородского дела. После всей испытанной тревоги потребность твердо стать на этой западной границе должна была сильно обостриться. Немцы продолжали тревожить псковские волости,

и великий князь посылал им в помощь новгородских воевод, а в феврале 1481 г. подоспел и московский вспомогательный отряд с князем Ярославом Оболенским и Иваном Булгаком. Наступательные действия — взятие Каркуса и Вельяда — привели к миру, который заключили с магистром новгородские воеводы при участии псковских посадников; тогда же «пойманы» в Новгороде братья-бояре Василий Казимир и Яков Короб, Берденев да Федоров. Это было только началом расправы. Зимой 1483/84 г. из Новгорода пришел «обговор» на нескольких бояр за прежние сношения с Литвой. Он был вызван, по-видимому, возвращением из Литвы Ивана Кузьмина, бывшего посла к Казимиру, который бежал в Литву, да не ужилсЯ там. Великий князь велел поймать «всех их больших и житых людей», человек с тридцать, допросить с пыткой, присудил было повесить, но, не добившись твердых улик, кинул их в тюрьму окованными, а их семьи разослал в ссылку. Затем ряд «больших бояр новгородских и боярынь» потерял все свое состояние и положение. Великий князь «казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместья (так выражается поздний Никоновский свод) на Москве по городам». На этот раз, таким образом, потерпели опалу не только те, кто «кормолу держали». Дело шло об уничтожении местного новгородского боярства, которому оставалась одна дорога — войти в состав московского служилого класса. Обширные боярские вотчины были отписаны на государя, бояре выведены из Новгорода и водворены на жалованных землях в московской служилой среде, теряя всякий самостоятельный земский вес, теряя значение членов правящей среды и политической силы. По государеву изволению были при этом «распущены из княжеских дворов и из боярских служилые люди», а затем «испомещены» на конфискованных боярских землях уже как государевы служилые люди. Картина та же, какую мы уже встретили еще в 60-х гг. XV в. по отношению к Ярославлю.

Однако и водворение на развалинах новгородского народоправства московских порядков шло с большими трениями. Оно требовало не только разрушения старины, но и построения новых порядков и навыков, утверждение которых давалось лишь с большим напряжением — и наместничьего насилия, и общественного негодования. Ведь вольным людям новгородским предстояло преобразиться в холопов государевых, расстаться с сознанием, что все отношения должны опираться на обычно-правовую основу «старины и пошлыны», обеспеченную общественной традицией и политическим договором, и подчиниться безусловной воле государя-вотчинника. В новгородской жизни стали утверждаться чуждые церковные

и административные порядки. Боевое настроение ломки придавало их водворению формы поругания местных традиций властной и враждебной силой. Преемник владыки Феофила, выходец из Троице-Сергиева монастыря, внес в предания эпохи агонии Великого Новгорода момент оскорбления церковно-религиозного чувства, заставил своим поведением испытать ощущение торжества грубой силы, чуждой уважения к местным новгородским святыням, к новгородскому религиозному быту. Ему, преемнику святителя, низложенного вопреки канонам не за ересь какую-либо, а по чисто политическому поводу, приписывали кощунственное неуважение к мощам новгородского святого Моисея. Более реально винили его за то, что он пришел на владычество из Москвы «к гражданам, яко плененным», держал себя с крайней гордыней, увеличил поборы «владычни», введя «многи новые пошлины», и злоупотреблял пастырским судом, немилосердно «испродавая» попов и игуменов. А в Москве вражду между архиепископом Сергием и новгородцами объяснили тем, что «нехотяху Новгородци покориться ему, что не по их мысли ходить». Сергей недолго пробыл на владычестве и сошел с кафедры в психическом расстройстве: по новгородским свидетельствам — от угрызений совести и покаранный новгородскими святыми за неправоное святительство; по московским — из-за злостного волшебства новгородцев.

Не лучше сложились отношения новгородцев с новыми светскими властями. Тяжко было привыкать к московским порядкам. И тут большую роль играло увеличение поборов наместничьих и судебных пошлин. В 1489 г. разыгралась какая-то смута против наместника Якова Захарьина Кошкина и волостелей из-за взыскания «продаж», кончившаяся тем, что наместник обвинил новгородцев в заговоре на жизнь свою, многих пересек и перевешал, а другие многие казнены в Москве. Это дело дало великому князю повод для новой решительной меры. За устранением боярства руководящим слоем в новгородской общественной жизни оказались житьи люди. И более 7 тысяч житых и купцов выведено теперь из Новгорода, для помещения их в великом княжении — по городам Московской отчины. На их место великий князь перевел «московских много лучших людей, гостей и детей боярских», передав им дворы и земли выведенных новгородцев. А еще раньше, в 1487 г., переведены в Москву 50 семей «лучших» новгородских купцов. Эти «выводы» были по существу политической репрессивной мерой, притом давно знакомой на Руси. Еще Всеволод Большое Гнездо, подчинив себе Рязань, вывел рязанцев в города своего владения. Но такие «выводы» не были только политиче-

ской мерой. В древней Руси они, несомненно, преследовали и колонизационную цель и служили иногда средством сосредоточить военно-служилые силы в определенных местах, как практиковал еще Владимир Святославич. И перевод в Москву боярства и других служилых сил, а также купечества из подвластных городов также преследовал, наряду с политической целью обессиления и обезличения местной общественно-политической жизни, другую задачу — развитие великокняжеских служилых сил и подчинение московскому центру средств торгово-промышленного капитала. Позднее, как известно и как еще увидим, это искусственное сосредоточение в столице Московского государства руководящих сил и основных средств личных и экономических стало одним из основных приемов московского государственного строительства.

Глава V

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ И ВЛАСТИ

Эти наблюдения и соображения, поскольку они могут быть связаны с фактами новгородской политики Ивана III, наглядно иллюстрируют тесную связь между стремлением московских государей утвердить по всем углам Великороссии свою вотчинную государеву власть и общей целью — овладеть полным распоряжением ее силами и средствами для своего государева дела. А та крайняя напряженность международных отношений, которая составляет политическую обстановку, в какой протекает этот внутренний процесс государственного объединения Северо-Восточной Руси, — столь большая напряженность, что, можно сказать, Иван Васильевич вертелся на все стороны, как волк на псарне, — поясняет ту общую историческую потребность, которой такое объединение всего более в конечном итоге обусловлено. После падения Новгорода Иваном III начата широкая работа по организации на новых началах великорусских военных и финансовых сил, легшая в основу всего строя Московского государства XVI в.

А первым шагом к этой работе было подчинение власти государя областей, имевших ранее свою особую правительственную организацию, разрушение их местного управления, т. е. связи частей местного целого с их старым центром и подчинение их органам московской власти. Такова была политика Ивана III и по отношению к младшему брату Великого Новгорода — Пскову. Тут со времен Василия Темного представителем московской власти был великокняжеский наместник, которого псковичи держали себе князем по псковской старине. В 1461 г. Василий Васильевич послал в Псков ростовского князя Владимира Андреевича, «не по псковскому прошению, ни по старине», а через полтора года псковичи прогнали его «с безчестием», «а иныя люди на вечи с степени съпхнули его»¹. Иван Васильевич погневался на псковичей, но все-таки «дал им князя по Псковскому изволению» — Ивана Александровича Звенигородского, и псковичи посадили его на княжении, а он при посаднике степенном «целова крест ко Пскову на всей Псковской пошлине». С ним псковичи

¹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1848. Т. IV. С. 221–222; СПб., 1851. Т. V. С. 34.

жили мирно, управляя свои дела по старине и воюя против немцев с помощью московских войск и великокняжеских воевод — наместников новгородских. В 1467 г. князя Звенигородского сменил князь Федор Юрьевич Шуйский, тоже по псковскому челобитью и с крестоцелованием на псковской пошлине, но его власть уже усилена. Псковичи уступили ему право назначать своих наместников на все 12 пригородов с полной властью суда и расправы, а прежде князья держали своих наместников только на 7 пригородах. Так все управление пригородами псковскими перешло в руки великокняжеского наместника. При князе Шуйском возникла попытка реформы церковных порядков, чтобы духовенству псковскому «промежи себе во всем священстве крепость поддерживать»; против вдовых священников составили по решению на вече «священскую грамоту крепостную» о всех распорядках церковных и положили ее «в ларь» при церкви св. Троицы. Но и новгородский епископ Иона нашел, что такое самоуправное дело «христианству развратно, а церквам божиим мятежно», и митрополит Филипп предписал им «тое управление священническое положить на архиепископа», и грамоту пришлось «подрать». И князь Шуйский начал «творить сильно» над псковичами; те били челом великому князю о замене и просили себе князя Ивана Стригу Оболенского, но Иван III дал княжение князю Ярославу [Оболенскому], который «целовав крест на вече к Пскову на суду и на пошлинных грамотах и всех старинах Псковских». Псков в 70-х гг. подвергался, как мы видели, усиленным нападениям немцев — и стал боевым пунктом большого значения. Наместники псковские, опираясь на помощь новгородских, вели оборону западной границы, вели и переговоры с врагом, заключали то у себя, то в Новгороде перемирия и мирные докончания. В этой политике участвовал Псков еще как вольная политическая единица, со своим князем, хоть он и наместник московский (на этом и создалась традиция переговоров со шведами и ливонцами через новгородских наместников, державшаяся и в XVI в.), но на деле Псков — только орудие московской политики, поскольку возникали интересы [намного] шире местной самообороны.

Уже к 1475 г. стало резче выясняться, что сохранение псковской «старины» при князе-наместнике московском не может долго тянуться. Недовольный своим стесненным положением, князь Ярослав уехал в Москву, туда вызваны послы псковские и начались переговоры о новых условиях наместничества. Великий князь придал им характер пересмотра псковских «старин» и их оснований, чтобы свою отчину «устроене держати», и затребовал «прежних князей великих грамоты пошлинныя».

Князь Ярослав требовал себе не половину пошлин, какими прежде князья делились с Псковом, а все целиком: «на ссылку вдвое езды имати, и по пригородом... княжая продажа имати обоя, такоже и денги наместничи». Псковичи боронились своими «пошлинными грамотами», но великий князь их охаял, «что деи то грамоты не самых князей великих»². Ответ характерный. Псковичи могли представить лишь грамоты о соглашениях со своими местными князьями, а правовая их сила опиралась на обычное право псковское и решение вечевого общины. Для Ивана Васильевича источником права могло быть только установление великокняжеской власти, гарантированное его жалованной грамотой. Псковичи вынуждены сойти с почвы спора о праве на почву практической невозможности: «чего у нас ныне князь Ярослав просит... ино нам в том не мощно жити». На это великий князь обещал прислать посла разобраться в тех «управах». В том же 1476 г. великий князь был в Новгороде, и к нему сюда пришло псковское посольство с челобитьем, чтобы он «держал Псков, свою отчину, в старине». Ответ великий князь дал послами в Псков, требуя расширения юрисдикции и доходов своего наместника: чтобы псковичи князю-наместнику «денгу наместичю освободили» и [дали ему] «езды вдвое, и продажи по пригородом... княжия, и нивнии судове по старине, судити всякая копная, и изгородное прясло, и коневая валища». Псковичам оставалось «пойматься» за то. Князь Ярослав стал править по-новому, как псковичам «не мощно жити», и через несколько месяцев поехали в Москву бояре со всех концов псковских «с грамотою жалобною, а бити челом с плачем великому князю», чтобы он князя Ярослава со Пскова свел, дал бы им опять князя Ивана Бабича. Жаловались они на «насилья» князя Оболенского и его наместников по пригородам, упрекали и великого князя, что он «только нялся посла своего прислати о том» (чтобы разобрать невозможность новых условий), а вместо того решает по «засыльным грамотам» князя-наместника, а не «по своим старинам, как его прародители держали Псков». В то же время началась смута во Пскове, чернь поднялась боем на князя Ярослава и его «княжедворцев», дошло до крови, еле разняли их бояре. В феврале 1477 г. великий князь, хотя и не по псковскому челобитью, отозвал князя Ярослава в Москву. Иван Васильевич, щадя Псков, ввиду подготовлявшегося последнего разрыва с Новгородом, дал ему в князья по псковскому челобитью князя Василия Васильевича Шуйского, который и водил псковичей под Новгород, но оказался

² Там же. Т. IV. С. 250.

неудачным воеводой в делах с немцами, прилежал питию и граблению, а о граде не заботился нимало. Псковичи, видимо, за него не стояли, а великому князю на таком существенном посту держать его было несподручно, и в феврале 1481 г. снова появляется во Пскове князь Ярослав Оболенский воеводой рати московской, пришедшей на выручку Пскова, и остался тут наместником. [А] в 1484/85 г. разыгралось крупное дело о повинностях псковских смердов.

Это крайне интересное дело, к сожалению, изложено в псковских летописях сбивчиво и глухо, а относившиеся к нему грамоты до нас не дошли. Насколько можно его восстановить, оно представляется спором псковичей за свои старые права на повинности смердов своей земли в пользу главного города, против попытки наместника в корень изменить положение смердов как тягловцев князю, избавив их от тягла на Псков. Князь Ярослав при участии псковских посадников велел написать новую грамоту о смердских повинностях и вложить ее в ларь церкви св. Троицы, где хранились акты Пскова, без ведома веча псковского. Приступ к осуществлению новых порядков вызвал возмущение во Пскове, смердов многих побросали «на крепость в погребе», одного казнили, убили на вече посадника Гаврила, а другие посадники, причастные к делу, бежали в Москву. Их заочно осудили на смерть, написав на них «грамоту мертвую», а к великому князю послали челобитье, чтобы порядки касательно смердов остались по старине. От великого князя был ответ: выдать грамоту мертвую посадникам, вернуть им их имущество, принять их назад, не чиня им никакой шкоды, освободить схваченных смердов. Бояре и житьи люди стояли за покорность, а подняли все дело черные люди — чьи интересы, очевидно, и страдали от новых порядков. Волнение с трудом удалось утишить, и великий князь псковичам «вины о смердах отдал», но по существу уступки не сделал. Псковичи все еще не поняли, что дело идет не о доказательстве старого права, а о полном подчинении новой власти, и года через два подняли дело заново, когда какому-то попу удалось найти у смердов грамоту старую, «како смердам из веков вечных князю дань даяти и Пскову и всякия работы урочныя по той грамоте им знати». Псковичи, вообразив, что утайка такой грамоты и есть причина, что «смерды не потянуша на своя работы», послали новое челобитье великому князю. Но Иван Васильевич только воззрел на них ярым оком и укорил их с гневом, что они опять «на то же наступают». Тем дело и кончилось, а чтобы понять его суть, вспомним, что наряду с данью, что шла князю, на смердах, как основная повинность, лежало «городовое дело», так что когда

были в городе большие работы, то бывал «сгон» крестьян из всех волостей. А в Новгороде, например, в московское время город стали ставить «всем городом», «опрично волостей», тогда как прежде эта тягость лежала на волостных смердах, а новгородцы только нарядчиков, т. е. руководителей работами, от себя давали. Полагаю, что и псковские черные люди в деле о смердах боролись от переноса на себя их повинностей, какими прежде пользовался город Псков, деля пригороды и волости между своими концами. Так, уже при Иване Васильевиче Псков потерял власть над своими пригородами и волостями; его «народоправство» доживало еще несколько лет — до 1510 г. — лишь тенью прежней «старины» под властью московских наместников. На деле же в земле псковской водворилось московское управление, хотя формальная инкорпорация псковской земли в вотчинное государство Московское произошла лишь при Василии III.

Таким же фактическим подчинением с сохранением старых форм отношений, хотя и утративших реальное политическое содержание, довольствовался Иван Васильевич и относительно Рязани, где управляли с 1456 г. московские наместники, а юный князь рязанский Василий Иванович воспитывался в Москве. Когда ему исполнилось 15 лет, Иван Васильевич отпустил его на рязанское княжение и женил его на сестре своей Анне. Это было в 1464 г. 19 лет княжил Василий Иванович московским подручником, а умирая в 1483 г. учинил «ряд» сыновьям своим: старшего, Ивана Васильевича, благословил великим княжением и городами Переяславлем, Ростиславлем и Пронском со всеми волостями, тянувшими к ним, и рядом «отъезжих мест» вне округа этих уездов. А младшему — Федору, по отцовскому благословенью, его брат великий князь Иван Васильевич с матерью княгиней Анной «отделил» Рязань Старую с волостями и Переви-теском (из переяславских волостей). Об этом «ряде» Василия Ивановича рязанского знаем только из договора между его сыновьями, заключенного в 1496 г. Договор — старого типа, [наподобие] договоров великого князя с младшим братом, причем уговариваются братья о наследственности великого княжения для детей Ивана Васильевича, а удела — для детей Федора, который получит по благословию брата и великое княжение, если тот умрет без детей, а сам обязуется, если умрет без детей, «своей отчины не отдати никоторою хитростью мимо своего брата великого князя». Отношения к Москве были определены в 1483 г. договором, где Иван Васильевич рязанский обязывался не отступать «никоторыми делы» к великому князю литовскому, «ни в его ся имя с своею землею не дати», а быть на него, как и на всех недругов, с Москвою во всем «за один», за что ему

обещана оборона Москвы против всякого обидчика, «от кого ся сам не воз- может оборонити», а гарантировалась от московских «подыскиваний» — его отчина Переяславль-Рязанский и все переяславские места, что потягло к Переяславлю — ему и его детям. Представляется существенным, что в договоре этом не назван Федор Васильевич вместе с братом, хотя он упомянут в договоре Ивана III с великим князем литовским [Александром] 1494 г., [где] читаем, что великий князь рязанский Иван Васильевич и брат его князь Федор и со своими детьми и со своею землею — «в стороне» великого князя Ивана, а великому князю Александру в их землю не вступаться и не обижать, а если они ему сгрубят, то Александр о том посылает в Москву, и предоставляет «то направить» великому князю московскому. Москва отвергла попытку Александра поставить рязанско-литовские отношения так, как было по договору 1447 г., т. е. с правом литовского великого князя самому расправиться с Рязанью при неудаче московского посредничества, и добилась полного признания своей власти над Рязанской землей в делах международных. Иван Васильевич рязанский умер в 1500 г., а в 1503 г. умер Федор, и его удел, Старая Рязань, перешел к великому князю московскому. Иван III распоряжается в своей духовной, «что ему дал сестричичь его князь Федор Васильевич рязанский свою отчину». Договор 1483 г. своим молчанием о Федоре показывает, что Иван III еще тогда подготовил применение к Рязанскому уделу права на выморочные уделы, какое проводил в своей отчине московской, и заставил, не знаем когда и как, Федора признать это свое новое великокняжеское право, подобно тому как видим это в духовной верейского князя (1485 г.) и Андрея Меньшого. Иван Васильевич не признавал цельными комплексами ни удельных княжеств московских, когда взял на себя Рузский удел, по даче его себе князем Иваном Борисовичем мимо его старшего брата Федора волоцкого, ни великих княжений, как Рязанское, когда приобрел Старую Рязань с волостями мимо великого князя рязанского Ивана Ивановича. А с Рязанью покончить он не торопился. Там номинально по смерти Ивана Васильевича правила его мать, княгиня Аграфена, а на деле — Иван III, посылавший ей, когда считал нужным, прямые наказы о службе себе, великому князю, всем ее служилым людям, об охране строгого порядка на южной границе и т. п.

Остается рассмотреть тверское дело. Когда Иван III взял власть в свои руки, тверским великим князем был одиннадцатилетний Михаил Борисович, и с ним был возобновлен договор на началах равного братства с гарантией полной самостоятельной власти: Москва обещает Михаилу быть

с ним «за один» на удельных князей тверских, если те «згрубят» ему как великому князю, и их «к собе не примати»; также с гарантией Михаилу права свободно сноситься с Ордой³. На деле союз предоставлял Ивану III помощь тверских сил в обоих новгородских походах, в сборе сил против хана на Угре. Михаил делал даже больше, чем предполагалось союзным договором: давал в походе великому князю «корм по вотчине своей», словно московские войска шли по его зову ему в помощь. Московская сила нависла над Тверью и начала поглощать в себя силу тверскую. В 1476 г. поехали с Твери служить великому князю Ивану Васильевичу многие бояре и дети боярские: Григорий Никитин, Иван Жито, Василий Данилов, Василий Бокеев, три Карповича, Дмитрий Кондырев и «инии мнози». После 1480 г. этот напор становится грознее. Падение Новгорода, ликвидация притязаний великокняжеской братьи, усиление власти во Пскове, новый договор с Рязанью — все черты крепнувшей концентрации московской властной силы встревожили руководителей тверской политики и толкнули их на попытку снова искать опоры на западе.

Эти западные связи Твери никогда не прерывались. В 1471 г. Михаил Борисович женился на дочери Семена Олельковича, князя киевского, но она в 1483 г. скончалась, и в связи со второй его женитьбой начались сношения о союзе с Казимиром. Заключен был по форме литовской великокняжеской канцелярии договор о союзе⁴; Михаил обязывался с Казимиром «стояти за одно противу всех сторон, никого не выймучи, хто бы коли ему немирен был», особенно «где будет (тверичам) близко». Москва не была названа, но формулы и так достаточно красноречивы. В остальном договор сходен с московским — по равному братству, по гарантии целостности и независимости великого княжества Тверского; словом, договор был по старине, повторяя почти буквально договор Бориса тверского с Литвой 1449 г. Действительно ли все это было актом тверской инициативы, или тут скорее видны шаги политики литовской, нашедшей отклик в Твери? Есть данные думать о почине из Вильно, где тогда же «верховские князья» — воротынский, одоевский, новосильский — возобновляют договор о верной, бесхитростной службе и послушании великому князю литовскому и его преемникам. Казимир, наладивший, казалось, прочное соединение польских и литовских сил, закреплял и русские свои связи

³ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 88 и 89.

⁴ Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. I. № 79.

перед лицом надвигавшейся Москвы. Союз Михаила с Литвой должен был быть закреплен его браком с какой-то внучкой Казимира. В мотивах нападения Ивана III на Тверь наши летописи указывают его договор с Казимиром, что «жениться ему у короля», что он «испроси у короля за себе внуку». Известий о том, чтобы этот брак состоялся, нет, и, видно, Иван Васильевич раньше двинулся в поход, чем созрел вполне литовский союз. Для него «Тверское взятие» не было только делом приобретения земли и власти. Оно тесно связывалось с общим международным положением на западной границе, с той политикой, которую он развернул против Литвы, завязав отношения с ее врагами — Стефаном, воеводой волошским, чью дочь в 1483 г. сосватал за сына, с Венгрией, с папской курией, учитывая и ее влияние на польскую политику. Сломить опору — и так шаткую — Казимира в русских промежуточных областях, поставить твердо государственную границу в Литве наиболее для себя выгодно, перетянув колеблющиеся русские силы на свою сторону, — было для политики Ивана прямой необходимостью.

Быстрое наступление «порубежной рати» московской принудило Михаила Борисовича к челобитью на всей воле великого князя. Заключен был в конце 1484 г. договор, который вводил тверского великого князя всецело в московскую политическую систему. Михаил Борисович вынужден целовать крест «к своему господину и брату старейшему к великому князю Ивану Васильевичу вся Руси и к его сыну, к своему брату старейшему к великому князю Ивану», признать себя равным младшему брату великого князя, Андрею, сложить «перед московским послом крестное целование к Казимиру» и впредь не сноситься ни с ним, ни с кем иным без ведома московского великого князя и «никоторыми делы» не отступать от Москвы, будучи с нею заодин на всякого ее недруга.

Этим договором Тверь, сохраняя внутреннюю автономию под властью своего великого князя, решительно вводилась под политическое верховенство Москвы. Но она стоит еще рядом с великим княжением Ивана III, которое отчетливо определяется как состоящее из Москвы, Великого Новгорода и Пскова, со всеми «местами», что к ним тянут, и есть вотчина Ивана Васильевича, его детей и внуков. Властно звучит в этом договоре и воля великого князя определять своим решением спорные границы: «а что назовет князь великий земель своими землями и новоторжскими, то те земли князю великому».

Такое усиление зависимости от Москвы не замедлило усилить отъезды. Два князя удельных — микулинский князь Андрей Борисович

и дорогобужский князь Осип Андреевич — отъехали в ту же зиму к Москве, не сохранив своих вотчин, по слову договора: «а князей служебных с вотчинами нам великим князем от тебя не приимати»; граница между служебными и удельными князьями в Твери значительно стерта со времен Бориса Александровича в силу общей гарантии тверских владений. Князь микулинский получил Дмитров, а дорогобужский — Ярославль. За ними «*бояре вси* приехаша тверьскийи служити к великому князю на Москву», чуя засилье московское, «не терпяще обиды от великого князя; за неже многы от великого князя и от бояр обиды и от его детей боярских о землях: где межи сошлись с межами, где не изобидят московские дети боярские, то пропало, а где тферичи изобидят, а то князь велики с поношением посылает и с грозами к Тверскому, а ответом его веры не имет, а суда не дасть»⁵. Ища сохранения и защиты прав своих, бояре тверские и потянулись к центру единой действительной силы и власти.

Почва окончательно уходила из-под ног Михаила, и попытка возобновить сношения с Казимиром покончила все дело. Гонец его с грамотами к королю был перехвачен. Не принимая повторных попыток нового челобитья, Иван Васильевич двинулся на Тверь со всеми силами и 8 сентября 1485 г. обступил Тверь; на третий день сожжены были тверские посады, а там князья и бояре тверские стали выезжать из города, бить великому князю челом в службу. Михаил, «видя свое изнеможение», ночью бежал в Литву, а владыка Вассиан, князь Михайло Дмитриевич холмский с братьей и остальные князья и бояре и все земские люди вышли к великому князю с челобитьем и отворили город. Иван Васильевич послал своих бояр и дьяков привести всех граждан к крестоцелованию на свое и своего сына имя. 15-го вступил в Тверь и отдал ее сыну, который при отъезде отца в Москву и «въехал... в град Тверь жити», а при сыне оставил на Твери своего наместника, боярина Образца Добрынского. Летописи отметили, что Иван Васильевич при том «на Москву свел» мать Михаила Борисовича и многих тверских князей и бояр⁶. А в одном местническом деле 1501 г. читаем, что великий князь Иван Иванович «бояр тверских, которые были у прежнего своего государя, у великого князя Михаила Борисовича Тверского, в боярех, тех и у себя пожаловал, в боярех учинил и грамоты свои Государские на вотчины их тверские им давал и велел их писати в грамотах бояры своими».

⁵ Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. VI. С. 237.

⁶ Там же. СПб., 1863. Т. XV. Стб. 500; СПб., 1859. Т. VIII. Стб. 216–217.

Тверское великое княжение стало с тех пор вотчиной московских государей, но вотчиной, особой от Московского государства, на первых порах со своей местной организацией, со старым великокняжеским дворцом, в котором молодой великий князь московский заменил прежнего великого князя тверского. Но Иван Иванович, соединяя в себе великого князя московского, сопровителя отца, и великого князя тверского, не стал продолжателем местной тверской традиции. Он, по-видимому, больше жил и действовал в Москве, где и умер в 1490 г. Вероятно, к моменту его кончины следует отнести изменение в строе управления великим княжеством Тверским, состоявшее, как обычно говорят, в перенесении тверского дворца из Твери в Москву. Управление закреплено этим за центром великокняжеской власти, но в его организации еще долго сохраняются следы особенности Тверского государства, с особыми тверскими дворецкими великого князя, службой служилых людей «по тверскому списку», и в конце концов с возможностью фантастического мнимого восстановления в Тверском великом княжении крещеного татарина Симеона Бекбулатовича при Иване Грозном.

С разрастанием территории, сосредоточенной под прямой властью великого князя московского, понятие о ней усложнялось до своеобразной невозможности людям того времени мыслить ее как единую. Если объединение собственно московско-владимирских владений вело, как мы видели, к построению представления о их совокупности как едином вотчинном государстве великого князя Ивана Васильевича, то уже с Новгородом и Псковом дело обстояло несколько иначе. Укрепив за собой подлинную власть над их территориями, великий князь мыслит трехчленное целое — Москва, Новгород, Псков — как состав своего великого княжения, рядом с которым стоит отчина Тверская, лишь постепенно крепче и более непосредственно связуемая с единым центром власти и управления. В политических представлениях Ивана III на первом плане не единство всей территории его властвования, а полнота этого властвования над всеми ее составными частями. Это наглядно сказалось в эпизоде, какой разыгрался между ним и Псковом в 1499 г. в связи с его колебаниями по вопросу о его преемнике. В 1498 г. Иван Васильевич благословил «при собе и после себе» на великое княжение Владимирское, Московское и Новгородское великого князя Дмитрия Ивановича, но через год при дворе верх стала брать партия второй жены великого князя Софии Фоминишны и ее сына Василия, и Иван III «пожаловал... сына своего князя Василиа Ивановича, нарек его государем великим князем, дал ему

Великий Новгород и Псков великое княжение», о чем псковичей уведомило особое посольство. Псковичи испугались, может быть, того, что ослабевает с разделением московская защита от врагов, и послали великим князьям Ивану Васильевичу и внуку его Дмитрию Ивановичу челобитье, «чтоб держали отчину свою в старине, а который бы был князь великий на Москве, тот бы и нам был государь». Иван Васильевич гневно отвечал: «Чи не волен яз князь великий в своих детех и в своем княжении? Кому хочю тому дам княжение», поняв, по-видимому, псковское челобитье как попытку вмешаться в борьбу придворных партий из-за Дмитрия — внука и Василия — сына, а не как постановку вопроса о единстве власти и государственной территории⁷. И этот пример, кажется, подтверждает общую мысль моего изложения, что в образовании Московского государства мысль о «собирании власти» господствовала над представлением о «собирании земли», в строгом смысле слова — объединения территории.

Чтобы покончить с вопросом о «присоединениях» Ивана III, упомяну еще о переходе под московскую власть группы князей-отичей Чернигово-Северской земли. Движение это вытекало из особенностей положения этого княжья, сидевшего на своих «отчинах» под властью великих князей литовских, которым «били челом в службу». То служило оно «на обе стороны», то одной Литве, а то владело даже пожалованиями от великого князя литовского «в вотчину» себе княжений. Частью это коренные Рюриковичи Черниговской земли, частью обруселые представители младших линий Гедиминова рода, частью московские выходцы, как сын князя Можайского Семен Иванович, владевший Стародубом, и Шемячич Василий Иванович — князь Новгорода-Северского. Из полноты их обладания вотчинными княжениями правовые идеи того времени выводили их право отъезжать от одного великого князя к другому не только лично, но и «с вотчинами», как и самая связь этих вотчин с Литовско-Русским государством покоилась на их «докончаньи» с великим князем. В XV в. нарастают попытки закрепить связь их земель с великим княжением. В договорах с ними читаем уговор о том, что «земли их от великого княжества литовского не отступать» и в случае выморочности, а в договоры с Москвой, Тверью, Рязанью вносится условие «служебных князей с вотчинами не принимать». Но начало отъезду на московскую сторону положено внутренней политической смутой, вызванной князьями литовского происхождения, недовольными усилением Казимира.

⁷ Там же. Т. VIII. С. 235–237; Т. VI. С. 43; Т. IV. С. 271.

Вотчик киевский Михаил Олелькович, лишенный Киева внук Владимира Ольгердовича, Федор Иванович Бельский и его свойственник Олшанский, подавленные великокняжеской силой, затеяли искать против нее опоры в Москве — и «восхотеша по Березину реку отсести на великого князя Литовской земли». Олшанский и Олелькович схвачены и казнены в августе 1481 г., а князь Бельский ушел в Москву. Этот «заговор князей», подробности которого остаются нам неизвестными, дал толчок ряду отъездов «с вотчинами» в 80-х и 90-х гг. XV в. Внутренние нелады соседа получали опору и неожиданное разрешение в наступлении московской власти к юго-западу. Иван Васильевич закрепляет за собой службу и вотчины тех князей, что служили на обе стороны, как одоевские, воротынские и др. Воротынские один за другим тянутся в Москву, чуя, что нет им прочной защиты от Казимира, а затем вместе с одоевскими нападают на соседей, опираясь на московскую поддержку. По-видимому, многие из таких отъездов происходят, подобно первым переходам к Москве тверских бояр, «не стерпя обид» в пограничных спорах и наездах. Князь Иван перемышльский, Иван белевский, князь мезецкий, Андрей вяземский переходят к Ивану Васильевичу, который, начав прямую войну с Литвой, захватывает и других мелких князей с их вотчинами. И по мирному договору 1494 г. за ним укреплены Вязьма, Рославль, Венев, Мстиславль, Таруса, Оболенск, Козельск, Серенск, Новосиль, Одоев, Воротынский, Перемышль, Белев, Мещера. В связи с той же литовской политикой Ивана III в 1500 г. переходят в Москву Семен бельский, князь Семен Иванович можайский с Черниговом, Стародубом, Гомелем и Любечем, и Шемячич с Рыльском и Новгородом-Северским. Перемирие 1503 г. закрепило эти приобретения⁸. Но все эти дела хотя и выросли на почве еще удельно-вотчинных отношений и воззрений, по существу далеко ушли от них, т. к. ссылки на старое, давно на деле отжившее право «отъезда с вотчинами» выродились в дипломатическую уловку и отступают перед широкими планами великого князя «всяя Руси», выдвигавшего в эту пору уже новый принцип — принцип национальной политики, хотя еще строяемый на особой вотчинно-династической теории, по которой московским государям принадлежит право на все наследие князей Рюрикова дома с древнейших времен.

⁸ Акты, относящиеся к истории западной России... Т. I. № 200; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1894. Ч. V. № 39.

Глава VI

БОЯРСТВО

Красной нитью проходит через всю историю присоединений Ивана III одна существенная черта — стремление великого князя овладеть местными служилыми силами, поставить их прямую личную службу себе, стягивая их в Москву, к одному центру. Эта черта — следствие всей системы княжеского управления и властвования, как оно сложилось в вотчинных княжествах удельной Руси и перестроено постепенно московскими государями на новых, расширенных основах. А перестройка эта — одна из основных сторон той властной работы, какая произведена Иваном III и его ближайшими преемниками и преобразовала политический строй Великороссии из удельно-вотчинных форм в формы новой московской государственности на началах единодержавия.

Представляется естественным после обзора процесса, которым власть над всеми частями Великороссии собрана в руках одного вотчича — государя московского, обратиться прежде всего к той стороне деятельности строителей Московского государства, которая имела своим объектом отношения к боярству. Под боярами я разумею тот общественный слой, который ближе всего стоял к княжеской власти, был главной ее опорой и орудием ее деятельности, сам сильно влиял на княжескую политику, так что она нередко оказывалась даже средством осуществления политических тенденций влиятельных групп боярства. Конкретнее боярство определяется как высший разряд вольных слуг князя и как класс крупных землевладельцев. Оба эти признака необходимы для понятия «боярство» и, взятые вместе, исчерпывают его содержание. И древняя Киевская Русь не знала бояр, которые не были бы княжими мужами, старшей дружиной, а для «удельного времени» это бесспорно, хотя для ранних киевских времен и утверждали в научной литературе существование каких-то земских бояр, вовсе не засвидетельствованных источниками. Про слово «боярин» отмечу, что русское его производство от «болий» или «бой», хоть за него авторитет такого языковеда, как И. И. Срезневский, лингвистически совсем невозможно. Вероятнее восточное происхождение слова — из турецких наречий: *bajar* — название богатого и знатного (хотя и об этом спорят востоковеды Корш и Мелиоранский). Для этимологического смысла это, впрочем, никакой разницы не дает: термин бытовой, отмечающий

социальное положение, барство бояр. Этот термин вытеснил древнее — «огнищане», которым отмечалась иная сторона — принадлежность княжих бояр к составу княжеского двора (огнище), его старшей дружины.

Как мощный фактор общественной и политической жизни Северо-Восточной Руси великорусские бояре выступают сразу и ярко на самой заре истории Суздальщины, при Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском. Одной из существенных заслуг В. И. Сергеевича считаю настойчиво проводимую им мысль, что именно боярство было в удельное время XIII и XIV вв. носителем тенденций к сохранению и восстановлению единства Северо-Восточной Руси в эпоху, когда ее политическая сила дробилась в ее распаде на местные вотчинные княжества¹. Верхи великорусского боярства группировались вокруг великокняжеского стола владимирского и поддерживали его традиции, потянувшись сперва в Тверь, потом в Москву в поисках подлинной силы, которая могла бы поддержать и осуществить стремление к единству политической власти великого княжения Владимирского и всея Руси. Стремление к политическому объединению вытекало из потребностей, созданных международным положением Великороссии, как оно определилось еще во времена Юрия и Андрея, и придало крепкую живучесть традициям великорусского старейшинства, особенно в среде великокняжеских бояр, которые в период неустойчивой смены носителей великокняжеской власти (братьев и сыновей Александра Невского) спланивались, по-видимому, вокруг митрополичьего двора, как только он осел во Владимире. Со времен Калиты, с 20-х и 30-х гг. XIV в., наблюдаем отлив этого боярства от Твери, к которой оно было примкнуло, в Москву, где боярство спланилось вокруг московских князей, поддерживая и развивая их великокняжескую политику.

Бытовой, социально-экономический термин «бояре» получил, естественно, широкое и довольно расплывчатое значение в старом языке. В житейском обиходе называли боярами первоначально всех служилых землевладельцев, как боярщиной — всякую землевладельческую вотчину. То боярство, о котором я говорю, выделяется поэтому в памятниках XIII и XIV вв. терминами «бояре большие», «бояре нарочитые», отличаются еще в начале XV в. бояре великие и меньшие. Лишь постепенно вырабатывается более отчетливая терминология, закрепившая в Северо-Восточной Руси слово «бояре» за высшим слоем служилых людей, установив для «меньших бояр» термин «дети боярские». Это словоупотребление

¹ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. 2-е изд. СПб., 1902. Т. I. С. 54, 66–67.

развивается постепенно в связи с развитием организации служилого класса, когда оба термина приобретают наряду со старым, бытовым значением новое и официальное значение «чинов» служебных. С этой служебной точки зрения все, кто служит князю, составляют его двор, но внутри княжого двора различаются два слоя слуг княжих, слуг вольных — высший, княжие бояре, и младший, княжие дворяне, в составе которых видим и «детей боярских», и более мелких по общественному происхождению и положению дворцовых слуг, иногда даже людей несвободных, людей купленных, холопов княжих. Все это — только терминологические заметки: о самих явлениях — речь впереди.

Исходным пунктом для характеристики боярства, великих и младших вотчинных княжений так называемого удельного времени служит, как известно, то, что бояре — «вольные слуги» князя, причем терминология источников выделяет термином «бояре» высший слой этих вольных слуг. Неслужилого боярства удельные века так же не знают, как не знала его и Киевская Русь. А в составе этого боярства выделяются особыми терминами и специальными признаками те бояре, которые ближе входили в княжой двор, примыкали к ближайшему, непосредственному окружению князя. Это бояре введенные и путные. Как ни часто встречаем в источниках «бояр введенных», — но на нашем понятии о них лежит печать некоторой неопределенности. Этого термина мы не в состоянии связать с каким-либо особым видом службы, с представлением об определенной должности. Ключевский называет бояр, введенных вместе с путными, «личным составом высшего управления в княжестве удельного времени», причем отмечает, что акты XV в. слабо проводят отличие одних от других, иногда, например, заменяя эти выражения словами «бояре и путники». Указывает Ключевский на близость терминов «введенные» и «большие» бояре, хотя не считает возможным установить их тождество. В конце концов Ключевский приходит к отождествлению бояр введенных и путных, по крайней мере в том смысле, что всякий боярин введенный был, по его мнению, в то же время и путным, и объясняет «правительственное значение» бояр введенных тем, что «это были управители отдельных ведомств дворцовой администрации или дворцового хозяйства», т. е. дворецкий, казначей, сокольничий, стольник, чашник и т. п. Но тогда для бояр путных собственно ничего не остается, и Ключевский видит в них второй, ниже бояр введенных, слой путных слуг².

² Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. 4-е изд. М., 1909. С. 121, 123, 125.

Весь этот путь пояснения, что такое введенные бояре, едва ли правилен, т. к. тексты наши не дают основания для разложения введенного боярства на сумму дворцовых должностей. Материал Ключевского уполномочивает скорее на заключение, что должности по управлению дворцовым хозяйством и введенное боярство — два несоизмеримых явления, явления разного порядка. Не исполнением тех или иных должностей определяется введенное боярство, а наоборот, окружая себя боярами введенными, князь поручал тому или иному из них путные должности, которые, однако, могли быть и в руках бояр путных, но не введенных. Слова грамоты XVI в., приводимые Ключевским: «ино сужу их яз князь великий, или мой боярин введенной, у которого будет матери моей великой княгини дворец в приказе», — показывают нам боярина введенного, которому поручается управление дворцом великой княгини матери, а упоминание, хотя, по-видимому, из очень позднего источника, о «боярине введенном» и «горододержавце» намекает на возможность встретить введенного боярина и на наместничестве. Ища конкретного определения введенного боярства, Ключевский, несомненно, суживает это понятие и переводит его в несоответственную плоскость: это-де «главные дворцовые приказчики». Я бы сказал иначе: введенные бояре — тот круг лиц, из которого князь прежде всего брал тех, кому приказывал то или иное ведомство, но этим, конечно, нисколько, по существу, не определяется введенное боярство. Известно, что попытка Ключевского определить введенное боярство, исходя из представления о нем как о личном составе дворцовых чиновников, привела его к определению Боярской думы удельного времени как «совета главных дворцовых приказчиков — по особому важным делам», чем этой думе придан, в его изложении, резко выраженный вотчинно-хозяйственный характер. Это в свою очередь связано с представлением о вотчинных княжествах удельного времени как частных-правовых хозяйственных владельческих единицах. Но об управлении каких княжеств идет речь?

Все, что мы знаем о введенных боярах, касается крупных великих князей — и прежде всего Московского княжества. А как ни мало нам известно управление Москвы, Твери, Рязани, Нижнего в XIII, XIV и XV вв., — знаем, однако, для первых двух из этих столетий о существовании должности тысяцкого, а одного этого достаточно, чтобы не сводить всего княжого управления к формам управления дворцового. В центре управления стольными городами крупных княжений стоит должность старого типа — тысяцкий, державший в старину, в Руси Киевской, «тысячу и весь

ряд». Должность эту занимали люди с сильным общественным влиянием, и по мере роста силы князей, вокруг тысяцких идет какая-то внутренняя политическая борьба. При Семене Ивановиче московском на московского боярина Алексея Петровича падает тяжкая опала за какую-то крамолу против великого князя, а при Иване Ивановиче он — тысяцкий, что вызвало большую смуту, убийство его втайне, отъезд нескольких видных бояр в Тверь. Быть может, борьба и завязалась из-за самой должности, т. к. в числе отъездчиков видим В. В. Вельяминова, «последнего тысяцкого», сын которого снова отъехал из Москвы, но схвачен и казнен в 1379 г. Из четырех известных нам рязанских тысяцких трое погибли насильственной смертью. Быть может, причина трагизма, обвеявшего конечную историю тысяцких, объяснима их высоким и влиятельным положением, какое видно из связи этой должности с определенными фамилиями. Дед В. В. Вельяминова Протасий был на Москве тысяцким при первом князе Даниле, а его сыновей, хотя и не достигших «отнего» звания, памятники письменности московской продолжают называть «тысяцкими». И в Твери тысяцкие в течение трех поколений из рода Шетьевых, отец после сына.

Когда эта должность исчезает, ее сменяют наместники великого князя, — на Москве, например, опять-таки должность слишком важная, чтобы проходить мимо нее при характеристике великокняжеского управления, а ничем не связанная с дворцовым хозяйством. Наконец, несомненно, к числу «больших» бояр принадлежали и наместники по городам, по крайней мере главным; и выделять их в какой-либо второстепенный разряд боярства — после бояр введенных — едва ли правильно. Соловьев даже склонялся к мысли, что «большой боярин, или введенный, был именно горододержавец, получавший города, волости в кормление». Ключевский справедливо возражает против этого, т. к. невозможно выключить из введенного боярства тех, кто жил и служил на должностях дворецкого, окольничего и т. п. в стольном городе, при дворе князя. Соловьев исходил из статьи договора Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем серпуховским: «А коли ми взяти дань на своих боярех на больших и на путных, тогда ти взяти на своих так же по кормленью и по путем», подчеркивая связь больших-введенных бояр с кормленьями. И связь эта, несомненно, один из существенных их признаков³.

³ Там же. С. 122–123; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 3-е изд. М., 1863. Т. IV. С. 200.

Не считая возможным следовать Ключевскому в определении введенных бояр по занимаемой ими определенной группе должностей (дворцовых), не могу в то же время сомневаться в характерной черте введенного боярства: это боярство должностное. Об этом ярко свидетельствуют междукняжеские договоры. Подтверждая, что между союзными князьями «боярам и слугам вольным воля», договоры отмечают, как известно, и обязанность отъехавших бояр «сидеть» в городской осаде «туто, где кто живет», т. е. участвовать в защите того княжества, той земли, откуда они отъехали, если они там остались землевладельцами. Но из этой обязанности исключены «бояре введенные и путники», «бояре и путники», или «бояре путные», гласят три варианта этой оговорки⁴. Эту статью договоров представляется мне правильным сопоставить со следующей статьей договора Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем серпуховским: «А который боярин поедеть ис корьмленья от тебе ли ко мне, от мене ли к тебе, а службы не отъслужив, тому дати корьмлень по исправе, а любо служба отъслужити ему», и признать, что введенные бояре выступают перед нами, как вообще высший слой должностного боярства, на должностях ли центрального дворцового управления (дворецкий, казначей, конюший), или на наместничьих кормлениях, причем, однако, выходит, что не все кормленщики и не все путные суть бояре введенные, а, по-видимому, лишь высший их слой, который не потому введенный, что должности занимает, а потому получает важнейшие и доходнейшие должности, что он введенный. Мудреное и никем еще не объясненное название этих бояр «введенными» поясняют обычно указанием, что оно позднее вытесняется терминами «ближние», «думные» бояре и дьяки, причем Ключевский остроумно предлагает признать, что «в XVI в. удельное звание *введенного* разложилось на два понятия, прежде в нем сливавшиеся»: человека думного и ближнего⁵. Я считал бы возможным признать «введенное боярство» предшественником боярства «думного», а «ближнего» разве в том смысле, что введенные бояре так же выделяются из круга бояр вообще, как позднее, с расширением круга думных людей, выделились из их среды «ближние», «комнатные» советники великого князя. Слово же «введенный» вызывает представление о каком-то «вводе», быть может, тождественном по существу, а, вероятно, и по форме с позднейшим «сказыванием»

⁴ См.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1.

⁵ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. 4-е изд. С. 127.

боярства тем лицам боярского происхождения, которые этим актом вводились в состав думцев великого князя.

Если так, то под введенными боярами остается разуместь ближайший круг правительственных сил князя, его «старшую дружину», его «думцев», или «бояр думающих», как сказали бы в Киевской Руси. Из них — его тысяцкие, его воеводы, что идут в поход во главе «двора» великого князя, заменяя по нужде его самого, его наместники, его судьи, что творят его личный суд, по его приказу-поручению. Эти бояре в первую голову служат великому князю, а он их «кормит по службе». Их службу надо себе представлять разнообразной, не закрепленной в определенную форму. Прежде всего это служба мечом, защита вооруженной силой интересов князя. Боярство — класс военный, и нет боярина, которого не встретишь на ратном поле воеводой и воином. Когда князь «садится на коня», то и его бояре с ним. Что до других сторон боярской службы, то ее общая основа в той же верности, которая определяет и разное дело бояр при князе. Бояре по обычному воззрению обязаны своему князю «добра хотети во всем», и что услышат о его добре или лихе, то им сказать, а доверенного им дела «не проносить», а хранить. Эти отношения составляли основу связи. А назначение на определенные должности — уже ее следствие, причем в них нераздельно сплетены служба и кормление, скорее с преобладанием второго, чем первой. Вернее будет сказать, что службой боярской по тогдашним понятиям считалась не деятельность по занимаемым боярами должностям, а их ратное и политическое служение мечом и советом князю. За эту их службу князь их «кормил», по службе глядя, давая им в кормления доходные должности. Но и так выражаясь, я выражаюсь не точно, ибо наше понятие должности, собственно, вовсе не применимо к явлениям этого порядка.

Боярам своим князь жаловал в кормление города, волости и доходы. О таких пожалованиях довольно часты упоминания в летописях. Упомянутая о «приездах» князей или бояр в службу великому князю, они сообщают, что князь им за то дал или пожаловал такие-то города, села, волости. Знаем, что на такие пожалования давались грамоты, но подлинных, старых грамот на кормление до нас почти не дошло. Большая часть их известна только в копиях так называемой Палаты родословных дел при Разрядном приказе, куда после отмены местничества, в силу указа от 12 января 1682 г., московские служилые люди представляли «родословные росписи» свои для составления полной «родословной книги». Росписи требовались с «явным свидетельством», с оправдательными документами,

а такими являлись разные древние грамоты, с которых в приказе снимали копии, возвращая, к сожалению, подлинники владельцам. В таких копиях сохранился, между прочим, и ряд грамот на кормления. Но среди документов, представленных в Палату родословных дел, были и явно подложные, и весьма сомнительные вместе с подлинными. Все же их тип и содержание устанавливаются с достаточной определенностью. Такое пожалование состояло в городе или волости «по тому же как было за прежними наместниками, со всеми пошлинами», причем пошлины эти иногда и различно перечисляются: «и с пятном», «с правдою и с пятном», «с мосты и с перевозы» и т. п.⁶ — жалуются, стало быть наместничьи, т. е. княжьи, доходы, установленные обычной «старой пошлиной». Кормленщик является в то же время наместником, или волостелем. Населению предписывается «слушать его и чтить, а он их блюдет и ходит по пошине». «И вы, все люди тое волости, чтите его и слушайте, а он вас ведает и судит и ходит у вас во всем потому, как было преж сего»⁷. Размеры жалуемых доходов бывали, видимо, весьма разнообразны. То они определяются просто тем, как было при прежних кормленщиках, то пожалование касается доли всего дохода, как в духовной Семена Ивановича, великого князя (1353 г.): «а хто моих бояр иметь служити у моее княгини, а волости имуть ведати, дають княгине моей прибытька половину», то перечисляются подробно в особых наказных и доходных списках. Вопрос о том, на какой срок давались кормления, не скажу, чтобы был ясен. Проф. Филиппов в «Учебнике истории русского права» говорит: «Кормления жаловались на срок или были бессрочными, иногда, даже наследственными»⁸. Прямую срочность трудно установить по нашим источникам для XIV–XV вв. Обычны формулы «бессрочные», но отсутствие срока в грамоте как разуметь? В XVI в. часты пожалования кормлений, состоящие в том, что великий князь кормленщику «попускает» свое жалованье «на другой год сряду», но есть ли это новость? Неуказание срока не создает еще положительной бессрочности, а скорее такое отношение, которое

⁶ См.: Акты XIII–XVII веков, представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. I // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1898. Кн. 2. Отд. I. С. 1–128; Кн. 3. Отд. I. С. 129–336.

⁷ Акты XIII–XVII веков, представленные в Разрядный приказ... // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1898. Кн. 2. Отд. I. С. 6, 7 и мн. др.

⁸ Филиппов А. Н. Учебник истории русского права: (Пособие к лекциям). 5-е изд. Юрьев, 1914. Ч. 1. С. 516.

в западноевропейском средневековом праве называли бы прекарным, т. е. зависящим — в продолжении — от воли жалователя. Дело в том, что такая формула, как приведенная мной ранее статья договора 1362 г. (Дмитрия Донского и Владимира Андреевича) об отъезде боярина с кормления, предполагает относительную срочность кормления: а поедет боярин «службы не отслужив», то либо получает и отдает кормление «по исправе» (разумеется расчет с князем по «прибытку») или обязан «отслужить службу». Понять суть этого порядка обычного можно только так, что кормление понималось как отношение двойное, взаимное (служба-кормление) с нормальной периодичностью в один хозяйственный сезон. Говорю не срочностью, а периодичностью, т. к. более чем вероятно обычное продолжение кормления на ряд таких периодов, из которых каждый, годичный, завершался расчетом в конце, очевидно, хозяйственного сезона. Забегая несколько вперед, отмечу мысль, которая, наверное, и у вас уже возникла, об аналогии этого условия отъезда кормленщика с крестьянским отказом — в срок и с расчетом.

Что до наследственности кормлений, то ее тоже можно разное понимать, отличая фактическое преемство на кормлении сына после отца, племянника после дяди и т. д. — «наследственность» не по праву — от вопроса о тенденции к закреплению вотчинного права на кормление и ее исторической судьбе. Фактическое преемство — явление, вероятно, нередкое, хотя, конечно, данных о нем у нас мало. Думаю, что его можно представлять себе нередким, потому что ведь и в Киевской Руси встречаются следы боярских фамилий, в нескольких поколениях занимавших должности тысяцких и воевод. Наши кормленные грамоты, из которых старшая не восходит за 60–70-е гг. XIV в.⁹, знают пожалования племянника, «как было за его дядей», отца вместе с сыном, сына тем, «что было дано за выезд отцу его», и т. п. Но и о подлинной «наследственности» кормлений можно найти кое-какие указания. Сюда я прежде всего отнес бы пожалования городов и крупных волостей выезжим из Литвы князьям, «в вотчину», как иной раз выражаются летописные своды.

Правда, фактически из таких пожалований ничего прочного не вышло, не образовалось из них «вотчинных княжений» своеобразного — не удельного, а кормленного — происхождения, но причина тому в ходе событий политической истории, а не в невозможности самого явления, которое, видимо, вполне отвечало понятиям того времени. Можно толь-

⁹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 1. № 6.

ко — а такая оговорка имеет свое основание — считать, что подобные пожалования были в Северо-Восточной Руси явлением наносным, подражанием практике Литовско-Русского государства, где отъездчики из великого княжества Московского, как можайские княжичи или Шемячич, получили «в вотчину» Чернигов и Стародуб, Новгород-Северский и Рыльск, да и отъехали с ними затем опять к Москве. Но попытка Чичерина и Дмитриева установить факт превращения кормления в вотчину с правом суда и управления не удалась¹⁰. Эти ученые опирались на единственный документ — судное дело кистемских бояр, относящееся к 30-м — началу 40-х гг. XV в., но и то истолковали его неправильно, т. к. в нем нет следов первоначального кормления, ставшего-де вотчиной. Надо еще отметить, что нет никакой возможности установить по-существу разницу между пожалованием волостей в кормление и слободок в путь; по-видимому, все отличие терминологии объясняется свойствами жалуемой единицы, которая, во втором случае, принадлежала к землям дворцового пути.

Наконец, разновидностью кормлений были частичные пожалования отдельных доходов — «торговых пошлин» в определенных уездах или «ямских» доходов в городе, — что опять-таки соединялось с полномочиями «то дело ведать и пошлины свои имать». Кормили князья своих бояр и слуг вольных на наместничествах и волостельствах и иных единицах управления разного размера и качества. Кормили их и при своем дворцовом хозяйстве. Наши источники не дают возможности детально и наглядно проследить, как развился общеизвестный в главных чертах и знакомый всему европейскому средневековью процесс превращения дворцовых должностей в высокие придворные чины, не связанные уже с действительными функциями и хлопотами по дворцовому хозяйственному обиходу. «Путными, — говорит Ключевский, — назывались все дворцовые чиновники, высшие и низшие, получавшие за службу дворцовые земли и доходы в путь или в кормление», причем весьма трудно различить подлинных дворцовых управителей от номинальных путников — кормленщиков¹¹. Во всяком случае и в этом круге дворцового и путного управления бояре и вольные слуги князя — руководящая среда.

¹⁰ См.: Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858; Он же. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856; Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859.

¹¹ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. 4-е изд. С. 125.

Глава VII

БОЯРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Что до боярства, то, как сказано, ближайший к князю, кормящийся на кормлениях и путях, и деятельный на наместничествах и должностях центрального управления княжого слой его — это бояре введенные. Как же представлять себе остальное боярство, от которого введенные отличны?

Эти «бояре все», кто служит великому князю, рисуются нам прежде всего основой его боевой силы, рядом с его личным войском, его «двором». Их значение опирается на землевладение, опору их социального положения.

По условиям всего уклада вотчинных княжений удельного времени крупное землевладение являлось существенным элементом их политического строя и управления. Недаром Н. П. Павлов-Сильванский назвал «крупное единоличное землевладение, господскую, боярскую вотчину или боярщину» одним из «основных учреждений государственного устройства средних веков»¹. Боярщина, действительно, была институтом не только землевладения, но и управления.

Вопроса о «происхождении» такого боярского землевладения мне, собственно, касаться особенно незачем. Отмечу только, для сохранения исторической перспективы, что это явление, уже сложившееся в основных своих чертах еще в киевский период. С XI в. идут известия о боярском землевладении, о селах боярских, где хозяйство ведется руками частью невольной челяди — холопов, частью полусвободного люда — закупов. С падением Киевщины и городского строя русских земель повсеместно наблюдаем быстрый рост силы и значения землевладельческого боярства. На русском северо-востоке — это влиятельная политическая сила во времена Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо. В так называемые удельные века боярство — неизбежная действующая сила во всех перипетиях междукняжеских отношений, настроение которой не раз решало судьбы князей и княжений. А фундамент боярского значения — в политической силе и политиче-

¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси (Сочинения. Т. 3). СПб., 1910. С. 174 и след.; Он же. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907. С. 45.

ском характере боярского землевладения. Суть этого «политического характера» в том, как известно, что владелец боярщины «имел право суда и управления, в той, или иной мере, над населением в пределах своих владений» (Павлов-Сильванский) или, как выражается Неволин, «получал многие права державной власти и становился в своей вотчине как бы князем», был для населения своей вотчины судьей по делам не только гражданским, но и уголовным, собирал на себя в своей вотчине различные пошлыны, следовавшие в казну княжескую, например, мыто, мостовщину, перевоз, пользовался повинностями, учрежденными собственно для князя, и т. п. Словом, был во всем подобен кормленщику-наместнику по отношению к населению, т. к. «ведал его и судил, и ходил во всем по пошлыне». Мы знаем об этих особенностях владельческого положения средневековых бояр исключительно из жалованных грамот разного типа — несудимых, невъезжих, льготных, которыми, начиная с Ивана Калиты, княжая власть гарантировала боярские вотчинные привилегии, определяя обыкновенно их объем и границу. Это вызвало у историков представление, что правительственные права землевладельцев над населением их вотчин явились, в самом происхождении своем, результатом княжого пожалования. Так долго, хотя и не без колебаний, смотрели на Западе на происхождение сходных прав западноевропейских феодалов из королевских пожалований, но дальнейшая работа привела к выводу, что права эти и связанная с ними практика много старше первых так называемых «иммунитетных грамот». И у нас гениальный создатель истории русского права К. А. Неволин еще в 1857 г. после характеристики державных прав бояр по жалованным грамотам землевладельцев писал в своей «Истории гражданских законов»: «Но, может быть, такими грамотами был только подтверждаем как исключение (?) тот порядок вещей, который в древнейшие времена существовал сам собою и по общему правилу. Надобно полагать, что в древнейшие времена права вотчинника были не теснее, а напротив, еще обширнее, чем они были во времена позднейшие... При слабой власти общественной сильный вотчинник в пределах своей земли был самовластным господином. Никто не мог вступать на его землю без его согласия. Он был посредником между правительством и лицами, жившими под его рукою на его земле. Он производил суд между ними по делам, у них между собою возникавшим, и никто не мог вмешиваться в управление судебной его власти. К нему должен был обращаться тот, кто имел дело до его людей или людей, живших на его землях... Если дело происходило между лицами, подвластными разным вотчинникам,

то общий суд их полагал ему конец»². Так, облик боярина-землевладельца рисуется Неволину весьма сходным с положением удельного князя-вотничка, также вполне самостоятельного во внутреннем управлении, суде и расправе над населением своего княжества, также разрешавшего споры своих людей с чужими в форме сместного или вопчего суда. Общий взгляд Неволлина возрожден Н. П. Павловым-Сильванским, который проводит мысль, что «иммунитетные права проистекают не из отдельных княжеских пожалований, а из общего обычного права»³. Высказавшись так, Неволлин продолжает: «С утверждавшеюся и распространявшеюся княжескою властью такой порядок не мог быть совместен. Но он не мог быть вдруг уничтожен. Переход к уничтожению его составляют несудимые грамоты. То, что прежде принадлежало вотчиннику в силу вотчинного права, то было теперь знатнейшим вотчинникам обеспечиваемо жалованными грамотами, как особенное преимущество». Тут не все, конечно, верно. Неверно то, что жалованные грамоты подтверждали лишь «как исключение», и то за «знатнейшими», то, что было прежде общим правилом. Сергеевич, также вслед Неволину признавший, что «возникновение указанных преимуществ и льгот относится, конечно, к самой отдаленной древности», говорит более правильно: «Надо думать, что такие пожалования составляли общее правило, а не исключение», — и указывает, что среди пожалованных, чьи грамоты до нас дошли, встречаются разные «Ивашки и Федьки», имевшие свои привилегии наряду с большими людьми, имена которых писались с «вичем»⁴.

В итоге боярщина является в составе вотчинных княжений удельного времени не новообразованием, созданным будто бы княжеской политической пожалований, а бытовой и обычно-правовой стариной, которая растет и развивается, и крепнет параллельно развитию самих вотчинных княжений, внутри их, и с которой растущей в свою очередь великокняжеской власти приходилось считаться как с большой общественной и экономической силой. Близость такой боярщины к вотчинным княжениям и уделам, особенно мелким и дробным по территориальному объему, естественно, привела исследователей к вопросу: распространялось ли на них право отъезда с вотчинами, свойственное даже самым мелким князьям-отчичам, которые постепенно теряли это свое право лишь окольным

² Неволлин К. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1857. Т. IV. С. 149–150.

³ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 298.

⁴ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. 2-е изд. СПб., 1902. Т. I. С. 364, 366.

путем договоров с великим князем о том, что им от него «неотступным быти», и договоров между крупными князьями о том, чтобы друг от друга их служебных князей с вотчинами не принимать, а которые отъедут, то те вотчин лишены? Всего тщательнее обработал этот вопрос Н. П. Павлов-Сильванский в § 81 своего труда о «Феодализме в удельной Руси» и пришел к вполне правильному выводу, что боярский отъезд с вотчинами был явлением, весьма знакомым удельной Руси, но рано подавленным окрепшей княжеской властью, почему оно и отразилось в наших источниках почти только косвенно. Полнота вотчинной власти над боярщиной была столь велика, что при свободе личной службы бояр-вотчинников получалось резкое противоречие между политико-административным значением боярщины в составе одного княжения и службой самого боярина в другом. Отсюда забота каждой политической единицы в удельной Руси, чтобы чужие бояре, как и чужие князья, не распространяли своей вотчинной власти на ее части ни в форме покупки земель, ни в форме приема под свою господскую власть так называемых закладней, или закладников, вольных людей, поступавших под чью-либо частную, личную власть путем челобитья им в службу или под их патрональную опеку. Лишь в виде компромисса в договорах между союзными князьями устанавливается возможность боярина или вольного слуги-вотчинника служить в одном княжестве, а вотчину иметь в другом, и то с обязательством не разрушать ее связи с политико-административным целым местного княжества, т. е. «судом и данью», «тянуть по земле и по воде» и не уклоняться от участия в защите по территории, а являться для «городной осады» к месту своего землевладения. Новгородцы настойчиво уговариваются с князьями, чтобы те не принимали «ни людей новгородских... ни земли»⁵.

Прямые примеры битья челом в службу с вотчиной известны — неожиданно — лишь поздние. Один относится ко временам Василия Темного: в его жалованной грамоте 1461 г. читаем, что великий князь пожаловал суздальского землевладельца Алексея Краснослепа его же отчиною, пустошью Хоробровскою⁶; пожалование не совсем понятное, не ясно и то, от кого «отъехал» Краснослеп, но вне связи с переходом на службу

⁵ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 15. С. 19.

⁶ Акты XIII–XVII веков, представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. I // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1898. Кн. 2. Отд. I. С. 16.

к великому князю от местного суздальского князька и вовсе нельзя объяснить пожалования служилого человека его же вотчиной; так и великий князь Иван Иванович, когда отец ему Тверь дал, приняв бывших тверских бояр в свои бояре, дал им жалованные грамоты на их вотчины. Яснее два других примера: из грамоты Ивана III 1487 г. узнаем, что муромский вотчинник Ивашка Максимов сын Глядящий «бил челом... великой княгине Софее и с своею вотчиною, с половиною селом Глядящим», и князь великий «пожаловал тем его половиною селом Глядячим»⁷. Наконец, в духовном завещании Ивана III читаем: «а бояром и детям боярским ярославским со своими вотчинами и с куплями от моего сына Василия не отъехати никому никуды, а хто отъедет, и земли их сыну моему, а служат ему и он у них в их земли не вступается». На фоне наших источников эти строки производят впечатление чего-то необычного, исключительного: нет обычного права личного отъезда с сохранением вотчины на условии тянуть по земле и воде. Я думаю, что тут можно видеть отражение тех порядков и отношений, которые сохранились с большей косностью и верностью старине в мелких удельно-вотчинных захолустьях, от которых до нас почти вовсе документов и иных сведений не дошло. А наши источники — почти сплошь московские, т. е. отражают более сложную и напряженную политическую жизнь, в которой, по выражению Неволлина, «разрушены были многие древние установления Русского народа». Еще один пример «отъезда с вотчиной» Павлов-Сильванский видит в истории Волоколамского монастыря, когда игумен Иосиф Волоцкий, недовольный подчинением князю Федору Борисовичу волоцкому, просил великого князя «принять монастырь в покров и в соблюдение свое»: взял бы великий князь монастырь с игуменом и братьею «в великое свое государство и не велел бы князю Федору Борисовичу вступатися ни во что». Житие Иосифа говорит об этом так, что Иосиф «отказался от своего государя в великое государство». Василий III, действительно, «взя обитель... в свою державу», а Иосиф, когда о том ходатайствовал, то подкреплял свое челобитье на ряде других примеров, когда монастыри, находящиеся в мелких вотчинных княжествах, были по челобитью игуменов Василием Темным взяты «в его государство» с запретом «тем князьям в те монастыри вступатися ни по что»⁸.

⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. I. № 120.

⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 403–404.

В известном риторическом рассказе о «Житии и преставлении царя Русского, великого князя Дмитрия Ивановича» московский книжник вложил в уста Донскому цветистую речь по адресу бояр, где великий князь говорит, что с ними он царствовал, с ними держал землю Русскую, держал их в чести, и нареклись они у него не бояре, но князи земли его; и сыновьям, по повести этой, завещал Дмитрий любить бояр своих, честь им достойную воздавать, противу служений их и без воли их ничего не творить⁹. А Ключевский, говоря о действительном укладе великорусской политической жизни, говорит: «Князь правил с двумя классами, господствовавшими в обществе, военно-служилым и духовным».

В каждом политически организованном обществе, в любой стране, выработавшей хотя бы самую элементарную административную организацию, есть отношения и, так сказать, нити властвования, которые надо в руке держать, чтобы действительно властвовать и управлять живыми силами этой страны. Таким органом власти в Северо-Восточной Руси удельного времени было боярство. Конечно, Ключевский вполне прав, называя рядом с ним и духовенство; я бы только предпочел сказать — церковь, т. к. тут дело не в духовенстве как классе, а в церкви как учреждении, как организации. Но ее я пока оставляю в стороне, потому что о ней разговор будет особый.

Князь удельного времени так же не представим без боярства, как древнерусский князь без дружины. В [прямой] связи с сильным и деятельным боярством его [князя] собственная общественная сила. И Москва растет, собирая к себе многолюдную боярскую массу, высасывает живые соки из соседей-соперников, привлекая на службу себе, добром или неволей, местные боярские силы. Удельное средневековье не знает еще безличных учреждений как деятельных сил управления и властвования. Оно строит свой политический быт на личных силах и личных отношениях. Присмотримся ближе, в каком смысле боярство было необходимым органом княжого властвования, и мы, быть может, лучше поймем, почему такая служба могла быть только вольной и основанной на договоре, на взаимной связи интересов и выгод. Две фигуры тут важны: боярин-наместник и боярин-вотчинник.

Одной из существенных научных заслуг Н. П. Павлова-Сильванского представляется мне выяснение в той части его труда, которая озаглавлена «Община и боярщина», подлинного житейского характера и значения

⁹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1897. Т. XI. С. 114.

наместничьего управления XIV–XV вв. Вглядевшись в то, что оно из себя представляло, поражаешься поверхностным характером его управительной роли и деятельности.

Округа наместничьего управления были огромны в слабо населенной стране, где поселки волостные раскидывались на сотни верст в море леса и пустырей, часто болотных. Сама старинная волость — большая территория от 200 до 800 квадратных верст. А по несколько десятков таких волостей приходилось на станы наместничьего управления; два-три, иногда больше, таких стана составляли округ наместничьего управления, которое ведалось каким-нибудь десятком или несколько большим числом его агентов, тиунов и доводчиков. Эта кучка людей, можно сказать, тонула в волостном житейском море. А ведь ею исчерпывалось представительство власти на местах в областном управлении. Князю это управление служило отчасти источником дохода, отчасти и, вероятно, даже больше средством содержать нужную силу слуг своих, кто покрупнее, и собирать их к себе побольше.

А чем было оно для населения, что ему давало? Основные функции управления выполнялись почти целиком выборными волостными властями, «старостой со крестьяны». По Двинской грамоте, единственной уставной грамоте XIV в., «самосуд», караемый пеней — только один: «кто изымав тятя с поличным да отпустит, а собе посул возмет» — а «опрочь того самосуда нет», да ведь и это, по-настоящему, вовсе не самосуд. Охрана местной безопасности, поскольку существовала, создавалась, очевидно, самодеятельностью волостных общин: у наместничьего управления не было ни сил, ни средств — ни следить за местной жизнью, ни опекать ее. Наместник прежде всего кормленщик — получает кормы, собирает пошленные доходы, но он и «ведает» и «блюдет» пожалованные ему волости. Наместник — судья. Но весь строй старого судебного процесса таков, что судебная власть вступает в силу только по почину заинтересованных лиц, а частному лицу обратиться к наместничьей власти за защитой нарушенных прав своих едва ли часто бывало по карману: столько приходилось уплатить «хоженого» или «езду» наместничьим доводчикам при надобности осмотра или опроса на месте в сколько-нибудь отдаленной от стана местности. Недаром в дошедших до нас «судных списках» всё больше монастыри да целые волости выступают сторонами. Наместник — власть административно-полицейская. Но какие были у него способы искоренять разбои и татьбу, и всякую преступность, кроме разве взыскания «вины» с волости за нераскрытые ею преступления, если о них узнает

по «извету» или «язычной молве»? Наместник — власть финансовая. Но и тут его роль пассивная: получение доходов своих и государевых по раскладке и сбору волостных людей промеж себя — как те же «старосты со крестьяны» организовывали всякую повинную работу или даточных людей давали, когда это требовалось, «покручая» меж себя четвертый пятого или как приходилось на «городовое дело» и тому подобные повинности. Не будет преувеличением сказать, что при наместниках-кормленщиках вся действительная работа по охране общественного порядка и безопасности, суд и расправа, сбор государевых доходов и наместничьих кормов лежали на волостных общинах с их выборными. Система наместничьего управления лежала лишь очень поверхностно на массовой жизни областей, и ее значение, можно сказать, было, кроме целей кормления, не столько судебно-административным, сколько политическим. При слабом развитии действительной правительственной власти в ту эпоху, наместничествами достигалась иная цель: с их помощью закреплялась и сосредоточивалась в руках московского государя верховная политическая власть над областями, входившими — постепенно во все большем количестве — в состав государства великих князей московских. Жалуя своим князьям и боярам в кормление города и волости, великий князь едва ли был особенно расточителен: нельзя же было всю эту массу земель и людей, на них осевших, вовлечь в путное, дворцовое управление, а ведь это по всей тогдашней системе отношений единственный способ непосредственного управления и извлечения доходов из княжеских владений. Оставалась другая система: возлагать неизбежный минимум правительственной деятельности на местах на те органы власти, которые таким путем получали свое содержание, давая в обмен великому князю — свою службу, часть местных доходов и — *last not least*¹⁰ — обеспечение его владения над данной частью территории и населения.

На фоне такого представления о действительной роли наместничьего управления в раннем Московском государстве можем себе представить яснее политический и административно-государственный смысл тогдашнего крупного землевладения, боярского и церковного.

Для этого вопроса особенно важно установить определенную точку зрения на происхождение жалованных грамот, поскольку они определяют вотчинный суд и управление, изъятие боярщины из-под власти наместничьего управления и гарантию самого землевладения. Если признаем

¹⁰ Последнее по месту, но не по значению.

ходячее в нашей литературе мнение, что жалованные грамоты свидетельствуют о создании всех этих прав и привилегий крупного землевладения волей князя¹¹, то получится ряд совсем иных выводов о ходе тогдашней жизни и строе ее отношений, чем при Неволинском понимании дела, что-де «такими грамотами был только подтверждаем... тот порядок вещей, который в древнейшие времена существовал сам собой и по общему правилу». При отсутствии источников, которые давали бы сведения о положении крупного землевладения раньше XIV в., эпохи первых наших грамот, для меня, кроме ряда иных общеисторических соображений, вопрос этот решается, особенно, тем влиятельным и мощным положением, какое боярство — несомненно землевладельческое — занимает в Северо-Восточной Руси еще в XII и XIII вв. Если я по отношению к ранней истории Киевской Руси оказался вынужденным отстаивать значительно большую активность княжеской власти при создании и организации древнерусских земель-княжений, то для эпохи возникновения так называемого удельного порядка я настаиваю на необходимости раз [и] навсегда отказаться от картины, созданной Соловьевым и так блестяще художественно развернутой Ключевским. Образ князя — создателя своего княжества на сыром корню, в стране, населенной финскими племенами, куда он призывает русское население с далекого юга, колонизуя им свои владения, строя для него города и церкви и т. п.; князя — хозяина своей земли, на которую он принимает пришлое население, принадлежит не исторической действительности, а области книжных легенд, каких немало, к сожалению, в нашей историографии. Организация особого Ростово-Суздальского княжества во времена Юрия и Андрея Боголюбского сложилась уже на окрепшей основе славянской колонизации этого северо-востока.

В XIV и XV вв. постепенно крепнет заселение и хозяйственная эксплуатация его областей, которые в эпоху утверждения ордынского владычества уже разбиты на ряд местных вотчинных княжений, живших силою своих князей и деятельностью своего местного боярства и духовенства. Эта внутренняя колонизация — заселение и разработка обширных пустошей, вырванных в значительной мере из-под леса, шла частью сама собой, расселением волостных крестьян по починкам и волосткам, частью

¹¹ Ср. хоть новейшую работу Панкова «Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI в. и его политическое и экономическое значение. СПб., 1911». — *Примечание автора.*

предприимчивостью духовных и светских землевладельцев. Княжие жалованные грамоты крайне редко предшествовали образованию крупного землевладельческого хозяйства, а их функция в процессе такой колонизации состояла по существу в утверждении, закреплении и нормировке явлений, сложившихся в ходе самой жизни. Вмешательство княжеской власти в судьбы землевладения вызывалось прежде всего столкновениями между укладом волостной жизни и новыми экономическими явлениями, и владельческими интересами вновь возникающих боярщин. Старое обычное право народных общин приходило в столкновение с новыми притязаниями землевладельцев: требовалась власть, которая разрешала бы вопросы, поставленные на очередь самой все усложняющейся жизнью.

Древняя волость захватывала в свое владение весьма обширные пространства, лишь в известной части подчиненные прямой хозяйственной культуре. Ее поселки, тянувшие к волостному центру, погосту, оказывались широко рассеянными среди нерасчищенного леса, болот и пустошей. «Территория волости, — как ее изображает Павлов-Сильванский, — определялась крайними пунктами разбросанных поселений»¹², а леса и болота долго оставались вовсе неотмежеванными от соседних волостей. Только когда поселки двух разных волостей, постепенно все глубже врезываясь в лес, сходились так близко, что начинались между соседями столкновения из-за пользования теми или иными угодьями, звериными ловлями, бортными ухояжами, пашенным лесом, волости приступали к размежевке, «копали межи и грани тесали на деревьях». Растущее церковное и светское землевладение то и дело клином врезывалось в волостные территории, то поднимая новину путем земельной заимки в нерасмежеванных, пустых углах территории, то захватывая земли, которые волость «из века» считала своими. Не всегда такие захваты, по-видимому, вызывали протест волостных крестьян, по крайней мере сразу. Иной раз возникали вольные соглашения. Волость поступалась монастырю теми или иными участками, отдельные ее члены продают богатому соседу свои расчищенные и возделанные участки.

Рост крупного землевладения, прежде всего, естественное следствие накопления богатства в руках высших социальных слоев и применения его к земледельческому хозяйству двумя путями: оно ставится либо силой невольной челяди, холопов боярских, либо трудом вольных людей —

¹² Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 34.

крестьян, которых втягивает в чужое крупное хозяйство возможность получить ссуду (помогу) и льготу в уплате дани и иных пошлин. Средневековое землевладельческое хозяйство могло быть относительно очень крупным, по размеру земельных владений, но не было крупным хозяйством по технике ведения дела. Поэтому верно определяют его тип истории экономического быта, когда говорят, что для него характерно соединение крупного землевладения с мелким хозяйством. Дело велось путем создания на территории боярщины многих таких мелких крестьянских хозяйств, в которые и вкладывался владельческий капитал мелкими долями в форме помощи, ссуды, отчасти уплаты даней и пошлин князю за крестьян, если не удавалось выхлопотать более или менее полной финансовой льготы. Богатые монастыри, богатые бояре деятельно поработали над этой формой развития внутренней колонизации, притом, по видимому, если только нас не обманывает случайный состав наших источников, расцвет этой деятельности падает на последние десятилетия XIV и особенно на XV в. Во всяком случае это время, когда неослабно растет крупное землевладение, плодя свои починки и поселки и все больше утесняя более медленное развитие свободных крестьянских волостей, которым оставалось только жаловаться, что их «деревни и пустоши волостные разоимали бояре и митрополиты, не ведаем которые, за себя». Павлов-Сильванский отмечает такие моменты этого процесса: 1) «значительные части волостных территорий переходили во владение бояр и монастырей в качестве займок или розделей неводеланных земель» — возникали деревни, которые владелец «разделал на лесе своими людьми», починки, которые «чернецы на лесех ставили»; 2) захват пустошей, заброшенных временно участков; 3) скупка участков у отдельных крестьян или других владельцев, ранее приобретших часть волостной земли¹³. Вопрос о законности всех таких приобретений оказывался весьма спорным. По крепкому обычно-правовому воззрению, раз занятая волостная территория, а тем более пустоши — выморочные и покинутые участки, уже приспособленные для сельскохозяйственной культуры, стояли под территориальной властью волостного мира, который распоряжался ими по мере надобности — путем раздачи «старостой со крестьяны» новопробылым поселенцам долей леса и полевой земли за тягло, на оброк или в льготу. То, по нашему говоря, право собственности, какое принадлежало крестьянам-хозяевам на их участки, широкой возможностью отчуждения

¹³ Там же. С. 247 и след.

и распоряжения не нарушало — по крайней мере в принципе — при своеобразной конструкции основных понятий средневекового вещного права, владельческих прав волости. И волостные крестьяне не раз пытались оспаривать захваты и приобретения светских и церковных землевладельцев, но систематически проигрывали судные дела, раз землевладелец мог представить грамоту, закрепившую ту сделку, по которой был приобретен спорный земельный участок. Конечно, такие грамоты можно было представить в случае покупки, вклада в монастырь, духовной и т. п. Но на заимки и захваты — под свое прямое хозяйство или в пользование волостным лесом, рыбными и звериными ловлями — таких грамот, удостоверяющих законность приобретения, не оказывалось. Однако самый даже факт, что перед правом подобного приобретения отступало высшее право волости на всю свою территорию, уже свидетельствовал о презумпции в пользу частновладельческого землевладения.

Значительно более сильной и действительной его правовой опорой и явились жалованные грамоты. Разумею тут тот их тип, который содержанием своим имел княжое земельное пожалование. Издревле княжеская власть была единственным «источником права», как выражаются юристы, который мог закрепить новое, возникающее право, разрешить вопрос, обычным правом непредусмотренный, и разрешить его, не считаясь с обычным правом, в дополнение или прямое изменение его. Конечно, от фактической силы княжеской власти зависело осуществление таких новшеств в жизни, но ведь в изучаемую нами эпоху давно и память заглохла о былом ограничении власти князя силой вечевых общин, да и раньше-то разве только в Новгороде бывали случаи, когда вече вступалось ради выгод главного города за интересы смердов. Землевладельцы-бояре и монастыри теперь находят правовое основание для своих приобретений за счет волостных общин в княжеских пожалованиях. Было бы весьма существенно установить, когда же возникла подобная практика. Но это вопрос в сущности неразрешимый по состоянию наших источников. Видим, что некоторые виды княжеских пожалований, и весьма любопытные, восходят еще к XIII и даже XII в. Но некоторое богатство и разнообразие наши источники представляют только для XV в. То великий князь «освобождает» митрополиту купить волостную деревню (1421 г.), то разрешает монастырю купить участок, разработанный некрестьянином в волостном лесу. Встречаются грамоты с разрешением боярину заимки в лесных угодьях: «пожаловал» такого-то, дал ему «сести» там-то, занять «околицу» и людей призывать к себе. То великий князь разрешает

монастырю-землевладельцу «сечь дрова и бревна» или «ездить по дрова и бревна на хоромы» в волостной лес, предписывает старосте «со крестьяны» в том не препятствовать. То князь жалует монастырь, давая в «дом святого» ряд пустошей волостных «с пошлыми землями, с лесы и с пожнями», т. е. покинутые участки из-под старой хозяйственной эксплуатации со всеми угодьями, что к ним (пустошам) истари потягло.

Наиболее был бы важен, но он крайне труден для разрешения, вопрос, когда возникли и какой характер имели пожалования населенных земель в вотчину монастырям, боярам и слугам вольным. Сравнительно с пожалованием порозжих земель это огромный шаг, получивший первостепенное, как известно, значение во всем развитии социально-политического строя Московского государства. Наряду с земельными пожалованиями отмеченного выше типа, чаще встречаем в XV в. (и раньше) пожалования, по-видимому, из дворцовых земель, когда князь дает «свое» село или слободу; и можно не без основания предположить, что таковы были более, по крайней мере, обычные пожалования земель населенных. Позднее, в Московском государстве XVI и XVII вв., широко разворачивается раздача волостных земель с черными волостными крестьянами, но это вызвано развитием поместной системы, на фоне которой и пожалование в вотчину получает несколько иной характер.

В XIV и XV вв. — по крайней мере в пределах московских владений — князья относились с чрезвычайной бережливостью к платежной силе черных тяглых людей. Разумею тут отношение междукняжеских договоров и духовных грамот к «численным и данным людям», которых князья первоначально «блюдут с одного», а потом, хоть и стали делить заведение ими по уделам, сводя долю каждого в общей дани татарской к условленной сумме, но все-таки уговаривались между собой не расхищать этого основного финансового фонда. Дело в том, что по мере развития и роста дворцового хозяйства, князья часть волостных земель и волостного населения неизбежно втягивали в него. Еще при Калите упоминаются «выиманные по волостям люди», в службу «уряженные» на ту или иную службу по дворцовому хозяйству, по-видимому, в работу по специальным отраслям дворцового хозяйства — путям. Это слуги, «которые потягли к дворскому». И князья в договорах стремятся связать сами себя и друг друга обязательством — таких слуг, а также «черных людей, которые потягли к сотникам», в службу впредь не принимать, земель их не покупать и боярам не позволять таких покупок. С этой точки зрения, решение покупок волостных земель и утверждение уже совершившихся,

допущение заимок и раздача пустошей стояли в несомненном противоречии не только с обычно-правовыми воззрениями народных общин, но и с интересами княжеской политики. А все-таки практика изъятий нарастала, и эволюция шла не в сторону тенденции договоров. Надо помнить, что договоры междукняжеские, с какими мы дело имеем, — московские, и эта их тенденция, может быть, и не типична для эпохи вотчинных княжений Северо-Восточной Руси. Как ни ограничен доступный нашему изучению материал, исследователи давно установили не только то, что более ранние пожалования более щедры и широки, а затем постепенно суживаются, но и то, что пожалования в областях немосковской власти и в XV в. шире и щедрее, чем московские. Так что указанные ограничения пожалований еще в XIV в. естественно признать особой чертой именно московской политики. Нельзя при попытке уложить эти явления в соответствующую историческую перспективу не вспомнить о двух одиноко стоящих очень старых грамотах. В 1130 г. князь Мстислав Владимирович, старший сын Мономаха, и его сын Всеволод дали новгородскому Юрьевскому монастырю волость Буйцы по берегу озера того же имени «с данию и с вирами и с продажами». Такое пожалование волости монастырю вместе с княжими доходами от управления волостными смердами можно бы назвать пожалованием кормления в вотчину, т. к. тут соединены земельное пожалование вотчиной и передача в руки монастыря правительственных доходов, не исключая и «полюдия даровьного», добавленного в грамоте от себя великим князем отцом¹⁴. Затем ко второй половине XIII в. надо отнести то известие, какое находим в грамоте Олега Ивановича рязанского (70–80-е гг. XIV в.) о наделении рязанскими князьями, их боярами и мужами нового Богородичного монастыря пятью погостами с населением в 860 семейств с землями, и угодьями, и с правительственными доходами — судными и иными пошлинами. Странен в этом известии состав жалующей власти — 3 князя, 300 бояр и 600 мужей, своеобразен счет на семьи, но рязанские, как отчасти тверские, грамоты во многом так своеобразны для нас, привыкших к московским формам, что тут с дипломатической критикой надо подходить крайне осторожно, тем более что подлинность пергаменной хартии Олега не заподозрена¹⁵.

¹⁴ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. 3-е изд. Киев, 1885. Вып. I. С. 115–116.

¹⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I. С. 2–3; Сборник Московского архива министерства юстиции. М., 1913. Т. I. Ч. 1. В грамоте упоминается 5 погостов с населением в 1010 семей. Очевидно, подсчет, приводимый А. Е. Пресняковым, неточен. — *Ред.*

Так в главных чертах выступает перед нами развитие крупного землевладения. Оно в политико-административном смысле было привилегированным. Это значит, что его влиятельное и во многом независимое положение было в эпоху роста и усиления великокняжеской власти признано ею, закреплено как привилегия в жалованных грамотах, определявших особое — в отличие от общего строя княжого управления — положение землевладельцев-грамотчиков и населения их владений. Суть этой привилегированности можно определить как признание церковной и светской боярщины особой и самостоятельной единицей правительственного строя, своего рода административным округом. Это достигалось, как известно, двумя чертами жалованных грамот: изъятием грамотчика и его вотчины из-под власти наместничьего управления и передачей судебной-административной власти над населением в руки вотчинника.

По общему наблюдению над хронологией грамот считают, что первая черта старше второй. Старшие жалованные грамоты того типа, который называют грамотами льготными, это так называемые невъезжие, несудимые. Ими определяется неприкосновенность, иммунитетность территории частного владения для органов наместничьего управления — наместникам и волостелям, их дворянам — тиунам и доводчикам «в те земли не въезжать ни по что, ни поборов не брать, ни судить ни в чем». Сам грамотчик и его люди подсудны только великому князю: судит их сам князь великий или кому он прикажет, его боярин введенный, его казначей. Были попытки вывести из этой иммунитетности — как естественное следствие — переход суда и всякой иной власти над населением боярщины в руки землевладельца. Но как уже приходилось мне отмечать, новые исследования ведут к признанию, что вотчинный суд и расправа старше по происхождению, чем жалованные грамоты, задача которых — утвердить (по челобитью землевладельцев ввиду постоянных их столкновений с органами наместничьего управления) их независимость, создавшуюся фактически и принявшую характер обычно-правового явления.

Но сверх того — и это всего важнее — еще Неволин указал на особое значение той эволюции пожалований, которая состояла в регламентации грамотами размера и состава владельческих, судебных и финансовых льгот. В этом вопросе надо различать три существенные стороны. Прежде всего, с распространением практики льготных грамот, повторяю словами Неволина, «то, что прежде принадлежало вотчиннику в силу вотчинного права, то было теперь знатнейшим вотчинникам обеспечиваемо

жалованными грамотами, как особенное преимущество»¹⁶. Другими словами: то, что прежде было собственным правом вотчинника, выросшим на обычно-правовой основе, то теперь является правом производным, пожалованным. Та власть вотчинная, которая была самодовлеющей, становилась, сказать по-нынешнему, делегированной, т. е. по существу особой формой проявления и применения единой центральной великокняжеской власти, элементами коей великокняжеская воля наделяет землевладельцев-вотчинников, как наделяет ими и наместников-кормленщиков, жалую им волости и города в кормление. Так, эти пожалования, давая опору землевладельческому классу по отношению к другим группам населения, в то же время ставили вотчинную власть в подчиненную зависимость от великого князя. Мало того, утверждение великокняжеским пожалованием даже таких земельных приобретений (все равно — предварительно или *postfactum*), которые свершались путем частноправовых сделок, вроде купли, или путем вольной заимки дикого поля и леса, ставило само вотчинное землевладение в то же положение зависимости от властной воли великого князя. А владельческое земельное владение делало также производным от территориальной власти великого князя как вотчинника всего своего государства — великого княжения. В духе средневековых правовых понятий, положение вотчинника-грамотчика на пожалованной земле оказывалось сходным с положением, например, земледельца на вотчинниковой земле. Ведь *dominium eminens* на всю территорию княжения принадлежало ее вотчинному владельцу — князю, а на долю боярина или монастыря-вотчинника оставалось только *dominium utile*, широкое право владения, которое первоначально соединялось с широчайшей свободой отчуждения и распоряжения.

Такая обусловленность боярского вотчинного землевладения верховной, тоже вотчинной, территориальной властью князя установилась, как мы видели, не сразу. Я отмечал только что признаки того, что и правосознанию, и бытовой практике удельного периода в Северо-Восточной Руси был весьма знаком отъезд с вотчинами, т. е. такое понимание вотчинного владельческого права, при котором оно дробило и разбивало цельность княжеского властвования над территорией княжества. И если оно в таком крайнем своем проявлении, как отъезд с вотчиной, оказывается очень рано и решительно подавленным, то обстоятельство это надо поставить в прямую связь вообще с усилением территориальной вотчинной власти

¹⁶ Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Т. IV. С. 151.

князя и прежде всего великого князя московского. Роль жалованных грамот в этом усилении весьма значительна. Дело в том, что, по средневековым правовым воззрениям, в этом пункте, как и во многих других, тождественным в удельной Руси и в средневековой Европе, пожалование, хотя бы и в вотчину, не создавало безусловного права собственности для одаренного и не устраняло вполне прав на пожалованное самого дарителя. Последний не только имел возможность так или иначе обусловить свое пожалование, но и, помимо формальной условности, самый акт пожалования предполагал связанность одаренного обязательством не употреблять полученного в какой-либо ущерб дарителю, а, напротив, служить ему силами и средствами своего владения в случае потребности.

Тут перед нами одна из тех черт, которые так характерны для средневекового права: его нормы формально (юридически) расплывчаты и стоят на трудно уловимой, а по существу, и вовсе неуловимой грани между нормами правовыми и нравственными. Ведь и взаимная обязанность князя и его вольного слуги строилась на точно неопределенных формально, но житейски ясных понятиях взаимной верности — службы не за страх, а за совесть, и заботливого покровительства. Так и земельные пожалования той эпохи заключали в себе элемент обусловленности вытекающих из них отношений князя и слуги-грамотчика, которого князь мог пожаловать не только участком дворцовой земли или пустыря под заимку, но также его, грамотчика, собственной вотчиной или куплей. В духовных грамотах княжеских упоминаются, между прочим, села, которые великий князь раздал своим князьям и боярам и детям боярским в жалованье «или хотя и в куплю», упоминаются боярские вотчины и купли как элементы той земельной территории, которой великий князь распоряжается как вотчиной своей, деля ее между членами семьи и передавая по наследству. Земли, данные великим князем в куплю, могут быть и проданными из дворцовых земель по форменной сделке купли-продажи (примеры таких купчих сохранились), и все-таки они остаются в составе вотчины княжеской наравне со всеми частновладельческими землями. Тот вопрос, который для нас и вопроса-то никакого не составляет, т. к. слишком просто разрешается различием понятий государственной территории и частной земельной собственности, в удельные века до крайности осложнялся столкновением между вотчинными правами князя на всю территорию княжества, с одной стороны, и боярина или монастыря-землевладельца на часть той же территории — с другой.

Боярское вотчинное право сложилось, при усвоении ему чисто княжеских (правительственных) отношений к населению боярщин, в такую силу, которую для целостности княжества надо было князьям преодолеть. И они его преодолевают: во-первых, подавляя отъезды с вотчинами; во-вторых, отделяя владение вотчинами, что судом, данью и повинностью военной обороны тянут по земле и по воде, от вольного права отъезда и, в-третьих, связывая самое вотчинное владение и его привилегии со своим пожалованием как единственным их законным источником. В результате всего этого процесса получилось такое положение боярщины, что ее и в самом деле можно назвать, вместе с Павловым-Сильванским, одним из основных учреждений государственного устройства великого княжения Московского, как и всякого вотчинного княжения удельных веков. Для боярина-вотчинника получилось такое положение, что он явился таким же по существу органом великокняжеского управления, как боярин-кормленщик. Это подчинение боярских вотчинных прав, их вотчинной силы и землевладения высшей великокняжеской власти было одной из существенных сторон процесса образования Московского государства. С одной стороны, оно было одним из средств собирания земли и власти в руках московского государя. С другой — само развитие крупного боярского землевладения с его широкими привилегиями стало одним из средств умножения сил этого государя и расширения территориальной и социальной базы, на которой строилось политическое здание Московского государства.

Я как-то упоминал о пяти главных способах, какими, по словам Ключевского, пользовались московские князья для расширения своего княжества. В их числе Ключевский называет «расселение из московских владений за Волгу». Ключевский, очевидно, понимает тут колонизацию, развивавшуюся из московского центра преимущественно в северном направлении.

Представление о возникновении удельной Северо-Восточной Руси на сыром корню финских болот трудами князей-колонизаторов, создавших не только княжения, но и само население их — представление столь популярное у нас со времен Соловьева и Ключевского, против которого я так решительно спорил — возникло в значительной мере путем обратных заключений от энергичной колонизационной деятельности княжеско-боярских сил в XIV и особенно XV в. Жалованные грамоты ясно выражают тот хозяйственный процесс, которым сопровождался рост крупного землевладения. Тут читаем о льготах в уплате дани и разных пошлин,

в повинностях личных и натуральных, в кормах наместнику и его становым людям (тиунам и доводчикам) для тех крестьян, кто сядет на земле крупных землевладельцев, кого они к себе перезовут. При этом покровительстве колонизационной деятельности грамотчиков, князья устраняют их конкуренцию себе, своим интересам. Вотчинники не должны принимать к себе ни черных волостных крестьян, ни крестьян с княжеских дворцовых земель. Первые называются в грамотах «тяглыми людьми», «тутошними становыми людьми» — это тот же разряд населения, который мы встречали в княжих духовных грамотах как черных людей, что потянут к сотским. Вторая группа — люди дворцовых сел — требует некоторого особого внимания, т. к. не нашла, насколько знаю, достаточной оценки в научной литературе. Ее специальное наименование — «сироты», и грамоты начала XV в. говорят о них в таких выражениях, которые меня заставляют в них (а не в пресловутых старожильцах) видеть первый, древнейший разряд сельского населения, лишенный свободы передвижения. Так, грамота 1423 г. великого князя Василия Дмитриевича Благовещенскому монастырю говорит о сиротах особо от других разрядов населения крестьянского: тех игумен «перезывает» к себе, а сирот («мои сироты» князя), которые «пошли» из отчины великого князя, игумен «перенял»¹⁷. Термин «перенял» вполне определенный в старой юридической терминологии: «перенять» можно только чужое, например, беглого холопа, что в случае возвращения перенятого владельцу создавало притязание на получение с него «переима» — некоторого вознаграждения за содействие возврату утраченного. Лишь постепенно расширяется значение термина «сироты» в XV в. на все волостное тяглое население, по мере того как утверждается взгляд на него как на неотъемлемую принадлежность княжой земли, которая не только дворцовая, но и тяглая волостная. Сироты — преемники древних «изгоев» в селах княжих и монастырских, иногда и на землях боярских, упоминаются редко в наших грамотах XIV–XV вв., как особая группа.

Поощряет княжая политика перезыв на владельческие земли людей из иных княжений и людей вольных (позднее сказали бы — гулящих), поощряет их экономическое устройство на пустырях и пустошах. В этой политике естественно покровительство князей колонизационной предприимчивости крупных землевладельцев, как располагавших значительно

¹⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией... Т. I. № 21.

большими средствами для создания новых хозяйств, новых деревень, сел и починков, чем волостные крестьянские общины. Распространение боярского вотчинного землевладения имело и свою политическую сторону, против которой ведь и боролись как новгородские договоры с князьями, так и договоры удельных князей с великими, пытаясь устранить распространение этого землевладения чужих, особенно великокняжеских, бояр на территории самостоятельных политических единиц, особенно в пограничной полосе. Надо полагать, что именно на почве колонизационных захватов бояр и детей боярских московских выросли во времена Ивана III те обиды тверским боярам, которые их довели накануне падения Твери до отчаяния и капитуляции перед сильной властью соседа. И на всех границах того времени заметна своеобразная чересполосица землевладения, ведущая к причудливому переплету государственного властвования в таких местностях, [вплоть] до компромисса в виде совладения: то московско-новгородского, то московско- или новгородско-литовского над иными из пограничных волостей. Покровительствуя колонизационной деятельности крупных землевладельцев, великие князья постоянно увеличивали населенность своих владений, стало быть, и их платежную и военную силу. Лишь временно и не без ограничений давались ими финансовые льготы.

Глава VIII

БОЯРСТВО КАК ОРУДИЕ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ

Внешняя история образования Московского государства закончилась водворением над всеми областями Великороссии вотчинной государственной власти великого князя московского. Параллельно этому процессу собирания власти и ее претворения в вотчинное *suo jure* территориальное господство московских государей, развивался процесс внутреннего строительства, в котором главной опорой и главным орудием великокняжеской власти было боярство, последовательно развивавшее свое землевладельческое значение. Великие князья московские держали землю «с бояры своими» в весьма реальном смысле слова. Смысл этот можно расширить. Дело не только в роли бояр-советников и соратников князя. Бояре — та живая сила, через которую великие князья осуществляли свое властвование над территорией и ее населением. Боярин-наместник необходим для закрепления власти великого князя над городом с его уездом, над волостью с ее станами наместничьего управления. Именно боярин, а не просто наместник. Наместник, связанный с князем договором личной службы — боярин введенный и слуга не по должности наместничьей, а по боярской службе своей. Это княжое управление есть управление через своих бояр, через доверенных людей своего двора. Личный характер этой средневековой службы тесно связан с определенной социальной ролью боярства и с той особенностью традиционной княжеской политики, что она покровительствовала развитию боярского землевладения и признавала боярские притязания на вотчинное господство над населением боярских земельных владений. Передавая свою правительственную власть в руки наместника в порядке кормления с поручением «блюсти» наместничество, великие князья не могли испытывать особого противоречия своим интересам при раздаче несудимых и невъезжих грамот с передачей грамотчику такой же власти над населением его вотчины. С одной стороны, они этим только узаконяли сложившиеся порядки, ставя их тем самым под свой контроль и придавая боярскому праву характер привилегии, производной и зависимой от своего пожалования; с другой — упорядочивали отношения между сильными вотчинниками и наместничьим

управлением и притом в сущности в свою пользу, т. к. сохраняли тем самым все наиболее значительные общественные силы под непосредственной своей властью, избегая чрезмерного усиления наместников. В том же смысле действовали великие князья, когда, включая в свое государство новую область, назначали туда наместника, но местные боярские силы забирали в состав непосредственных слуг своих. Это соби́рание социальной силы сопровождалось ее ростом и княжеским покровительством развитию боярского землевладения, которое иногда даже служило территориальному расширению княжения захватом земельных пустырей в пограничных, неразмежеванных областях, и всегда — колонизационной политике путем перезыва на новые места людей из иных княжений. Эта колонизация увеличивала военные и платежные силы земли не только количественным их приростом, но и организацией более крепких хозяйств и вотчинно-административных единиц, [как] опоры служилым средствам княжого слуги-боярина.

Мы привыкли весьма широко представлять себе льготный характер боярского землевладения. Но ведь полные финансовые льготы — тарханы, судя по нашим материалам, давались редко и то, по-видимому, почти исключительно крупным и влиятельным духовным учреждениям. Тут едва ли можно многое отнести на одностороннюю сохранность преимущественно церковных документов. Обычный тип льготной грамоты дает льготу в уплате дани и всяких пошлин: и неполную, и срочную. Неполной, как известно, льгота бывала в двух отношениях: она обнимала обычно не все трудовое население вотчины, а преимущественно новоприходцев, или давала им по крайней мере более обширную льготу, чем основному населению вотчины, людям-старожильцам. И, кроме того, давалась [она] на определенный срок — на пять, на десять лет, с тем что льготчики по истечении срока потянут со старожильцы вместе, потянут «по силе». Последнее выражение, кажется, не всегда правильно без оговорок понимать как некоторую льготу в размере платежа. Методически строилось обложение с большой постепенностью даже для волостного тяглого крестьянства, а захват правильной системой окладного обложения так называемых крестьян частновладельческих, по-видимому, дело конца XV и особенно XVI в.; дело, с трудом осуществлявшееся в связи с общей ломкой социальных отношений в борьбе государевой власти с землевладельческим боярством. Наши источники молчат о том, как и кем определялись размеры платежей и повинностей, налагаемых «по силе». Весьма вероятно, что долго в этом определении играл роль элемент взаимного

соглашения, сохранивший свое значение в московской системе обложения фактически и позднее, даже в XVII в., ввиду технического несовершенства этого мудреного дела.

В княжеской политике весьма рано проявляется стремление подчинить [насколько] возможно больше привилегированное землевладение потребностям центральной власти, и это — не только в Москве. Еще в XIV в. тверские удельные князья жаловались на своего великого князя Константина Михайловича, что он теснит их бояр и слуг непосильным сбором «серебра» и «имает» их «в серебре за волости»¹. Тут речь, видимо, идет о наместниках-волостелях, как и в договоре Дмитрия Донского с князем Владимиром Андреевичем о сборе дани, которую великий князь берет со своих бояр больших и путных: при таком сборе и удельный князь обязан взять дань и на своих боярах «по кормленью и по путем», «а то опроче того урока», который составлял общий взнос удела в «выход» татарский². Эти шаги к подчинению удельных «кормлений» и «путей» требованиям великокняжеской власти (вне общих обязательств удельного княжества) завершились переходом самой вотчинной власти местных князей в руки великого князя.

На этом, однако, дело не стало. В управлении великого князя все нарастает стремление сосредоточить распоряжение, по крайней мере наиболее крупными комплексами сил и средств, в непосредственном ведении центральной власти. В этом направлении и действовали несудимые грамоты, которыми, с одной стороны, «блюдение» вотчинного населения закреплялось за самим владельцем, а с другой, сам он и все его люди — по делам более важным — подчинялись личной юрисдикции великого князя. Такая «привилегированная» подсудность, как ее обычно называют, естественно, вытекала из значения бояр как личных слуг князя и членов его двора, а вместе с тем закрепляла эти связи и усиливала прямую зависимость крупных землевладельцев от великокняжеской власти. На деле подсудность эта была лишь формально лично великокняжеской, а по мере развития и усложнения центральной московской администрации формула «сужу его яз, князь великий, или кому прикажем» (или боярин мой введенный etc.) приобрела значение централизации ряда судных дел и связанных с ними доходов в Москве, в зарождавшихся учреждениях приказного типа. Под этими выражениями разумею постепенную, более опре-

¹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1885. Т. X. С. 217.

² Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. С. 57.

деленную и сложную организацию «суда великого князя»; эволюцию этого суда от архаических форм личного «судоговорения» великого князя или его более или менее случайного заместителя к выработке порядков центрального московского судоустройства.

Эволюция эта в более или менее завершенном виде отмечена царским Судебником, как называют Судебник Ивана Грозного, в его определении: «суд царя и великого князя судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дияком». Но сложившимся в первоначальной форме этот же великокняжеский суд выступает и в Судебнике Ивана III: «Судити суд бояром и околничим, а на суде быти у бояр и у околничих диаком»³. На данных Судебника 1497 г. можно проследить некоторые черты этой возникающей судебной организации, а вместе с тем дифференциации понятия «боярства» и более точного, формального, правительственного его определения. Боярский суд — прежде всего центральный суд, московский; в областном управлении различаются наместники, за которыми кормления с судом боярским (и такой наместник в статье 18 назван боярином), от таких наместников и волостелей, которые держат кормления без боярского суда (и такие наместники и волостели боярами не названы).

Во времена Ивана III боярский суд есть еще суд центральный, великокняжеский по существу. Это понятие боярского суда вызвало разные толкования. Ланге полагал, что это тот суд, который производили в Москве по приказу великого князя бояре его введенные⁴. Это не точно, т. к. и Судебник, и некоторые жалованные грамоты Ивана III отличают собственный суд великого князя (и его детей) от суда боярского. Но трудно согласиться и с объяснением Ключевского, который настаивает на большей широте компетенции суда бояр введенных сравнительно с обычным боярским судом, а сферу этого последнего определяет, по царскому судебнику, как суд о холопстве. Статья 63 царского Судебника гласит: «а суд боярский то: которому наместнику дано с судом с боярским, и ему давати полныя и докладныя, а правыя и беглыя давати с доклада, а без доклада правыя не дати». Ключевский видит тут ограничение «боярского суда», первоначально имевшего полную компетенцию в делах о холопстве. На таком основании Ключевский предлагает определить «боярский суд» как

³ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. 3-е изд. Киев, 1887. Вып. II. С. 118 и 82.

⁴ *Ланге Н. И.* Древнее русское право в «Истории» г. Костомарова // Русский вестник. Журнал литературный и политический. 1876. № 5. С. 318.

суд по боярским делам, т. е. по делам о холопстве⁵. Не говоря уже о том, что суд о холопстве так и назывался «о холопех суд» и что учреждение, где он сосредоточен, позднее названо холопий, а не боярский приказ, главная ошибка Ключевского в том, что он рассматривает боярский суд как разновидность наместничьего суда. Но выражение «боярин» или «наместник», за которым кормление с судом боярским, само по себе уже указывает, что по идее этот «боярский суд» нечто не связанное органически с наместничеством, а стало быть, не тут надо искать объяснения и самого термина, и означаемого им явления.

Первый Судебник не дает основания видеть основную черту «боярского суда» в делах о холопстве. Ряд статей говорит о суде этом вообще, как о суде по всяким жалобам, о суде, где можно досудиться до «поля», о заемных делах, бое, пожеге, душегубстве, разбое, татьбе, о смертной казни за тяжкие преступления, причем в ряде дел назначение судьи-боярина — в рассмотрении «докладного списка». Это упоминание о докладном списке (статья 16) ясно указывает на боярский суд как на центральный, великокняжеский, которому принадлежит ревизия и утверждение приговоров низших и местных судей, тех, у кого кормления без боярского суда. В общем этот доклад касается прежде всего дел важнейших — о душегубстве, разбое и татьбе с поличным, затем разных видов иных уголовных преступлений и дел челобитчиковых, т. е. весьма широкого и мало определенного круга дел. Условия и правила «доклада», т. е. первой попытки ввести нечто вроде инстанционного судебного строя и порядка, не определены Судебником. Это и понятно. Он ставит себе целью дать руководство для деятельности органов великокняжеской судной власти, указывает, как поступать в случаях доклада, какие нормы соблюдать в решении дел и требовать их соблюдения при всяком суде, а не описывает судоустройство и взаимные отношения разных составных элементов судебной организации. Дела о холопстве и тут, в Судебнике 1497 г. (ст. 17–18), упомянуты; причем без «боярского доклада» запрещено давать «отпускные» и «правые» холопу или рабе на их «государя», как и их не выдавать господину и не давать на них беглой грамоты без доклада. В этой общей конструкции ясно выступают характер наместничества с боярским судом и отличие этого суда от собственного суда великого князя. Статья 18 ставит наместничий доклад, т. е. доклад тому наместнику-боярину, за которым кормление с судом боярским, в ряд с «боярским докладом»

⁵ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. 4-е изд. М., 1909. С. 116.

вообще; суд боярский такого наместника есть разновидность, точнее, только особая форма центрального суда вообще. Явление весьма обычное в средневековых государствах, где не учреждения, в нашем смысле слова, а личные поручения — на первом плане как господствующая форма порядка управления.

Наблюдения над этими явлениями по нашим источникам чрезвычайно трудно изложить в стройную и убедительную систему потому, что мы получаем их из памятников, отразивших как раз моменты ломки, изменений в сложившихся порядках и отношениях, попыток их приспособления к новым, сильно усложнившимся задачам управления времен Ивана III.

Статья 38 его Судебника указывает на кормления с судом боярским не только за боярами, но и за детьми боярскими, причем определяет обязательное присутствие на их суде дворского, старосты и лучших людей. Это характерное определение указывает на стремление создать контроль над полномочными лицами, в руках которых высшая судебная компетенция. В своем Судебнике Иван III строит и упорядочивает свой великокняжеский суд.

Что же такое эти бояре, творящие боярский суд? Ключевский противопоставляет их и их суд боярам введенным и их компетенции. Но ведь у бояр введенных никакой компетенции не было и быть не могло. Они делали то, что было им «приказано», и несомненно, что им мог быть приказан и «боярский суд». Попытка Ключевского определить бояр введенных по их должностям на княжеской службе отразилась на его понимании «боярского суда» как чего-то отличного от княжеского суда, отправляемого введенными боярами по поручению князя. Правильнее, кажется, признать первоначальное тождество обоих судов. Но [надо] представлять себе дело так, что ко времени Ивана III великокняжеский московский суд расчленился — с предоставлением его полномочий как постоянного, приказного дела боярам, ведавшим это дело в Москве, и некоторым, более крупным (в боярстве своем) наместникам. Однако, видим эти полномочия и в руках детей боярских, как начинают называться вольные слуги того слоя, который в социальном и служилом значении своем стоит ниже настоящих бояр. Я уже касался той известной черты терминологии наших грамот, что термины «вольные слуги», «путники» то охватывают и боярство, то отличаются от собственно бояр. Колебания терминологии, появление в такой должностной роли, где мы ожидали бы только бояр, рядом с ними [и] детей боярских не должно удивлять. Это черта эпохи, когда слагаются

более четкие грани общественных категорий и добавок слагаются по особому, в сложную систему воззрений на боярскую родословность, которые лежат в основе местничества с его основной двойственностью. С одной стороны, «место» боярина в его служилом положении по отношению к стоящим по должности выше, рядом и ниже его должно соответствовать его относительной родovitости, с другой — это правило не имеет прямого отношения к занимаемой им должности, которая может быть то выше, то ниже, вне какой-либо связи с родovitостью, лишь бы соотношение сослуживцев не нарушало местнического счета. На местничестве я особо останавливаться не буду; упоминаю о нем только в пояснение статей Судебника о боярском суде.

Перед нами момент, когда великий князь московский собрал в руке своей властвование над социальными силами Великороссии и, сознавая себя ее государем-вотчинником, приступил к перестройке самых форм этого властвования. Вотчинному воззрению на территориальное господство отвечает такое же вотчинное воззрение на двор государев. В условиях быта и строя великих и удельных княжений Северо-Восточной Руси этот двор государев, центр всего княжеского управления, сохранил всю принципиальную сложность своего личного состава. Как в древней Руси в это понятие входили и бояре думающие, и мужи храбрствующие, слуги свободные и челядь княжая — отроки, так и позднейший двор княжой соединял всех, кто служил князю всякую личную службу мечом и советом, исполнением должности по «блюдению» княжого города и княжих волостей, по дворцовому хозяйству и всякому княжому управлению, службу вольную и невольную. Бояре введенные, дети боярские великокняжие, дворовые его слуги — все «его люди», хотя смысл этого слова, правовое его содержание различно по отношению к разным их разрядам. Обычная терминология это ясно подчеркивает: князь правит с бояры своими; в «посылки» от князя едут его дети боярские; сын боярский такого-то князя — обычное выражение текстов; а рядом — дворяне великого князя — выражение, смысл которого не вполне отчетливо выяснен нашей научной литературой.

Почти общепринято, что первоначально дворянами княжими назывались несвободные люди, холопы княжие, значение которых, однако, на деле могло быть скорее служилым, чем холопым, т. к. они бывали и воинами, и должностными лицами по княжому дворцовому, а то и не дворцовому управлению, исполняли поручения весьма разного характера. Однако едва ли есть возможность установить какое-либо различие между терминами «дети боярские двора великого князя» и «дво-

ряне великого князя» для какой-либо эпохи. Думается, что вернее признать эти выражения несоизмеримыми. Дети боярские — термин социального быта; дворяне — термин служилого отношения. Сын боярский двора великого князя и есть дворянин великого князя, хотя не только дети боярские, но и люди, ниже стоящие на общественной лестнице по происхождению, входили в состав этого двора, как понятия широкого и строго не определимого иначе, как общим понятием личной службы. Весь этот двор княжой — личный состав силы князя, военной и административной, прямой исторический преемник древней дружины. На верху его — бояре княжие, бояре введенные, которых высокое положение заставляет отличать от рядового состава двора и дифференцировать терминологию, сужая значение слова боярин, расширяя смысл слова вольные слуги, который вымирает, уступая место неологизму — дети боярские.

Этот трудно уловимый в наших источниках процесс выступает уже очень определившимся ко временам Ивана III. Объясняют это обстоятельство заметным изменением состава лиц, окружавших великого князя. По мере объединения Великороссии все больше и больше мелких Рюриковичей, князей владетельных, било челом в службу великому князю, входило в ряды его вольных слуг как князья служебные, фактически попадая в то же боярское положение. Этот новый и естественно казавшийся наименее устойчивым элемент слуг великого князя сосредоточивал на себе особенное его внимание. Крепкая традиция владельческого значения княжат, обладавших своими вотчинами на княжом, а не на боярском праве, вызывала представление, что их свобода особо связана не только с правом отъезда вообще, но именно отъезда с вотчиной. Уже приходилось упоминать, как договоры между князьями, утверждая волю отъезда бояр и слуг вольных с сохранением их вотчин в прежнем княжестве, решительно ставят уговор князей служебных с вотчинами не принимать, а затем и потерю этих вотчин, если такой князь отъедет. Другую сторону того же отношения представляют те записи о неотъезде, какие дошли до нас от времен Ивана III и Василия III. Они переносят закрепление с вотчин княжеских (в которые отъезчикам «не вступатися», потому что они «лишены» их уже при Василии Темном) на личность самих княжат. Вернее, они закрепляют и формулируют новое отношение вечной службы. Старейшая из таких записей взята 8 марта 1474 г. с князя Даниила Дмитриевича Холмского⁶. Князь Даниил подвергся «нелюбью»

⁶ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. С. 249–251.

великого князя, испытал его опалу, отпечаловался от нее митрополитом Геронтием и епископами, и за то обязался великому князю своему господарю Ивану Васильевичу и его детям «служити до своего живота, а не отъехать» от них ни к кому. Князь Данило обязуется соблюдать верность великому князю в его добре и лихе «по сей моей укрепленной грамоте» бесхитростно. И в этих его обязательствах поручился за него митрополит с епископами. Со стороны самого князя Даниила — три санкции обязательства сверх митрополичей поруки: он пишет, что если учнет что думать и починать «через сию мою грамоту» и явится какое его лихо перед господарем, то «не буди на мне милости Божье», ни благословенья церковного «ни в сий век, ни в будущий»; далее великий князь и его дети вольны в его казни по его вине; и наконец, князь Даниил «для крепости» целовал великому князю крест и дал на себя грамоту за подписью и печатью митрополита. Это еще не все. При «выручке» князя Даниила из заключения у пристава великокняжеского взято за него восемь «поручных кабал», на общую сумму в 2 тысячи рублей с бояр, ручавшихся за князя Холмского, что ему и служить великому князю и его детям до «живота», а «не отъехать ему... ни збежати... ни куда ни х кому».

Таким записям историки права иногда придают очень большое значение, видя в них установление нового права вечной службы в отмену старой, вольной, и даже готовы признать, что именно путем таких записей в конце концов уничтожено право отъезда.

Едва ли это вполне так. Мы знаем записи только со времен Ивана III, да и то для его времени эту одну. Затем из времен Василия III знаем попытку закрепить на московской службе польского пленника князя Константина Ивановича Острожского; опять-таки запись им дана по печалованию митрополита, чтобы освободиться из заключения, а писана она по образцу грамоты князя Холмского. Записью снимает с себя «нелюбье» великого князя князь В. В. Шуйский, дает за отпущение «вин своих» укрепленную грамоту на себя. И князья Дмитрий и Иван Федоровичи Бельские, как и князь Иван Михайлович Воротынский, «проступили» перед великим князем, прощены по печалованию и дают на себя укрепленные грамоты Василию III, обязуясь служить до живота, не отъехать в Литву, не ссылаться с врагами великого князя, выдавать всех, кто с ними учнет думать о посылке в Литву и отъезде, с теми же санкциями — до воли в казни по вине. Дошла до нас поручная целой группы княжат и бояр в 5 тысяч рублей за князя Михаила Львовича Глинского, который сидел до свадьбы великого князя с его племянницей Еленой под арестом за прежнюю

попытку побега, и такая же поручная за князей Ивана и Андрея Михайловичей Шуйских, что они в Польшу не сбегут. Укрепленную грамоту дал в 1529 г. на себя князь Федор Михайлович Мстиславский при челобитье в службу по отъезде своем из Литвы, когда великий князь Василий III дал за него свою «сестричну княжну Настасью»⁷. Все это случаи исключительные и в обстановке чрезвычайной. Все это лица крупные, с самостоятельным значением. Бывали ли записи с нетитулованных бояр, я не знаю. И потому не думаю, чтобы было правильно слишком раздувать творческое значение практики записей в смене одного правового порядка другим. Однако М. А. Дьяконов об этих записях, приводя именно и только перечисленные мною примеры, считает возможным говорить как о «прямой мере против свободы отъезда всяких вольных слуг». Ими-де «создалось понятие о верности службы до живота, а наказание за отъезд приобретало правомерный характер»⁸.

Это ошибочно, но естественно. Трудно исследователю помириться с тем, что он не в состоянии документально изучить такое важное явление, как падение вольной службы и права отъезда. Все мы хорошо и твердо знаем, что и XV в. был временем господства обычного права, а все-таки жадно ищем указных, уставных, законодательных текстов, создавших те или иные новые правовые явления. В данном случае соблазн был особенно велик. Ведь речь идет о ломке старого права в пользу новой, все растущей власти. Стало быть, ее действия и должны быть источниками нового права. Записи как будто и дают возможность наблюдать момент, когда сторона, имевшая определенное право, вынуждена от него отказаться, стало быть, признать новое право великого князя. Но, в сущности, записи совсем не о том говорят. Они вынуждены (кроме грамоты Федора Михайловича Мстиславского) государевой опалой, постигшей человека, заподозренного или уличенного в нарушении верности великому князю. Это нарушение верности может состоять в разных поступках, но особенно в попытке завязать сношения с врагами великого князя и отъехать к ним. Прощение вины связано с выдачей укрепленной грамоты, обязательства верной и вечной службы и неотъезда ни к кому. Что же из этого вытекает?

Прежде всего необходимо иметь в виду, что у нас в научной литературе установилось едва ли правильное понимание самого права отъезда, как

⁷ Там же. № 146, 149, 152–157.

⁸ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 3-е изд. СПб., 1910. С. 271–272.

оно признается междукняжескими договорами. Обычно упускают из виду, что источник, где мы встречаем это признание, — мирные и союзные договоры. Они определенно говорят о том, «что вольным слугам воля» между князьями, состоящими в дружбе и докончании. Разрыв союза разрушал ли гарантию неприкосновенности вотчин и самой личности отъехавшего боярина? Несомненно разрушал. Все знаменитые примеры нарушения московскими князьями права боярского отъезда подлежат пересмотру с этой точки зрения. Конфискация сел Вельяминова и Некомата при Калите произошла в борьбе с Тверью и службе их врагу против Калиты; Вельяминов казнен как попавший в руки великого князя личный его враг, казнен как изменник. За что? Он верно служил новому князю. Но с киевских времен одно из тягчайших проявлений боярской измены — их происки поссорить князей; об этом твердят часто и летописи, и вся письменность русская. При Темном конфискованы села Ивана Дмитриевича Всеволожского, затем он сам, захваченный в плен, ослеплен: он виновник московско-галицкой усобицы. А в Житии св. Мартиньяна Белозерского есть рассказ, как Василий Темный заковал вернувшегося по обещанию награды и примирения: старец осудил князя и заставил снять опалу⁹. Да и тут причина гнева на отъездчиков та, что «сии де смущают нас», ссорят князей. Послание московского духовенства к Дмитрию Шемяке в 1447 г. упрекает его, осуждает его за то, что он «опосле докончания» ограбил села и дома бояр и детей боярских, бывших от него челом в службу к великому князю. Будь это до докончания или после его разрыва, конфискация была бы законной. Обычно при заключении мира [устанавливались] — всякому грабежу и насилью «погребь»¹⁰ на обе стороны и обязательство перебежчикам не мстить. Я не вижу тут того «упорного нарушения норм о вольной службе», которым, по словам М. А. Дьяконова, московские князья «расчищали почву для создания новых отношений к служилым людям»¹¹. Эта почва расчищалась и подготовлена

⁹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1897. Т. XI. С. 45; СПб., 1859. Т. VIII. С. 49; СПб., 1901. Т. XII. С. 17–18; СПб., 1863. Т. XV. Стб. 490; Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 49, 50; Житие преподобного Мартиниана Белозерского // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1862. Вып. I. Отд. II. С. 6–7.

¹⁰ Этим термином в междукняжеских договорах обозначались «забвение», «уничтожение», «отмена» ранее совершенных действий. — *Ред.*

¹¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. С. 81; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. С. 269.

не столько планомерной политикой московских князей, [как] будто с XIV в., сколько самим укладом общей политической обстановки, которая и вела к новым отношениям, фактическим, а затем обычно-правовым.

Раньше, говоря о боярах введенных и путных, я указывал на ограничения их отъезда сроком (службы не отслужив) и расчетом (кормление по исправе или службу отслужить). Договор личной вольной службы осложнялся другими, тоже договорными, отношениями, которые затягивали более крепкие, хотя еще и не вечные, но реальные связи. Доверенные лица, у которых на руках крупные дела управления и хозяйства, не могли все это бросить ради вольного отъезда, без нарушения не только интересов князя, но и правовых его притязаний, признаваемых обеими сторонами. Еще определеннее проводится в XIV в. этот принцип относительно слуг, занимавших младшие должности и несших разные службы и повинности в княжьем управлении. В духовной князя Владимира Андреевича старицкого 1410 г. особо четкая формулировка: «А бояром и слугам, кто будет не под дворьским, волным воля. <...> А кто будет под дворьским слуг, тех дети мои промежи себе не приимают»¹². Кто крепко и деятельно вошел в строй княжого двора и управления, того он втягивал в себя все прочнее, и преимущества службы оплачивались все крепнущей зависимостью. При великом князе Иване Васильевиче объединение всей территории великорусской под его вотчинной властью, естественно, усилило вотчинный, дворовый характер всего отношения к его слугам, начиная с высших и кончая какими-нибудь рядовичами посельского дворцового распорядка. Навстречу этому процессу шел другой, политический. Отъезжать по-старому между князьями-братьями в одной земле и в одной семье, что собственно только и имеют в виду договоры, стало некуда. Вотчинное государство московского великого князя приняло национальный характер, неразрывно связавшийся с церковно-религиозной санкцией власти и ее задач. Отъезд по реальным условиям своим выролдился в побег к национальному и вероисповедному недругу — польскому государю. Крепла вотчинная власть государя, углублялся смысл службы ей как единой национальной и православной власти. Если и раньше в нравственных и общественных воззрениях русских отъезд считался нормальным, когда происходил между союзными княжествами и без полного разрыва связи с прежней территориальной родиной — в тяге судом и данью по земле и по воде и в обязанности участия в городской осаде всех

¹² Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 40. С. 77–78.

землевладельцев, где бы они ни служили, — то теперь, к исходу XV в., стал немислим отъезд без измены.

Гарантия вольности боярской, право отъезда теряло почву в реальных условиях политического быта. Личная связь с определенной формой государственного властвования переходила целиком в территориальную и национальную связь, мы бы сказали — подданства; немец сказал бы: произошла смена Landesverband'a Untertansverband'ом. Этот факт имел глубокие внутренне-политические последствия и был своеобразно осмыслен московской общественной мыслью. Право отъезда было гарантией вольности боярской, их боярского права и чести, соблюдения великим князем обычно-правовых отношений по всяким делам к его вольным слугам.

Наглядный пример того, что это означало и чем грозило, показывает известный эпизод между великим князем Иваном Васильевичем и его братом Борисом волоцким, разыгравшийся в 1479 г. На великолуцкого наместника князя Ивана Оболенского Лыка били лучане челом за обиды и вымогательства. Великий князь осудил боярина и велел взыскать с него в пользу лучан все убытки. Обиженный наместник утверждал, что обвинен без суда, личным усмотрением великого князя; московские тексты говорят об осуждении его по суду¹³. Тут, быть может, нет и противоречия, т. к. едва ли ясно установлены были нормы личного великокняжеского суда, о котором в XVI в. пойдет столько споров по вопросу о суде князя — не личном, а непременно «с бояры». Князь Оболенский отъехал к Борису волоцкому, и Борис его принял, отбил от попытки поймать отъездчика у себя во дворе, не выдал на требование великого князя, а настаивал, что «кому до него дело, ино на него суд да исправа». Как видите, спор, по существу, не о праве отъезда самом по себе, а о праве боярина быть наказанным не иначе, как по обычному приговору суда и по исправе. Отъезд же тут — способ уйти от произвола и найти в другом князе защитника своему праву. Весьма вероятно, что в великолуцком деле князь Лыко был и подлинно виноват, но не в этом вовсе принципиальная сторона дела. Великий князь велел своему боровскому наместнику схватить Оболенского, когда тот приехал в свое Боровское село, очевидно, считая себя неприкосновенным. Эта боярская сторона всего дела много поучительнее междукняжеской его стороны. Князь Борис горько жаловался, что великий князь «и zde, — т. е. в области прав его, волоцкого князя, — силу чинит, братьев уже и ни за бояр считает, бессудно поимал отъездчика», пре-

¹³ Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. VI. С. 222.

небрегая междукняжескими отношениями, как они установлены духовной их отца и договорами¹⁴. В этом деле первое — яркое проявление различия в точках зрения великокняжеской и боярской. Великий князь возносится в суверенную власть, которая одна вольна решать, что право, что нет. Боярин требует себе правильного суда и исправы, ищет гарантии правильности великокняжеского приговора в объективных признаках прямого суда, хотя бы и великокняжеского. Столкновение однородно тому, какое мы наблюдали в переговорах Ивана III с новгородцами об условиях подчинения Великого Новгорода власти московского государя. С одной стороны, «старина и пошлина», нормы обычного права как связывающие всякое государствование, с другой — верховная воля государя-вотчица, не признающая для себя никаких «уроков», принцип вотчинного абсолютизма. Внук Ивана III определит свое отношение к боярам словами о полной воле государя казнить или жаловать своих слуг. Иван III уже создало снову такого понимания великокняжеской власти. А общественное московское сознание осмыслило это новое положение бояр и слуг вольных в строе вотчинного государства как холопство. Холопом своего государя, князя великого, называет себя князь Иван Федорович Бельский в упомянутой «укрепленной грамоте» Василию III. И когда после кончины Василия III митрополит Даниил берет с дядей малолетнего государя обязательство «ни людей им от великого князя Ивана... не отзывати», когда князь Андрей Иванович [старицкий] обязуется, «кто захочет» от великого князя ко мне «ехати, князь ли или боярин, или диак, или сын боярской, или кто ни буди на ваше лихо (другого отъезда и не предполагается): и мне того никак не принять», или когда князь Владимир Андреевич в 1553 г. обязуется: «а князей ми служебных с вотчинами и бояр ваших не приимати, также ми и всяких ваших служебных людей без вашего веленья не приимати к себе никого», — то тут закрепляются, и притом уже не в договорах, а в односторонних записях, отношения, созданные в правление великого князя Ивана III¹⁵. Боярство стало высшим разрядом подневольных государевых слуг, и двор государев приобрел своего рода правовое единство — в общем принципиальном бесправии перед верховной волей государя — всего его личного состава. На этой почве и поднялась борьба московских государей с боярством.

¹⁴ См.: Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. № 86, 97 и 98.

¹⁵ Там же. № 153, 163 и 167; Полное собрание русских летописей. Т. VI. С. 275.

Глава IX

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ БОЯРСТВОМ И МОСКОВСКИМИ ГОСУДАРЯМИ XVI в.

В предыдущем я проследил основные черты образования Московского государства, отливавшегося в такую форму властвования, к которой, кажется мне, всего лучше подходит термин вотчинного абсолютизма. Во внутренних отношениях, быть может, наиболее яркая его черта — коренное изменение отношений к прежним вольным слугам, падение права отъезда и превращение боярства в верхний слой служилого класса, связанного с великокняжеской властью неразрывной обязанностью службы. Мы видели, что это явление — упадка вольности слуг великого князя — доступно документальному наблюдению только по отношению к княжеским верхам боярства, точнее даже и не ко всем этим верхам, а лишь к наиболее значительным, более или менее исключительным по положению их отдельным элементам. Процесс упадка вольности рядового боярства и тем более рядовых слуг вольных почти скрыт от взора исследователей, уловим разве по немногим указаниям (идущим частью еще из предыдущих времен), на рост ограничений вольности всех тех из вольных слуг великого князя, которые занимали определенные должности по его хозяйству и управлению, начиная с низшей массы слуг под дворским и кончая путниками и боярами-кормленщиками. Первые же шаги Ивана III, соорудившего под своей властью обширную территорию Московского государства, к организации великокняжеского центрального и местного наместничьего управления должны были крепче и определеннее спаять боярство с новой — по смыслу и значению — службой, принявшей более государственный характер в постепенном развитии от лично-владельческих форм, превращавших наместничество в кормление «исполку» с великим князем, к деятельности учреждений приказного типа и должностных лиц, «ходящих» по старине и пошине, и по Судебнику, уставной грамоте и доходному при ней списку.

В сущности, наши сведения об этой организационной работе московского правительства за последние десятилетия XV в. и всю первую половину XVI в. весьма недостаточны. Явление, на котором главным образом сосредоточено внимание исследователей истории московской государ-

ственности, — это знаменитое «политическое противоречие» в строе Московского государства, которое так блестяще изображает В. О. Ключевский и на котором так много строит С. Ф. Платонов. «Московская жизнь сложилась так, что одновременно возносила высокую руку московских князей и растила вокруг их трона сильную оппозиционную власть». Вступление в состав боярства многочисленных потомков прежнего владетельного князя создавало «внутреннее несоответствие между автократической властью великого князя и царя и притязаниями родовой княжеской знати, искавшей соправительства с государем»¹. Блестящие страницы, посвященные Ключевским в «Боярской думе» анализу состава московского боярства XVI в., выясняют корни этой его оппозиционности и притязаний на соправительство. Напомню вкратце основные выводы Ключевского. Он исходит из указания, что в боярской родословной книге к концу XVI в. на 200 боярских фамилий «едва ли наберется более 40 таких, о которых с большей или меньшей уверенностью можно было бы сказать, что они в начале XV в. уже действовали в Москве». Беря затем не фамилии, а лиц, Ключевский подсчитывает, что на 200 бояр XVI в. (1505–1593 гг.) приходится около 130 князей и около 70 бояр нетитулованных. «Это княжье почти все состояло из лиц, которые или отцы которых покинули свои княжеские столы для московской службы недавно, при Иване III или его сыне»². Боярский чин стал почти монополией княжат. Лишь сравнительно очень немногие нетитулованные достигали его. Их боярство на государственной службе выражалось в чине окольничего, и потому при рассмотрении списка окольничих перед нами раскрывается «особый служебный мир», со своей родословной физиономией не княжеской. Лишь отдельные лица и фамилии подымались до полного признания их боярства, пройдя через чин окольничего, который миновала на государственной службе княжеская аристократическая среда. Целая половина московского боярства и того не достигала. Боярская в бытовом, родословном смысле, она не доходила в службе до думных чинов окольничего и боярина, а сложилась в особый слой в составе московского

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. 2-е изд. М., 1908. Ч. II. С. 225–227; Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). 2-е изд. СПб., 1901. С. 95 и след.; см. также: Он же. Лекции по русской истории. 8-е изд. СПб., 1913. С. 189–227.

² Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. 4-е изд. М., 1909. С. 207, 220, 221.

служилого класса, который долго обозначался в официальной терминологии названием «детей боярских». Так получается характеристика того, что можно назвать официальным, или правящим московским боярством, как среды преимущественно княжеской по личному составу. Этот прилив князей и княжат в состав великокняжеского двора принес с собой ряд повышенных представлений о родословности слуг государя, великого князя, сложившихся в более или менее стройную местническую систему. Большим достоинством данных страниц труда В. О. Ключевского нельзя не назвать того, что корней местничества он ищет в традициях не боярских, а княжеских. К сожалению, он бросает только намек на этот вопрос, отмечая, что «надобно строго отличать старинные общие основания местничества от своеобразного строя местнических отношений, сложившегося в служилом обществе Московского государства»³.

Отмечу некоторые черты этих «общих оснований местничества», заметные в междукняжеских отношениях не только XIV, но и XII в. Я мимоходом отметил в «Княжом праве» то наблюдение, что во времена Владимира Мономаха строго подчеркивается его братство с Давыдом Святославичем черниговским в отличие от остальных, младших князей, которых Владимир посылает в походы и без себя⁴. Давыд идет в поход только вместе с Владимиром, а когда Мономах посылает сына, то и с черниговской ратью идет не сам Давыд, а Давыдович Всеволод. Так и в великом княжестве Владимиро-Московском соблюдается и договорами утверждается известная норма: такие владетельные князья, как Владимир Андреевич старицкий, идут в поход, когда сам князь великий садится на коня, а пошлет воевод — и они воевод пошлют. Великие князья стремились себя поднять над этими счетами, и часто это им удавалось. Но в среде служилого князья эти навыки и воззрения пустили глубокие корни. Княжата князьями владетельными оставались и на службе московского государя. Ключевский отмечает два момента по разрядным книгам времен Ивана III. Сперва военные силы князей-вотчиков составляют особые полки со своими дворами, не входят в общий распорядок московского войска, а становятся в строй подле московских полков, «где похотят». Только к исходу княжения Ивана III они — недавние его слуги, как князья воротынские или одоевские, — являются воеводами московских

³ Там же. С. 215.

⁴ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. 90). СПб., 1909. С. 75.

полков, но и то лишь «когда другими частями той же армии командуют служилые князья», такие же, как они, владетельные отчичи, еще не смешавшиеся со старым московским боярством. Это смешение Ключевский относит ко временам Василия III, когда князья-пришельцы «нашли себе, наконец, определенное и постоянное место в рядах московской знати»⁵. Теперь князья одоевские и воротынские водят московские полки рядом не только с давними служилыми князьями, но и с «извечными» боярами московскими, как Кошкины, Сабуровы, Колычевы. Это объединение разнородных по происхождению элементов московского боярства Ключевский характеризует как «слияние дворов других княжеств с московским», причем первые ряды московского дворового строя, естественно, остались за теми из княжат, кто раньше стоял во главе самостоятельных крупных дворов. Впрочем, точнее было бы сказать, что княжата, как и ближние к великому князю бояре, стояли не в первых рядах, а во главе дворового строя. «Дворянами» государя они никогда не были и не назывались; этот термин поглотил только второстепенные разряды боярства, т. е. детей боярских, и то не сразу, а весьма постепенно. В составе двора государева официальная терминология долго различала «детей боярских двора великого князя» от дворян великокняжеских. Но вся условность этой терминологии достаточно ясна из того обстоятельства, что лица этого слоя, вступавшие в состав государственной думы, упоминаются в начале XVI в. как дворяне, которые «живут у государя с бояры в думе», позднее — как дворяне думные; а в их ряду бывали и люди с княжими титулами из третьестепенных княжеских фамилий. Это последнее обстоятельство зависело от стремления сохранить и на московской службе традиционные соотношения политического веса, сложившиеся в период самостоятельных вотчинных княжений великих и удельных. Служилый князь, служивший боярином у какого-либо удельного князя, не мог попасть на московской службе в один ряд с прежним своим князем и его потомками. Он примыкал к окольничему разряду московского боярства. Так, и большинство тверских бояр, утвержденных в своем тверском боярстве грамотами Ивана Ивановича Молодого, когда отец, овладев Тверью, дал ее ему, на московской великокняжеской службе примыкали тоже к окольничему чину думных людей.

Таковы общеизвестные условия возникновения московской местнической системы, которая, по меткому замечанию Ключевского, заменила

⁵ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. 4-е изд. С. 208 и след.

прежние индивидуальные договоры великого князя с отдельными слугами (бывшими челом в его службу), распорядком служилых боярских отношений по общему уложению, по общей схеме обычаев, прецедентов и отдельных решений спорных вопросов. Сложность этой системы обличает черты компромисса различных тенденций и даже случайных отдельных явлений. Княжеская основа местнических традиций прежде всего осложнялась тем, что «слияние дворов» ставило вопрос о взаимоотношении разнокалиберного служилого княжья и коренного московского нетитулованного боярства. Соблюдая иерархическое отношение прежних самостоятельных владетельных князей с более мелкими княжатами и боярами, служившими раньше не великому князю, а по уделам, московские государи не могли прямолинейно применять тот же принцип к старым своим боярам. За них было существенное во всем этом круге понятий представление, что они искони служили непосредственно великому князю, а мимо него по уделам иным князьям не служивали. Верхам московского нетитулованного боярства было неуместно стоять рядом с прежними слугами удельных князей, и они удерживались в правящем боярстве либо минуя чин окольничий, либо проходя через него. Так получился весьма сложный строй московского боярства, слившийся в одну, расчлененную по местническим счетам систему, положение княжат и нетитулованных, но родословных и разрядных слуг московского государя.

Преобладание в этом строе московского боярства людей княжеского происхождения заставляет исследователей придавать особое значение правительственной роли боярства в управлении московским государством и связывать эту роль с владельческими традициями удельного княжья. Ключевский ярко выразил эту точку зрения, придавая особое значение тому, что «этот родовитый круг через своих думных представителей вел текущее законодательство государства в то самое время, когда оно устроилось в своих новых границах и в новом общественном составе». Боярство рисуется ему «многочисленным классом, который под руководством московского государя правил всей Русской землей», а его роль — наследием удельного периода. «Предание власти (прежних владетельных князей) не прервалось, а преобразилось: власть эта стала теперь собирательной, сословной и общеземской, перестав быть одиночной, личной и местной». В основе государственной роли боярской думы XVI в. Ключевский видит «непрерывность правительственного предания, шедшего из уделов»⁶.

⁶ Там же. С. 242.

Старинные, привычные власти Русской земли, правившие ею прежде по уделам, теперь, собравшись в Москве, правят ею все вместе, расположившись в известном порядке старшинства у главных колес правительственной машины.

Этот красивый, эффектный образ был хорошо знаком московским книжникам XVI в. Им любил тешиться царь Иван Васильевич. Учтя в 50-х гг. знатность своего боярства составлением «Государева Родословца», он так описывал состав слуг своих в грамоте Густаву Вазе: «Наши бояре и наместники извечных прирожденных великих государей дети и внучата, а иные ординских царей дети, а иные полские короны и великого княжства литовского братья, а иные великих княжств Тферского и Резанского и Суздальского и иных великих государств прироженцы и внучата, а не простые люди»⁷. Этот же образ подсказал Ключевскому его существенный вывод, что в XVI в. «московская Боярская дума стала оплотом политических притязаний, возникших в московском боярстве при его новом составе». Какие же это «политические притязания» и насколько их можно действительно связывать с традициями удельной княжеской власти? «Сущность этих притязаний состояла в требовании, чтобы центральным и областным управлением руководили вместе с государем люди известного класса, расставлялиась согласно с местническим отечеством, в порядке родословного старшинства лиц и фамилий»⁸. Таков ответ Ключевского. Но его собственное изложение противоречит мнению, будто эти притязания возникли в московском боярстве именно в связи с его новым составом. Особая глава «Боярской думы» посвящена выяснению, что «политические привычки и стремления московских государей не противоречили этим притязаниям», т. к. московские государи XIV и XV вв. вели все дела свои с бояры своими и им обязаны были успехами своей великокняжеской власти⁹. В эту среду — московскую правящую среду — входили постепенно княжата, не внося новых тенденций, а продолжая образ действий московских бояр XIV в. Признавая все это, Ключевский в конце концов готов самих государей московских признать носителями живучей традиции «раздела правительственной власти» с боярами и полагает, что московское общество раньше своих государей сделало политические

⁷ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. С. 20.

⁸ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. 4-е изд. С. 231 и 244.

⁹ Там же. Гл. XII.

выводы из свершившихся перемен и составило себе новое понятие о верховной власти, признав «себя и все свое полною собственностью государя», т. е. построив представление о вотчинном абсолютизме государя, великого князя. Одно это должно бы предостеречь от увлечения мыслью, что «притязания» бояр на «соправительство» с государями имеют корень в составе нового, княжеского боярства, с его преданиями вотчинной правительственной власти. Эта злополучная мысль заставляет и самого Ключевского останавливаться не без недоумения перед такими явлениями, как отсутствие определенного отражения этих «боярских притязаний» на переменах в устройстве боярской думы XVI в. и на какой-либо заботе бояр о расширении и обеспечении своих политических прав, т. к. они не наметили никакого плана государственного устройства, который их бы обеспечивал. Получается в общем крайне неясное впечатление от этих «боярских притязаний», неопределенных, неформулированных, почти неуловимых. Быть может, причина тому не в явлениях жизни XVI в., а в неправильном подходе к их изучению.

В разногласиях между боярством и московскими государями XVI в. следует, по-видимому, различать два совсем разных мотива, лишь внешним образом и в этом смысле, можно сказать, случайно переплетавшихся друг с другом. Один из них — подлинно политический и касается он, по существу, вопроса о самом характере власти московских государей, их «самодержавия» в смысле вотчинного абсолютизма, форм и порядков великокняжеского управления. Этот мотив правильнее не связывать с традициями владельческого и правительственного значения княжат. Зато с этими традициями непосредственно связан другой мотив — о местных привилегиях родословного боярства, разросшийся постепенно в борьбу из-за правительственного влияния боярских верхов с новыми, неродословными группами слуг государевых. Вопрос скорее сословный, социальный, чем политический. Правда, и в сознании людей XVI в. и представлениях историков нашего времени они, естественно, сплетались и оказывались двумя сторонами одной медали. Но для удобства и точности анализа их лучше рассмотреть порознь, т. к. у них совсем разные принципиальные основания.

Обращусь прежде к первому из этих двух вопросов, связанному с определением вотчинного абсолютизма московских государей; надо покончить с этим определением, рассмотрев его с точки зрения царско-боярских отношений XVI в. Перед нами вопрос о попытках боярства московского ограничить царское самодержавие — вопрос, которому так много

отдавала и отдает внимания наша научная литература. Вопреки приведенному мнению Ключевского, что общество московское раньше своих государей осмыслило новый характер их власти как вотчинный абсолютизм, надо признать, что представление это ясно выразилось в действиях Ивана III, например, при подчинении Новгорода, когда шли переговоры о полном, без всякого «урока» властвовании государя великого князя, в отношениях к Пскову и к боярам, судя по делу князя Оболенского Лыка. Но рядом с этой тенденцией стоял обычный порядок ведения всех дел великокняжеских с боярами своими. Организуя свой великокняжеский суд, Иван III ставит рядом с судом своим (личным и детей своих) суд бояр, который творится именем великого князя и представляет суд высшей компетенции, куда идут дела, изъятые из компетенции второстепенных властей, либо прямо, как в первую инстанцию для привилегированной подсудности, либо путем доклада на вершение. В порядке управления высшим учреждением, если только можно употребить это слово, выступает та же группа лиц. Судебник 1497 г. «уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры». Перед населением власть государя великого князя проявлялась конкретно при всех важнейших вопросах как коллективное действие великого князя, его сыновей и бояр. Это и есть то, что историки называют «соправительством». Я бы не решился повторить за В. О. Ключевским и С. Ф. Платоновым, что такого соправительства искала родовитая княжеская знать в XVI в. Явление это очень старое, идущее еще из Киевской Руси, где княжеские уставы возникали в совете князя со старшей дружиной — тысяцкими, посадниками и нарочитыми мужами. И эта практика жила веками. История русского права, не раз ставила вопрос, что тут: бытовое ли явление или правовое? Общественное мнение русского общества не раз высказывалось в памятниках письменности в том смысле, что такой порядок — нормальный, правильный, обеспечивает исправное течение суда и управления. Так, конечно, смотрели и сами князья, и их бояре. В эпоху господства обычного права понятия о правильном поведении и о правовом поведении так близки, точнее, так слаба грань между ними, что наши вопросы о правовой силе того или иного обычая, собственно говоря, не историчны. Это скорее вопросы о том, как нам удобнее называть и описывать явления старой жизни, чем о том, как они сознавались и понимались людьми тех времен. Традиция сотрудничества и, если угодно, соправительства великого князя с боярами была очень крепка в великом княжестве Владимиро-Московском, где бояре были главными носителями тенденций к объединению

власти вокруг одного политического центра, где князья завещали преемникам слушать старых бояр и даже без воли их ничего не творить. Не знаю, что могли прибавить княжата XVI в. к этой вековой традиции в смысле «притязаний на соправительство», и причем тут их удельно-владельческие предания. Красивый образ, начертанный Ключевским, относится скорее к области литературного творчества, чем научно-исторического.

Он вызван, однако, двумя верными историческими наблюдениями: изменением личного и родословного состава московского боярства при Иване III и его преемниках, а также переменами в строе и деятельности боярского совета при великом князе. По мере роста Московского государства усложнялись задачи великокняжеского управления. Как наследие всей княжеско-боярской политики XIV–XV вв. московская центральная власть сохранила во времена Ивана III и позднее непосредственное заведывание поземельными делами, юрисдикцию над служилыми вотчинниками, дела о холопстве, суд по высшим уголовным делам, весь тот круг дел, который составил ядро прямой компетенции суда великого князя и суда боярского. Как известно, из отдельных поручений вырастали постепенно «приказы» бояр с дьяками и подьячими, ячейки грядущего (в вековой эволюции) бюрократического управления. Судебник 1497 г. отметил мимоходом первые шаги ее, говоря о различной подсудности, смотря по тому, «которому боярину которые люди приказаны». В то же время, как мы уже видели, он кладет основание различению центрального и областного управления, определяя отличия «боярского суда и доклада» от компетенции управителей «без боярского суда».

В то же время яснее выступает явление, которое само по себе едва ли новое — то, что Ключевский называет «сосредоточением состава думы». Количество «бояр введенных» неизбежно возрастало с приливом в Москву знатных слуг и с ростом функций, зарождением учреждений центрального управления. Это боярство, оставаясь единым классом по служебному положению и официально признанной «боярской чести», дифференцируется по деятельности и не может оставаться подолгу всецело сосредоточенным в Москве. Наместничества и воеводства, вотчинное управление обширных, еще часто вполне княжеских вотчин, посольства и иные «посылки» поглощали значительную часть боярства. По впечатлению для 30-х гг. XVI в., около половины бояр действовало обычно вне Москвы. Иван III обычно совещается с «сущими у него боярами» и лишь в редких, особо важных случаях посылает «по князи и по бояре свои

и по воеводы», устраивая, таким образом, собрание «бояр всех». Едва ли эти два типа совещаний были фактически новостью, едва ли и сама терминология имела такое принципиальное значение, какое хочет ей придать В. И. Сергеевич, подчеркивая, что Судебник 1497 г. издан при участии бояр, но не «бояр всех»¹⁰. Тот же Сергеевич более прав, когда так категорически настаивает, что состав так называемых «заседаний думы» был случайным, колеблющимся и зависел всецело от наличности под рукой великого князя тех или иных бояр или от его усмотрения, когда был повод к осторожному и намеренному подбору советников. Эти собрания «с бояры своими» — нормальная форма деятельности великого князя в его личных правительственных действиях. Ведь и духовные [грамоты] князей московских составлялись в небольшом придворном совете; если духовные Калиты, Семена Ивановича, Ивана Ивановича отмечают только послухов на «сю грамоту», лиц духовных, а в грамоте Дмитрия Ивановича «первой» послухи — четыре боярина, то во второй его духовной читаем клаузулу: «а туто были бояре», «у сее грамоты были», «у духовных сидели» бояре такие-то.

Таков был вековой обычай. Роль бояр: советников и послухов, свидетелей великокняжеского акта, являлась искони в общественном сознании признаком правильности, аутентичности этого акта, гарантией его обдуманности и выполнения. Эта роль входила в круг обычных обязанностей княжого боярина, служившего своему князю и мечом, и советом. Бояре всегда при князе, пока они налицо. В Москве XVI в., как и в XVII в., блюдут обычай, картинно описанный Котошихиным, обычай приезда к царю на всякой день «челом ударить» с утра рано, и тут получают его поручения и приказания. Насколько стар этот обычай, показывает сходство котошихинского описания с рассказом Жития св. Феодосия Печерского, как он, едучи в монастырь, на заре встретил «вельмож», идущих ко князю, и [с] указанием Мономахова поучения о думаньи князя с дружиной как моменте обычного расписания княжого дня. Едва ли можно сомневаться, что этот обычай характерен для представления о боярах как о слугах великого князя, и далее, что сама роль их — как советников князя — сознавалась в удельные времена, подобно аналогичной роли баронов в средневековой Европе: как обязанность, а не как право. Если нетрудно найти и у нас, и на Западе указание на воззрение, согласно которому совещания с боярами рассматриваются как нечто должное для князя, то это один из элементов

¹⁰ Сергеевич В. И. Древности русского права. 3-е изд. СПб., 1908. Т. II. С. 396.

общественного представления о правильном отношении князя к своему княжому делу, обязанность князя как дельного и добросовестного правителя. Обязанность, так сказать, общественная, а не осуществление права, принадлежащего боярам. Но вместе с тем служба князю советом — органический элемент боярской службы бояр введенных, и потеря значения княжого советника — признак упадка боярской чести. В моменты конфликта князя с боярами разрыв ощущался боярами как потеря ими боярства, которое при всей его родословной основе конкретно реализуемо только в формах боярской службы и связанного с ней не только общественного, но и административного положения. Моменты уклонения великого князя от обычного ведения дел и держания земли с бояры своими могли потому вызывать в них острое ощущение отрицания прерогатив их звания, стало быть, нарушения того, что они признавали как свое право.

Но во всем этом круге представлений был и другой, менее личный и классовый, а более принципиальный элемент. Форма действий великокняжеской власти, боярские совещания, сознавалась как гарантия того, что дела княжого управления идут правомерно, в духе старых общеправовых традиций, носителями которых были старые опытные думцы великого князя. Это воззрение засвидетельствовано не раз рассказами киевских и московских летописных сводов, и сами князья внушали потомкам: «лихих бы есте людей не слушали и хто иметь вас сваживати, слушали бы есте отца нашего» митрополита, «такоже старых бояр, хто хотел отцю нашему добра и нам»¹¹. Это уважение именно к старым, «отним и дедним» боярам — конкретное, бытовое выражение столь характерного для старорусского общественного правосознания преклонения перед «старинной и пошлиной», перед общеправовыми устоями всей общественной жизни и всего управления. Ключевский правильно приписывает преимущественное хранение тех правительственных понятий и обычаев, под влиянием которых складывались политические отношения в Москве, «старшим знатным фамилиям», но роль этих княжат не творческая; они стремятся сохранить старый уклад отношений, старинное значение боярства, созданное деятельностью нетитулованного боярства со времен не только Калиты, но и Александра Невского и Юрия Долгорукого.

¹¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 24, духовная грамота князя Семена Ивановича.

Останавливаюсь так многоречиво на этих рассуждениях потому, что мне представляется существенным установить тот элементарный факт, что условия конфликта между боярством и великокняжеской властью, который разыгрывается и нарастает в течение XVI в., гораздо глубже, чем пресловутая оппозиция княжат против самодержавия московских государей, взятая сама по себе. Вопрос шел о личной власти великого князя, о личном его самодержавии как единственном источнике всякого права и решения. Иван III уже выдвигал этот тезис вполне сознательно в критические моменты столкновений с чужой и неудобной ему правовой стариной. Но традиционные формы деятельности великого князя живут и при нем полной жизнью. Мы видели, изучая ломку отношений великого князя к членам его семьи, как Иван III стремился выбить свою личную властную волю из пут семейно-вотчинного владения московского. Однако следы этой семейной старины живут еще и в его Судебнике. Он уложил этот Судебник «с детьми своими». Члены личной семьи великого князя имеют некоторую долю участия в его правительственной власти. Знает Судебник, рядом с судом великого князя и боярским, особый «суд детей великого князя», при которых и свой печатник имеется, к которому идет «доклад», идут и доходы разные наравне с великокняжеским и боярским судом. К сожалению, насколько знаю, никакие другие источники не поясняют этого суда детей великого князя — одной из форм центрального великокняжеского и боярского суда. При такой организации личный суд великого князя сохранял значение высшей инстанции, разрешавшей неразрешимые для других властей вопросы. О формах этого суда для времени Ивана III мы не имеем известий, но трудно сомневаться, что это был нормально¹² суд великого князя с бояры своими, т. к., например, известный эпизод с князем Оболенским Лыком указывает на различие правильного суда великого князя от его «бессудного» приговора. Боярский приговор остается нормальной формой выработки великокняжеского решения, как показывает и статья 98 царского Судебника: «а которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех бояр приговору вершатся и те дела в сем Судебнике приписывать». Здесь поминается та практика, результатом которой явился ряд указов, частью собранных в Указных книгах приказов. Государь царь и великий князь приговорил со всеми бояры (или просто — с бояры) —

¹² То есть в соответствии с принятыми правовыми нормами и практикой. — *Ред.*

обычная начальная формула таких узаконений. Сергеевич придал этой статье 98 Судебника 1550 г. значение огромного новшества; он увидел тут несомненное ограничение царской власти, обратившее царя в председателя боярской коллегии, без которой царь не может издавать новых законов¹³. Достаточно сослаться на то, что Иван Грозный до конца жизни сохранил эту формулу, чтобы отвергнуть подобный фантастический вывод. Судебник и не говорит об утверждении в законе подобного порядка, а лишь в придаточном предложении отмечает, что будет приписываемо к Судебнику.

Однако едва ли можно сомневаться, что среди бояр XVI в. царило и все усиливалось недовольство частыми уклонениями московских государей от обычных порядков суда с боярами и указной деятельности по боярским приговорам. Конкретных свидетельств о проявлениях этого недовольства не так много, но они красноречивы и потому общеизвестны, т. к. часто привлекали внимание историков. При Иване III имеем лишь один пример крутой расправы великого князя с «высокоумием» княжат — опалу, постигшую князей Патрикеевых, Ивана и Василия, отца и сына, и их зятя Стародубского-Ряполовского. Ни причин, ни форм этого дела мы в точности не знаем. Соловьев метко сопоставил его с придворной борьбой по вопросу о престолонаследии; причем известному точно составу сторонников великой княгини Софии, царьградской царевны, и ее сына Василия — все людей неродословных, как дьяки Ф. Стромилов и В. Гусев, да дети боярские Яропкин, Поярок, князь Палецкий-Хруль, Щевья-Стравин, — противопоставил Патрикеевых и Ряполовского как сторонников Дмитрия, внука. Это очень возможно, но сам великий князь лишь упомянул о том, как князь Стародубский-Ряполовский высокоумничал с Василием Ивановичем Патрикеевым, а летописи глухо поминают «измену» или просто сообщают факт поимания бояр, казни Ряполовского, постижения Патрикеевых. Степенная [книга] говорит об испытаниях их крамол, т. е. о розыске, но ее поздний и риторичный текст мало дает, да и едва ли вполне надежен как источник¹⁴. Толкование этих известий Соловьевым находит сильную поддержку в той ненависти к Софии, какой дышит ряд летописных текстов, а также позднейшие отзывы о ней

¹³ Сергеевич В. И. Древности русского права. 3-е изд. Т. II. С. 404.

¹⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 3-е изд. М., 1864. Т. V. С. 84–90; Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. I. № 192. С. 308; Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. XXI. Ч. 2. С. 572.

из боярской среды — князя Курбского и думного дворянина Берсеня-Беклемишева. Берсень толковал, что София «к нашему нестроению пришла», приписывал ей ломку старых обычаев великокняжеского двора, замену прежнего почета старым боярам новыми порядками решения всяких дел — «запершыся сам третей у постели». Курбский полагает, что в род князей русских дьявол всеял злые нравы через злых жен, которых князья взяли из иноплеменниц¹⁵. Летопись сохранила рассказы, явно враждебные великой княгине (римлянке, гречанке), противопоставляющие ей мать великого князя, при которой и духовенство, и Иван Юрьевич Патрикеев.

Но те же рассказы — и летописных сводов, и Курбского, как и беседы Берсеня с Максимом Греком, — столь же враждебны великокняжеской политике Ивана III, выдвигая ее произвол и стремление окружить себя не заслуженными и родовитыми, а новыми людьми, править по личному усмотрению, не уважая старых обычаев и традиционных форм сотрудничества с боярством. Причины этого явления, действительно, лежат в изменении состава боярства, когда в правящей среде на первый план выдвинулись княжата, оттесняя по возможности с боярских верхов старое московское боярство. В новых течениях своей политики великие князья находят опору в нетитулованном боярстве, как Кошкины и их потомки Захарьины, либо в более мелком боярстве по отчеству, спустившемся на уровень детей боярских, да в приказных дельцах, дьяках. Однако, по существу, княжата в жалобах своих — защитники не удельных княжеских традиций, а боярской старины. Дальше защиты этой старины не пошла боярская политическая мысль в течение всего XVI в.

А во времена Грозного с особой остротой поднялся вопрос об «истинном суде царя и великого князя», в противоположность произвольным опалам, приведший к своеобразному уговору царя с народом московским в 1565 г., когда Иван уехал в Александровскую слободу, грозил вовсе бросить государство и объявил свою опалу на духовенство, бояр, приказных и служилых людей, осуждая в корень всю политику эпохи «избранной рады», а особо то, что при его попытках кого-либо наказать вся эта среда, сплотившись, их «покрывает». В ответном челобитье царю сулили,

¹⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. I. № 172; Сочинения князя Курбского. Т. 1: Сочинения оригинальные (Русская историческая библиотека. Т. XXXI). СПб., 1914. Стб. 162.

чтобы он «своими государьством владел и правил, якоже годно ему, государю», а лиходеи «ведают Бог, да он, государь, и в животе и в казни (их) государская воля». Иван принял челобитье «на том, что ему своих изменников, которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки имати»¹⁶. Так формально объявлена была эпоха чрезвычайной власти, эпоха опал и казней. Как бы ответом на сцену 1565 г. служит через столетия так называемая «ограничительная запись» царя Василия Шуйского. Шуйский целовал крест всем православным христианам «судить их истинным праведным судом и без вины ни на кого опалы не класти», причем грамота дает ясное представление о том, что такое этот праведный суд: царь обещает «всякого человека, не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предати и вотчин, и дворов, и животов у братьи их и у жен, и у детей не отнимати, будет которые с ними в мысли не были... доводов ложных не слушати, и сыскивати всякими сыски накрепко и ставити со очей на очи». Можно, пожалуй, согласиться с С. В. Рождественским и С. Ф. Платоновым, что с нашей точки зрения тут нет никакого ограничения¹⁷. Но несомненно, что Иван III на просьбу или требование о такой гарантии «праведного суда» отвечал бы, как говорил новгородцам в 1478 г.: «и вы нынеча сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти, ино то которое мое государство?», а Грозный настаивал бы, что он и в пожаловании, и в казни слуг своих волен. По существу С. Ф. Платонов прав, когда говорит об этой записи, что трудно в ней найти действительное ограничение царского полновластия, а можно видеть только отказ этого полновластия от недостойных способов его проявления, от «причуд личного произвола» и обещание «действовать посредством суда бояр, который... был всегда правоохранительным и правообразовательным учреждением, не ограничивающим, однако, власти царя». Но вотчинный абсолютизм московских государей, пользуясь на практике боярским советом, отрицал в принципе его «правоохранительные» функции, чувствуя в них начало связанности своей воли действующим правом,

¹⁶ Полное собрание русских летописей. СПб., 1906. Т. XIII. 2-я пол. С. 392–394.

¹⁷ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты. 2-е изд. С. 229–231; Рождественский С. В. Царь В. И. Шуйский и боярство // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1892. Т. V. Отд. I. С. 26–48; Он же. Царь В. И. Шуйский // Люди смутного времени / Под ред. А.Е. Преснякова. СПб., 1905. С. 19.

т. е. отказ от самой сути своего самодержавного абсолютизма. Можно и должно отрицать ограничение царской власти правовым строем в смысле какого-либо принципиального, иначе сказать — конституционного разделения верховной власти между различными государственными органами, например, царем и боярской думой. Но не следует умалять трагического по неизбежности противоречия между вотчинным, как и всяким другим, абсолютизмом — с одной, и правовым строем, каков бы он ни был, охрана которого дело правительственных учреждений, с другой стороны. Эти вопросы были поставлены по-своему ясно и понятно для современников во времена Ивана III, и вдуматься в них казалось мне необходимым для понимания самой сути того политического явления русской истории, которое мы называем образованием Московского государства при Иване III.

Глава X

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

Отношения великокняжеской власти к церкви, с одной стороны, весьма усложняли самое понятие людей того времени о власти московских государей, ее основах, характере и назначении, а с другой — были связаны со всеми основными вопросами государева управления, землевладения, хозяйства, социального строя.

Став единым вотчинным государем на всех «государствах» Северо-Восточной Руси, великий князь московский оказался во главе единственного на всем широком свете православного царства. Эпоха Ивана III начала работу над выяснением этого представления как теоретически — в писаниях московских книжников, так и практически — в церковной политике московского правительства. Начну с этой последней и напомним прежде всего то положение, какое застал Иван III, приняв великокняжескую власть. До его времени отношения между митрополией московской и великокняжеской властью московских князей пережили ряд колебаний, постепенно подготавливая тот уклад московской церкви — государственной церкви и политического учреждения, — какой она получает в течение XVI в.

Политической силой русская митрополия была издавна, притом силой, тесно связанной с великим княжением и великокняжеским боярством. В истории Северо-Восточной Руси значителен момент, когда упадок реальной силы великих князей владимирских придал митрополичьему двору владимирскому значение центра объединительных тенденций, вылившихся как в литературной деятельности этого двора, так и в его влиянии на политические тенденции великокняжеского боярства. В начале XIV в. выясняется бессилие Владимира сыграть роль центра подобных стремлений, и боярство великокняжеское бросается сперва в Тверь, а по неудаче великокняжеской политики Михаила Ярославича тверского начинает тянуть к Москве. Одновременно с боярством на сторону Москвы все определеннее становится и сама митрополия. Митрополит Петр (1308–1326 гг.) в решительной оппозиции великому князю Михаилу тверскому [и] друг Калиты. Он первый пустил в ход «церковное неблагословение» как политическое орудие, остановившее решительные шаги тверской по-

литики. Ему же принадлежит акт укрепления светской силы митрополии на основании, независимом от княжеской воли. И эта, так укрепленная сила, в те же годы митрополита Петра уяснила себе, что единственный возможный политический центр Великороссии, способный сыграть ту роль, какая нужна для церкви и ее интересов, для осуществления той более широкой политики, о какой мечтали при митрополичьем дворе и в среде бояр великокняжеского двора владимирского, — в Москве. В это политическое течение втягивается пришлый из южной Галичины Петр, втягивается и его преемник грек Феогност (1328–1353 гг.), хотя оба попали на митрополию без и против воли московского великого князя.

Укрепить союз митрополии с великим княжением Московским можно было, только подчинив самый выбор кандидатов в митрополиты интересам политики московской. Есть известие, что уже Петр и в этом отношении вошел в виды Ивана Калиты и «воименова», по соглашению с ним, какого-то архимандрита Федора себе в преемники. Но тогда Калита еще не был великим князем владимирским, и провести кандидатуру Федора не удалось. Зато Феогност подготовил и провел на митрополию после себя русского митрополита Алексея, человека из московской служилой среды, своего человека при дворе великого князя, по-видимому, сына московского тысяцкого при Иване Калите. Крупный государственный деятель, Алексей всецело связал судьбы и интересы митрополии с политикой великих князей московских, расширив ее кругозор и задачи до подлинно общерусской, православно-национальной программы. Авторитет митрополита, а в случае надобности и патриарха константинопольского выдвигается при нем в пользу Москвы в ее счетах с другими русскими князьями и в столкновениях с великим князем литовским. Митрополия при нем приняла всецело московский характер; митрополичий и великокняжеский дворы объединены тождеством стремлений и личного состава из служилого боярства московского; из той же среды выходят видные церковные деятели с Сергием Радонежским и его кругом во главе. Можно сказать, что московский великокняжеский двор вплотную ассимилирует себе верхи церковной иерархии в политическом и социальном отношении. Но в годину смерти Алексея обстоятельства так сложились, что возникла некоторая реакция против поглощения митрополии государством Московским. Отказ св. Сергия принять бремя Алексеева наследства и неожиданная кончина архимандрита Михаила-Митяя, великокняжеского кандидата на кафедру, открыли период смут в делах митрополии, который закончился только через 12 лет по смерти Алексея (1378–1390 гг.)

вынужденным принятием на митрополию Киприана, болгарина, чуждого московским интересам и положившего свое честолюбие в том, чтобы вести свою политику, самостоятельную и построенную на поддержке своего влияния не по-московски, а особого от московской политики и в Твери, и в Великом княжестве Литовском, и в Новгороде, и в Константинополе.

Положение митрополичьей кафедры по отношению к великому князю Киприан сумел определить совсем в духе ярлыка (подложного) митрополиту Петру от хана Узбека [указание на подложность ярлыка добавлено Б. А. Романовым. — *Ред.*]. Характерна самая форма этой грамоты — не жалованной, а, так сказать, протокола соглашения между великим князем и митрополитом, которые «управили» это дело, «сед» в совместном совещании¹. По существу, это договор, ставящий митрополичьи владения в положение, сходное с положением московских удельных княжеств. Размер митрополичьих владений определяется тем, чем владел митрополит Алексей. Территория эта неприкосновенна: ни бояре, ни слуги великого князя не должны на ней покупать вотчин. Население — под присудом и управлением митрополита, ни судьи, ни сборщики княжие в то не вступаются. Дань оброчная идет великому князю по грамотам, но лишь в том случае, когда по всему великому княжению идет сбор на татарскую дань; ямская гоньба — когда села великого князя ее дают. Суд между людьми великого князя и митрополита — «смесный». Все бояре и слуги митрополичьи, которые служили митрополиту Алексею, идут на войну под особым митрополичьим воеводой, но только тогда, когда сам великий князь выступает в поход; позднее вступившие в митрополичью службу входят в состав великокняжеских полков. Чем не удельное княжество? Великий князь себе обеспечил отказ митрополита от поставления в попы и дьяконы своих слуг и данных людей и ограничение митрополичьих сборов с церковью по городам и волостям великого князя. Последнее особенно характерно, придавая митрополии своеобразный территориальный характер: вне ее владений великий князь представитель интересов «своего» духовенства в защите от митрополичьих поборов. Перед нами договор двух властей, властей политических и территориальных. Киприан пошел сознательно вразрез с традициями митрополита Алексея, и ряд его столкновений с епископами Алексеева поставленья,

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. I. № 9. Уставная договорная грамота митрополита Киприана и князя Василия Дмитриевича, скорее всего, датируется 1404 г. — *Ред.*

как и его недоверие к своему же двору — запрет митроличьим слугам покупать вотчины в его [митрополичьих] владениях, внесенный в договор с великим князем, — показывают, как он разошелся с «омосковленной», если можно так выразиться, средой, сложившейся при митрополите Алексее вокруг митрополии. Независимость митрополии, которую он отстаивает, опиралась, с одной стороны, на ее всероссийское значение, т. е. на роль митрополита не на востоке только, но и в Западной Руси, где Киприан своей политики не подчинял московским интересам (а скорее поддерживал подчинение Москвы влиянию Витовта при Василии Дмитриевиче), с другой, на две внешние силы — константинопольскую патриархию и, отчасти, милость ханскую, гарантировавшую со времен митрополита Петра права Русской церкви. XV в. принес постепенное падение всех этих трех опор и привел митрополию к полному подчинению великокняжеской власти.

Московским государям и их слугам трудно было мириться с светским могуществом и владельческой независимостью митрополии в ту эпоху, когда Москва все усиливает власть свою над вотчинными княжениями Северо-Восточной Руси и расширяет свои силы и средства за их счет. По кончине Киприана (1406 г.) Москва осталась без своего кандидата в митрополиты, потому что от Киприана, конечно, и ожидать не могла «воименования» и благословения в преемники желательного лица, а без того немислимо было провести поставление такого лица в Константинополе.

Настало четырехлетнее «междумитрополье», пока в 1410 г. не прибыл из Константинополя грек митрополит Фотий. Он нашел митрополию в крайне плачевном состоянии, дом церковный и села — пусты; иные села, волости и доходы, и пошлыны расхищены от князей и бояр, и от других лихоимцев². От Фотия дошло до нас два послания к великому князю с поучением о неприкосновенности церковных имуществ и благопокорном почтении к святителю. «Сведомо же ти буди, — пишет митрополит великому князю, — яко церковь божию уничижил еси, насилствуя, взимая неподобающая ти». Митрополит поднял решительную борьбу за наследие Петра и Алексея, добиваясь возврата захваченных имений и крепкого утверждения «во священной митрополюи вся Русь» ее вотчин и доходов. По летописному преданию, ему удалось достигнуть этой реституции и даже значительно увеличить церковное достояние прику-

² Полное собрание русских летописей. СПб., 1897. Т. XI. С. 213.

пами и умелым хозяйством. Он требовал в том же послании, чтобы великий князь пришел к церкви христовой и к отцу своему митрополиту с такими словами: «Согреших, прости мя, и имаши, о отче, во всем благопоплушна и покорена мене; елика в законе и в церкви христовей пошлныи зле растленны бывшаа, испълню и исправлю, воображенаа и даная и утверженаа исперва от прародителей моихъ, и яже по многих летех отставленнаа, яже и растленна быша. Имееши убо благопокорство всяко от мене, о отче!.. точию даждь прощение и благословение», — отстаивая, таким образом, независимость и силу митрополичьей власти³. Пережив временную потерю власти над западно-русской церковью, когда там митрополитствовал Цамблак, Фотий достиг восстановления единой митрополии и не только примирился с Витовтом, но содействовал новому сближению великого князя Василия Дмитриевича с ним, идя вполне по стопам Киприана. Сохранил он и Киприаново отрицательное отношение к национализации московской церкви: при нем, как, вероятно, и при Киприане, вновь поставленные епископы должны были давать торжественное обещание «не хотети и не приимати иного митрополита, разве кого поставят из Царягороду како есмы то изначала прияли»; те же остались и раздоры митрополита с москвичами (митрополичьими слугами и боярами), из которых многие бежали от него к черниговскому епископу, а оттуда в Литву.

50-е гг. XV в., время ликвидации московской смуты при Василии Темном и образования той сильной великокняжеской власти, какую унаследовал Иван III, были и временем ликвидации прежнего, самостоятельного и самодовлеющего значения независимой московской митрополии. По смерти Фотия (1431 г.) или еще при его жизни, если верить Житию св. Ионы, была сделана попытка провести на митрополию «своего» человека, питомца московской служилой среды и связанного со двором великого князя Симонова монастыря, епископа рязанского Иону. Но смуты в великом княжении, поставление грека Исидора, дело о Флорентийской унии затянули этот план на десяток лет. В Москве, по низложении Исидора, пытались официально приобрести от греков право самим ставить в своей земле митрополита, а затем в декабре 1448 г. поставили Иону — по избранию великого князя и совету его матери, великой княгини, братьев-князей, со всеми русскими князьями, святителями русской земли и всем

³ Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. (Русская историческая библиотека. Т. VI). 2-изд. СПб., 1908. № 35.

духовным чином, боярами, всей землей. В 1451 г. Иона достиг официального признания и в Великом княжестве Литовском, которым, по-видимому, заручились уже при его поставлении, но оно, естественно, оказалось явлением временным и случайным. Восстановление московского характера митрополии было подчеркнуто торжественным актом причтения к лику святых митрополита Алексея. Иона явился завершителем деяний Петра и Алексея и стал за ними третьим «святым» митрополитом. Канон его памяти составлен в год его смерти; Иван III с митрополитом Филиппом установили ему почитание, а собор 1547 г. прославил его общецерковным празднованием его памяти. Основные этапы и конечное торжество московской церковной политики освящены чудотворениями ее главных представителей. С тех пор митрополия московская становится учреждением в строе Московского государства.

Преемство на митрополичьем престоле внешне определяется — вместо патриаршего — благословением митрополита-предшественника, как Иона благословил Феодосия, Феодосий — Филиппа; по существу же — выбором великого князя, который и возводит нареченного на митрополию по провозглашении его епископским собором. При новом укладе великокняжеской власти и всего внутреннего строя Московского государства, роль митрополита, однако, по существу не та, что была при Петре и Алексее. Митрополит не руководитель уже, а орудие великокняжеской политики. Так и вся пастырская деятельность Ионы тесно сплетена с политикой великого князя и служит ей своим авторитетом то для смирения буйных вятчан, то для укрощения мятежного Дмитрия Шемяки, то для внушения псковичам покорности их «отчичу и дедичу» — великому князю.

Естественно, что момент утверждения такого московского характера за митрополией совпал с окончательным отторжением от нее западнорусских епархий в 1458 г. Митрополичья деятельность Ионы протекала в те годы, когда молодой княжич Иван Васильевич был уже великим князем и соправителем отца. В эту пору возникает и упрочивается фактическая независимость Руси от татар; взятие Константинополя турками в 1453 г. убило вконец расшатанный авторитет греков, у которых, по московскому воззрению, «православие изрушилось», чему свидетельством были яркие факты — превращение великой соборной Софийской церкви в мечеть, отсутствие крестов и звона у церквей, какие турецкий «царь» оставил грекам. И государство, и церковь московские стали на деле автокефальными. В ту же пору митрополия московская, с отпадением Западной

Руси, сузилась до пределов владений московского великого князя, и церковная политика митрополитов, прежде шире хватавшая, совпала по внешним задачам с политикой московских государей, например, в борьбе за сохранение связи с Москвой Великого Новгорода и Пскова, в противодействии литовско-русскому государственному и церковному влиянию в них и в Твери. А в дальнейшем — в мечтах и стремлении восстановить прежние, более широкие пределы митрополии как всероссийской, путем подчинения Москве русских областей, попавших в состав государства Польско-Литовского. Московская митрополия вошла в состав Московского государства, стала перед властью великих князей без всякой внешней опоры и зажила окончательно местной московской жизнью, местными московскими интересами. Замещение кафедры перешло в руки великого князя; он намечал кандидата, по соглашению с митрополитом-предшественником, по совету с семьей и двором своим, иногда и с епископами; каноническое избрание стало при таких условиях простой формальностью, а после него «давал» избранному митрополию великий князь.

Избираемый по воле великого князя из людей, ему подвластных, митрополит оставался лично зависимым, по-нашему — подданным во святительстве. С собором епископов великий князь мог всегда низложить непокорного митрополита, мог и довести его до добровольного по форме отречения. Бессильный и бесправный перед властью государя-вотчинника, митрополит мог опираться только на священный авторитет своего сана и на личное свое влияние. Третий из митрополитов в княжение Ивана III, преемник Феодосия и Филиппа, Геронтий, поставленный без благословения предшественника собором епископов при участии братьев великого князя и по воле Ивана Васильевича, испытал на себе это зависимое положение в нелегкой форме, точно в свидетельство того, что значит на деле обязательство, внесенное при нем в «обещательные грамоты» новопоставляемых епископов: отнюдь не принимать епископов, поставляемых на Русь в Константинополе. Другое дело — очень важное в глазах москвичей, как антитеза горькой судьбе св. Софии Цареградской — построение Успенского собора, тоже можно, при желании, назвать символом новых отношений между митрополией и великокняжеским двором. Начал постройку еще митрополит Филипп своими церковными средствами; наложил на всех попов и на монастыри «тягиню великую», «сильный» (принудительный) сбор серебра на строение церковное; разрушил старую, обветшавшую и малую церковь, заложенную еще митрополитом Петром, и начал сооружать обширный собор, на полторы сажени во всех

направлениях больше своего образца — Владимирского собора. Постройка тянулась три года, начали уже своды сводить, как она рухнула, потому что «не разумеша мастера силы в том деле». Тогда в дело вступился великий князь, послал в Псков по мастеров церковных и в Венецию за архитектором. Аристотель Фиоравенти начал постройку заново, разобрал остатки прежних стен, заложил новый фундамент, и в мае 1476 г. произошла торжественная закладка, а к августу 1479 г. собор был готов в том виде, как и теперь стоит.

По поводу освящения этого собора 12 августа 1479 г. возникло крупное столкновение великого князя с митрополитом. Поднялся спор, как надо ходить крестным ходом — «посолонь» или против солнца. Митрополит стоял за второе, князь великий с архиепископом ростовским Вассианом и чудовским архимандритом Геннадием за посолонное хождение. Тяжкие события 1479–1480 гг. затянули решение, но все духовенство стало за митрополита, за него были и русская старина, и греческий обычай; молдавский епископ писал, что греческая церковь не знает никаких действий посолонь и только латыни так творят. Откуда великий князь и его советники, противники митрополита, взяли свое мнение, не знаем, но великий князь уперся, и года два новые церкви стояли без освящения. Геронтий «съехал» с митрополии в Симонов монастырь, грозил вовсе отречься, а поддержка его всем духовенством заставила Ивана уступить, но лишь внешне, потому что в споре «истины не обретоша», и устава не учинили, оставив вопрос открытым. Вмешательство великого князя и властное настояние в деле чисто церковном — обрядовом — связано в этом деле с попыткой противников митрополита опереться в отношениях церковных на великокняжескую власть. Несколько ранее — в 1478 г. — разыгралась другая история, при коей великий князь выступил в роли руководителя собора, судьи о канонической правильности действий Геронтия, который согласился на странный шаг: по просьбе Кирилло-Белозерского игумена Нифонта он дал удельному князю Михаилу Андреевичу верейскому грамоту о том, что «князю... ведати монастырь, а ростовскому архиепископу в него не вступатися»⁴. Не добившись отмены подобной грамоты от митрополита, Вассиан ростовский перенес дело на суд великого князя, бил ему челом о суде митрополита «по правилом». Великий князь вытребовал грамоту у князя Михаила и созвал собор епископов и архимандритов; разбор дела принял такой оборот, что митрополит

⁴ Полное собрание русских летописей. СПб., 1901. Т. XII. С. 189–190.

убоялся соборного суда и умолил великого князя помирить его с Вассианом. Тогда великий князь уничтожил его грамоту и объявил соборное решение о возврате монастыря под владение архиепископа ростовского. Было бы ошибочно настаивать при оценке этого дела на канонической функции собора; ведь он действует по приказу великого князя («повеле собору быти»), который ставит ему задание, властно входит в его дело-производство, придает его решению правовую силу своим утверждением и осуществляет его своим указом. Таково было положение перед властью московских государей всех церковных соборов XVI–XVII вв. Однако в делах церковных дело утверждения московского самовластия шло не так гладко, как в делах светских. Перед законом христовым и святоотеческим отступала эта власть, стремясь войти в роль его защитницы и покровительницы. Отступала она, хоть и нехотя, перед святостью духовного сана, прикрывавшего человеческую личность, зависимую и подвластную. В 1483 г. митрополит Геронтий заболел и захотел было оставить митрополию, но съехал с кафедры в Симоновский монастырь, захватив с собой и ризницу, и митрополичий посох. Вскоре он оправился и пожелал вернуться, «князь же великий не восхоте его», проча ему в преемники близкого себе старца Паисия Ярославова. Но ни настояния Ивана Васильевича, ни уговоры Паисия не помогли; Геронтий «неволею не остави митрополию», хотя его «имаша» силою, когда он «многожды» убежал из монастыря. И, по-видимому, только решительный отказ Паисия от митрополии побудил великого князя снова возвести Геронтия на кафедру⁵.

Все изложенные факты сами по себе малозначительны, но они заслуживают внимания по своей показательности. Они своим характером освещают роль великокняжеской власти в более крупных вопросах, потрясших церковный и общественный быт Москвы при Иване III, вопросов о борьбе с ересями и о церковном землевладении. Начну с замечаний об этом последнем.

Чтобы правильно представлять себе характер и значение церковного землевладения, надо иметь в виду основные особенности строя материального обеспечения церковных учреждений и заведования их имуществами. Строго говоря, неправильно даже употреблять выражение «церковное землевладение» ни для удельных, ни для московских времен. «Землевладельческий быт нашей церкви, скажу словами известного канониста Павлова, сложился не по канонической догме, а по националь-

⁵ Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. VI. С. 236.

ному типу вотчинного права»⁶. Как единое целое церковь русская не была землевладелцей. Существовали вотчины монастырские, владения митрополичьи, но не церковные в собственном смысле слова. Церковная земля для того времени — разве что земля, принадлежавшая отдельной церкви, приходской или соборной. Вотчины принадлежали отдельным церковным учреждениям, которые в лице своих начальных лиц и оказывались полноправными вотчиками, управителями и распорядителями своих вотчин. Крупные владения митрополии являлись одним из составных элементов всего этого землевладения наряду с другими, как особая, замкнутая в себе единица. И только их, а не всего церковного касались те грамоты и порядки, которые обеспечивали права и имущества митрополии. У других владельцев святительских и монастырских вотчин были свои, особые от митрополичьих, права и гарантии, владения и грамоты. Это ставило епископов и игуменов в непосредственные, прямые, мимо митрополита, отношения к княжеской власти, и ставило их в ряд крупных землевладельцев-вотчинников наряду с боярами и княжатами.

Социальное тождество, если можно так выразиться, землевладения церковных учреждений с боярским сказывалось в ряде правовых и политических последствий. С одной стороны, традиционно-канонические воззрения на недвижимые имущества церкви как на неотчуждаемые и, стало быть, не подлежащие владельческому распоряжению их временных управителей — епископов, игуменов — не соответствовало действительности, т. к. они, напротив, распоряжались «своими» вотчинами как настоящие вотчинники — отчуждали их путем продажи и мены, закладывали и т. п. С другой стороны, их положение как крупных землевладельцев сближало их в роли «государевых богомольцев» с боярами и слугами великокняжеского двора, к которому и они тянулись за опекой и покровительством. В эпоху жалованных грамот отдельные владыки и игумены получали пожалования и разные более или менее широкие льготы от князей и ставили тем свое вотчинное землевладение в такое же, а часто и более привилегированное положение, чем земли бояр-грамотчиков, но зато и в такую же зависимость от великокняжеского пожалования, какое постепенно преобразовало самое понятие о вотчинном боярском праве

⁶ Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. 1: Попытки к обращению в государственную собственность поземельных владений Русской церкви в XVI веке (1503–1580 г.). Одесса, 1871. С. 25–26.

в представление о праве не самостоятельном, а производном от усмотрения государя великого князя. Эта связь вотчинниковых прав с государевым пожалованием имела свои крупные выгоды как защита от сторонних претензий, легализация захвата и приобретения волостных земель, источник податных и пошлинных льгот. Она же вела обычно к освобождению монастырской или святительской вотчины от подчинения местной наместничьей власти, устанавливая, как и для бояр, прямую подсудность суду великого князя: «а кому будет чего искати на игумене с братьей или на его прикашике, ино сужу их яз, князь великий, или боярин мой введеный».

Развитие этих отношений — дело эпохи предыдущей; в XV в. они в полном расцвете, и при сохранении духовной митрополичьей юрисдикции в делах специально церковных, власть митрополита над духовенством, даже в периоды наибольшей независимости митрополии от великокняжеской власти, не разрушала его подчинения по вотчинному землевладению и в порядке привилегированной подсудности княжеской власти. Мало того, мы уже видели вне территории собственно митрополичьих владений, великого князя в роли защитника церквей и монастырей в Москве и по городам от церковных налогов и поборов митрополита. На таких широких основах покоилась зависимость духовенства и церковных учреждений от великокняжеской власти, нашедшая завершение в эпоху Ивана III, когда и сама митрополия окончательно подчиняется этой же государственной власти.

Насколько именно землевладение служило основой зависимости церковных учреждений от княжеской власти, видно, например, из резкого заявления новгородского архиепископа Серапиона на соборе, разбиравшем в 1506 г. его столкновение с игуменом Иосифом Волоцким по поводу передачи им своего монастыря самовольно из удельного княжества Боровского в «великое государство» Московское: «я, — говорил Серапион, — волен в своем чернце, а князь Федор (боровский князь Федор Борисович) волен в своем монастыре: хочет грабит, хочет жалует». В частности, именно монастыри с их вотчинами были предметом особого попечения великокняжеской власти, и управление их делами стягивалось все определеннее к государеву двору как высшей инстанции, пока к середине XVI в. (приблизительно) не стало одной из важных функций Приказа Большого дворца. При таких общих, веками окрепших условиях и отношениях, естественно, что и само назначение игуменов, по крайней мере в более крупные и важные монастыри, непосредственно интересо-

вало великокняжескую власть и постепенно целиком перешло в ее руки. Само созидание монастырей происходило весьма обычно с прямым участием этой власти — по крайней мере в том смысле, что возникший монастырь, только что обстроившись и поставив свое хозяйство, спешил заручиться великокняжеской жалованной грамотой на свои земли и угодья, на право колонизовать свои вотчины пришлыми людьми, со льготами для них во всяких государевых пошлинах.

В прямой зависимости от великого князя — вместе с митрополитом или мимо него — стояли и епархиальные архиереи. Старорусская епархия представляла собой не только духовно-церковное, но и административно-владельческое учреждение. Само церковное управление, т. е. отношения архиерея к подчиненному белому и черному духовенству, было пропитано началами светского властвования, принимавшего в духе «национального вотчинного права» вовсе вотчинный, владельческий характер. В центре строя архиерейского управления стояла деятельность архиерейского дома по управлению обширными вотчинами и их населением, владельческими монастырями и их землями (так называемые приписные — позднее — монастыри), а также по суду и расправе над белым духовенством, «тяглыми попами» и причтами, обложенными данью и оброками с доходов и церковных земель. По делам этого управления орудовал целый штат архиерейских светских чиновников, служилых людей разного калибра, наместников и дворян, прикащиков, десятильников и тиунов архиерейских. Элементы епархиального и вотчинного управления характерно переплетались и сливались в духе эпохи, когда всякое — в том числе и церковное — властвование так легко и неизбежно принимало владельческий характер. При подобном типе епархиального быта и строя и архиереи, естественно, сближались с боярами-кормленщиками и боярами-вотчинниками по своей социальной физиономии и своей роли в общественном и политическом быту Московского государства. И их мы видим примыкающими к составу великокняжеского двора, [как] «государевых богомольцев», рядом со слугами, государевыми боярами, в княжьем совете и деятелями великокняжеской политики. Властное влияние великого князя на замещение епископских кафедр, по соглашению с митрополитом, было неизбежным и естественным последствием всего строя этих отношений.

Так к роли руководителя судьбами церкви (во всем ее сложном составе) привел великого князя ряд весьма существенных и, можно сказать, неизбежных интересов и отношений.

Здание московского вотчинного государства заключало в себе ряд церковных учреждений, чье землевладельческое и светски-властное значение играло слишком крупную роль в жизни страны, чтобы московские государи не встретились с вопросом о своем отношении к этому явлению на пути собирания в руках центральной власти всех сил и средств Северо-Восточной Руси. Слишком много этих сил и средств, слишком много было и правительственного и общественного влияния в руках высших элементов черного духовенства. Покровительство монастырскому и епископскому землевладению, рост архиерейской силы, развитие могущества митрополии долго играли видную роль одного из средств, одной из опор самого роста власти московских государей, подобно тому, как другой такой же их опорой было землевладельческое и правительствующее боярство. Но вторая половина XV в. принесла быструю и коренную перестановку всех этих отношений на иную почву.

Великий князь московский вырос в вотчинного государя всей Великороссии и потянулся к самодержавному распоряжению ее силами, стал их подбирать к рукам и начал трудное и сложное дело их организации по новому, [по] своему плану, приспособленному к потребностям его разросшегося «государева дела». Встретив на этом пути привилегии и самостоятельную силу своих вольных слуг, он закончил их низведение до положения слуг «прирожденных», невольных, холопов государевых без особых потрясений. Но та же, по существу, задача стала перед московской политикой и по отношению к церковным магнатам-иерархам. Тут камнем преткновения являлась не «вольность» сильного и влиятельного класса, а льготность владений «государевых богомольцев» и принципиальная независимость священного сана. Определить отношения к церкви новой московской государственности, государственности вотчинного абсолютизма, стало насущной очередной задачей. Помимо всего прочего, церковное землевладение достигло к XVI в. огромных размеров. Подсчитать эти размеры, хотя бы в самых общих чертах, но сколько-нибудь полно, насколько разумею, не представляется возможным. От середины XVI в. — а за первую половину едва ли можно предполагать какой-либо чрезвычайно крупный рост этих размеров — идет иностранное известие: будто монастырское землевладение обнимает до трети всех земель Московского государства. Весьма вероятно, что это глазомерное определение сильно преувеличено, может быть, даже тенденциозно подчеркнуто в тех толках с московскими боярами, от которых получил свои сведения англичанин Ченслор, передавший их Клементу Адамсу, автору рассказа о далекой

Московии⁷. Но если мы вспомним ряд благоприятных условий для роста этого землевладения — благочестивые крупные пожертвования, хозяйственную энергию монастырей, их значение как первой на Руси своего рода капиталистической силы, широкое развитие льгот в их пользу и пожалований, острую тревогу, какую развитие именно монастырского землевладения вызывает с начала XVI в. в московском правительстве и светском обществе, наконец, то, что во всех средневековых государствах Запада размер церковного землевладения определяется в $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{3}$ всех земель данной страны, — то это глазомерное определение не представится, во всяком случае, особенно нелепым. И все эти вотчины, не только монастырские, но и архиерейских домов, хотя бы в их созидании и расширении крупную роль играл самостоятельный экономический оборот духовных властей — прикуп, подъем новин и т. п., рассматривались по стародавней традиции, шедшей из порядков и отношений периода вотчинных княжений и удельного владения, как имущество, состоящее под особой опекой княжеской власти и во владении по ее жалованным грамотам. Порядок преемства на епископских кафедрах и игуменствах, соединенный если не всегда с прямым княжеским назначением, то во всяком случае с утверждением и инвеститурой от великого князя (обычно притом с подтверждением старых и выдачей новых жалованных грамот) естественно, питал мысль, что великий князь имеет дело с земельным фондом, в распоряжении которым ему принадлежит немалая роль. Мысль опасная для интересов церковного владения, тем более в такой исторический момент, когда перед вотчинным абсолютизмом московских государей никнут все частные права, принимая характер прав пожалованных по милости и усмотрению государя великого князя.

На этой почве и возник в княжение Ивана III вопрос о так называемой секуляризации церковных имуществ. Он родился естественно, из самых условий образования из многих самостоятельных политических единиц одного, хотя и сложного по составу, вотчинного государства московского великого князя и прежде всего по отношению к новопокоренным областям. При отсутствии представления о единстве церковных имуществ как принадлежащих всей церкви русской, при наличии множества церковных вотчинников, их духовный характер не закрывал подлинного их

⁷ Первое путешествие англичан в Россию, в 1553 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1838. Ч. 20. № 10. Отд. II. С. 62.

социального тождества с другими, светскими, вотчинниками. Более того, сложившиеся отношения между церковными вотчинниками и княжеской властью скорее еще сильнее подчеркивали жалованный условный характер этого землевладения, чем отношения к вотчинам боярским. Иван III, конфисковавший многие боярские вотчины при усмирении ненадежных элементов Ярославской или Новгородской земель, взглянул, например, на богатые вотчинные владения новгородского владыки и новгородских монастырей как на что-то узурпированное. Официозно-московский рассказ о покорении Новгорода мотивирует требование уступки половины всех [земель] монастырей в пользу великого князя таким неожиданным утверждением: «беша бо те волости великих же князей, ино они их освоиша». В Москве, по-видимому, и понять не могли, как это возможно существование целой обширной области, признававшей великокняжескую власть великого князя при отсутствии в ней основной опоры реальных сил этого князя — развитого дворцового землевладения, и создали себе фикцию о прошлом, когда и в Новгородской земле оно [будто бы] было, да потом, как многое княжое, перешло в руки вечевых властей, а что до земель — то достались [они] новгородским церковным учреждениям. Верили ли московские дьяки такому заявлению сами, или нет — их дело, но характерно само утверждение, выдвигавшее предпосылку о праве великого князя распорядиться церковными землями и изменить их назначение. Подлинный мотив требования, конечно, иной: «понеже нам, великим князем государство свое дрѣжати на своей отчине, Великом Новгороде, без того не лзе»⁸. Держать государство великим князьям подлинно нельзя было, не имея в руках крупного земельного фонда. И вопрос о нем стал круто в княжение Ивана III.

Я дал во всем предыдущем изложении общий очерк отношения московского государя к территории его владений, которые он рассматривал как свои вотчинные владения. На основе общего представления о вотчинном характере власти государя великого князя стали круто меняться и его отношения к тем общественным силам, с которыми и через которые он держал свою землю в прежнее время. Со времен Ивана III круто меняется положение бояр-кормленщиков и бояр-вотчинников. Основу этой перемены можно назвать установлением прямого властного отношения великого князя к подвластным этому боярству населению и земле. Только от времен Ивана III имеем мы так называемые «уставные грамоты» на-

⁸ Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 261.

местничьего управления. Говоря так, я не забываю Двинской грамоты 1397 г.⁹ Это памятник особый, и значение ее — мимолетное. Ведь великий князь Василий Дмитриевич сделал только попытку утвердить свою власть над Двиной, тогда и дал боярам двинским, сотскому и всем черным людям эту хартию. Что это за акт по существу? Излагая ход подчинения Великого Новгорода Иваном III, я обращал внимание на одну подробность летописного рассказа, которая обычно оценивается вовсе неправильно. Новгородцы добивались при переходе под московское владычество гарантий своих прав от притеснений новой власти и ее агентов. Когда крестоцелование самого великого князя и его бояр было отвергнуто, они просили себе «опасной грамоты», а когда и в этом было отказано, удовлетворились устным жалованным словом великого князя. Вот, по крайнему разумению моему, двиняне и получили в 1397 г. такую «опасную грамоту», по которой «должны ходить» у них наместники, каких пришлет великий князь на Двину из своих бояр или кого пожелает этим наместничеством из двинских бояр. Весьма вероятно, что эта Двинская грамота послужила своего рода идейным образцом для упомянутого требования как новгородцев, так и для позднейших московских грамот наместничьего управления. И само новгородское желание не осталось без следа, т. к. с ним связано составление того списка так называемой Новгородской судной грамоты, «переписавшей» на имя великого князя — едва ли без перемен — основные положения новгородского суда и управления еще при первом походе Ивана III на Новгород в 1471 г.: ведь эта грамота внимательно разграничивает права и доходы наместничьи и новгородского самоуправления. Трудно сомневаться, что будь в 1478 г. составлена «грамота», о какой просили новгородцы, в основу ее легла бы Судная 1471 г.

Влияние новгородской государственности, более зрелой и отнюдь не вотчинной в московском смысле, на приемы устройства московского управления в XV в. — явление существенное, но малоизученное. В ней москвичи могли найти кое-какие готовые формы ограничения самовластного и самодовлеющего положения органов центральной власти в подведомственных им областях. Образцом такого ограничения из времен Ивана III служит Уставная белозерская грамота 1488 г., устанавливающая нормы корма, и поборов, и суда наместничьего в форме пожалования всех

⁹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией... Т. I. № 13; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. 3-е изд. Киев, 1885. Вып. I. С. 124–131.

белозерцев, горожан, и становых людей, и волостных¹⁰. Затем дальнейшее развитие тех же явлений относится, судя по нашим документам, ко времени Василия III, примыкая непосредственно к организационной работе его отца. В уставных грамотах наместничьего управления вижу проявления тех же общих организационных тенденций, какие находим в Судебнике 1497 г., — в устройении центрального суда на зарождающихся приказных началах, в различении инстанций, основе отличия управления центрального и областного. Белозерская грамота — одно из проявлений тяги верховной великокняжеской власти к прямому вмешательству в дела наместничьего управления, контролю над ним и установлению своей правительственной силы по отношению к населению, которое тянуло бы к московскому центру за управой и защитой, за нарядом всех отношений и установлением их правовых и административных норм. Дело князя Оболенского Лыка, великолуцкого наместника, о котором мне уже не раз приходилось упоминать, — явление того же порядка; лучане «били» на него «челом» великому князю «о продаже и о обиде», причем в ином на него дотягались, и он уплатил по иску «оборотню в продажах», а другое князь великий «и безсудно велел платити». В общем, это все черты того процесса, который можно назвать «собираанием власти», переходящим при Иване III в стремление к ее концентрации и устройению всех управляющих властей в подчиненные органы московского центра. Подчинение кормленщиков контролю и ответственности, произвольная их смена и назначение, для которых использована временность кормлений, постепенно перешедшая в их намеренную краткосрочность, с одной стороны, а с другой — уставные грамоты и доходные списки, все строже и определеннее подчинявшие наместничье кормление уставной норме, упраздняли вотчинные навыки кормленщиков и устраняли опасность перехода наместничеств в вотчинное владение, подобное феодам западных графов. Территория и население наместничеств этой практикой закрепились за властью великого князя. Конечно, сложнее складывались отношения между этой властью и боярами-вотчинниками, государями своих земель и населявшего их люда. Жалованные грамоты светским и церковным землевладельцам придали условный и производный характер их привилегиям и самому их вотчинному праву. Но все-таки оно оста-

¹⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею... Т. I. № 123; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. 3-е изд. Киев, 1887. Вып. II. С. 73–81.

валось, по существу, их собственным вотчинным правом. В их руках оставалась большая материальная и людская сила, достижимая для великого князя только через них, при их подчинении великокняжеской власти. При Иване III военные силы княжат не были еще втянуты, как мы видели, в общий строй великокняжеских полков, а составляли особые вспомогательные отряды. Остальное боярство входило со своими людьми в эти полки, но размеры его службы не были, по-видимому, однообразно определены до середины XVI в., а в обложении царили более или менее обширные льготы. Великий князь, ставший вотчинным государем всей Великороссии, стоял, однако, в этом строе в своеобразно-двойственном положении. Владетельный распорядитель земель дворцовых и черных-волостных, он встречал предел своей вотчинной власти в землевладении боярском и церковном, в жалованных привилегиях — частью, для княжат — [в] наследственно-владельческих правах крупных вотчинников. Весь уклад народно-хозяйственной жизни XV в. сильно обострял смысл этого положения, т. к. вся трудность организации великокняжеских финансов, потребность в которой сразу возросла при расширении задач и горизонтов московской политики, состояла в ничтожности движимого, денежного, капитала тогдашней Великороссии и в базировании всякого прочного и значительного материального обеспечения на земельных имуществах. Землей и сельским хозяйством обеспечивалось содержание великокняжеского двора, администрации, военной силы. Податные сборы — дани и пошлыны — либо сливались с землевладельческими доходами, либо составляли второстепенную статью общего финансового оборота, обеспечивая преимущественно экстренные нужды и расходы. Все эти общие условия выдвигали на первый план вопросы распоряжения земельным фондом как основным обеспечением всего строя Московского государства.

Эпоха Ивана III — наиболее интересный момент в истории этого вопроса. Тут он впервые поставлен ребром и получил, по существу, то решение, какое определило политику московского правительства во вторую половину XVI в. К сожалению, как это часто бывает именно для моментов зарождения новых порядков и отношений, источники наши дают мало и притом неясные и отрывочные сведения. К тому же тут нам служат только летописные тексты, а они дошли почти исключительно в официальной московской редакции, много вытравившей неприятных воспоминаний о приемах московской политики. Туманные представления, какие получаем от подобного материала, можно свести только к приблизительному

и поверхностному, не вполне надежному итогу. Борьба Ивана III за земельный фонд приняла, по-видимому, крутой характер при подчинении областей, бывших недавно самостоятельными. Их присоединение к числу вотчинных владений московского государя ставило ребром вопрос о значении и силе прежних пожалований, данных прежними местными, теперь упраздняемыми властями. Известно, что личный характер той властной воли, которая давала правовую силу содержанию жалованных грамот, привел к обычаю их подтверждения при смене властителей, стало быть, их значение вне этого подтверждения представлялось спорным. В летописном рассказе о падении Новгорода я отмечал одну черту — что московское правительство готово было признать крупные владения новгородских владык и монастырей освоением ими великокняжеских древних отчин. Эта точка зрения вполне вязалась с общим представлением о вотчинной власти великого князя, при котором вся земля его, государева, а частные права землевладельцев — продукт княжеского пожалования. Новгородские же вотчины не были пожалованиями великих князей и даже каких-либо местных князей-вотчичей; за вечевыми грамотами в Москве правовой силы не признавали, ссылаясь на то, что это грамоты не самих великих князей.

Так, присоединение к Москве великорусских областей колебало устои местного права или наталкивало на возможность его пересмотра. По взятии Твери, великий князь бояр тверских, которые прежде были в боярах у своего тверского великого князя, учинил в боярах у сына своего Ивана Ивановича и грамоты свои на вотчины их им подавал. Такое утверждение вотчин новой властью было необходимо. В предыдущем изложении встречалось упоминание о вынужденных уступках мелкими князьями при жизни или по смерти своих владений великому князю московскому, и притом с просьбой, чтобы князь великий их «данья» не порушил, на которое выданы купчие и жалованные грамоты. Такой строй правовых понятий открывал при желании возможность произвольного «пересмотра» земельных владений частных лиц великокняжеской властью. Только из случайного восклицания книжника-летописца, вырванного у него горечью обиды местного патриотизма, знаем, что такой «пересмотр» и «сёл добрых», и слуг местного княжья, с отбором и тех и других на государя, происходил при Иване III в Ярославской земле.

Определеннее и ярче наши сведения о таких же действиях великого князя по отношению к Великому Новгороду. Отбор земель у новгородских землевладельцев часто неправильно называют «конфискацией».

Не все тут было карой, опалой. Более крупное значение имели те массовые «выводы» людей и отписка на государя земель, которые носят характер не индивидуальных опал, а общего административного мероприятия великокняжеской власти. Таковы уже первые шаги ее, состоявшие в отобрании у владыки и монастырей значительной части их вотчин. Великий князь обещал было новгородцам «вывода из Новгородской земли не учинить, и в вотчины и в животы людские не вступаться», а взял за себя кроме всех Новоторжских земель — владычных, монастырских, боярских и «чи ни буди», около 1 тысячи сох земли из сел владыки и главных новгородских монастырей в других местах. В 1484 г. какое-то волнение в Новгороде, доносы о новых сношениях с Литвой, острое недовольство новыми порядками, в частности церковным правлением московского ставленника Симеона, действовавшего под надзором приставленного к нему боярина, казначея и дьяка, вызвали суровый розыск, кончившийся тюремным заключением до тридцати лучших бояр и житейх людей и ссылкой их семей. Но с этим связалась и более общая мера: «поймал князь великий болших бояр новгородских и боярынь, а казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместия на Москве по городом»¹¹. Этих бояр Софийская летопись определенно отличает от тех, иных бояр, которые «кормолу держали» и за то заточены по тюрьмам. Через год новое столкновение, вызванное крутой управой Я. З. Кошкина, дало повод к выводу из Новгорода «боле семи тысяч житейх людей на Москву», а на их место «князь великий Москвичь и иных городов людей посла в Новгород на житье», и эта операция, по-видимому, не закончена в один прием, потому что под 1489 г. читаем снова, что «князь великий Иван Васильевич приведе из Новгорода из Великого многих бояр и житейх людей, и гостей, всех голов болши тысячи, и жаловал их на Москве, давал поместия, и в Володимери, и в Муроме, и в Новегороде Нижнем, и в Переяслави, и в Юриеве, и Ростове, и на Костроме и по иным городом; а в Новгород Великий на их поместия послал московских много лучших людей, гостей и детей боярских, и из иных городов, из Московския отчины, многих детей боярских и гостей, и жаловал их в Новегороде Великом»¹². Это была целая революция, стоящая того «пересмотра земель и людей», какой проделан был позднее Грозным в эпоху опричнины. И тут целыми

¹¹ Полное собрание русских летописей. Т. XII. С. 215–216; СПб., 1859. Т. VIII. С. 215.

¹² Там же. Т. VIII. С. 218; Т. VI. С. 238–239; Т. XII. С. 220.

гнездами снимались люди с насиженного вотчинного корня и перебрасывались на новые места для «испомещения» их там по государеву пожалованию. Результаты этих мероприятий отразились в писцовых книгах, выяснивших состав и средства новых великокняжеских владений. Как и тверские, так и новгородские земли великий князь через некоторое время по покорении велел писать по-московски в сохи. Наши новгородские писцовые книги, составленные в последние пять лет XV в., содержат указания на записи «первых писцов», на данные «старого письма», что указывает на предшествовавшую опись, по крайней мере частичную. Эти писцовые книги особенно тем ценны, что постоянно отмечают прежнее, новгородское землевладение и смену его новым по московскому распоряжению. Этой особенностью они напоминают знаменитую «Книгу Страшного Суда» Вильгельма Завоевателя, подведшую итог переходу многих земель из саксонских в норманские руки. При описании поместий государевых служилых людей, книги указывают имена прежних владельцев-вотчинников; а ныне землевладение слагается из великого князя оброчных волостей, означаемых по прежним владельцам («великого князя оброчная волость, что была Онтонова монастыря», «великого князя деревни Борисовские Зубатого» и т. п.), деревень помещичьих («Андрея Скудина, деревни за ним Ивановские Варунова» и т. п.), монастырских, да земцев новгородских — личные владения и доли в «вопчих деревнях». Иногда книги отмечают земли «новосведенных бояр» или «старосведенных», указывая на разные моменты «вывода». Ярко выступают в них обширные размеры этого «вывода», соединенного с переходом множества «боярщин» и «боярщинок», по-московски сказать, вотчин, в распоряжение великого князя, который частью раздавал их в поместья выходцам из Низовской земли или боярским людям новгородским, поверстанным в государеву службу, а частью облагал оброком и обежной данью по старому доходу, как получали с сельского их населения прежние вотчинники, приступив, впрочем, и к замене этих сборов (денежных и натуральных) и обежной дани общей суммой своего государева денежного оброка. Эти оброчные волости составили своего рода запасный фонд служилого землевладения, ибо могли быть розданы и дополнительно раздавались в поместья, либо оставались государевыми волостями в составе другого земельного фонда, тяглого, черного, обложенного сборами — оброчными и «данными» — на государя великого князя. Служилое и тяглое землевладение, служилые и тяглые люди с их повинностями на государево дело — основная опора московской государственности.

Пути и приемы их организации, начатой систематически при Иване III, вытекали с неуклонной последовательностью из общего воззрения на Московское государство как на вотчину государя великого князя. В этом ведь основное своеобразие политической истории данного момента. Великий князь строит обеспечение государственных нужд, военных и финансовых, на двух принципах, основных для вотчинного абсолютизма московских государей: на верховной собственности великого князя на всю землю великого княжения и на его праве распоряжаться по своему усмотрению личными силами населения, своих государевых холопов и своих государевых «сирот». Ведь вся суть борьбы Ивана III за полноту своей власти в эмансипации этой власти от пут «старины и пошлыны», за неограниченность своих распорядительных действий по организации управления и службы, по распоряжению средствами и силами всей Великороссии.

Прямолинейное и последовательное проведение подобных тенденций вотчинного властвования, скажу так для наглядности, — должно бы сразу привести к тому разгрому привилегированного землевладения, какое оно пережило в жуткую годину опричнины. Однако этого не случилось. Жизнь московская пошла в течение ряда десятилетий по пути компромисса между великокняжеской вотчинной властью и боярскими привилегиями, причем определился этот компромисс, между прочим, в связи с возникшими спорами о землевладении церковном. Потребность в расширении государственного земельного фонда поставила на очередь вопрос не об окончательном сокрушении боярского землевладения, а о секуляризации обширных земельных имуществ церковных учреждений. Эти имущества находились, с одной стороны, в таком же положении, как и боярские, по отношению к великокняжеской власти, или, вернее, стояли в еще большей зависимости от нее, и принципиально, и в порядке заведования, или распоряжения ими. С другой — их защита с канонической точки зрения была слабо обоснована, т. к. все это землевладение, построенное по светскому вотчинному типу, никак не подходило под нормы канонов о неприкосновенности и неотчуждаемости имущества св. церкви. В лучшем случае, обычно-правовая основа церковной собственности получала известную поддержку в религиозно-нравственной санкции от уважения к тому святому, чьим «домом» считалось данное религиозное учреждение. В этой религиозной санкции была, конечно, немалая сила. Но важнее ее был авторитет духовенства, церковной иерархии, самой церкви русской, построившей свое обеспечение на основе широко развитого землевладения и умевшей защищать свои интересы.

Отписка на государя многих церковных земель новгородских не встретила, насколько знаю, никаких принципиальных возражений. Напротив, митрополия времен Ионы и его преемников усердно служит всем своим влиянием новгородской политике Ивана III и, подчинив себе новгородскую епархию, орудует тут через своих ставленников совсем в духе московской политики. А между тем при этой отписке характерно сказалось и новгородское, и московское воззрение на церковные земли. На требование великого князя, чтобы Новгород дал ему волости и села, новгородцы предложили ему сперва великолуцкие и ржевские свои волости, потом часть владычных и монастырских. Великий князь, избегая их «урока», взял на свою волю назначение [того], что возьмет, и потребовал список половины всех владычных и монастырских отчин, по нему определил свою долю. На этом дело не кончилось. В 1500 г. Иван III, по благословенью Симона митрополита, «поимал... в Новгороде вотчины церковные и роздал детям боярским в поместье, монастырские и церковные»¹³. И по писцовым книгам видно, что взято было в разные, должно быть, сроки много больше, чем означено в рассказе о событиях 1478 г., притом отобраны иные вотчины и¹⁴ у беднейших монастырей, которых великий князь сначала было пожаловал, по новгородскому челобитью, [повелев] «земель у них не иметь, понеже те убоги, земли у них мало». В то же время было ограничено право владыки новгородского и всех новгородских монастырей расширять свое землевладение — «что земель им не купити», да и вообще вотчины продавать в новгородской земле [было] запрещено — без особого царского указа. В связи с писцовой переписью — определен и размер тягла с монастырских и церковных земель — значительно больший, чем с земель поместных: оставленные в руках духовенства земли обложены тяглом лишь несколько менее тяжким, чем крестьянские — волостные.

Павлов в «Историческом очерке секуляризации церковных земель»¹⁵ отмечает и в других областях «некоторые явления, напоминающие судьбу церковных и монастырских» хозяйств в Новгороде; явления эти наво-

¹³ Там же. СПб., 1848. Т. IV. С. 271.

¹⁴ Здесь заканчивается текст лекций, подготовленный к публикации Б. А. Романовым в 1940 г. Далее текст приводится по записной книжке А. Е. Преснякова (Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 193. Оп. 1. Д. 10. С. 289–309). — *Ред.*

¹⁵ Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. 1: Попытки к обращению в государственную собственность поземельных владений Русской церкви в XVI веке (1503–1580 гг.). С. 36. — *Ред.*

дят на предположение о том, что Иван III сделал попытку общего пересмотра церковного землевладения, и, по-видимому, с той же точки зрения, какая заявлена была новгородцам, что эти-де земли, по существу, — великих князей, а духовенством только «освоены». Так великокняжеским писцам, описывавшим в 90-х гг. Белозерье, наказано отписывать на государя дворы монастырского владения, оставляя за монастырями лишь указное их число¹⁶; старцы Кирилло-Белозерского монастыря заявляли позднее, что при Иване III все их «грамоты деи данные и купчие и меновые — в казну взяты», а у них остались только «противни», вписанные с этих грамот в монастырские книги.

Но при этом [следует] помнить, что такие тенденции политики Ивана III неразрывно связаны с общим вопросом об ограничении распоряжения не только церковными, а всякими вотчинами. Об этом «уложении» Ивана III упоминает в переписке с Курбским Иван Грозный, упрекая Сильвестра и «избранную раду» за возвращение боярам вотчин «которые вотчины деда нашего, великого государя, уложением у вас взимали и которым вотчинам несть потреба от вас даются». Это «уложение» отразилось и в ссылках Стоглава на запреты Ивана III и Василия III — отчуждать вотчины в пользу монастырей в Твери, Микулине, Торжке, Оболенске и Белозерьи, так же как вотчины суздальских, ярославских и стародубских княжат.

Совокупность этих указаний, хоть [и] отрывочных и заставляющих сожалеть об утрате важнейших документов, дает, однако, представление о том, что при Иване III вопрос о вотчинном землевладении, светском и духовном, о самом вотчинном праве, был поставлен ребром и круто. При том — по отношению к вотчинам монастырским, архиерейским и церковным — вопрос этот возник именно в общей связи с проблемой вотчинного землевладения в вотчинном государстве, а не под давлением каких-либо идеологических соображений. Идеология пришла сюда со стороны, но вовремя и кстати. Направление так называемых «нестяжателей» — противников монастырского богатства, хозяйственных предприятий, обогащения, вымогательств и сутяжничества, охвативших быт крупных монастырей (вотчинников и капиталистов) — таких людей, как Паисий Ярославов и Нил Сорский — нашло только естественное сочувствие и поддержку великого князя. Совпадение таких сродных друг

¹⁶ Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1838. С. 8–10. — *Ред.*

другу по практическим требованиям, хотя и чуждых по мотивам направлений — великокняжеского похода на вотчинные права и монашеского скитского идеализма — не случайно, конечно. Оба явления, каждое со своей стороны, были реакцией против разросшегося богатства и мирской силы монастырей. Идеи нестяжателей — не новость; они примыкали к стародавнему течению в восточном монашестве, имели и своих предшественников на Руси, вроде Климента Смолятича, писателя XII в. Иван III, сблизившись с людьми этого направления, попытался доставить их идеям, дававшим церковно-религиозное оправдание его светским мероприятиям, влияние и господство в церковном быту. О Паисии Ярославове мне уже приходилось упоминать по поводу столкновений великого князя с митрополитом Геронтием. Великий князь сперва пытался использовать Паисия для реформы Троице-Сергиева монастыря, «принудил» его принять там игуменство, но Паисий «не може чернцов превратити на Божий путь, на молитву, на пост и на воздержание, и хотеша его убить, бяху бо там бояре и князи постригшеися, не хотяху повинутися, и остави игуменство». Тогда, как мы видели, великий князь пытался выдвинуть Паисия на митрополию, но он «потому же и митрополии не восхоте». Передать церковную власть в руки представителей этого направления великому князю не удалось. Но он сохранил связи с ними, и нестяжатели «имели великое дерзновение к державному и были зело приемаимы и почитаемы от него». Рядом с борьбой великого князя за власть над церковью и ее имуществами стала борьба церковных партий за влияние на светскую власть. Иван III выдвинул своих иноков-благоприятелей на знаменитом соборе 1503 г., который был созван по другому поводу («попов ради иже держаху наложницы», т. е. по вопросу о вдовых попах), но, по мнению Иосифа Волоцкого, настоящая цель великого князя и была в том, что он «восхоте отнимати села у святых церквей и монастырей». Однако эта тема была затронута лишь по окончании соборных деяний, когда «старец Нил почал молити самодержца, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням и кормились своим трудом». Заседания собора возобновились по приказу великого князя. Защитники церковного землевладения выдвинули со своей стороны Волоколамского игумена Иосифа. Разработанная им аргументация — и была от собора представлена великому князю, она и решила весь вопрос. Иосиф с верным пониманием действительных, исторически сложившихся свойств русского и монастырского и вообще церковного землевладения — поставил весь спор на почву русской правовой традиции и житейской практики. Его до-

казательства еще более убеждают меня, что не напрасно поставлена была в рассказе о падении Новгорода и отобрании на государя тамошних монастырских и владычных вотчин ссылка на то, что-де это вотчинное владение, в сущности, — узурпация, т. к. «быша бо те волости перьвое великих же князей, ино они их освоиша». Вся защита церковного землевладения Иосифом Волоцким построена на доказательстве правомерности приобретения вотчин церковными учреждениями, важности и ненарушимости этого права. Практические и церковно-религиозные соображения лишь примыкают к этой основной юридической аргументации, завершая и дополняя ее. Игумен-полемист дает великому князю любопытный урок истории русского права — против его, великого князя, ошибочного представления об исконности землевладельческого единовластия своего. Монастырское и церковное землевладение исторически и юридически имеет два основания: ктиторовство и княжие пожалования. Многие монастыри созданы еще в древние времена при просвещении русской земли святою верою — князьями и епископами. Эти ктиторовы стремились обеспечить дальнейшее существование своих созданий, наделяя монастыри селами и доходными угодьями. Святители и монастыри, и церкви искони владели землями, и их права и преимущества не раз подтверждались великокняжескими жалованными грамотами. Права, возникшие такими путями, не могут быть нарушаемы, потому что ктиторовы-строители связывали со своими дарами надежду на воздаяние от Бога и на вечное их поминовение в божественной службе, а князья санкционировали свои пожалования закланием на обидящих и вступающихся во что-либо церковное (да будут они прокляты в сей век и в будущий).

Раскрыв источники и святость прав церковных учреждений, Иосиф указывает на моральное оправдание церковного богатства как обеспечивающего благолепие церковной службы и самое ее существование, а также благотворительное его назначение для сирых и убогих; выдвигает и житейское соображение, что монастырское землевладение обеспечивает пострижение людей, «почетных и благородных», тех самых, кого пробовал смирать постом и молитвой Паисий Ярославов, и какие, по Иосифу, необходимы в составе монашества, потому что иначе «откуда будет взять людей в митрополиты, архиепископы, епископы и иные церковные власти»?

Этим доводом Иосиф бил в знакомую нам традицию московской церковной политики — возводить на митрополию и заполнять иерархию, как и вообще штат церковного управления, людьми из московской служилой

среды. Наконец, вся эта местная, русская аргументация закреплялась ссылкой на санкцию и защиту неприкосновенности церковных имуществ вселенской церковью и святоотеческими заветами.

Перед разрывом с такой прочной и высокоавторитетной традицией отступили планы церковной реформы Ивана III. А кажется, следует согласиться с Павловым, что реформа была задумана и достаточно определенно, и широко. Мечталось о замене земельного обеспечения церквей, монастырей и святительских кафедр — денежной и натуральной «ругой» из государственной казны. Нестяжатели настаивали на содержании церковных учреждений «милостыней от христолюбцев», а «государева милостыня» обычный термин для обозначения руги, получаемой по ружным жалованным грамотам. Однако собор 1503 г. произвел сильное впечатление на великого князя, и он свое отступление от секуляризационных планов закрепил в 1504 г. выдачей митрополии московской жалованных — подтвердительных — грамот на привилегии всех ее вотчин. Тон защитниками землевладения церковного был взят весьма решительный. Еще до 1503 г. в «Чин православия», возглашаемый на первой неделе великого поста, был внесен такой возглас (в одной рукописи с пометкой для дьякона — «возгласи вельми!»): «все начальствующие и обидящие святых божия церкви и монастыреве, отнимающе у них данные тем села и винограды, аще не престанут от такового начинания, да будут прокляты». «Аще не престанут» — звучало как призыв образумиться. Великому князю давалось на волю — подвести себя под анафему или нет. Более чем вероятно, что именно это решительное выступление остановило Ивана III, заставило его передать дело церковному собору, в надежде поставить на своем при помощи сил духовных, ставших за нестяжательство. Но при таких условиях самый созыв собора был уже свидетельством отступления великого князя от решительной политики и предвещал тот исход дела, какой и получился.

Но это поражение сокрушало слишком смелые и преждевременные затеи великого князя, [а] не его фактическое преобладание над церковью, которое давало и без секуляризации средства привлечь церковные имущества на служение государеву делу. О том положении, какое монастырские вотчины заняли в системе тяглого обложения со времен Ивана III, я уже упоминал. Был и способ привлечь эти вотчины, как и святительские, к обеспечению военных нужд: испомещение на их участках служилых людей. К сожалению, эта практика — получившая в XVI и XVII вв. значительное развитие — мало изучена, материалы о ней еще совсем

не собраны. Но и для времен Ивана III имеем указание на нее в сочинении Иосифа Волоцкого: он осуждает новгородского архиепископа Серапиона за раздачу церковных земель боярам и детям боярским. Если, как весьма вероятно, тут речь идет о светских людях, составлявших владычный двор, занимая разные должности по епархиальному управлению, то это лишь одна сторона дела. Ведь эти архиерейские, как и митрополичьи бояре и дети боярские, не были освобождены от службы в государевых полках, на случай похода. Еще договор митрополита Киприана с великим князем Василием Дмитриевичем, о котором мне раньше приходилось упоминать, определяет, что старые бояре митрополичьи, которые служили еще митрополиту Алексею, идут в поход под митрополичьим воеводой, а вновь поступающие в митрополичью службу — входят в состав полков великого князя. Последний порядок позднее единственный; при Иване III нет, конечно, речи о митрополичьих воеводах, но служба лежит на служилых помещиках митрополичьих, архиерейских; даточных людей дают все церковные земли. Словом, компромисс между требованиями великокняжеской власти и привилегиями крупного землевладения определился одинаково для вотчин церковных и боярских — путем постепенного усиления лежащих на них обязанностей по отношению к делу государеву, князя великого.

Подчинившись этим требованиям, вотчинное землевладение вошло в строй Московского государства как его органический составной элемент. Первичные планы Ивана III были слишком круты и невыполнимы. Великокняжеская власть не могла без удержу сокрушать верхи вотчинновладельческой среды, боярской и духовной. Она сама в них слишком нуждалась по всему строю московской жизни. Нужны ей были не только ратники рядовые и тяглые плательщики. Необходимы ей были и начальные люди, с которыми можно было держать государство; нужны были и руководители «учительного сословия», церковные иерархи, тоже начальные люди, с которыми можно было бы держать церковь; игумен Иосиф был прав, настаивая, что и эти нужны, как социальная сила того же боярского уклада; обычные опоры власти великокняжеской должны были испытать приспособление к новому строю этой власти и ее потребностей, но не могли быть сразу отброшены, т. к. заменить их было нечем.

Однако спор о церковных вотчинах, несомненно, закончился поражением великого князя. Это поражение пробудило в духовной среде новые и рискованные для них представления, которые нашли себе весьма определенное выражение в тогдашней письменности.

К последнему году жизни и княжения Ивана III относится любопытное безымянное произведение — «Слово кратко противу тех, иже в вещи священные вступаются», — которое поднимает весь раздор на более высокую почву вопроса об отношении властей — церковной и светской. Обе эти власти, утверждает автор «Слова», происходят от власти божественной, но только мирская власть под духовною есть, «елико от Бога духовное достоинство предположено есть»; преимущества духовной власти ясны из того, что «паче подобает повиноваться Богу, нежели человеком», и поясняется знаменитой теорией о двух мечах, светском и духовном. Один меч вещественный — и это меч «достоит пастырям церковным имети защищение церкви своя, сице токмо мечом духовным ничтоже поспешествует»; а другой меч — духовный, который действует осуждением непослушных, как язычников и грешников, — властью отлучения и анафемы; им надо пастырю прежде всего обороняться, а если это не действует, то обращаться к мечу вещественному, [за] «помощью плечей мирских». Вся эта — чисто католическая теория — встретила, как видно, сочувствие на Руси, в той среде, которая силой анафемы на обидящих церковь добилась уступки великого князя после собора 1503 г.

Ведь люди этого духа, Геннадий Новгородский, Иосиф Волоцкий — не раз сочувственно озирались на Запад, цитируя ревность Филиппа I в борьбе с еретиками и неправовверными и т. п. Из их круга должен был выйти и автор «Слова», составленного по поручению какого-то архиепископа, едва ли, действительно, не Геннадия, как предполагает Павлов. Однако подобные тенденции не имели будущего на московской почве. «Плечи мирские», на которые церковь пыталась опираться, оказались слишком мощными и заставили ее платить за свою опеку и поддержку полной покорностью. Хотя и не в той форме, к какой было потянулся Иван III, но конфликт двух властей разрешился на деле в пользу власти светской.

Барон Герберштейн, описавший Московию времен Василия III, сообщает, что прежде митрополиты и архиепископы избирались соборами епископов и архимандритов, и игуменов, «нынешний же государь, как говорят, обыкновенно призывает к себе определенных лиц и из их числа выбирает одного, по своему усмотрению»; по такому же усмотрению избираются епископы, архимандриты, игумены монастырей. Наши летописи записали, как великий князь, избрав старца, повелевал митрополиту поставить его в игумены и послать в такой-то монастырь; на великом князе лежала забота, чтобы монастыри не оставались подолгу без насто-

ятелей, и современная церковная письменность его, а не митрополита упрекает за подобное промедление; в 1514 г. великий князь поручил управление Соловецким монастырем иеромонаху Геласию, «докудова им великий князь игумена даст». Входил великий князь и непосредственно в распоряжение церковным строительством, когда его повелением, с благословения митрополита, строились и освящались церкви, создаваемые на средства монастырской казны, и т. п.; само распоряжение монастырскими средствами и имуществами — стоит при нем под бдительным контролем великокняжеской власти, стянувшей к тому времени все заведование монастырями в руки органов своего дворцового управления.

Господство московских государей над церковью Ивану III не удалось уложить в элементарные формы вотчинного властвования. Оно возлагало на великого князя особые обязанности, шедшие дальше сферы материальных отношений. На этой почве московское самодержавие приобрело ореол православного царства. Чтобы понять, чем и насколько осложнялось положение московских государей по их отношению к церкви, как религиозной организации, надо иметь в виду основные черты византийского взаимоотношения духовной и светской властей. С тех пор как православная церковь стала государственной церковью Византийской империи, императорская власть заняла особое место в ее строе. Оба союза — государственный и церковный, внешне отождествлялись. Быть подданным империи значило быть православным. Императорский закон предписывает всем подданным признавать догматы православного учения, соблюдать обряд и каноны. Православное вероисповедание делается условием гражданской правоспособности. Такое государство — есть священное царство. И во главе его священное лицо; император — помазанник Божий¹⁷; таинство миропомазания, совершаемое при венчании на царство, — приобщало его к клиру. Император «внешний епископ», участник богослужения, причащается в алтаре, произносит иногда поучения; в нем «соединение царства и священства».

Священство сана налагает на него долг хранения православной веры, заботы о церкви, чистоте ее строя, соблюдении канонов. Он участник управления церковью, рядом с патриархом и выше его, как своего подданного; он — по-византийски — необходимый элемент этого церковного строя: «невозможно христианам, — поучал патриарх Антоний великого князя Василия Дмитриевича — иметь церковь, но не иметь царя», ибо

¹⁷ Далее в рукописи зачеркнуты слова: как и первосвященник. — *Ред.*

царство и церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга. Кто признает церковно-каноническую власть византийского патриарха, не может, поэтому, не признавать императорской власти царя-помазанника. Столь тесное единение византийских церкви и государства налагало особую печать на автократора-самодержца. Его власть — священна и неограниченна — в строе политическом, но не абсолютна, т. е. не «развязана», не «отрешена» от известных обязательных для нее внутренних норм — определяющих руководящие принципы ее действий, ее задач и способов их осуществления. Ряд этих задач власть императора получила извне — из учения и канонов церкви, которые обязана охранять и защищать; лично император обязан сам держать православные догматы и таинства; его власть священна и огромна, пока он в церкви, но падает, как только он выступит из нее; духовенство обязано отлучить императора еретика, а с отлучением падает основа его власти, разрешается [т. е. отменяется — *ред.*] присяга подданных. Так церковь, приняв в себя императора и подчиняясь ему, подчиняла верховную власть ряду своих требований и уставов. Их автентическое толкование — дело иерархии и соборов, при участии императора, но для него обязательное. Отсюда, помимо крайних случаев ереси и отлучения, другие формы воздействия духовенства на светскую власть, имевшие целью внушить императору согласие в действиях с церковным преданием и религиозно-этическими требованиями церкви; эти средства воздействия — право печалования, наставления и поучения власти во всех делах ее правления, особенно таких, которые так или иначе соприкасались с церковными интересами и идеями учительного сословия. Выступая в роли советников власти, участниками ее совещательных собраний, «освященный собор» исполнял свою не только политическую, но и церковную функцию.

Так, навстречу той зависимости духовенства и церковных учреждений от светской государственной власти, которая вытекала из их мирских отношений, землевладения и порядка назначения, шла традиция церковная, призывавшая светскую власть, с одной стороны, к властному вмешательству во внутренние дела церкви, ради охраны интересов православия, дисциплины и канонов, а с другой — к осуществлению и соблюдению ряда требований церкви. Это сложное взаимодействие православного государства и церкви перешло — *mutatis mutandis*¹⁸ — и на Русь, с греческим духовенством, греческими церковными законами, порядками и воззрениями.

¹⁸ С соответствующими изменениями (лат.). — *Ред.*

Долгое время отстаивала Византия свою власть над русскою церковью, и мы видели, с какой постепенностью установилась зависимость митрополии русской от великокняжеской власти. При Иване III этот процесс завершен, и вопрос о соотношении двух властей поставлен тем самым на новую почву. Исчезли опоры внешней независимости митрополии — в ее связях с «вселенским» патриархатом, самостоятельной роли перед татарскими ханами и в отношениях к Великому княжеству Литовскому. Но остался в силе вопрос о значении великого князя в делах церкви, как регулированных своей системой священного, канонического права, постановлениями вселенских соборов и святоотеческим преданием, а также об отношении его самодержавия к традиционному влиянию учительного сословия на весь быт и княжеский, и общественный. Как понималось это влияние, видно из многих текстов церковной письменности. Приведу яркий пример из начала XV в. — Послание Кирилла Белозерского к князю Андрею Дмитриевичу Можайскому: «И ты, господине, — поучает игумен князя, — смотри того: властелин еси в отчине, от Бога поставлен, люди, господине, свои уимати от лихого обычая. Суд бы, господине, судити праведно, как перед Богом, право. Поклепов бы, господине, не было. Подметов бы, господине, не было. Судьи бы, господине, посулов не имали, доволны бы были уроки своими... И ты, господине, внимай себе, чтобы корчмы в твоей вотчине не было, занеже, господине, то велика пагуба душам: крестьяне ся, господине, пропивают, а души гибнут. Также, господине, и мытов бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедные; а где, господине, перевоз, туто, господине, пригоже дати труда ради. Также, господине, и разбоя бы и татьбы в твоей отчине не было. И аще не уймутся своего злого дела, и ты их вели наказывати своим наказанием, чему будут достойни. Тако же, господине, уймай под собою люди от скверных слов и от лаяния, понеже то все прогневает Бога. И аще, господине, не потщися всего того управити, все то на тебе взыщется, понеже властитель еси своим людем от Бога поставлен».

Грамота эта типична для наставлений подобного рода, освещавших задачи властителя как их долг, порученный от Бога, унимать людей от лихих обычаев и творить правый суд. В такой проповеди добрые обычаи и обычное право, основа «старины и пошлины», могли легко получить религиозно-нравственную санкцию, поскольку не противоречили, по существу, церковным представлениям о правде и праве, а, сверх того, основная их тенденция — утвердить понятие о власти как долге действовать по определенным этико-правовым нормам — совпадала с известной

нам тенденцией московского общественного правосознания настаивать на подчиненности царской власти нормам обычного права — в отрицании полного произвола и самовластия московских государей.

Но в тех же воззрениях церкви на задачи правительственной власти заложена была и другая идея, отчасти противоположная первой, по — если можно так выразиться — своим политическим последствиям: власть обязана, руководясь началами церковно-этических поучений, исправлять нравы и обычаи во всем, [в] чем старина и пошлина противоречила их требованиям. Стало быть, на них могло быть, в известных отношениях, обосновано представление о свободе власти от пут обычая, о праве и даже обязанности ее действовать независимо и против него в силу своего призвания утвердить в народной жизни лучшие начала веры и религиозно-нравственного порядка. Для принципиального разумения отношений между светской властью и церковной иерархией существенно не упускать из виду, что то или иное представление о свободе или связанности власти зависело, по всему циклу этих воззрений, от содержания ее деятельности, [от] ее оценки по критериям, которые не ею установлены, а церковью раскрываются и указаны как безусловно авторитетные.

Но очевидна двусмысленность всего подобного взаимоотношения двух властей. Верховная власть, опираясь на признанное свое священство, могла легко взять на себя призвание высшего суда в делах церкви, во всех ее делах, не исключая важнейших канонических и догматических вопросов. История вселенской церкви знает немало примеров подобной узурпации светской властью духовного авторитета, получившей прозвание «цезаропапизма». Много примеров дает история Византии — в истории императорского законодательства по делам церкви; немало их можно найти и в истории Западной Европы, где, однако, преобладание получил независимый авторитет главы духовной иерархии — в римском папизме. Влияние светской власти на внутреннее развитие церкви было очень сильно и в русской истории, и выступало оно с особой решительностью в моменты церковных разногласий, поднимавших одну партию духовенства против другой, либо часть общества — против тех или других сторон церковного быта. В таких случаях на долю светской власти, государя — как «внешнего епископа», облеченного мирской силой принуждения, выпадала роль решителя возникших пререканий, исход которых зависел от того, на чью сторону станет эта подавляющая и принуждающая сила. Традиционное воззрение на государя, как на опекуна церкви, вызывало обращение спорящих сторон к его власти, вырождало церковную борьбу

за церковно-религиозные принципы — в борьбу за влияние на светскую власть, за использование ее для своих целей хотя бы [и] ценой подчинения ей в решении вопросов, принадлежавших к компетенции не правительственного, а церковно-религиозного авторитета.

Оставляя в стороне немногие и второстепенные по значительности примеры прежнего времени, можно сказать, что первым крупным выступлением великого князя московского на поприще церковного действия была роль, сыгранная Василием Темным в деле митрополита Исидора и Флорентийской унии. Великий князь, опираясь на настроение русского духовенства и во главе его, отстоял с большой решительностью самобытность восточного православия от подчинения латинскому Западу и был признан «поспешником истины», «исходатаем благоверия», а стало быть, «истинныя веры православия благовенчанным царем». С этих пор государь есть «сослужебный» духовенству «веры поборник», каким выставляют царя позднейшие деяния Стоглавого Собора. При сложившейся огромной зависимости всей митрополии от великого князя — он вершитель существенных проблем церковного быта.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдул-Летиф (Латиф), хан Казанский 209
- Авдуля (Абдуллах), хан Золотой Орды 126
- Авинов (Овинов) Захарий Григорьевич, посадник Новгородский 223, 224
- Агриппина (Аграфена) Васильевна, мать последнего рязанского князя 86, 241
- Адамс Клеменс (Климент), мореплаватель 320
- Аепа Осенев, половецкий хан, тесть Юрия Долгорукого 30
- Азбьяк, см. Узбек
- Азы-Алибек, правитель Казани 173
- Акиндин, монах Тверского Богородичного монастыря 95
- Акинф (Иакинф) Гаврилович, боярин 68, 89, 92, 93
- Алегам (Ильхам), хан Казанский 209
- Александра Брючиславовна, первая жена Александра Невского 115
- Александра Ивановна, вторая жена Ивана Ивановича Красного 113, 114
- Александр Васильевич, кн. Суздальский, вел. кн. Владимирский 48, 71, 98
- Александр Глебович, кн. Мстиславский, вел. кн. Смоленский 116
- Александр Данилович, княжич 91
- Александр Иванович Брюхатый, кн. Суздальско-Нижегородский 141
- Александр Иванович, вел. кн. Тверской 78
- Александр Константинович, кн. Углицкий 50
- Александр Михайлович, вел. кн. Тверской, вел. кн. Владимирский 69–72, 76, 77, 97, 98, 99, 128, 189
- Александр Михайлович Ордынец, кн. Кашинский 97, 99
- Александровичи, князья Холмско-Микулинские 74
- Александровичи, потомки Александра Невского 56, 89, 188
- Александр Ягеллончик, вел. кн. Литовский, польский король 241
- Александр Ярославич Невский, кн. Новгородский, вел. кн. Владимирский 50, 53–56, 62, 67, 68, 90–92, 101, 115, 185, 187, 188, 249, 302
- Алексей Краснослеп, вотчинник 261
- Алексей Петрович Хвост, московский тысяцкий 84, 111
- Алексей Полуектович, дьяк 200
- Алексей (Бяконт), митрополит Киевский и всея Руси 119–123, 125, 130–131, 146, 150–151, 190, 309–310
- Альбрехт, маркграф Баденский 179
- Амурат (Мурад), хан Золотой Орды 124, 126
- Ананьин Василий, посадник 222, 223
- Андреевичи, потомки Андрея Дмитриевича, кн. Можайского 52, 62, 69, 159, 205
- Андрей Александрович, кн. Костромской, вел. кн. Владимирский, кн. Новгородский, Городецкий 48, 62, 68, 89, 92
- Андрей Борисович, кн. Микулинский 243
- Андрей Васильевич Большой (Горяй), кн. Углицкий, Звенигородский, Можайский 193, 194, 202, 203, 205, 206, 208, 231
- Андрей Васильевич Меньшой (Молодой), кн. Вологодский 193, 194, 204, 241

- Андрей Владимирович, кн. Угличский 50
- Андрей Владимирович Младший, кн. Радонежский, Боровский, Серпуховской 159
- Андрей (Герденев), епископ Тверской 95
- Андрей Дмитриевич, кн. Можайский 51, 143, 157, 160, 162, 197, 339
- Андрей Иванович, кн. Серпуховской 52, 99, 101, 106, 107, 175, 192, 291
- Андрей Константинович, вел. кн. Суздальский 64, 124, 125
- Андрей Ольгердович, кн. Псковский, Полоцкий, Трубчевский, Лукомский 74
- Андрей Федорович, кн. Ростовский 50
- Андрей Юрьевич Боголюбский, вел. кн. Владимирский 36, 43, 66, 80, 88, 187, 189, 249, 258, 266
- Андрей Ярославич, вел. кн. Владимирский, кн. Суздальский 50, 54, 62, 79
- Анна Васильевна, жена вел. кн. Рязанского Василия Ивановича 86, 240
- Анна Ивановна, жена Свидригайло 79
- Антоний IV, патриарх Константинопольский 337
- Антоний, митрополит Галицкий 131
- Арапша (Араб-шах Муззаффар), хан Золотой орды 64, 84, 126, 127
- Арсений, епископ Тверской 150
- Астрабек, посол Золотой орды 96
- Афанасий Данилович, кн. Новгородский 91, 96
- Ахмат, хан Большой Орды 73, 177, 229, 231
- Батый**, хан Золотой Орды 5, 45, 46, 49, 50, 63, 71
- Бегич, золотоордынский мурза, темник 127
- Беззубцев Константин Александрович, воевода 208
- Бельские, князя 23
- Бельский Дмитрий Федорович, кн. 286
- Бельский Иван Федорович, кн. 286, 291
- Бельский Федор Иванович, кн. 247
- Беляев И. Д. 67
- Берденев Михаил Семенович, боярин 233
- Бердибек (Мухаммед Бердибек), хан Золотой Орды 126
- Бердыдад, золотоордынский царевич 172
- Берсень-Беклемишев Иван Никитич, думный дворянин 305
- Бокеев Василий, боярин 242
- Борг (Борх) Бернгард фон дер, магистр Тевтонского ордена в Ливонии 231
- Борецкая Марфа, посадница 216, 220, 229
- Борецкие, новгородский боярский род 216–218, 222, 223
- Борзаковский В. С. 67, 71, 72
- Борис Александрович, вел. кн. Тверской 78, 79, 176, 244
- Борис Андреевич, кн. 90
- Борис Васильевич, кн. Волоцкий 202, 203, 205
- Борис Василькович, кн. Ростовский 49
- Борис Владимирович, кн. Ростовский 28
- Борис Данилович, кн. Костромской, Городецкий 91, 92, 96
- Борис Константинович, кн. Городецкий, Суздальско-Нижегородский 64, 65, 74, 76, 125, 127, 138, 139
- Борис Юрьевич, кн. Белгородский, Туровский 30
- Брячеслав Изяславич, кн. полоцкий, внук киев. кн. Владимира 16
- Брячеславна, см. Александра Брячиславовна
- Булактемир (Булат-Темир, Булат-Тимур), золотоордынский хан 126
- Бурундай, монгольский военачальник 55

- Василий III Иванович**, вел. кн. Московский 175, 181, 184, 240, 262, 285–287, 291, 295, 324, 331, 336
- Василий II Васильевич Темный**, вел. кн. Московский 50, 86, 102, 111, 133, 140, 145, 152, 154, 158, 160–163, 165–172, 177, 178, 182, 183, 191–197, 200–202, 204, 209, 211, 213, 214, 218, 236, 261, 262, 285, 288, 312, 341
- Василий IV Иванович Шуйский**, царь 306
- Василий I Дмитриевич**, великий князь Московский и Владимирский 50, 65, 77–79, 85, 102, 106, 137, 139, 190, 191, 211
- Василий Александрович**, кн. Новгородский 55, 56
- Василий Андреевич**, кн. Суздальский 62
- Василий Владимирович**, кн. Перемышльский, Угличский 159
- Василий Всеволодович**, кн. Ярославский 50, 54
- Василий Давыдович Грозный**, кн. Ярославский 99
- Василий Дмитриевич Кирдяпа**, кн. Суздальский, Городецкий 64, 65, 138, 139, 141
- Василий Иванович**, вел. кн. Рязанский 86
- Василий Иванович**, кн. Брянский 117
- Василий Иванович Шемячич (Шемякин)**, кн. Новгород-Северский и Рязанский 246, 247, 257
- Василий Константинович**, кн. Ростовский 50
- Василий Константинович**, кн. Рязанский 82, 93
- Василий Михайлович**, кн. Белевский 69
- Василий Михайлович**, кн. Кашинский, вел. кн. Тверской 73–78, 128
- Василий Михайлович**, кн. Кашинский, сын кн. Михаила Александровича 198
- Василий Юрьевич Косой**, кн. Звенигородский 170, 171
- Василий Ярославич**, кн. Костромской, вел. кн. Владимирский 68
- Василий Ярославич**, кн. Серпуховский, Дмитровский, Звенигородский 159, 160, 162, 174, 175, 176
- Василиса Васильевна**, жена кн. Александра Брюхатого 141
- Василиса Семеновна (Симеоновна)**, дочь Симеона Гордого 73
- Васильевичи**, князья 69, 194, 198
- Василько (Василий) Юрьевич**, кн. Суздальский, Поросский 29, 30
- Васильковичи**, витебская ветвь потомков кн. Всеслава Брючиславовича 21, 49, 51
- Василько Константинович Ростовский**, кн. Ростовский 44, 49
- Василько Ростиславич**, кн. Теребовльский 16
- Вассиан (Рыло)**, архиепископ Ростовский 232, 244, 315, 316
- Вельяминов Василий Васильевич**, московский тысяцкий 84, 252, 288
- Вельяминов Протасий Федорович**, московский тысяцкий 252
- Вильгельм Завоеватель**, король Англии 328
- Витовт**, вел. кн. Литовский 78, 79, 85, 86, 118, 129, 132, 133, 136, 138, 141–145, 149, 151, 152, 163, 167, 168, 191, 194, 210, 212, 213, 311, 312
- Владимир Андреевич**, кн. Ростовский 201
- Владимир Андреевич**, кн. Старицкий 289, 294
- Владимир Андреевич Храбрый**, кн. Серпуховский 107, 110, 113, 114, 130, 134–137, 156, 157, 252, 253
- Владимир (Володимерко) Володаревич**, кн. Галицкий 21

- Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. Киевский 17–19, 28, 31, 32, 38, 44, 89, 164, 206, 271, 294, 301
- Владимир Дмитриевич, кн. Пронский 83, 84, 125
- Владимир Константинович, кн. Угличский, внук Всеволода Большое Гнездо 50, 54
- Владимир Ольгердович, кн. Киевский 148, 247
- Владимир Святославович Святой, кн. Новгородский, вел. кн. Киевский 16, 17, 26, 28, 235
- Владимирский-Буданов М. Ф. 67, 271, 281, 323, 324
- Володарь Ростиславич, кн. Перемышльский 16
- Воротынские, князья 247
- Воротынский Иван Михайлович, кн. Перемышльский 286
- Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо, вел. кн. Владимиро-Суздальский 17, 24, 28, 29, 31, 36, 37, 39, 40, 41, 47, 50, 52, 60, 66, 80, 87, 115, 181, 188, 234, 258
- Всеволод Александрович, кн. Холмский, вел. кн. Тверской 72–74, 118, 143
- Всеволод Давыдович, кн. Муромский 294
- Всеволод Константинович, кн. Ярославский 44, 50
- Всеволод Мстиславич, кн. Псковский, Новгородский, Смоленский 53, 67
- Всеволодовичи, потомки кн. Всеволода III Большое Гнездо 47, 52, 166
- Всеволод Ольгович, кн. Северский, Черниговский, вел. кн. Киевский 18, 21, 35, 43
- Всеволод Ярославич, кн. Переяславский, Черниговский, вел. кн. Киевский 19, 38
- Всеволожский Иван Дмитриевич, боярин 161, 168
- Всеслав Брючиславович, кн. Полоцкий, Киевский 16
- Вяземские, князья 23, 116, 131, 247
- Гавриил, посадник 239
- Гагарины, князья 52
- Гедимин, вел. кн. Литовский 70, 99, 100, 116, 117, 121, 134, 189
- Геласий Соловецкий, иеромонах 337
- Геннадий, архиепископ Новгородский 315, 336
- Георгий Суздальский, см. Юрий Всеволодович
- Георгий Шимонович (Симонович), тысяцкий 17
- Герасим, епископ Смоленский, митрополит Киевский и всея Руси 153
- Герберштейн С., дипломат 192, 336
- Геронтий, игумен 94
- Геронтий, митрополит Московский и всея Руси 225, 232, 286, 314–316, 332
- Глеб, см. Наримунт
- Глеб Василькович, кн. Белозерский, Ростовский 49, 51
- Глеб Владимирович, кн. Муромский, сын киевского кн. Владимира Святославича 28
- Глеб Владимирович, кн. Рязанский, сын Владимира Глебовича 80
- Глебовичи, потомки минской линии кн. Всеслава Брючиславича 21
- Глеб Ростиславович, кн. Рязанский 39, 40, 88
- Глеб Юрьевич, кн. Переяславский и Киевский 30
- Глинский Михаил Львович, кн. 286
- Голтяева (Кошкина-Голтяева), см. Мария Федоровна Голтяева
- Голубинский Е. Е. 94, 122, 148, 151–154
- Греков Б. Д. 15

- Григорий Цамблак (Цамвлах), митрополит Литовский и всея Руси 152, 216, 312
- Грот К. Я. 25
- Грушевский М. С. 25
- Гусев Владимир Елизарович, дьяк 304
- Давид Федорович**, кн. Ярославский 51, 200
- Давыдовичи, потомки кн. Давыда Святославича 16, 21, 22
- Давыд Святославич, кн. Черниговский 294
- Даниил Александрович, кн. Московский 48, 56, 82, 89–92, 119, 183, 187
- Даниил (Данило) Дмитриевич, кн. Холмский 218, 285, 286
- Даниил Иванович, сын Ивана Калиты 101
- Даниил, митрополит Московский и всея Руси 291
- Даниил Романович Галицкий, князь Галицкий, Волынский, вел. кн. Киевский 54, 55
- Даниил Феофанович (Федорович), боярин 119, 138
- Данила (Владимирович?), кн. Пронский 48, 84
- Данилов Василий, боярин 242
- Даньяр (Даниар), царевич, правитель Касимовского ханства 173, 207, 218
- Дебольский В. Н. 107
- Дедилец, боярин 39
- Джанибек, зотоордынский хан 73, 117
- Джелал-ад-Дин, хан Золотой Орды 145
- Дионисий I Мудрый, патриарх Константинопольский 217
- Дионисий, епископ Суздальский, митрополит Киевский и всея Руси 147, 148, 150
- Дмитриевичи, потомки Дмитрия Константиновича 66, 158
- Дмитриев Ф. М. 257
- Дмитрий, см. Всеволод Большое Гнездо
- Дмитрий Александрович, кн. Переяславский, Новгородский, вел. кн. Владимирский 48, 49, 56–58, 188
- Дмитрий Борисович, кн. Ростовский, Угличский 49, 51
- Дмитрий Волынец, воевода 135
- Дмитрий Всеволодович, см. Владимир Всеволодович
- Дмитрий Иванович Донской, кн. Московский, вел. кн. Владимирский 51, 52, 64, 75, 76, 84, 102, 106, 107, 110, 113, 114, 124, 125, 127–129, 139, 141, 146, 155, 157, 160, 162, 165, 167, 175, 183, 190, 195, 245, 246, 252, 253, 256, 263, 280, 301
- Дмитрий Константинович, вел. кн. Суздальский, вел. кн. Владимирский 64, 74, 75, 102, 124, 125, 127, 136, 138, 167, 175, 194
- Дмитрий Корибут Ольгердович, кн. Новгород-Северский 134
- Дмитрий Михайлович Грозные Очи, вел. кн. Тверской, вел. кн. Владимирский 69, 70, 95–97
- Дмитрий Ольгердович, кн. Брянский, Стародубский, Трубчевский 128, 135
- Дмитрий Романович, кн. Брянский 84, 116, 134
- Дмитрий Юрьевич Красный (Меньшой), кн. Угличский, Бежецкий, Галицкий 171
- Дмитрий Юрьевич Шемяка, вел. кн. Московский, кн. Угличский, Галицкий 140, 162, 170, 171, 214, 288, 313
- Добрынский-Симский Владимир Федорович Образец, боярин 244
- Добрыня Долгий, ростовский боярин 40
- Долгоруков П. В. 52
- Долматов Василий, дьяк 223, 224
- Дорогобужские, князья 73
- Дьяконов М. А. 287, 288

- Евдокия Дмитриевна**, жена кн. Дмитрия Донского 125, 157
- Евдокия Константиновна**, жена кн. Михаила Александровича 74
- Евпраксия Федоровна**, вторая жена Симеона Гордого 116
- Евфимий Вислень**, епископ Тверской 149, 150, 153
- Евфросин**, архиепископ Суздальский 150
- Едигей (Эдиге)**, золотоордынский темник, предводитель Ногайской Орды 78, 136, 143–145, 171, 190
- Ентяк**, царевич-чингизид 140
- Еремей (Иеремия)**, кн. Дорогобужский 73, 75, 128, 129
- Ефименко А. Я.** 108
- Жеребцовы**, потомки Федора Бяконта 119
- Забелин И. Е.** 25, 38, 43, 88
- Захарий**, вечевой дьяк, новгородский посол 224
- Захарьины**, боярский род 305
- Захарьины-Кошкины**, бояре 234
- Звенигородский Иван Александрович**, кн. 236
- Зворыкин Чубар**, дьяк 223
- Зелени-Салтан**, см. Джелал-ад-Дин
- Зиновий**, игумен Троице-Сергиева монастыря 171
- Зиновьев Иван (Иоанн)**, боярин 229
- Ибрагим**, хан Казанский 207, 208, 209, 232
- Иван III Васильевич**, великий князь Московский 6, 50, 51, 79, 86, 145, 155, 160, 162, 163, 171, 173, 175, 177, 178, 184, 191–193, 197–209, 211–215, 217–232, 236, 238–248, 262, 277, 281, 283, 285, 286, 289–294, 297, 299, 300, 303–308, 312–314, 316, 318, 321–327, 329–332, 334–337, 339
- Иван II Иванович Красный**, кн. Звенигородский, кн. Московский, вел. кн. Владимирский, кн. Новгородский 64, 74, 84, 113, 116, 124
- Иван IV Васильевич Грозный**, царь 175, 176, 181, 201, 245, 281, 304–306, 327, 331
- Иван I Данилович Калита**, кн. Московский, вел. кн. Владимирский, кн. Новгородский 48, 51, 70–72, 92, 97–104, 106, 107, 109, 112–114, 116, 119, 126–128, 145, 146, 155, 160, 163, 166, 167, 183, 188–190, 198, 200, 249, 259, 270, 288, 301, 302, 308, 309
- Иван Андреевич**, кн. Можайский, кн. Стародубский 127
- Иван Андреевич**, кн. Ростовский 50
- Иван Борисович**, кн. Кснятинский 76–78
- Иван Борисович**, кн. Рузский 205
- Иван Васильевич**, вел. кн. Рязанский 173
- Иван Васильевич**, кн. Белёвский 247
- Иван Васильевич Оболенский** Стрига, кн. 229, 237, 238
- Иван Владимирович**, кн. Пронский, кн. Рязанский 84, 85
- Иван Владимирович**, кн. Серпуховский 159
- Иван Всеволодович**, кн. Холмский, сын кн. Всеволода Александровича 135
- Иван Глебович**, вел. кн. Смоленский 117
- Иван Дмитриевич Большой**, кн. Переяславский, внук Александра Невского 48, 58, 90
- Иван Дмитриевич**, сын Дмитрий Донского 157
- Иван Иванович Бабич**, кн. Друцко-Озерецкий 116
- Иван Иванович Коротопол**, вел. кн. Рязанский 83, 116
- Иван Иванович Малый**, кн. Звенигородский 106

- Иван Иванович Молодой, вел. кн. Тверской 197, 203, 295
- Иван (Иоанн) Всеволодович, кн. Стародубский, сын Всеволода Большое Гнездо 44
- Иванко Степанкович, ростовский боярин 40
- Иван Михайлович, вел. кн. Тверской 77, 78, 145
- Иванов П. И. 108
- Иван Федорович, вел. кн. Рязанский 86, 176
- Иван Федорович, кн. Стародубский 47, 52, 53, 128
- Иван Юрьевич, кн. Зубцовский 78
- Иван Ярославич, кн. Пронский, вел. кн. Рязанский 83, 97
- Иван Ярославич, князь Юрьевский 52, 116
- Ивашка Максимов, муромский вотчинник 262
- Игнатий, епископ Ростовский 49
- Игнатьевы, потомки Федора Бяконта 119
- Игорь Ольгович, кн. Новгород-Северский, вел. кн. Киевский 43
- Изяслав Владимирович, кн. Полоцкий 16
- Изяслав Мстиславич, кн. Курский, Полоцкий, Волынский, вел. кн. Киевский 17, 35
- Изяслав Ярославич, кн. Туровский, Новгородский, вел. кн. Киевский 28
- Иловайский Д. И. 83, 90
- Ингварь Игоревич, кн. Рязанский 80
- Ингварь Ингваревич, кн. Рязанский 82
- Иоанн Агафонович, дьяк 201
- Иоанн, епископ Ростовский 43
- Иона, архиепископ Новгородский 174, 213–216, 237, 312
- Иона, митрополит Киевский и всея Руси 146, 153–155, 176, 177, 208, 312, 313, 330
- Иосиф Волоцкий, игумен 262, 318, 332, 333, 335, 336
- Исидор, митрополит Киевский и всея Руси 153, 154, 216, 217, 312, 341
- Кавгадый, приближенный Узбек-хана 69, 96, 97
- Казимир Ягеллончик, вел. кн. Литовский и король Польши 79, 131, 153, 154, 163, 194, 210–212, 215–217, 221, 229, 230–232, 242–244, 246, 247
- Каллист, патриарх Константинопольский 123
- Карамзин Н. М. 31, 91, 101, 102
- Карач, ханский посол 137
- Карповичи, братья 242
- Касим, царевич, первый правитель Касимовского ханства 172, 173, 177, 207
- Кейстут, кн. Троковский, вел. кн. Литовский 124, 129, 134, 136
- Керим-Бердей, хан Золотой Орды 145
- Киндяк, посол Джанибека 83
- Киприан, митрополит Киевский и всея Руси 94, 132, 135, 137, 141–142, 147–152, 310–312, 335
- Кирдяпа, см. Василий Дмитриевич Кирдяпа
- Кирей Кривой, посол 229
- Кирилл III, митрополит Киевский и всея Руси 54, 57
- Кирилл Белозерский, игумен 140, 339
- Кичи-Махмет (Кичи-Мухаммед), хан Золотой Орды 171
- Климент (Клим) Смолятич, митрополит Киевский и всея Руси 332
- Ключевский В. О. 6, 12, 15, 18, 24, 25, 27, 36, 38, 43, 44, 90, 181–183, 250–253, 257, 263, 266, 275, 281–283, 293–300, 302
- Ковровы, князья 52
- Колычевы, бояре 295
- Кондаков Н. П. 33
- Кондырев Дмитрий, боярин 242
- Константин Борисович, кн. Ростовский 50

- Константин Васильевич, кн. Ростовский 127, 163
- Константин Васильевич, кн. Суздальский, Нижегородский 63, 64, 118, 124
- Константин Всеволодович, кн. Новгородский, Ростовский, вел. кн. Владимирский 32, 80, 87
- Константин Дмитриевич, кн. Угличский 157, 161, 164
- Константин Михайлович, кн. Дорогобужский, вел. кн. Тверской 69–72, 97, 280
- Константиновичи, потомки Константина Всеволодовича 45, 49–53, 65
- Константин Романович, кн. Пронский, кн. Рязанский 82, 90
- Константин Ярославич, кн. Галичский 55
- Кончака, в крещении Агафья, жена Юрия Даниловича 69, 96
- Кориат (Михаил), сын Гедимины 117
- Короб (Коробов) Василий Андреевич, посол 225
- Короб (Коробов) Яков Федоровч, новгородский посадник 233
- Корш Ф. Е. 248
- Костомаров Н. И. 15
- Кошка Федор Андреевич, боярин 138
- Кошкин-Захарын Я. З., боярин, воевода 234, 327
- Кошкины, боярский род 295, 305
- Кузьмин Иван, посол 233
- Кула (Кульпа), хан Золотой Орды 126
- Курбский Андрей Михайлович, кн. 305, 331
- Куремса (Куремша), хан Золотой Орды 54, 55
- Кутузов Василий Федорович, боярин 154
- Кучковичи, родственники суздальского боярина С. И. Кучки 30, 88
- Ланге Н. И. 281
- Леон (Леонтий), епископ Ростовский 30
- Лугвений-Семен Ольгердович, кн. Мстиславский, Новгородский 85, 144, 162
- Любавский М. К. 63
- Любарт (Дмитрий) Гедиминович, правитель Галицко-Волынского княжества 118
- Мазовша (Азов-Шах), царевич Большой Орды 177
- Макарий, митрополит Московский и всея Руси 134
- Макарий, патриарх Константинопольский 147, 155
- Максим Грек, церковный писатель, публицист 305
- Максимилиан I, император Священной Римской империи 180
- Максим, митрополит Киевский и всея Руси 48, 91, 92, 93, 94, 188
- Мамай, беклярбек Золотой Орды 76, 84, 126, 127, 129, 133–136, 138, 171
- Мамутяк (Махмуд), хан Казанский 172, 173, 207
- Мансуров Федец, дьяк 223
- Мансырь Улан, золотоордынский царевич 169
- Мануил, византийский император 150
- Мария Александровна, жена вел. кн. Симеона Гордого 113
- Мария (Анастасия) Васильевна, жена кн. Федора Ростиславича Черного 50
- Мария Андреевна, жена Василия Михайловича Удалого, кн. Верейского 175, 198
- Мария Борисовна, жена вел. кн. Ивана III 197
- Мария Гедиминовна, жена кн. Дмитрия Грозные Очи 70
- Мария Федоровна Кошкина-Голтыева, кн. Серпуховская 159
- Мария Ярославна, жена вел. кн. Василия II Темного 192

- Мартиниан (Мартиньян) Белозерский, игумен 288
- Матвей Корвин, венгерский король 232
- Матвей Шибутович, ростовский боярин 40
- Мегмет (Магмет)-Аминь (Мухаммед-Амин), хан Казанский 209
- Мелиоранский П. В. 248
- Менгли I Гирей, хан Крымский 209, 230
- Микулинские, князья 79
- Милуков П. Н. 182, 187
- Митрофан II, патриарх Константинопольский 153
- Михаил Александрович, кн. Микулинский, вел. кн. Тверской 57, 74–77, 84, 90, 91, 94, 126, 128, 129, 131, 137, 150, 163, 187, 188, 215, 308
- Михаил Андреевич, кн. Вере́йский, Белозерский 172, 175, 198–200, 315
- Михаил Андреевич, кн. Суздальский 62
- Михаил Борисович, вел. кн. Тверской 176, 178, 206, 242–244
- Михаил Всеволодович Черниговский, кн. Переяславский, Новгородский, Черниговский, Галицкий, вел. кн. Киевский 22
- Михаил Глебович, кн. Белозерский 49, 51
- Михаил Дмитриевич, кн. Холмский 244
- Михаил (Митяй), архимандрит московского Спасского монастыря 146, 147, 309
- Михаил Олелькович, кн. Копыльский, Слуцкий, Новгородский 216, 247
- Михаил, сын кн. Михаила Черниговского 22
- Михаил Ярославич, кн. Пронский 82, 83
- Михаил Ярославич, кн. Тверской, вел. кн. Владимирский 62, 68, 72, 79, 92, 94, 95, 100, 185, 308
- Михаил Ярославич Хоробрит, вел. кн. Владимирский, кн. Московский 54, 89
- Михалко (Михаил) Юрьевич, вел. кн. Владимиро-Суздальский 17, 29, 30, 39, 40
- Моисей, архиепископ Новгородский 118, 121, 122, 234
- Момат Хожа (Ходжа), посол Золотой Орды 125
- Мономашичи (Мономаховичи), потомки кн. Владимира Мономаха 17, 19, 21, 34, 35, 165
- Морозов Семен Федорович, боярин 169
- Мстислав Андреевич, кн., сын Андрея Боголюбского 38
- Мстислав Владимирович Великий, кн. Новгородский, Ростовский, Белгородский, вел. кн. Киевский 18, 19, 21, 35, 271
- Мстислав Изяславич, кн. Переяславский, Луцкий, Волынский, вел. кн. Киевский 36
- Мстислав Ростиславич Безокий, кн. Новгородский, Ростовский 38, 39, 40
- Мстиславский Федор Михайлович, кн. 287
- Мстислав Юрьевич, кн. Пересопницкий, Новгородский 30
- Мустафа султан, золотоордынский царевич 172
- Наврус (Науруз), хан Золотой Орды 126**
- Назар, подвойский 224, 225
- Неволин К. А. 259, 260, 262, 266, 272, 273
- Неврью, золотоордынский военачальник 55
- Некомат Сурожанин, купец 129, 288
- Никитин Григорий, боярин 242
- Никифор Григора, византийский богослов, историк, астроном 122
- Нил, патриарх Константинопольский 147, 148, 332

- Нил Сорский, деятель Русской церкви 331
Нифонт, игумен 315
- Оболенские, князья** 229
Оболенский (Лыко) Иван Владимирович, кн. 290, 299, 303, 324
Оболенский Стрига, см. Иван Васильевич Стрига
Оболенский Ярослав Васильевич, кн. 229, 233, 237–239
Образец Добрынский, см. Добрынский-Симский В. Ф.
Овинов (Овин) З. Г., см. Авинов З. Г.
Одоевские, князья 81
Оксинья (Ксения), мать кн. Михаила Ярославича Тверского 91
Олег Вещий, кн. 26
Олег Иванович, вел. кн. Рязанский 76, 83–85, 125, 130, 135–138, 141–142, 271
Олег Игоревич, князь Курский 22
Олег Ингваревич, кн. Рязанский 82
Олег Святославич (Гориславич), кн. Волынский, Тмутараканский, Черниговский, Новгород-Северский 28, 140
Ольгерд, великий князь Литовский 64, 73, 74, 76, 84, 101, 115, 117, 118, 121, 122, 124, 125, 128–132, 134, 137, 141, 144, 147
Ольговичи, одна из ветвей потомков Ярослава Мудрого 16, 21, 22
Ольшанские (Гольшанские), княжеский род Великого княжества Литовского 216
Ольшанский (Гольшанский) Иван Юрьевич, кн. 247
Осип Андреевич, князь Дорогобужский 244
Ослябя (Родион Ослябя), инок Троице-Сергиева монастыря 135
Остей, кн. из рода Гедиминовичей 137
Острожский Константин Иванович, кн. 286
- Павлов А. С. 130, 316, 317, 330, 334, 336
Павлов-Сильванский Н. П. 108, 258–263, 267, 268, 275
Паисий Ярославов, игумен 316, 331, 332, 333
Палецкие, князья 52
Палецкий-Хруль Иван Иванович, кн. 304
Панков В. 266
Папэ (Паппэ) Фредерик 229
Патрикеев Василий Иванович (Косой), см. Вассиан
Патрикеев Иван Васильевич Булгак, кн. 233
Патрикеев Иван Юрьевич, кн. 227, 305
Патрикеевы, князья 304
Пафнутий Боровский, монах, церковный деятель 154
Пересвет (Александр Пересвет), инок Троице-Сергиева монастыря 135
Пестрые, князья 52
Петр Дмитриевич, кн. Дмитровский, Угличский 140, 157, 165, 168
Петр, митрополит Киевский и всея Руси 69, 93–95, 97–98, 146, 155, 188, 308–311, 313
Пимен, ключник архиепископа новгородского 216, 218
Пимен, митрополит Киевский и всея Руси 148, 149
Платонов С. Ф. 5, 87, 88, 91, 293, 299, 306
Плещеевы, потомки Федора Бяконта 119
Пожарские, князья 52
Поппель Николай, купец, путешественник 179, 180
Пресняков А. Е. 5–13, 17, 19, 20, 35, 42, 48, 49, 51, 72, 83–85, 94, 199, 294, 330
- Рогволод Полоцкий, кн. Полоцкий** 16
Рогнеда Рогволодовна, жена киевского кн. Владимира 16

- Родослав Ольгович, кн. Рязанский 85
Рождественский С. В. 306
Роман, митрополит Литовский 121, 122
Роман Михайлович, кн. Белозерский 52
Романов Б. А. 7, 8, 9, 10, 11, 35, 310, 330
Роман Олегович (Ольгович), вел. кн. Рязанский 82
Роман Федорович (Литовский), кн. Кобринский 142
Ромодановские, князья 52
Ростиславичи Галицкие, потомки кн. Ростислава Владимировича 16
Ростиславичи Смоленские, потомки кн. Ростислава Мстиславовича 23, 30, 37, 87
Ростислав Мстиславич, кн. Смоленский, вел. кн. Киевский 17, 23
Ростислав Юрьевич, кн. Новгородский, Переяславский 30
Рюриковичи, династия 216, 246, 285
Рюрик, родоначальник династии Рюриковичей 41, 60, 211, 223
Ряполовские, князья 52, 174
Ряполовский Иван Иванович, кн. Стародубский 304
Сабуровы, бояре 295
Сарыхожа, зотоордынский посол 126
Свидригайло Ольгердович, вел. кн. Литовский 79, 144, 153, 168
Святослав Всеволодович, вел. кн. Владимирский, кн. Новгородский, Переяславский, Суздальский 49, 52, 67, 89
Святослав Глебович, кн. Можайский, Брянский 91
Святослав Иванович, вел. кн. Смоленский 117
Святослав Игоревич, кн. Новгородский, вел. кн. Киевский 42
Святослав Мстиславич, кн. Новгородский, Полоцкий, Смоленский 115
Святослав Ольгович, кн. Новгородский, Курский, Белгородский, Новгород-Северский, Черниговский 22
Святослав Ярославич, кн. Тверской, сын Ярослава Ярославича 55–57, 62
Святослав Ярославич, кн. Черниговский, вел. кн. Киевский 28, 38
Седи-Ахмет, см. Сайид-Ахмад
Семен, сын кн. Константина Дмитриевича 162
Семен (Симеон) Владимирович, кн. Боровский, Серпуховской 163
Семен (Симеон) Дмитриевич, кн. Суздальский 65, 139
Семен Иванович, кн. Стародубский 246
Семен (Симеон) Константинович, кн. Дорогобужский 73, 75
Семен Олелькович, кн. Киевский 242
Серапион, архиепископ Новгородский 318, 335
Сергий, архиепископ Новгородский 234
Сергий Радонежский, деятель Русской церкви, игумен Троицкий 72, 85, 125, 135, 138, 146, 147, 155, 174, 309
Сигизмунд Кейстутович, вел. кн. Литовский 79, 213
Сильвестр, протопоп 331
Симеон, архиепископ Новгородский 327
Симеон Бекбулатович, хан Касимовский 245
Симеон (Семен) Иванович Гордый, кн. Московский, вел. кн. Владимирский, кн. Новгородский 64, 73, 100–101, 107, 109, 111–112, 117–119, 126, 155, 157, 190, 252, 301–302
Симеон Ольгердович 142
Симон, епископ Ростовский 95
Симон, митрополит Московский и всея Руси 330
Скудин Андрей 328

- Соколов П. П. 123
Соловьев С. М. 12, 24, 27, 32, 43, 49, 156, 161, 252, 266, 275, 304
Софья Витовтовна, жена вел. кн. Василия Темного 141, 151, 167, 174, 193
Софья Дмитриевна, жена кн. Федора Ольговича, дочь кн. Дмитрия Донского 85, 138
Софья (Зоя) Фоминична Палеолог, жена вел. кн. Ивана III 198, 262
Софья Юрьевна, жена вел. кн. Тверского Константина Михайловича 70
Сперанский М. М. 104
Спицын А. А. 26
Срезневский И. И. 248
Стефан III, молдавский господарь 232, 243
Стефан Бородатый, дьяк 174
Стромилов Федор, дьяк 304
Тагай (Таган), зотоордынский бек 126
Тамара, грузинская царица 38
Тамерлан (Тимур), завоеватель 140, 141, 143
Татищев В. Н. 231
Тегиня (Тегинз-бей), эмир Золотой Орды 169
Темир-Кутлуй (Тимур Кутлуг), хан Золотой Орды 143
Темир-Ходжа (Тимур-Ходжа), хан Золотой Орды 126
Товлубий (Туглу-бай), темник 126
Толстой И. И. 33
Торопецкие, князья 23
Тохтамыш, хан Золотой Орды 64, 65, 76–78, 85, 136–141, 143, 171, 173, 190
Тохта, хан Золотой Орды 95
Траханиот Юрий Дмитриевич (Малый), дипломат 179
Трифон, игумен Кирилло-Белозерского монастыря 174
Угедей (Угэдэй), великий хан 53
Узбек, хан Золотой орды 69, 95, 99, 310
Улу-Махмет (Улу-Мухаммед), хан Золотой Орды 171–173, 177
Ульяна, вторая жена кн. Ивана Калиты 101, 104, 107, 113, 156
Ульяна (Иулиана) Александровна, жена кн. Ольгерда 73, 118, 122, 128
Федор Александрович, кн. Ростовский 142
Федор Борисович, кн. Боровский 318
Федор Борисович, кн. Волоцкий 205, 262, 290
Федор Бяконт, боярин, отец митрополита Алексея 119
Федор Васильевич Басёнок, воевода 174
Федор Васильевич, кн. Ростовский 50, 86
Федор Васильевич Третной, кн. Рязанский 241
Федор Ольгович, вел. кн. Рязанский 85, 138
Федор Романович, вел. кн. Рязанский 82
Федор Романович, кн. Белозерский 52
Федор Ростиславич Чермный, кн. Ярославский, Можайский, вел. кн. Смоленский 50, 51, 54, 61, 90, 91, 115, 116
Федор Святославич, кн. Вяземский, Дорогобужский 116
Федор Юрьевич, кн. Ржевский и Фоминский 69
Федор Ярунович, воевода 53
Федосья, дочь Ивана Калиты 113
Феогност, митрополит Киевский и всея Руси 97–100, 118, 119, 121, 146, 190, 309
Феодор Добрый, епископ Тверской 122
Феодорит, митрополит Литовский 121
Феодор, архиепископ Ростовский 138
Феодосий (Бывальцев), митрополит Московский и всея Руси 314

- Феодосий, епископ Полоцкий 151
 Феодосий Печерский, игумен 301, 313
 Феофил, архиепископ Новгородский и Псковский 215–219, 221, 231, 234
 Феофил, митрополит Литовский 121
 Филипп I, митрополит Московский и всея Руси 155, 216–218, 237, 313, 314, 336
 Филиппов А. Н. 255
 Филофей, патриарх Константинопольский 131
 Фиораванти (Фиоравенти) Аристотель, итал. архитектор 315
 Фомины, потомки Федора Бяконта 119
 Фотий, митрополит Киевский и всея Руси 145, 151–154, 167, 168, 311, 312
 Фридрих III, император Священной Римской империи 179
 Хыдырь (Хизр), хан Золотой орды 124, 126
 Цамблак, см. Григорий Цамблак
 Чанибек, см. Джанибек
 Ченслор (Ченслер) Ричард, англ. путешественник 320
 Чичерин Б. Н. 101, 257
 Шамбинаго С. К. 134
 Шахматов А. А. 26, 28, 93, 134, 135
 Шевкал (Щелкан), посол Узбек-хана 70
 Шемяка, см. Дмитрий Юрьевич Шемяка
 Шуйские, князья 140
 Шуйский Андрей Михайлович, кн. 287
 Шуйский Василий Васильевич, вел. кн. Нижегородско-Суздальский 218, 227, 238, 286, 306
 Шуйский Василий Иванович, см. Василий IV
 Шуйский Василий Федорович, кн. 229
 Шуйский Иван Михайлович, кн. 287
 Шуйский Федор Юрьевич, кн. 237
 Щевья-Стравин, сын боярский 304
 Экземплярский А. В. 30, 42, 44, 50, 52, 83, 101, 102, 124
 Юрий Александрович, вел. кн. Тверской 78
 Юрий Васильевич Кирдяпин, кн. Нижегородский и Суздальский, родоначальник кн. Шуйских 140
 Юрий Васильевич, кн. Белозерский 52
 Юрий Васильевич, кн. Угличский 50, 163
 Юрий Васильевич Меньшой (Молодой), кн. Дмитровский, сын Василия II Темного 193
 Юрий Владимирович Долгорукий, кн. Ростово-Суздальский, вел. кн. Киевский 27, 35, 37, 66, 88, 187, 249, 258, 302
 Юрий Всеволодович, кн. Холмский, сын кн. Всеволода Александровича 77
 Юрий (Георгий) Всеволодович, вел. кн. Владимирский, кн. Городецкий, Суздальский, сын Всеволода Большое Гнездо 37, 60, 80
 Юрий Данилович, кн. Московский, вел. кн. Владимирский 48, 82, 91, 93, 96, 188
 Юрий Дмитриевич, кн. Звенигородский и Галицкий, вел. кн. Московский 152, 157, 161–163, 166, 167, 201
 Юрий Игоревич, кн. Рязанский 82
 Юрий Святославич, вел. кн. Смоленский 142
 Юрия Львович, кн. Галичский 94, 121, 158
 Юрьевичи, сыновья Юрия Васильевича, кн. Белозерского 52
 Юрьевичи, сыновья Юрия Васильевича, кн. Шуйского 140
 Юрьевичи, сыновья кн. Юрия Дмитриевича 170

Юрьевичи, сыновья кн. Юрия Долгорукого 39, 40, 87

Юрьевичи, сыновья Юрия Святославича, кн. Смоленского 144

Ягайло, вел. кн. Литовский, польский король 23, 84, 85, 132, 134–136, 141, 142, 144, 151

Яков Юрьевич Новосилец, окольный 113

Якуб, царевич 172, 173

Ярополк Ростиславич, вел. кн. Владимирский 39, 40

Ярослав Владимирович, кн. Малоярославский 159

Ярослав Владимирович (Ярослав Мудрый), вел. кн. Киевский 17, 206

Ярослав Всеволодович, кн. Переяславский, вел. кн. Киевский, вел. кн. Владимирский, кн. Новгородский 37, 44, 45, 47, 49, 52–56, 89, 115, 185

Ярослав (Дмитрий) Александрович, кн. Пронский, вел. кн. Рязанский 83

Ярослав Мстиславич Красный, кн. Переяславский, Новгородский, Волоколамский 40

Ярослав Романович, кн. Пронский, вел. кн. Рязанский 82

Ярослав Святославич, кн. Муромский и Черниговский 21, 80

Ярослав Ярославич, кн. Тверской, вел. кн. Владимирский 67

Ярослав Ярославич, кн. Смоленский 116

Ярославичи, потомки кн. Ярослава Мудрого 16, 38, 164

Ярославичи, сыновья кн. Ярослава Всеволодовича 53, 54, 67, 90

Ярославичи, сыновья кн. Ярослава Романовича Пронского 82

Яцимирский А. И. 152

Составитель Л. Б. Вольфцун

Научное издание

Александр Евгеньевич Пресняков

**ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.
СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ
И МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО**

Подготовил к изданию

Б. А. Романов (1940)

*Подготовил к публикации А. В. Карпов
по корректуре Б. А. Романова*

Корректор М. А. Иванова

Оригинал-макет О. В. Пугачёва

Дизайн обложки О. Д. Курта

Подписано в печать 26.08.2020

Формат 60×90/16. Бумага офсетная

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 22,25

Тираж 300 экз. Заказ № 2112

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии

издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86